
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**LINGUISTICS & POLYGLOT
STUDIES**
VOLUME 11, No.1 (2025)

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО**
ТОМ 11, №1 (2025)

Издательство
«МГИМО-Университет»
2025

LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES / ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

The journal *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* is an international peer-reviewed journal publishing research in linguistics, polyglottery and related fields.

The aims of the journal are:

- promoting international scholarly communication and discussion of ideas and findings in the field of linguistics, cross-cultural communication, translation studies, literature studies, methodology of foreign language teaching and related disciplines;
- developing an international platform for publication of research papers and conference proceedings in the field of polyglottery;
- publishing results of original interdisciplinary research.

The *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* focuses primarily on the following themes: linguistics, cross-cultural communication, sociolinguistics, cognitive linguistics, translation studies, pragmatics, discourse analysis, literature and culture studies, polyglottery and innovative methods of foreign language learning/teaching. It also publishes book and thesis reviews, literature overviews and conference reports.

Indexed / abstracted in RSCI, RSL, CrossRef, EBSCO Academic Research, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Library of Congress, WorldCat, Lens.org., Mendeley.

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Japanese, Arabic and Hindi.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Address: 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

MGIMO University

Tel.: +7 495 225-3857

Email: philnauki@inno.mgimo.ru

Web site: philnauki.mgimo.ru

Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО, Volume 11, No. 1. (Editor-in-chief V. Iovenko). – Moscow: MGIMO-University, 2025. – 173 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО / LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

Журнал *Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies* является международным журналом с двойным слепым рецензированием, публикующим научные статьи в области лингвистики, полиглотики и связанных с ними дисциплин.

Основные цели журнала:

- освещение результатов исследований и обмен опытом, идеями и научными открытиями в области лингвистики, литературоведения и межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, методики обучения иностранным языкам и смежных с ними дисциплин;
- создание международной платформы для публикации научных исследований и материалов конференций в области изучения теории полиглотики и практики ее применения;
- публикация результатов оригинальных исследований междисциплинарного характера.

Основные рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация, социолингвистика и когнитивная лингвистика, переводоведение, прагматика и дискурсивный анализ, литературоведение и лингвокультурология, полиглотия, инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков, рецензии и научные обзоры.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ:

группы специальностей:

- 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология;
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования;
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования;
- 5.9.2. Литературы народов мира;
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), elibrary, РГБ, CrossRef, EBSCO Academic Search; Ulrich's Periodicals Directory (Cambridge Information Group); Google Scholar, Library of Congress, World Cat, Lens.org, Соционет, Mendeley.

Периодичность: четыре номера в год.

Языки: русский, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, китайский, японский, арабский и хинди.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

Публикация статей в журнале осуществляется бесплатно.

Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76, МГИМО МИД России

Тел.: +7 (495) 225-38-57

E-mail: philnauki@inno.mgimo.ru

Интернет-сайт: philnauki.mgimo.ru

Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies: Журнал. Том 11. №1. / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2025. – 173 с.

Научное издание

Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies. Том 11. №1.

Выпускающий редактор: Е.А. Крашенинникова

Корректурa: Т.А. Ивушкина, Г.А. Казаков

Компьютерная верстка и дизайн: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 25.03.2025 г. Формат 60x84¹/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 21,63. Тираж 500 экз. Заказ № 581.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России:

119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Valery A. Iovenko, Doctor of Philology, Professor, Professor at the Spanish Language Department, MGIMO University, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergei V. Evteev, Candidate of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO-University, Russia

ACADEMIC EDITOR

Tatiana A. Ivushkina, Doctor of Philology, Professor, Chair of English Department №3, MGIMO University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Grigory A. Kazakov, Candidate of Philology, PhD, Associate Professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

ISSUING EDITOR

Elena A. Krashennikova, Expert of the Directorate of Language Training, MGIMO University, Russia

Alexey N. Aleksakhin, Doctor of Philology, Professor at Department of Chinese, Vietnamese, Lao and Thai, MGIMO University, Russia

Pavel V. Balditsin, Doctor of Philology, Head of the Department of Medialinguistics, Moscow State University, Russia

Olga S. Chesnokova, Doctor of Philology, professor at Foreign Languages Department, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia, Russia

Elena L. Gladkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Indo-Iranian and African languages, MGIMO University, Russia

Ekaterina E. Golubkova, Doctor of Philology, Professor at the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University, Russia

Tatiana M. Gurevich, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Philology, Professor at the Department of Japanese, Korean and Indonesian Languages, MGIMO University, Russia

Nikolai V. Ivanov, Doctor of Philology, Professor, Head of Romance Languages, MGIMO University, Russia

Kitabayashi Hikaru, PhD, Professor Emeritus of Daito Bunka University, Japan

Marina P. Kizima, Doctor of Philology, Professor at Department of World Literature and Culture, MGIMO University, Russia

Lidiya P. Kostikova, Doctor of Pedagogy, Ryazan State University, Russia

Natalia V. Loseva, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor at Department of French, MGIMO University, Russia

Natalia N. Nizhneva, Doctor of Pedagogy, Belarusian State University, Belarus

Evgenia V. Ponomarenko, Doctor of Philology, Professor, Professor at English Department №5, MGIMO University, Russia

Elena M. Pozdnyakova, Doctor of Philology, Professor, Professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

Maria M. Repenkova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of Asia and Africa, Moscow State University, Russia

Nabati Shahram, Doctor of Philology, Head of the Russian Language Department at Gilan University, Islamic Republic of Iran

Andrei V. Shtanov, Candidate of Philology, Head of Near and Middle East Languages Department, MGIMO University, Russia

Elvira L. Shubina, Doctor of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO University, Russia

Lyudmila Smirnova, PhD, Professor of Education, Mount Saint Mary College in Newburgh, USA

Svetlana G. Ter-Minasova, Doctor of Philology, President of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University, Russia

Elena Y. Varlamova, Doctor of Pedagogy, Moscow Aviation Institute, Russia

Elena V. Voevoda, Doctor of Pedagogy, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Elena B. Yastrebova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, professor at English Department №1, MGIMO University, Russia

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Иовенко Валерий Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Евтеев Сергей Валентинович – к.филол. н., доцент, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ивушкина Татьяна Александровна – д.филол. н., проф., заведующий кафедрой английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Казаков Григорий Александрович – к.филол.н., PhD, доцент кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Крашенинникова Елена Андреевна – эксперт Управления языковой подготовки МГИМО МИД России

Алексахин Алексей Николаевич – д.филол.н., профессор, проф. кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Балдицын Павел Вячеславович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Варламова Елена Юрьевна – д.пед.н., доцент, проф. кафедры И-12 «Лингвистика и переводоведение» МАИ, (Россия, Москва)

Воевода Елена Владимировна – д.пед. н., профессор, профессор кафедры педагогической культуры и управления в образовании, профессор кафедры английского языка №2 МГИМО МИД России, (Россия, Москва)

Гладкова Елена Львовна – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Гуревич Татьяна Михайловна – д.культурологии, к.филол.н., доцент, проф. кафедры японского, корейского и индонезийского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Иванов Николай Викторович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Кизима Марина Прокофьевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры мировой литературы и культуры МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Китабаяси Хикару – PhD, заслуженный профессор Университета Дайто-Бунка, (Япония, Токио)

Костикова Лидия Петровна – д.пед.н., профессор кафедры иностранных языков института истории, философии и политических наук РГУ им. С.А. Есенина, (Россия, Рязань)

Лосева Наталья Владимировна – к.филол.наук, доцент, проф. кафедры французского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Набати Шахрам – д.филол.н., заведующий кафедрой русского языка Гилянского университета (ИРИ, Решт)

Нижнева Наталья Николаевна – академик Международной академии наук педагогического образования, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук, д.пед.н., профессор кафедры английского языкознания БГУ (Белоруссия, Минск)

Позднякова Елена Михайловна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры английского языка № 3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Пономаренко Евгения Витальевна – д. филол. н., профессор, профессор кафедры английского языка №5 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Репенкова Мария Михайловна – д.филол.н., доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Смирнова Людмила – PhD, профессор педагогики, колледж Маунт-Сент-Мэри (США, Нью-Йорк)

Тер-Минасова Светлана Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова

Чеснокова Ольга Станиславовна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия, Москва)

Штанов Андрей Владимирович – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Шубина Эльвира Леонидовна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Ястребова Елена Борисовна – к.пед.н., доцент, проф. кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

- Modal Categories of the Portuguese Grammar in the Mirror of Logical Analysis–II. 8
Nikolai V. Ivanov
- The Place of Independent Infinitive Structures in the System of English Sentences 28
Zara V. Kostanian
- Contextually Determined Church Lexicon as Part of the Lexical Category “Church Lexicon” 43
Nikita S. Makarov
- Functional-Semantic Hybridity of Texts in French 61
Yulia V. Stepanyuk
- Euphemistic Disability Nomination in German Newspaper Texts. 76
Roza S. Shelekhova

TRANSLATION STUDIES

- Stylistic Code Inconsistencies in Machine Translation of Information Press Releases 89
Yulia A. Filyasova

LITERATURE AND CULTURE STUDIES

- Scientific Discovery Drama and the Genre of a Science Play in the Context of Science Popularization. 102
(Based on C. Djerassi, R. Hoffmann’s Play *Oxygen*, 2001 and C. Djerassi’s Play *Calculus*, 2004)
Tatiana B. Alenkina
- Semantic and Linguocultural Features of Football Vocabulary in Russian and Portuguese 118
Olga L. Grenaderova
- Comparative Study of Suprasegmental Units of the Russian and Persian Languages 131
in the Speech of Iranian Students Acquiring the Sixth Intonation Pattern
Roya Azadi, Alireza Valipour
- Semantization of Chinese Vocabulary in Russian-Language Media Texts of Belarus. 146
Shengmin Zhu
- Polydiscursive Speech Behavior of Athletes (Based On German Martial Arts Sports Discourse) 161
Viktoriiia S. Tabakova

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

- Модальные категории португальской грамматики в зеркале логического анализа – II 8
Иванов Н.В.
- Место независимых инфинитивных конструкций в системе английских предложений 28
Костянян З.В.
- Контекстуально обусловленная церковная лексика как часть лексической категории «церковная лексика» ... 43
Макаров Н.С.
- Функционально-смысловая гибридность текстов на французском языке 61
Степанюк Ю.В.
- Эвфемистическая номинация инвалидности в немецких газетных текстах 76
Шелехова Р.С.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

- Стилистическая демаркированность при машинном переводе информационных пресс-релизов. 89
Филясова Ю.А.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Драматургия научного открытия и жанр научной пьесы в контексте популяризации науки 102
(на примере пьес К. Джераси и Р. Хоффмана «Кислород» и К. Джераси «Математический анализ»)
Аленькина Т.Б.
- Семантические и лингвокультурологические особенности футбольной лексики 118
в русском и португальском языках
Гренадерова О.Л.
- Сопоставительное исследование супraseгментных единиц русского и персидского языков 131
в речи иранских студентов при освоении интонационной конструкции
Азади, Р., Валипур, А.
- Семантизация лексики китайского происхождения в русскоязычных текстах белорусских СМИ. 146
Чжу Шэнминь
- Полидискурсивное речевое поведение спортсменов 161
(на материале немецкого спортивного дискурса единоборств)
Табакова В.С.

Modal Categories of the Portuguese Grammar in the Mirror of Logical Analysis - II

N.V. Ivanov

MGIMO UNIVERSITY
76, prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. This publication is the second part of the paper dedicated to the aspects of the logical analysis of the grammatical modality forms in the Portuguese language. The first part deals with the general nature of the modality in speech and language, distinguishing two levels of modality in language – a nominal and a verbal one – and seeing how they are embedded in the morphology of the Portuguese language. This part distinguishes and analyses the modi of the predicative modality in Portuguese. Several Portuguese grammatical examples are given to prove the extent to which the Portuguese verbal morphology corresponds to the logical conditions of the contextual truth of a sentence in accordance with the classical formal logic and the modern modal logic. Two kinds of modal predicative taxis are distinguished: an independent and a dependent one. The independent modal taxis operates on the basis of the laws of the classical formal logic that regulate the coordination of truth functions of the correlative sentences in the context. The modes of coordination in the independent modal taxis express one of the three kinds of logical relation between sentences: contrariety, sub-contrariety, and contradiction. The dependent modal taxis is governed by the principles of the intensional (modal) logic that determine the subordination of the dependent clause in its truth modality to the main clause. The truth modal subordination of the dependent clause to the main clause is based on the deontic opposition between the real and the possible worlds. The paper gives a logical explanation why, in Portuguese, not only the virtual, but also the real events (objective facts) are designated by the forms of subjunctive (i.e. conditionally untrue forms) tenses. Respectively, the independent modal taxis is defined as coordinative, and the dependent modal taxis is defined as subordinative one. The paper may be of interest to specialists in general linguistics, logical analysis of language, theoretical grammar, Romance languages and the Portuguese language studies.

Keywords: predicative modality, verbal mood, independent modal taxis, dependent modal taxis, possible worlds semantics, the Portuguese language

For citation: Ivanov, N.V. (2025). Modal Categories of the Portuguese Grammar in the Mirror of Logical Analysis - II. *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(1), pp. 8–27. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-42-8-27>

Модальные категории португальской грамматики в зеркале логического анализа - II

Н.В. Иванов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Настоящая публикация представляет собой вторую часть статьи, посвящённой логическому анализу форм грамматической модальности в португальском языке. В первой части статьи рассматривались общие вопросы природы модальности в речи и в языке, выделялись номинативный и предикативный уровни языковой модальности, рассматривались способы их морфологического закрепления в португальском языке. В настоящей части статьи проводится анализ модусов предикативной модальности в португальском языке. В основе предикативной модальности лежит истинностная функция предложения. На примерах португальской грамматики показывается, насколько модальная морфология португальского глагола отвечает логическим условиям контекстной истинности предложения в соответствии с законами формальной логики и принципами модальной логики. По аналогии с темпоральным таксисом, в котором действуют законы согласования времён, выделяются и рассматриваются модусы независимого и зависимого модального таксиса, для которых характерна модально-истинностная взаимобусловленность предложений. В независимом модальном таксисе действуют законы классической формальной логики, которые регулируют способы логического истинностного согласования между соотносительными единицами таксиса. Модусы истинностного согласования в независимом модальном таксисе выражают тот или иной тип логического отношения между предложениями – единицами таксиса, а именно: отношение контрарности, субконтрарности или контрадикторности. В зависимом модальном таксисе в силу вступают законы интенциональной (модальной) логики, которые определяют порядок истинностного подчинения придаточного предложения главному. Истинностное подчинение придаточного предложения главному в зависимом модальном таксисе строится на базе деонтической оппозиции реального и возможного миров. Даётся логическое объяснение, почему в ряде случаев в португальском языке не только виртуальное, но и реальное событие (объективный факт) может маркироваться формой сослагательного (то есть условно неистинного) наклонения. Соответственно, независимый модальный таксис именуется координативным, зависимый модальный таксис именуется субординативным. Статья может быть интересна специалистам в области общего языкознания, логического анализа языка, теоретической грамматики, романского языкознания и португалистики.

Ключевые слова: предикативная модальность, наклонение, независимый модальный таксис, зависимый модальный таксис, семантика возможных миров, португальский язык

Для цитирования: Иванов Н.В. (2025). Модальные категории португальской грамматики в зеркале логического анализа – II. *Филологические науки в МГИМО*. 11(1), С. 8–27. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-41-8-27>

1. ВВЕДЕНИЕ

Понятие таксиса (от греч. τάξις – строй, порядок, расположение), введённое в научный обиход Р.О. Якобсоном, занимает одну из ключевых позиций в терминологическом аппарате современной функциональной грамматики. Таксис это, прежде всего, связочная («коннекторная» [21, с. 46-47]) категория. «Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [18, с. 101]. Как можно видеть, эта категория расширяет перспективу функционального согласования в грамматике, выводя её за рамки предложения в область более широких контекстных взаимосвязей. При этом содержательным основанием грамматического согласования, по мысли Р.О. Якобсона, должна быть предметная семантика предложения. Иными словами, межпропозициональное согласование в таксисе должно быть исключительно объективным, лишённым каких-либо субъективных смысловых примесей, мыслиться в отрыве от каких-либо внешних коммуникативных мотиваций.

При таком понимании категория таксиса продолжает и усиливает дихотомию диктума и модуса, предложенную Ш. Балли [2, с. 44–45] для терминологического разграничения объективной (предметно-семантической) и субъективной (экспрессивной смысловой) сторон высказывания, выводя её на новый уровень, в область межпропозициональных связей и отношений. В каком-то смысле категория таксиса Р.О. Якобсона противостоит теории актуального членения В. Матезиуса [14]. Если теория В. Матезиуса развивает дихотомию диктума и модуса в сторону модуса (субъективной стороны высказывания), то теория Якобсона развивает эту дихотомию в сторону диктума (объективной стороны высказывания). Риторика межпропозициональных связей и грамматика межпропозициональных связей должны до какого-то момента рассматриваться раздельно.

Категория таксиса достаточно продуктивно работает в современной грамматике, прежде всего при объяснении грамматических моделей согласования времён между предложениями в различных языках (см.: [3, с. 237], [12, с. 504–505], [17]). Однако темпоральный таксис – это лишь одна сторона грамматического межпропозиционального согласования, к которой, безусловно, должна быть подключена другая его сторона. Это – сторона истинностного согласования предложений, в котором истинность одного предложения соотносится с истинностью другого, соседнего, и которое выражается через морфологию глагольных наклонений. Эта сторона требует подключения к анализу отношений между единицами таксиса логических категорий. Грамматическая глагольная модальность имеет логические основания. Параллельно темпоральному таксису следует ввести и исследовать отношение *модального таксиса*, регулирующего истинностную функцию предложения относительно других предложений в контексте. О назревшей необходимости изучения логического, или модального, аспекта таксиса говорят исследователи (см. [1, с. 20], [13, с. 310]).

Не следует смешивать модальный таксис с понятием «модуса», о котором говорил Ш. Балли, понимавший под этим экспрессивную смысловую направленность высказывания. Модальный таксис игнорирует экспрессию. Исследуя модальный таксис, мы всё ещё остаёмся на почве диктума, имея в виду его истинностную интерпретацию средствами грамматики. Модальный таксис открывает нам картину истинностного подчинения, истинностной конкуренции или истинностного нейтралитета предложений в контексте.

По аналогии с темпоральным таксисом мы выделяем независимый и зависимый виды модального таксиса, исследуя их сопряжённость с законами формальной логики и с принципами интенциональной (модальной) логики.

Исследование проводилось на материале португальского языка, который в своей глагольной морфологии наиболее полно воплощает логическую природу модальности в языке.

2. ЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕЗАВИСИМОГО МОДАЛЬНОГО ТАКСИСА

Независимый модальный таксис характеризует логическое отношение внешних друг другу событий. Ни одно из них не является частью другого. Но в то же время между ними присутствует и выделяется говорящим истинностная логическая взаимообусловленность. Взаимное отношение событий с точки зрения их истинностного статуса может быть нейтральным, противоположным или взаимоисключающим.

2.1. Отношение контрарности

Для примера возьмём два факта: *Он был болен* и *Он пришёл на работу*. В португальском языке между этими фактами можно установить различные логические отношения с использованием модальных форм глагола.

Рассмотрим отношение уступки: (1) *Embora ele estivesse doente, chegou ao trabalho* (*Хотя он был болен, он пришёл на работу*). После союза *embora* (*хотя*) в португальском языке используется форма *Modo Conjuntivo*, то есть глагольный модус, который по нашей классификации характеризуется как условно неистинный (см.: [10, с. 17]). Уступка – это отрицательная, ложная причина, то есть причина, которая противоречит реальному положению дел. За уступкой стоит *контрарное* отношение двух суждений. Контрарное отношение характеризуется истинностной несовместимостью связываемых фактов. И в данном примере два факта противоречат друг другу, между ними возникает истинностный конфликт. Каждый из них отрицает истинность другого (поскольку предполагается, что «работающий не должен быть больным», а «больной человек не должен приходить на работу»). Португальский язык вытесняет один из фактов в область виртуальной реальности, игнорируя его статус как фактической реальности.

Отметим, что португальский язык, использующий при выражении ложной причины форму условно неистинного наклонения (*Modo Conjuntivo*), подчёркивает это отношение в полном соответствии с законами формальной логики, согласно которым при контрарном отношении два суждения не могут быть вместе истинными: одно из них должно быть истинным, другое – ложным [16, с. 185]. Собственно, это и показывает португальский язык в форме грамматической уступки, где в уступительной части периода используется условно неистинное наклонение (*Modo Conjuntivo*), а в утвердительной части периода – абсолютно истинное наклонение (*Modo Indicativo*). Противостоящие друг другу факты связываются как смежные звенья в рамках единой ситуационной цепи. С точки зрения русского языка, как и многих других языков, подобная логическая «щепетильность» португальского языка кажется избыточной: опоры на категорию сослагательности (*Modo Conjuntivo*) при выражении уступки в русском языке не требуется. Данное логическое отношение выражается в русском при помощи обычных средств, при помощи формы *Modo Indicativo*. Несомненно, что соответствующее истинностное отношение в русском языке мыслится, но не маркируется грамматически.

Возьмём другое логическое отношение – отношение гипотетического условия: (2) *Se ele estivesse doente, não teria chegado ao trabalho* (*Если бы он был болен, он бы не пришёл на работу*). В условной части условного гипотетического периода стоит форма *Modo Conjuntivo* (условно неистинного наклонения), в утвердительной части периода – форма *Modo Condicional* (условно истинного наклонения). Истинность фактического утверждения здесь зависит от истинностного статуса условия¹. Гипотетическое условие всегда является неистинным, соответственно, истина

¹ «Кондиционалис (*Modo Condicional*) обозначает действие, которое ограничено какими-то условиями, т.е. может считаться истинным только в силу допущения каких-то условий» [9, с. 396]. Некоторые португальские учёные не признают за кондиционалисом статус наклонения, считая его временной формой [19, с. 394–395].

утверждения в данной логической связке должна пониматься с обратным знаком: мы показываем истину как бы с обратной стороны. Такое условное утверждение ещё принято называть *контрфактическим*²: формально здесь даётся отрицание (*não teria chegado... = не пришёл бы...*), но на самом деле обозначается положительная истинная реальность, поскольку фактически человек на работу всё-таки пришёл. Контрфактическое обозначение, как никакое другое, подчёркивает действие логического закона исключённого третьего³.

Перенесём отрицание из правой части в левую: (22) *Se ele não estivesse doente, teria chegado ao trabalho* (Если бы он не был болен, он бы пришёл на работу). В данном случае в реальной действительности человек на работу не пришёл: через утвердительную форму показывается то, чего нет фактически. В гипотетическом условии всегда выражается либо потенциальная возможность, либо упущенная возможность в прошлом. В условном гипотетическом периоде, как и в уступке, мы также имеем отношение контрарности – с той лишь разницей, что оба утверждения, как таковые, в нём являются неистинными. По правилу формальной логики (по логическому квадрату) контрарные суждения не могут быть вместе истинными. В то же время они могут быть вместе ложными [16, с. 186]. Эту зависимость в полной мере отражают категориальная семантика и функциональные условия употребления условного и сослагательного наклонений в условном гипотетическом периоде в португальском языке. Каждое из предложений здесь контрфактически отрицает истинность другого предложения. В каждом из предложений представлена ложная картина мира, но мы понимаем это через контрфактическую семантику другого предложения.

Исходя из сказанного, мы можем обозначить уступку как *фактическую контрарность*, при которой оба противоречащих друг другу факта реальны, но при этом один из них фальсифицирует истину другого, в силу чего тот переводится в разряд ложного суждения (ложной единицы таксиса). Условный гипотетический период мы можем обозначить как *контрфактическую контрарность*, при которой обе единицы таксиса ложны, обозначая то, чего нет в действительности.

Следует заметить, что сближение истинного и неистинного или условно истинного и условно неистинного в единой синтаксической конструкции осуществляет человек. Грамматическая модальность со своей внешней стороны, безусловно, объективна, поскольку отражает связь событий в реальном мире. Однако, со своей внутренней стороны, как операция сознания, она есть не столько модель поведения объекта, сколько модель познавательного поведения субъекта, который выделяет эту взаимосвязь, делает её релевантной. Без этого выделения данные факты были бы просто цепочкой событий (*Он был болен. Он пришёл на работу*), между которыми можно помыслить любую логическую связь. Так, фактическая контрарность (уступка) может быть выражена описательно в форме речевой перифразы через противительные союзы без каких-либо изменений модальной глагольной морфологии: *Ele estava doente, todavia ele chegou ao trabalho* (Он был болен, **однако** он пришёл на работу). В этих синтаксических сочетаниях никаких форм *Modo Conjuntivo* не требуется, всё выражается через *Modo Indicativo*. Тем не менее, отношение контрарности здесь вполне очевидно, дано через риторическую фигуру на основе противительного союза, то есть союза, частично фальсифицирующего истинностный статус предыдущего суждения.

² Контрфактическое (иногда используется термин «контрфактивное») суждение обозначает обратное (противоположное) тому, что я вижу или представляю как фактическую данность. Обозначая обратное реальному, контрфактическое привязано к нему, зависит от него, являясь его семантической альтернативой [6, с. 10]. Контрфактическое обозначается через условное и/или через сослагательное наклонение. В португальском языке контрфактические обозначения особенно активно применяются в формах зависимого модального таксиса.

³ Закон исключённого третьего устанавливает границу между мыслимым и немыслимым в знаке. Этот закон выражает своеобразную дихотомию знака: обозначая то, что есть, мы имплицируем – пусть абстрактно и неопределённо – то, чего нет, и, напротив, обозначая то, чего нет, мы мыслим то, что есть, реально существует. *Tertium non datur*, как незримый логический «контролер», служит границей между эксплицитным и имплицитным, предполагая потенциальную более или менее эквивалентную замену одного другим, допуская перевод имплицитного в эксплицитный план и, наоборот, перевод эксплицитного в план импликации. Мир возможного и мир реального в мысли соотносятся как иное друг друга. Реальное «не может жить» без импликации, провоцирует ресурс виртуального, не обозначенного в знаке. С другой стороны, такое трансграничное отношение реального и виртуального предполагает, что можно обозначить реальное через виртуальное (т.е. от обратного). Контрфактическая семантика обозначает то, чего нет, но при этом в ней отрицательно мыслится то, что реально есть. Контрфактическое даёт нам понимание реального от обратного.

В каждом языке имеется большое число противительных союзов, способных выражать такого рода логическую фальсификацию одного суждения через другое (то есть ложную или частично ложную связь между единицами таксиса, где одно суждение частично отменяет истину другого): порт. *mas, entretanto, no entanto, contudo, ainda assim, porém etc.*; рус. *но, вместе с тем, между тем, тем не менее, при этом, несмотря на это и т.д.*

Характерное теоретическое замечание, касающееся потенциального параллелизма морфологических и более высоких структурных форм, делает В.А. Плуныян: «Существенно, что одно и то же значение может выражаться как морфологически, так и неморфологически, причём не только в разных языках, но и в пределах одного языка... Можно, видимо, сделать и более сильное утверждение: большинство морфологических значений имеет в том же самом языке и неморфологические корреляты» [15, с. 100–101]. В полной мере это касается форм выражения модальности, в частности, в португальском языке.

Истинностная регуляция таксиса в речевом опыте языка чрезвычайно разнообразна. В каждом языке существует множество способов описательного выражения истинностных отношений между фиксируемыми в предметном представлении сознания фактами, то есть отношений контрастности, субконтрастности, контрадикторности или подчинения, для которых не требуется привлечения каких-либо иных модальных глагольных категорий, помимо изъявительного (*Modo Indicativo*). Здесь мы не будем подробно касаться этого вопроса. Грамматика – это лишь предельная семантическая концентрация отношений таксиса, к которой прибегает человек, достигая таким путём максимальной ёмкости предметного понимания действительности. Всякая модальность эксплицирует себя через контекст, мотивирована извне [7, с. 141].

2.2. Отношение фактической (истинной) субконтрастности

Своего логического объяснения требуют также формы абсолютно истинной и абсолютно неистинной предикативных модальностей в португальском языке, то есть, соответственно, формы *Modo Indicativo* и *Modo Imperativo*. Здесь мы должны будем обратиться к логическим отношениям субконтрастности и контрадикторности. Первое характеризует минимально строгое логическое отношение между единицами таксиса, второе – максимально строгое логическое отношение между ними.

Отношение субконтрастности может быть названо слабой формой контрастности. Это отношение выражает (или имплицитно) частичную истинностную совместимость двух суждений. Частичная истинностная совместимость и частичная истинностная несовместимость – это две стороны одной медали. Одно здесь предполагает другое: если две вещи или два факта частично совместимы, то, значит, в другом своём аспекте они частично несовместимы. Субконтрастность обращает нас к позитивной стороне отношения единиц таксиса, в то время как контрастность – к негативной стороне этого отношения.

Впрочем, здесь выделяется одно важное отличие: при субконтрастном отношении, в отличие от контрастного, два соотносимых суждения могут быть вместе истинными, но они не могут быть вместе ложными [16, с. 192] (напомним, что при контрастном отношении два суждения могут быть вместе ложными, но не могут быть вместе истинными). Таким образом, контрастность и субконтрастность совпадают лишь в том, что и там, и там допускается истинность одного суждения и неистинность другого [там же, с. 185, 192]. Представим совпадающий и несовпадающий варианты истинностного отношения единиц таксиса друг к другу схематически:

Эксплицитные фигуры модального таксиса

		совпадающий вариант истинностного отношения двух суждений (одна единица таксиса истинностно эквивалентна другой единице)		несовпадающий вариант истинностного отношения двух суждений (одна единица таксиса истинностно неэквивалентна другой единице)				
1	контрарность	1-я фигура модального таксиса	контрфактическая контрарность (гипотетическое условие: отрицательная истинностная взаимообусловленность двух единиц таксиса)		3-я фигура модального таксиса	фактическая контрарность (уступка)		
			1 суждение	2 суждение			1 суждение	2 суждение
			ложное	ложное			истинное	ложное
2	субконтрарность	2-я фигура модального таксиса	фактическая субконтрарность (простое перечисление фактов)		4-я фигура модального таксиса	контрфактическая субконтрарность (понимание истинного через неистинное)		
			1 суждение	2 суждение			1 суждение	2 суждение
			истинное	истинное			ложное	истинное

На схеме мы видим, что отношение субконтрарности (в отличие от отношения контрарности, при котором два суждения могут быть взаимно ложными) допускает взаимную истинность двух суждений, то есть их истинностную совместимость. Таким образом, в левой части схемы обозначены 1) истинностно эквивалентный таксис, включающий совпадающую контрарность (отношение ложное – ложное) и совпадающую субконтрарность (отношение истинное – истинное); 2) в правой части обозначен истинностно неэквивалентный таксис (отношение истинное – ложное), который равно применим как для отношения контрарности, так и для отношения субконтрарности (порядок следования суждений значения не имеет).

Совпадающее отношение субконтрарности (истина – истина), при котором истина одного события не противоречит истине другого, выражается через модальную форму *Modo Indicativo* – логически наиболее независимую и нейтральную. Возьмём тот же пример: Он был болен. Он пришёл на работу. Факты подаются изолированно друг от друга, каждый – в своём суждении. Логическая связь между ними предельно ослаблена. Наиболее общим и наиболее слабым видом связи является конъюнкция (и..., и...). На этой основе возникает простое индуктивное перечисление фактов. Возможная контрарная сторона истинностного отношения двух единиц таксиса при этом остаётся вне поля зрения, каждое суждение полагается как в-себе истинное и не затрагивающее возможную истинность другого суждения. Говорящий не стремится выделить между двумя суждениями какое-либо противоречие. Взаимная логическая регуляция единиц таксиса как бы отсутствует, не переходит в план выражения. Такое отношение единиц таксиса друг к другу, при котором ни одно из них не «посягает» на истинность другого, может быть обозначено как *фактическая субконтрарность*.

Для фактической субконтрарности характерно истинностно *индифферентное* отношение единиц таксиса друг к другу. Напротив, для контрарного отношения (фактической контрарности) характерно истинностно *конкурентное* отношение единиц таксиса друг к другу, где одна единица частично ограничивает истинность другой. И там, и там действует смысловая импликация: в одном случае мы ищем основание смысловой совместимости двух единиц таксиса, в другом – мы ищем основание их смысловой несовместимости. Истинностно индифферентное отношение не требует изменения грамматического модуса в языковом выражении: всё выражается через формы абсолютно истинного наклонения – *Modo Indicativo*. Истинностно конкурентное отношение, напротив, требует изменения грамматического модуса в языковом выражении, – прежде всего, использования *Modo Conjunctivo*, приводящего к ослаблению истинностного статуса одной единицы таксиса относительно другой (что, собственно, и маркируется соответствующей модальной морфологией глагола в португальском языке).

2.3. Контрфактическая (ложная) субконтрарность

Субконтрарность изначально не предполагает ложного отношения единиц таксиса друг к другу. Тем не менее, такое отношение контрфактического таксиса в ряде случаев возникает и маркируется в португальской грамматике при помощи сослагательного наклонения (*Modo Conjuntivo*). Назовём такое отношение *контрфактической субконтрарностью*.

С формальной точки зрения контрфактическая субконтрарность и фактическая контрарность (то есть уступка как операция перевода реального в условно нереальный план) родственны друг другу, в силу чего на схеме выше граница между этими двумя видами модального таксиса обозначена пунктирной линией. Вместе с тем, если в обычной уступке мы видим и подчёркиваем в соотносительных единицах таксиса реальное противоречие двух обозначаемых событий друг другу (*Человек был болен и Человек пришёл на работу*), то в случае контрфактической субконтрарности реально существующее отношение между событиями уходит на задний план, в импликацию, а на «авансцену», в план эксплицитного выражения, выходит виртуальное отношение, которое подчёркивает истинностную границу между связываемыми в таксисе двумя событиями.

Контрфактическое субконтрарное маркирование может быть двух типов: либо фактическое условно переводится в область виртуальной реальности (то есть подаётся как условно несуществующее), либо виртуальное воображаемое условно переводится в план фактического существования (и понимается как условно существующее).

А. Рассмотрим тот вид контрфактической субконтрарности, в котором реальное маркируется как условно нереальное.

- (3) *Vou para casa logo que (antes que) chova* (Я пойду домой как только (прежде чем) **пойдёт** дождь).
- (4) *Ela disse que desligava o computador quando começasse a trovada* (Она сказала, что выключит компьютер, когда **начнётся** гроза).⁴

В примерах (3), (4) все придаточные предложения являются придаточными времени, в которых глаголы в форме, соответственно, *Presente do Conjuntivo* и *Inperfeito do Conjuntivo* (... *logo que chova*; ... *quando começasse a trovada*) выражают действие, которое должно произойти после действия, обозначенного глаголом главного предложения. Глагол придаточного в форме *Modo Conjuntivo* выражает потенциальную границу главного действия, к которой это действие движется в своём развитии. В португальских грамматиках отмечается, что форма *Modo Conjuntivo* глагола в такого рода придаточных открывает *временную перспективу* (*perspetiva temporal*) развития главного действия, представленного глаголом главного предложения [20, с. 267]. Форма *Modo Conjuntivo* второго глагола показывает, к чему устремлено действие, выражаемое первым глаголом.

Если действие, выражаемое глаголом придаточного, локализуется в одновременном или в прошедшем плане относительно глагола главного предложения, и, значит, временная перспектива – темпоральная переходность от первого действия ко второму – исчезает, то никакого *Modo Conjuntivo* для глагола придаточного не требуется. Это мы видим в примерах (5), (6):

- (5) *Fui para casa logo que (antes que) começou a chover* (Я пошёл домой, как только (прежде чем) **начался** дождь);
- (6) *Ela desligou o computador quando começou a trovada* (Она выключила компьютер, когда **началась** гроза);

В то же время, при малейшем появлении темпоральной перспективы при переходе от главного действия к вторичному, даже если это касается действия в прошлом, португальский язык использует форму *Modo Conjuntivo* в придаточном.

⁴ Примеры (3) и (4) взяты из португальской грамматики [20, с. 265].

- (7) *Abriu a reunião antes que todos **chegassem*** (Он открыл собрание, прежде чем все **пришли**);
- (8) *As exigências ... eram fortes... /Os membros da equipa/ eram obrigados a comerem todos juntos... Eles só poderiam comer quando a última pessoa **estivesse sentada** para a refeição e só poderiam sair depois que todos **tivessem terminado*** (Требования были жёсткими... /Члены команды / были обязаны принимать пищу все вместе... Они могли начинать есть, только когда последний человек **сел /за стол/, и могли выходить /из-за стола/, только после того как все **закончили есть**);**
- (9) *Antes que o rapaz **dissesse** alguma coisa, uma mariposa começou a esvoaçar entre ele e o velho / Coelho P. O Alquimista/* (Прежде чем юноша **успел сказать** что-либо, между ним и стариком стала порхать бабочка).

Очевидно, что во всех приведённых выше случаях использования *Modo Conjuntivo* в темпоральной функции второе действие условно полагается как ещё не наступившее. В то же время это действие обуславливает истину первого, эксплицируя его истинностный статус в темпоральной перспективе.

Не забудем, что контрфактическая семантика в знаке обозначает реальное событие антонимически, то есть от противного, и мы узнаём то, что есть, через то, чего нет, ещё нет или как бы нет.

Б. Рассмотрим другие характерные для португальского языка структурные модели контрфактического субконтрарного таксиса, где виртуальное «вторгается» в мир реального. Среди этих моделей мы выделяем потенциальные способы выражения условия и уступки.

Формы потенциального условия в португальском языке:

- (10) *Ele pede licença para entrar, **como se ninguém lha desse*** (Он просит разрешения войти, как будто никто **ему его не даст**).

Формы потенциальной уступки в португальском языке:

- (11) ***Qualquer que fosse** a nossa proposta, o Pedro devia aceitá-la* (Каким бы ни было наше предложения, Педро должен был его принять).
- (12) *Vá ele **onde for**, voltará ao lugar donde saiu* (Куда бы он ни пошёл, он вернётся в то место, откуда вышел).
- (13) ***Por mais forte que ele seja**, não poderá levantar este peso* (Каким бы сильным он ни был, он не сможет поднять этот вес).

В конструкциях с потенциальным условием или потенциальной уступкой контрфактически маркируется потенциальная граница действия, выражаемого глаголом главного предложения.

В языковом выражении синтаксическая конструкция с придаточными кажущегося условия или потенциальной уступки воспроизводит форму энтимемы (то есть сокращённого силлогизма, в котором опускается одна из посылок), построенной по правилу второй фигуры. Вторая фигура в логике предназначена для контраргументации, то есть для опровержения – полного или частичного – какого-то факта или признака [16, с. 240]. Вывод представлен главным предложением с глаголом-сказуемым в форме *Modo Indicativo*, посылка представлена придаточным предложением с глаголом-сказуемым в форме *Modo Conjuntivo*. В наших примерах вместе с выводом остаётся несогласная (т.е. противная выводу) посылка и опускается согласная (т.е. непротивная выводу) посылка.

Для нас имеет значение не буквально отрицательная семантика того или иного предложения, а *истинностное согласование* контрфактической потенциальной посылки (которая обозначает то, чего нет в реальности) и вывода, где истинное (в выводе) обосновывается через неистинное (в посылке).

2.4. Отношение контрадикторности

Частное индуктивное отрицание, которое лежит в основе отношения контрарности, является неполным аналогом тотального дедуктивного отрицания, которое лежит в основе отношения контрадикторности. Контрадикторность – это крайняя форма контрарности, а контрарность –

это слабая форма *контрадикторности*. Практическим выражением отношения контрадикторности в языке является повелительное наклонение – *Modo Imperativo*, формы личных окончаний которого в португальском языке при отрицательном повелении полностью совпадают с личными формами *Modo Conjuntivo*, в положительном повелении с личными формами *Modo Conjuntivo* совпадают все формы *Modo Imperativo* кроме форм 2-го лица.

Modo Imperativo можно назвать имплицитным модальным таксисом, поскольку одна из единиц таксиса вытесняется из плана выражения в область импликации. С точки зрения логического подхода *Modo Imperativo* является выражением деонтической модальности (то есть модальности долженствования): этот модус выражает то, что должно быть. На это обращают внимание в исследованиях по грамматике [20, с. 247], [9, с. 294]. С формальной точки зрения это означает *усиление* истинностного статуса суждения: *faz isso* (*сделай это*) означает «*ты должен сделать это*», *não vás lá* (*не иди туда*) означает «*ты не должен идти туда*».

Деонтическая модальность двойственна. Она сильна своим отрицанием реального. Эксплицитная деонтическая сторона содержания абсолютно отрицает имплицитную фактическую сторону: если ты что-то должен сделать, значит, ты этого не делаешь. «Не она [деонтическая семантика – И.Н.] соответствует объекту или событию, но те должны соответствовать ей: *иди* – значит: */ты не идёшь/ и ты должен идти; не думай так* – значит: */ты думаешь так/ и ты не должен так думать*» [9, с. 297]. Получается, что виртуальное, полагаемое как должное, вытесняет из картины мира реальное, полагаемое как недолжное. Должное переводится в план эксплицитного выражения, реальное вытесняется в область импликации.

Повеление – это самый радикальный случай контрфактического обозначения, поскольку в нём происходит полная подмена реального виртуальным, фактического контрфактическим. *Modo Imperativo* не предполагает даже минимального сближения фактического и контрфактического, которое имеет место в модусах контражности (что мы видели в уступке и в условном гипотетическом периоде). Поэтому этот глагольный модус по праву может быть назван *абсолютно неистинным наклонением*: реальное положение дел в нём отрицается: эксплицитно обозначено то, чего нет, но что должно быть, в область импликации уходит то, что реально есть, но чего не должно быть.

Повелительное наклонение попадает в разряд модусов деонтической логики. Деонтическую трактовку истины дает Г.Х. фон Вригт, который вводит понятие «деонтической предикации» [4, с. 274]. Истинным здесь полагается не то, что есть (или полагается как существующее), а то, что должно быть. Должное «узурпирует» право истины у реального. Возникает истинностная конкуренция между реальным и должным, где должное отрицает реальное. Императив достаточно «прямолинейным» образом отрицает реальное. В модусах зависимого модального таксиса (которые будут рассмотрены ниже) можно видеть более гибкие формы такого отрицания.

Не забудем, что мы рассматриваем повеление как один из видов модального таксиса, в котором реализуется контрадикторное отношение двух суждений, предполагающее полное истинностное подавление одной единицы таксиса со стороны другой: реального виртуальным. Обе единицы не могут быть представлены в плане выражения, одна из них (та, которая отвечает реальному положению дел) вытесняется в область импликации.

Противоположность не уничтожает другую противоположность. Противоречие означает непримиримое, взаимоисключающее отношение между единицами таксиса.

3. ИСТИННОСТНЫЕ МОДУСЫ ЗАВИСИМОГО МОДАЛЬНОГО ТАКСИСА

3.1. Общие характеристики зависимого модального таксиса

По формально-грамматическим признакам к формам зависимого модального таксиса мы относим сложноподчинённые синтаксические структуры, в которых подчинённое предложение замещает функцию одного из членов главного предложения, то есть играет роль одного из актантов при сказуемом главного предложения (подлежащего, дополнения, обстоятельства) или роль

определения при одном из субстантивных членов главного предложения. Тот элемент в главном предложении, к которому прикреплено придаточное, – глагол или тот или иной приглагольный актант, – играет роль модального оператора, управляющего модальной морфологией глагола придаточного. Таким образом, связь главного предложения и придаточного с формальной точки зрения представляет собой единый предикативный комплекс, в котором вместе с тем происходит относительное внутреннее предикативное разъединение двух частей единой синтаксической структуры, требующее модального маркирования.

Для зависимого таксиса характерна внутренняя модально-фактуальная разделённость. Семантики двух предикаций принадлежат разным мирам: первая главная – миру мнения, вторая подчинённая – миру обозначаемого внешнего события. Это два *параллельных* мира, две параллельных *реальности*. Получается, что в едином сложноподчинённом синтаксическом комплексе соединены и в то же время формально разделены два референциально несовместимых события⁵, которые дополняют друг друга. Второе находится в истинностной зависимости от первого.

Истинностная зависимость придаточного предложения от главного в зависимом модальном таксисе является *односторонней* – в отличие от независимого модального таксиса, в котором истинностная зависимость двух единиц таксиса является двусторонней, взаимной (напр., в уступке, в условном гипотетическом периоде). Взаимное истинностное подчинение двух единиц независимого таксиса друг другу мы называем экстенциональным: в нём речь идёт об истинностном соотношении объёмов двух внешних друг другу предикаций. То истинностное подчинение придаточного предложения главному, которое мы видим в зависимом таксисе, мы называем интенциональным.

В зависимом модальном таксисе (при интенциональном определении) смысловое условие истинностной контекстуализации является внутренним и выражается через семантику модального оператора. Модальный оператор опосредует связь фактического и контрфактического в предметном понимании представляемой в предложении картины мира (при этом одна сторона понимания присутствует в имплицитном плане, другая – в эксплицитном плане). В независимом модальном таксисе нет модального посредника, два предложения соотносятся и противостоят одно другому непосредственно, вытесняя друг друга из видимого мира.

Обращаясь к материалу зависимого таксиса, мы вступаем в сферу интенциональной (модальной) логики, главным вопросом которой является отношение значения и смысла в рамках единой логико-семантической структуры. Данное отношение является модально-интерпретационным. В грамматике предложения это раскрывается как структурное разделение модуса и диктума, где роль модуса играет главное предложение, роль диктума – подчинённое придаточное. Модус и диктум функционально обуславливают друг друга.

В терминах современной модальной логики понятия модуса и диктума коррелируют с более широкими логико-философскими категориями. Диктум может быть отнесён к сфере эмпирического знания. Модус – к сфере теоретического интерпретационного знания. Диктум – то, что подлжит пониманию, предмет понимания. Модус – собственно само понимание: функция и результат понимания. Грамматика (мы имеем в виду, прежде всего, грамматику португальского языка) в предельно сжатой форме демонстрирует нам различные модально-истинностные отношения двух частей зависимого модального таксиса друг к другу – модуса и диктума.

В масштабе философской логики, в тотальном охвате научного знания, отношение эмпирического и теоретического трактуется в абсолютных терминах и понимается *вертикально*. Логике интересуют реальная истинность реального научного знания, где одна парадигма отношения теории и эмпирии в историческом развитии науки сменяет другую. Речь идёт об установлении

5 Используя термины Р.О. Якобсона, можно сказать, что здесь в единой структуре таксиса связываются «факт события» и «факт сообщения». Напомним, что Р. Якобсон определял таксис как то отношение, которое «... характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [18, с. 101].

абсолютного значения истинности. В тотально историческом подходе теория зависит от эмпирии: эмпирия верифицирует или фальсифицирует теорию (со времён Аристотеля известно, что теория в науке проверяется практикой).

В грамматическом масштабе рассмотрения, в границах отдельной синтаксической связи мы говорим о *горизонтальном* отношении теоретического и эмпирического, соответственно, модуса и диктума. Модус условно выполняет роль теоретической стороны понимания, диктум – роль практической стороны. Данное отношение не может иметь абсолютных значений, здесь не предполагается установление конечного значения истины. Речь идёт об относительной истинностной зависимости диктума от модуса. Функция истинностного соответствия реальности устанавливается по модусу, а не по диктуму: теория проверяет практику, а не наоборот. Таким образом, диктум зависит от модуса в своём истинностном статусе. Истинностным верификатором и/или фальсификатором в синтагматике зависимого таксиса является модус, а не диктум.

3.2. Логика возможных миров в семантике зависимого модального таксиса

Семантика отношений модуса и диктума в зависимом таксисе достаточно разнообразна. Модус верифицирует или фальсифицирует диктум, то есть подтверждает или отменяет истинностный статус диктума, что маркируется соответствующей морфологией глагола-сказуемого диктумной части сложноподчинённой пропозиции: сохранение истинного статуса маркируется формой *Modo Indicativo*, отмена истинного статуса маркируется формой *Modo Conjuntivo*.

(14) *Estou feliz que essa época do ano tão bonita já chegou* (Я счастлив, что эта пора года, такая прекрасная, уже пришла).

(15) *Nós devemos estar contentes que ela quer se casar com um rapaz sério* (Мы должны быть довольны, что она хочет выйти замуж за серьёзного юношу).

В данных высказываниях модус (*estou feliz que...; devemos estar contentes que ...*) не отменяет истинностного статуса диктумной части таксиса. Поэтому глагол-сказуемое диктумной части, при помощи которого обозначается осмысливаемая в модальной части предметная ситуация, имеет форму *Modo Indicativo*, то есть форму, отображающую реальное событие. Это – верифицирующее отношение модуса и диктума. Однако возможны и другие ситуации, когда реальное событие под влиянием модуса теряет свой истинный статус, то есть фальсифицируется, что маркируется формой *Modo Conjuntivo* глагола-сказуемого придаточного предложения. Конечно, в реальном понимании картины мира никто и не подумает считать данное событие ложным: всем понятно, что речь идёт о реально имеющем место событии. Но в условиях модальной грамматической зависимости происходит относительная условная модально-истинностная фальсификация события, что маркируется соответствующей модальной формой глагола.

(16) *Eu fiquei muito feliz que alguém estivesse me levando a sério* (Я был очень счастлив, что кто-то воспринимает меня всерьёз).

(17) *A mãe de Coy ... afirmou estar contente que Coy possa regressar à escola* (Мама Коя ... заявила, что она довольна, что Кой может вернуться в школу).

В этих примерах те же модальные операторы требуют перевода глагола-сказуемого придаточного в форму *Modo Conjuntivo*. Назовём такие случаи перевода истинного в неистинный план *ложной, или истинностно неадекватной, фальсификацией*. Ложная фальсификация – это модальная синтаксическая связь, в которой обозначаемое в придаточном предложении реальная ситуация или событие маркируется под действием модального оператора главного предложения формой *Modo Conjuntivo*, то есть формой ложной модальности. Фактическое событие обозначается как контрфактическое (при этом все понимают, что это событие остаётся частью реальной картины мира). Ложная фальсификация – весьма характерный модус в структурах зависимого модального таксиса в португальском языке:

(18) *A delegação estranhou que esta moção não fosse apreciada* (Делегация выразила своё удивление тем, что это предложение не было оценено положительно).

(19) *É de lamentar que o acordo não faça referência ao contexto regional mais amplo* (Можно сожалеть, что соглашение *не ссылается* на более широкий региональный контекст).

(20) *É de se admirar que tenham durado tanto* (Можно удивляться, что это длилось столько времени).

Мы видим, что в структурах зависимого модального таксиса функция истинностного определения обособляется от предметной семантики, делегируется модальному оператору. Модальный оператор (элемент главного предложения) играет роль связки (посредника) между двумя мирами – реальным и возможным, состоявшимся и несостоявшимся. Модальная семантика фиксирует момент *перехода* между реальным миром и виртуальным. Два мира находятся в *одном истинностном измерении*, но мыслятся как противоположные или как альтернативные друг другу. При этом один мир представлен эксплицитно (в семантике придаточного предложения), второй присутствует в импликации. Каждый из миров мыслится как логическая альтернатива другому, как иное другого. Происходит то, что можно назвать фальсификацией одного мира через другой. Один мир отрицает истинность другого мира. Модальный оператор характеризует силу, или степень такого отрицания.

Выше мы уже использовали понятие «мир», разграничивая главную модальную и подчинённую предметно-семантическую части в структуре зависимого модального таксиса. Во избежание смешения понятий следует определиться с терминологическим статусом понятия «мир» в первом случае и во втором. В первом случае мы использовали термин «мир» для функционального разграничения мира прагматики и мира предметной семантики в структуре зависимого модального таксиса. Во втором случае мы используем термин «мир» для разграничения мира реального и мира виртуального (потенциального).

Мир прагматики и мир обозначаемой внешней реальности в семиотике речевой деятельности неразрывно связаны и сосуществуют параллельно друг другу. Между прагматикой и предметной семантикой не может быть логического отношения в привычном понимании этого термина (то есть отношения конъюнкции, дизъюнкции или импликации), их нельзя противопоставить друг другу, между ними не может быть истинностной конкуренции.

Отношение мира реального и мира виртуального – это семантическое отношение иной природы. Прежде всего, эти два мира экзистенциально родственны, принадлежат одному измерению мысли, логически *совместимы* в одном времени и в одном пространстве. Реальный мир – это мир существующий, мир состоявшийся. Виртуальный мир – мир, которого нет: уже нет или ещё нет, который мог бы быть или должен был быть, или который может быть или должен быть. Одним словом, виртуальный мир – это мир ещё или уже не состоявшийся. Между двумя мирами существует истинностная логическая конкуренция, они вытесняют друг друга из области истинного понимания. Виртуальный мир – это мир, истинностно альтернативный реальному.

Семантика возможных миров – это совокупность «идеальных альтернатив». Однако в зависимом модальном таксисе мы имеем дело не с множеством возможных альтернатив, а с *одной* альтернативой, которая отрицает истину реального мира. Это – деонтическое, по сути, отрицание. В «семантике возможных миров», если мы операционально привязываем ту или иную виртуальную альтернативу к реальному, действует деонтическая логика: должное отрицает реальное как недолжное. Реальное (реальное положение дел) истинно экзистенциально. Возможный мир истинен потенциально. Между ними возникает истинностный конфликт, истинностная «война миров»: мира возможного с миром реальным. Всё это мы можем видеть в структуре зависимого модального таксиса, что маркируется соответствующей глагольной морфологией в португальском языке. Кстати говоря, подобную «войну миров», правда, более радикальную и выразительно очерченную, мы уже видели в модусе повеления, где также происходит борьба должного с реальным.

Посредником между двумя мирами – реальным и виртуальным – выступает модальный оператор, который, как мы видели выше, несёт прагматическую функцию. Прагматика не только опосредует связь мира реального и мира виртуального, но и является смысловым критерием этой связи – критерием истинностного модального отрицания одним миром другого: миром состоявшимся мира несостоявшегося или миром ещё или уже не состоявшимся мира состоявшегося.

Важно понимать позицию мира реального и мира виртуального (возможного) в зависимом модальном таксисе. Каждый из них может оказаться как в эксплицитной части мыслимого модального отношения, так и в его имплицитной части: по ту или по другую сторону от модального оператора. Данностью, то есть эксплицитной стороной модального отношения, может оказаться реальный мир или, наоборот, мир виртуальный. Точно так же и в импликацию может уйти как мир виртуальный, так и мир реальный. И в том, и в другом случае эксплицитным маркером модального отрицания становится *Modo Conjunctivo*: отрицается при этом виртуальное реальным или, наоборот, реальное виртуальным.

Истинностную «победу» в любом случае одерживает возможный мир как деонтическая альтернатива реальному миру. Здесь возможны два варианта: во-первых, это может быть *эксплицитная* победа виртуального, как должного, над реальным и, во-вторых, это может быть *имплицитная* победа виртуального, как должного, над реальным. В первом случае реальное уходит в импликацию, а виртуальное представлено эксплицитно как должное (например, в модусе повеления, желания). Во втором случае потенциальная виртуальная альтернатива остаётся в импликации, а реальное представлено эксплицитно в плане выражения (например, при сожалении, удивлении, возмущении и пр.). Интересно то, что как в первом, так и во втором случае эксплицитная часть (сторона) зависимого модального таксиса маркируется формой *Modo Conjunctivo*.

В португальском языке в структурах зависимого модального таксиса использование *Modo Conjunctivo* в подчинённом предложении совсем не обязательно является маркером нереального события, то есть показателем однозначной отнесённости обозначаемого к виртуальному миру.

Именно в этом контексте мы говорим об истинностно адекватной фальсификации и об истинностно неадекватной, то есть ложной, фальсификации в зависимом модальном таксисе. Истинностно адекватной фальсификацией (виртуализацией) мы называем те модальные глагольные обозначения *Modo Conjunctivo*, которые указывают на потенциальное событие. Здесь *Modo Conjunctivo* отвечает своему прямому предназначению: обозначает нереальное событие. Неадекватной, или ложной, фальсификацией (виртуализацией) мы называем те модальные глагольные формы *Modo Conjunctivo* в семантической части зависимого таксиса, которые обозначают реальное событие как виртуальное. Таким образом, *Modo Conjunctivo* выполняет двойственную фальсифицирующую функцию: в одних случаях – подлинную (адекватную), в других – ложную (неадекватную). И в том, и в другом случае виртуальное должное фальсифицирует реальное как недолжное: в первом случае – эксплицитно (уводя реальное в импликацию и само переходя в эксплицитный план), во втором случае – имплицитно (оставаясь само в импликации, но требуя эксплицитного обозначения реального события как неистинного через форму *Modo Conjunctivo*).

3.3. Контрфактические модусы зависимого модального таксиса.

Семантика истинностного отрицания

По характеру смысловой нагрузки мы различаем три контрфактических модуса зависимого модального таксиса: 1. Прямо-деонтический; 2. Проблематический; 3. Ложно- или обратно-деонтический. В каждом из модусов в семантической части сложноподчинённого комплекса в португальском языке используется форма *Modo Conjunctivo*.

I. Прямо-деонтический модус показывает нам адекватную фальсификацию семантики диктума в структуре зависимого модального таксиса. Иначе говоря, виртуальное маркируется как виртуальное – формой *Modo Conjunctivo*:

(21) *Não quero que ele faça assim (Я не хочу, чтобы он так поступал).*

(22) *É importante que tudo fique na mesma (Важно, чтобы всё оставалось, как прежде).*

В этих примерах диктальная часть представлена придаточным цели. Модальный оператор, выражающий модус пожелания/желательности, требует модализации глагола придаточного: перевода его в форму *Modo Conjunctivo*. Формально диктум выражает то, чего нет, но что должно наступить. Это – ещё не наступившая реальность, значение которой виртуализуется посредством формы *Modo Conjunctivo*. Отметим имплицитную сторону диктума, то есть ту реальность, которой

он альтернативен и которую отрицает. В конструкции *Não quero que ele faça assim* (Я не хочу, чтобы он так поступил), имплицитруется то, что он поступает именно так* или может поступить именно так*, и эту семантику данный модус отрицает. Данная форма зависимого модального таксиса напоминает модус императива.

II. Проблематический модус является наиболее слабой формой истинностного отрицания. Взаимное отрицание двух миров, эксплицитного и имплицитного, теряет семантику долженствования, перестаёт быть деонтическим. Два мира подаются как равновозможные. Истинностная неопределённость маркируется формой *Modo Conjuntivo* глагола придаточного предложения.

(23) *É possível que alguém esteja aqui antes dele* (Возможно, что кто-то будет здесь раньше него).

(24) *É pouco provável que alguém tenha estado aqui antes dele* (Маловероятно, что кто-то был здесь раньше него).

В этих примерах степень модального отрицания между эксплицитной семантикой диктума и её имплицитруемой виртуальной альтернативой снижается. Однозначного семантического отрицания альтернативы как неистинной (как в прямо-деонтическом модусе) не возникает. Сохраняется скрытая неопределённость между двумя альтернативами. Мир как бы разделён на две части (стороны), каждая из которых одинаково реальна и столь же одинаково нереальна (*кто-то будет раньше или не будет раньше; кто-то был раньше или не был раньше*). Две альтернативы мыслятся как равные и в то же время как конкурирующие друг с другом за истинностный статус. Истинностная «конкуренция» двух миров регулируется модальным оператором.

Примеры (23), (24) выражают объективную возможность иного понимания или потенциально иного развития ситуации. Имеется также ряд субъективных операторов проблематической модальности в зависимом модальном таксисе, которые выражают аналогичное конкурентное отношение между истинностными альтернативами.

(25) *Espero que gostem do que eu vos direi* (Надеюсь, что вам понравится то, что я вам скажу).

(26) *Duvido que eles tenham gostado do que lhes disseste* (Сомневаюсь, что им понравилось то, что ты им сказал).

(27) *Receio que ele já tenha partido* (Боюсь, что он уже уехал).

В этих примерах также при помощи *Modo Conjuntivo* выражается скрытая возможность иного взгляда на описываемое событие, взгляда как бы с обратной стороны.

III. Наконец, выделим ту группу модальных операторов, которые требуют перевода глагола-сказуемого придаточного предложения, обозначающего реальное событие, в форму *Modo Conjuntivo*. Назовём их ложно-фальсифицирующими операторами. На их основе возникает ложно-деонтический модус зависимого модального таксиса. Здесь обозначаемое в придаточном предложении реальное событие под влиянием модального оператора в главном предложении условно переводится в разряд неистинного.

(28) *Me indigna que alguns jornalistas medíocres façam dele um monstro desumano* (Меня возмущает, что некоторые посредственные журналисты делают из него бесчеловечного монстра).

(29) *Não me agrada que me tenhas mentido* (Мне не нравится, что ты мне солгал).

(30) *É bom que nos oponhamos veementemente a esse género de práticas* (Хорошо, что мы решительно выступаем против такого рода практик).

(31) *De fato, é surpreendente que isso ainda não tenha acontecido* (В самом деле, удивительно, что это ещё не произошло).

(32) *É uma maravilha que ele tenha conseguido o emprego* (Это чудесно, что он смог получить работу).

В этих примерах за семантикой придаточных предложений имплицитруется некоторая несостоявшаяся альтернатива, которая должна была бы иметь место, но так и не наступила, не стала реальностью. Утверждается то, что не должно иметь место или не должно было произойти, но произошло, а то, что должно иметь место или должно было произойти, переходит в область импликации как несостоявшееся. Такого рода истинностное отношение между реальным и виртуальным в зависимом модальном таксисе можно назвать также *обратно-деонтической модальностью*. Здесь утверждается недолжное, а должное имплицитруется. Нереальное должное мыслится

как потенциально истинное, а реальное недолжное – как потенциально неистинное. В силу этого эти модусы зависимого модального таксиса мы называем модусами ложной истинностно неадекватной фальсификации.

К этому разряду фальсифицирующей семантики мы относим также операторы субъективного отрицания очевидного, общеизвестного.

(33) *Ele nega que duas vezes dois seja quatro* (Он **отрицает**, что дважды два будет четыре).

Во всех приведённых примерах модальное грамматическое подчинение разворачивается линейно: от левой части к правой, от главного предложения к подчинённому. Однако нельзя не видеть также, что в рамках общего синтаксического периода функционально правая часть играет роль подлежащего, а левая – роль предиката-сказуемого. Предикативное отношение разворачивается в обратном направлении: от правой части к левой. Такое распределение функциональных ролей повторяет структуру пассивно-каузативной диатезы, где семантическая «инициатива» принадлежит подчинённой части синтаксического периода. Левая (главная) часть выражает мнение. Однако причиной данного мнения является правая (подчинённая) часть. Правая часть находится в истинностной зависимости от левой. Левая часть находится в каузативной зависимости от правой. Внешнее формально-грамматическое подчинение и внутреннее каузативное подчинение действуют в структуре зависимого модального таксиса разнонаправленно. Такое развитие пассивно-каузативной диатезы выделяет А.Н. Гуров⁶.

Пассивно-каузативная диатеза сохраняет своё направленное действие, даже если в главном предложении появляется своё формальное подлежащее.

(34) *Ela estranhou que com toda essa conversa sobre indústrias e negócios não se falasse uma palavra sobre a greve* (Она **удивилась**, что при всех этих разговорах о промышленности и бизнесе не было сказано ни слова о забастовке).

(35) *Não gosto que vocês me comparem com os outros* (Мне **не нравится**, что вы меня **сравниваете** с другими).

(36) *Lamento que não tenha aproveitado a ocasião que lhe oferecemos* (Я **сожалею**, что Вы **не воспользовались** возможностью, которую мы Вам предоставили).

В этих предложениях правая подчинённая часть формально выполняет роль прямого дополнения. Однако это не меняет внутреннюю смысловую динамику диатезы, которая разворачивается по той же схеме: от правой семантической части к левой модальной. Здесь также первична каузация, вторична – модализация. Во всех случаях смысловой вершиной является мнение.

3.4. Другие случаи модализации в структуре зависимого модального таксиса

Ряд случаев истинно-фальсифицирующей модализации в структурах зависимого модального таксиса выходит за рамки пассивно-каузативной парадигмы. К этим случаям мы относим: – придаточные определительные, характеризующие возможный объект; – придаточные подлежащие, получающие экзистенциальную характеристику через семантику предиката главного предложения; – придаточные дополнительные, выражающие переход действия на объект (с опорой на активно-каузативную диатезу).

В придаточных определительных, характеризующих возможный объект, может использоваться фальсифицирующая модальная семантика Modo Conjuntivo:

⁶ Пассивно-каузативная диатеза опирается на семантику так называемых обратных каузативов [5, с. 73–81]. Их иногда именуют также полукаузативами [8, с. 155]. Для обратных каузативов характерна неполная каузативная цепочка – цепочка половинного состава. Это значит, что лежащая в основе предложения диатеза замыкается на субъекте и не переходит в своем развитии на объект. Например, *Ela adora seus filhos* (Она **обожает** своих детей); *Ele lamentou o que tinha acontecido* (Он **сожалел** о том, что произошло). В этих предложениях показывается, что субъект испытывает определённое чувство или эмоцию, которое вызывает у него объект. Однако обратного влияния на объект это чувство не оказывает. В обычных – прямых каузативах на первый план выходит переходность действия на объект: причиной изменения объекта является субъект [11, с. 5].

(37) *A Rita procura um livro que tenha gravuras do Porto (Рита ищет книгу, в которой есть / были бы фотографии города Порту).*

(38) *Apesar de todos os alertas, é raro o dia em que não se registem acidentes na auto-estrada A-63 (Несмотря на все предупреждения, – редкий день, в который на трассе А-63 не происходят / не происходили бы дорожно-транспортные происшествия).*

Важным показателем, от которого зависит использование форм *Modo Indicativo* или *Modo Conjuntivo* в придаточном определительном, является отнесённость определяемого существительного к открытому (незамкнутому) или закрытому (замкнутому) множеству. Неопределённый артикль является показателем отнесённости существительного к открытому множеству. Определённый артикль обычно характеризует отнесённость существительного к закрытому множеству. В примере (37) неопределённость субстантивного оператора (*um livro*) переносится на модальную функцию глагола придаточного. Форма *Modo Conjuntivo* в придаточном определительном показывает, какой должна быть та книга, которую ищет Рита, то есть привносит в контекст семантику деонтической модальности.

Определённый артикль обычно не требует истинностной модализации глагола придаточного, оставляя его на уровне истинностной констатации: форма *Modo Indicativo* глагола придаточного указывает, какой является книга, которую ищет Рита, а не какой та должна быть: *A Rita procura o livro que tem gravuras do Porto (Рита ищет /ту самую/ книгу, в которой имеются фотографии города Порту).* Форма *Modo Indicativo* показывает, что книга определённо присутствует в том множестве, к которому обращается Рита. Форма *Modo Conjuntivo*, напротив, показывает, что в том множестве, к которому в своём поиске обращается Рита, этой книги может не быть.

Большой интерес представляет использование *Modo Conjuntivo* в придаточных экзистенциального статуса.

(39) Например, описание ситуации, в которой школьники после каникул приходят в школу с какими-то новыми вещами: *Havia quem trouxesse mochilas novas, botas, pastas... (Были /те/, кто принес с собой новые рюкзаки, обувь, портфели).*

(40) *Os EUA e Taiwan não mantêm relações diplomáticas oficiais..., mas é comum que os governantes taiwaneses se reúnam com os congressistas ou senadores (США и Тайвань официально не поддерживают дипломатических отношений..., но /стало/ обычным, что члены руководства Тайваня встречаются с американскими конгрессменами и сенаторами).*

(41) *Não tardou que a guia retomasse a explicação (Не прошло много времени, как гид возобновила своё объяснение).*

В примерах (39), (40), (41) мы видим ложную фальсификацию события. Это значит, что в них то, что реально есть или состоялось как факт, обозначается при помощи формы *Modo Conjuntivo*, то есть формы условно неистинного наклонения. Другими словами, фактическое реальное обозначается как условно нереальное. В этих примерах мы также усматриваем скрытую деонтическую модальность. Так, в примере (39) семантику деонтической модальности можно представить в виде следующего русского перевода: *Были те, что должен был /бы/ принести с собой новые рюкзаки, обувь, портфели...* Пример (40) можно перевести через придаточное цели: *... /стало/ обычным, чтобы члены руководства Тайваня встречались с американскими конгрессменами и сенаторами.* Любое придаточное цели содержит в себе скрытую деонтическую семантику.

Ложную фальсификацию события в ряде случаев можно видеть также в придаточных дополнительных, подчинённых переходному глаголу в главном предложении.

(42) *Conflitos internos levaram a que o reino visigótico fosse derrotado pelas tropas islâmicas (Внутренние конфликты привели к тому, что вестготское королевство было разгромлено исламскими войсками).*

(43) *Estes cortes fizeram com que as despesas caíssem (Эти ограничения привели к тому, что цены упали).*

В примерах (42) и (43) также присутствует скрытая деонтическая диатеза, что можно проверить русским переводом, поставив глагол-сказуемое в форму несовершенного вида и употребив вместо союза «что» союз «чтобы»: *Внутренние конфликты вели к тому, чтобы вестготское*

королевство **было разгромлено** исламскими войсками; Эти ограничения **вели к тому, чтобы** цены упали. Португальский язык и после перфектной формы глагола в главном предложении использует форму *Modo Conjuntivo* в придаточном.

Как можно видеть, зависимый модальный таксис обладает большим семантическим разнообразием. Некоторые виды модальных операторов обладают двойственной модализирующей функцией, позволяя как сохранять глагол-сказуемое придаточного предложения в прямом верифицирующем истинностном модусе, то есть в форме *Modo Indicativo*, так и переводить его в условно фальсифицирующий неистинный модус, то есть в форму *Modo Conjuntivo*.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Истинностное контекстное согласование предложений определяется как модальный таксис. Отношение модального таксиса опирается на семантику предикативных модальностей, виды которой закрепляются в языке в морфологии глагольных наклонений. Модальный таксис в португальском языке высоко дифференцирован и подразделяется на сферы независимого и зависимого таксиса. Каждый из них представляет соответствующее логическое измерение модального таксиса.

2. В структурах независимого модального таксиса реализуется отношение истинностного согласования двух внешних друг другу событий. В основе истинностного модального согласования может лежать отношение логической контрарности или отношение логической субконтрарности. К этим структурам относятся: 1) уступительный период (фактическая контрарность), 2) условный гипотетический период (контрафактическая контрарность), 3) обычная последовательность истинностно не обуславливающих друг друга предложений (фактическая субконтрарность), 4) связь главного предложения и обстоятельственного придаточного, при которой глагол-сказуемое последнего указывает на потенциальную границу действия (темпоральную, логическую), выражаемого глаголом главного предложения (контрафактическая субконтрарность).

3. В структурах зависимого модального таксиса реализуется отношение модального подчинения придаточного предложения главного. В основе модального подчинения лежит отношение логической фальсификации, в котором семантика возможного (потенциального) мира отрицает истинность семантики реального мира. Это – *деонтическое* по сути отрицание: реальное мыслится как недолжное и неистинное, а возможное (ещё или уже не наступившее) мыслится как должное и истинное. Один из миров выходит в эксплицитный план, другой остаётся в имплицитном. И в том, и в другом случае глагол придаточного имеет форму *Modo Conjuntivo*. Выделяются три модуса модализации в зависимом модальном таксисе: 1) прямо-деонтический, 2) проблематический, 3) ложно- или обратно-деонтический.

4. В целом, семантика предикативных модальностей в португальском языке строится и дифференцируется на базе оппозиции фактического и контрфактического. В независимом модальном таксисе истинностным приоритетом пользуется фактическое (реальное положение дел). В зависимом модальном таксисе приоритетом пользуется контрфактическое (виртуальное положение дел, мыслимое как должное). Наиболее сильной формой подавления фактическим контрфактического является уступка. Наиболее сильной формой подавления контрфактическим фактического является повеление. Истинностный паритет между фактическим и контрфактическим имеет место в условном гипотетическом периоде (в независимом таксисе) и в проблематическом модусе (в зависимом таксисе).

© Н.В. Иванов, 2025

Список литературы

1. Архипова И.В. Непрототипический таксис и межъязыковая вариативность. // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Тематический выпуск: Взаимодействие языков и культур: традиции и инновации. Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2021. № 3. С. 16–25.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. 2-е изд., стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 416 с.
3. Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса. // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. (отв. ред. А.В. Бондарко). Л.: Наука, 1987. С. 234–242.
4. Вригт Г.Х. фон. О логике норм и действий. // Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования. Избр. тр.: Пер. с англ. и общ. ред. Г.И. Рузавина и В.А. Смирнова. Сост. и авт. предисл. В.А. Смирнова. М.: Прогресс, 1986. С. 245–290.
5. Гуров А.Н. Функциональная семантика и позиции актантов в синтаксических конструкциях с переходным глаголом (на материале испанского, русского и английского языков). Дисс. на ... к. филол. н. М., 2013. 179 с.
6. Дружинин А.С. Когнитивно-прагматические особенности контрфактивных грамматических конструкций в американском предвыборном дискурсе 2000-2012 гг. Автореф. дисс. на ... канд. филол. наук. М., 2014. 20 с.
7. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность [Текст] / А.В. Зеленщиков. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 244 с.
8. Иванов Н.В. Актуальное членение предложения в текстовом дискурсе и в языке (по материалам сопоставительного изучения португальских и русских текстов): Монография. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2010. 215 с.
9. Иванов Н.В. К логическим основаниям системы грамматических модальных значений в португальском языке // Структурная метафизика языка и феноменология языкового дискурса: критерии системных интерпретаций. Материалы IX Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. 27 июня 2015 года. (ред. Н.В. Иванов). М.: ЗАО «Книга и бизнес», 2015 г. С. 388–402.
10. Иванов Н.В. Модальные категории португальской грамматики в зеркале логического анализа – I. // Филологические науки в МГИМО. 2024. 10(4), С. 8–21.
11. Иовенко В.А. Синтаксис и семантика лексических каузативов в испанском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981. 28 с.
12. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
13. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. Сост. и ред. А.В. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плунгян. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с. (С. 310) (классики отечественной филологии).
14. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения. // Пражский лингвистический кружок (сборник статей). М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.
15. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 5-е стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2016. 384 с.
16. Строгович М.С. Логика. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. 362 с.
17. Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания № 2. 2003. С.32–54.
18. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя. М., 1972. С. 98–105.
19. Cunha C., Cintra L. Nova Gramática do Português Contemporâneo. 7ª edição. Lexicon Editora Digital. Rio de Janeiro. Brasil. 2008. 795 p.
20. Mateus M.H.M., Brito A.M. Duarte I., Faria I.H. Gramática da Língua portuguesa. Lisboa: Editorial Caminho, 2003. 1127 p.
21. Jakobson R. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb. // Jakobson R. Russian and Slavic Grammar. Studies 1931-1981. Mouton Publishers. Berlin– New York – Amsterdam, 1984. P. 41–58.

References:

1. Arkhipova, I.V. Neprototypicheskiy taksis i mezhyazykovaia variativnost [Non-prototypical taxis and inter-lingual variety] // Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. Tematicheskii vypusk: Vzaimodeystvie iazykov i kultur: traditsii i innovatsii. Severo-Osetinskiy gosudarstvennyy universitet im. K.L. Khetagurova [Actual problems of philology and pedagogical linguistics. Thematic issue: interaction of languages and cultures: traditions and innovations]. 2021. № 3. S. 16–25. (in Russian)
2. Balli, Ch. Obshchaia lingvistika i voprosy frantsuzskogo iazyka. 2-e izd., stereotipnoe [General linguistics and French language issues]. M.: Editorial URSS, 2001. 416 s. (in Russian)
3. Bondarko, A.V., Beliaeva E.I., et al. Teoriia funktsional'noj grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost' [Functional grammar theory: Temporality. Modality] (otv. red. A.V. Bondarko). L.: Nauka, 1990. 263 s. (in Russian)
4. Wright, G.H. von. O logike norm i dejstvij. [On the logic of norms and action] // Wright G.H. von. Logiko-filosofskie issledovaniya. Izbr. tr.: Per. s angl. i obshch. red. G.I. Ruzavina i V.A. Smirnova. Sost. i avt. predisl. V.A. Smirnova. M.: Progress, 1986. S. 245–290. (in Russian)
5. Gurov, A.N. Funktsional'naiia semantika i pozitsii aktantov v sintaksicheskikh konstruktsiakh s perekhodnym glagolom (na materiale ispanskogo, russkogo i anglijskogo iazykov) [Functional semantics and positions of actants in syntactic constructions with a transitive verb (based on material from Spanish, Russian and English)]. Diss. na ... k. filol. n. M. 2013. 179 s. (in Russian)
6. Druzhinin, A.S. Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti kontrfaktivnykh grammaticheskikh konstruktsij v amerikanskom predvybornom diskurse 2000-2012 gg. [Cognitive and pragmatic features of counterfactual grammatical constructions in the American election discourse 2000-2012]. Avtoref. diss. nA... kand. filol. nauk. M., 2014. 20 s. (in Russian)

7. Zelenshchikov, A.V. *Propozitsiia i modalnost* [Proposition and modality] / A.V. Zelenshchikov/. SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta. 1997. 244 s. (in Russian)
8. Ivanov, N.V. *Aktual'noe chlenenie predlozheniia v tekstovom diskurse i v iazyke (po materialam sopostavitel'nogo izucheniia portugal'skikh i russkikh tekstov): Monografiya* [Actual division of the sentence in text discourse and in language (based on materials of comparative study of Portuguese and Russian texts): Monograph] M.: Izdatel'skij tsentr «Azbukovnik», 2010. 215 s. (in Russian)
9. Ivanov, N.V. K logicheskim osnovaniiam sistemy grammaticheskikh modal'nykh znachenij v portugal'skom iazyke [To the logical foundations of the system of grammatical modal meanings in the Portuguese language] // *Strukturnaya metafizika iazyka i fenomenologiya iazykovogo diskursa: kriterii sistemnykh interpretatsij* [Structural metaphysics of language and phenomenology of language discourse: criteria of systemic interpretation]. Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po aktual'nyim problemam teorii iazyka i kommunikatsii. 27 iyunya 2015 goda. (red. N.V. Ivanov). M.: ZAO «Kniga i biznes», 2015. S. 388–402. (in Russian)
10. Ivanov, N.V. Modal'nye kategorii portugal'skoi grammatiki v zerkale logicheskogo analiza – I [Modal categories of the Portuguese grammar in the mirror of logical analysis – I] // *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2024. 10(4), S. 8–21.
11. Iovenko, V.A. *Sintaksis i semantika leksicheskikh kauzativov v ispanskom iazyke* [Syntax and semantics of lexical causatives in Spanish language]. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. M., 1981. 28 s.
12. *Lingvisticheskij ehntsiklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M.: Sovetskaya ehntsiklopediia, 1990. 685 s. (in Russian)
13. Maslov, Yu.S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee iazykoznanie. Sost. i red. A.V. Bondarko, T.A. Majsak, V.A. Plungyan.* [Selected works. Aspectology. General linguistics. Comp. and ed. A.V. Bondarko, T.A. Maysak, V.A. Plungyan] M.: Iazyki slavianskoy kul'tury, 2004. 840 s. (S. 310) (klassiki otechestvennoj filologii). (in Russian)
14. Matezius, V. O tak nazyvaemom aktual'nom chlenenii predlozheniia // *Prazhskij lingvisticheskij kruzhok (sbornik statej)*. [On the so called actual division of the sentence]. M.: Progress, 1967. S.239–245. (in Russian)
15. Plungyan, V.A. *Obshchaia morfologiya: Vvedenie v problematiku. Uchebnoe posobie. Izd. 5-e stereotip.* [General morphology: Introduction to problems: School book. Ed. 5th reprint]. M.: LENAND, 2016. 384 s. (in Russian)
16. Strogovich, M.S. *Logika*. [Logic] M.: Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1949. 362 s. (in Russian)
17. Khrakovskiy, V.S. *Kategoriiia taksisa (obshchaya kharakteristika)* [Category of taxis (general characteristic)] // *Voprosy Iazykoznaniiia* № 2. 2003. S.32–54.
18. Jakobson, R.O. *Shiftery, glagol'nye kategorii i russkij glagol.* [Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb] // *Printsipy tipologicheskogo analiza iazykov raznogo stroia*. M., 1972. S. 98–105. (in Russian)
19. Mateus, M.H.M., Brito A.M. Duarte L., et al. *Gramática da Língua portuguesa*. Lisboa: Editorial Caminho, 2003. 1127 p. (in Portuguese)
20. Cunha C., Cintra L. *Nova Gramática do Poprtuguês Contemporâneo*. 7ª edição. Lexicon Editora Digital. Rio de Janeiro. Brasil. 2008. 795 p.
21. Jakobson R. *Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb* // *Jakobson R. Russian and Slavic Grammar. Studies 1931-1981*. Mouton Publishers. Berlin – New York – Amsterdam, 1984. P. 41–58.

Сведения об авторе:

Иванов Николай Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков им. Т. З. Черданцевой, МГИМО. Научные интересы: лингвосомиотика, лингвориторика, грамматика, теория перевода, лексикология, стилистика португальского языка.

E-mail: e-nickma@mail.ru

ORCID 0000-0002-6152-4241

About the author:

Nikolay V. Ivanov – Dr. Sci. (Philology), is Prof., Head of the Department of Romance Languages named after T. Z. Cherdantseva at MGIMO. Research interests: linguosemiotics, linguorhetic, theory of translation, grammar, lexicology, sand stylistics of the Portuguese.

E-mail: e-nickma@mail.ru

ORCID 0000-0002-6152-4241

* * *

The Place of Independent Infinitive Structures in the System of English Sentences

Zara V. Kostanian

Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya St., Moscow, 1250009, Russia

Abstract. The study presents a comprehensive analysis of independent infinitive structures with non-finite predicates, focusing on their syntactic, pragmatic, and stylistic aspects. These clauses, which exhibit interrogative and exclamatory features, are characterized by non-standard syntax, granting them a unique place within the system of English sentences. The paper categorizes these units into three groups: 1) Infinitive structures with the particle “to” at the front (To + infinitive); 2) Infinitive structures with a topical subject (S + to + infinitive); 3) Structures with “Why + (not) + infinitive?”. Special attention is given to the first and second types of infinitive structures, which have not been the focus of prior research. These types are distinguished by specific language features, which necessitate a thorough investigation to determine their unique syntactic status. In contrast to the third type of infinitive units, two synonymous structures with the finite form of the predicate are examined to highlight differences in their pragmatic content and usage patterns. The study also presents a distribution scale of the five patterns according to their pragmatic meanings and frequency of occurrences. These models highlight the following pragmatic features: admiration, amazement, invitation, resentment, disappointment, satisfaction, solidarity, irritation, disbelief, and despair. The current study also provides a quantitative analysis of infinitive structure usage in British and American literature, revealing a predominance of negative illocutionary acts, with positive acts primarily observed in IIS1 structures. In addition, the paper has established a greater frequency of structures represented by finite verbs (CSS1 and CSS2) compared with those having non-finite predicates (IIS3). The contrastive analysis revealed significant syntactic, pragmatic, and stylistic differences between the third type of infinitive structures (IIS3) and their synonymous finite predicates (CSS1 and CSS2). Negative illocutive acts were predominant across all patterns, with positive acts primarily in IIS1. The highest frequency of occurrences was found in structures with finite predicates. Additionally, the study identified syntactic, pragmatic, and stylistic constraints on IIS3, noting the absence of to-infinitives, contrary to some linguistic claims.

Keywords: independent infinitive structures, complete sentence structure, finite predicate, nonfinite predicate, non-standard syntax, pragmatic function

For citation: Kostanian Z.V. (2025). The Place of Independent Infinitive Structures in the System of English Sentences. *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(1), pp. 28–42. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-42-28-42>

Место независимых инфинитивных конструкций в системе английских предложений

З.В. Костанян

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
1250009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9

Аннотация. Данное исследование представляет собой анализ независимых инфинитивных конструкций в английском языке, с акцентом на их синтаксические, прагматические и стилистические особенности. Эти конструкции выделяются нестандартной формой образования, что позволяет рассматривать их как особую синтаксическую единицу в системе английских предложений. В работе выделены три группы независимых инфинитивных конструкций: 1) инфинитивные конструкции с частицей “to” в начале предложения (To + инфинитив); 2) инфинитивные конструкции с тематическим подлежащим (S + to + инфинитив); 3) конструкции с вопросительной формой “Why + (not) + инфинитив?”. Особое внимание в работе уделяется первой и второй группе инфинитивных конструкций (IIS₁ и IIS₂), которые до настоящего времени не были предметом всестороннего анализа. В данной статье они рассматриваются на разных уровнях, с выделением специфических языковых особенностей каждой группы, что делает их уникальными с точки зрения синтаксического строения. В работе также проводится сравнительный анализ третьей группы инфинитивных конструкций (ISS₃) с синонимичными конструкциями, содержащими личные формы глагола (CSS₁ и CSS₂), в результате чего были выделены существенные синтаксические, прагматические и стилистические различия между ними, указывающие на очевидную самостоятельность ISS₃ в системе английских предложений. Особое внимание в статье уделено изучению прагматической составляющей независимых инфинитивных конструкций, для чего была разработана шкала распределения пяти моделей употребления этих единиц в речи. В указанных моделях преобладают следующие признаки прагматического содержания: восхищение, удивление, приглашение, возмущение, отчаяние, разочарование, удовлетворение, солидарность, раздражение, недоверие. В статье также проведён количественный анализ употребления инфинитивных конструкций всех трёх типов на базе современной англоязычной художественной литературы, что позволило установить преобладание конструкций, содержащих отрицательные иллокутивные акты, а также зафиксирована наибольшая частотность в конструкциях с предикатами, представленными личными формами глагола (CSS₁ и CSS₂).

Ключевые слова: независимые инфинитивные конструкции, полное предложение, личные формы глагола, неличные формы глагола, нестандартный синтаксис, прагматическая функция

Для цитирования: Костанян З.В. (2025). Место независимых инфинитивных конструкций в системе английских предложений. *Филологические науки в МГИМО*. 11(1), С. 28–42. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-41-28-42>

1. Introduction

Infinitive structures are one-member constructions characterized by a verb in the nonfinite form as the main component. These syntactic units often pose challenges in terms of definition, composition and semantics, making it difficult to accurately position them within the system of English sentences. Many grammarians, including Quirk and Greenbaum [22], Eastwood [11], Parrot [20], Swan [26], Semerjyan [25], Wilkinson [30], provide only general definitions of these structures with minimal commentary. Quirk and Greenbaum refer to these infinitive clauses as “slightly less restricted kinds of Wh-question” [22, p. 203], while John Eastwood describes them as “a special pattern” [11, p. 26].

Linguists who focus more extensively on these structures offer various terms: *isolated infinitives* (Jespersen [13]), *infinitival clause* (Kreidler [15]), *infinitival sentence* (Duffley and Ens [10]) and *Callies* [4]), *infinitive clause* (Kozáčikova [14]), *sentence fragment* (Mittwoch [19]), *to-clauses* (Van linden [27]), *non-finite clause* (Payne [21]), *split infinitives* (Matinian [17]). Radford [23, p. 342] suggests the term *infinitive phrase*, which he claims can be used interchangeably with a *nonfinite clause*.

Neither there exists consensus among linguists regarding a single definition for these structures. According to P. Matthews' dictionary [18], an infinitive structure is “any syntactic unit whose structure is, or is seen as reduced from that of a sentence, the one “which includes a verb and the elements that accompany it”. The Cambridge Dictionary views infinitive structures exclusively as dependent units, claiming: “We usually use nonfinite verbs only in subordinate clauses” [5]. Similarly, Lan Geek [16] provides: “Nonfinite clauses do not have a finite verb and do not contain a subject. They are subordinate clauses that do not express a complete thought and cannot function as a sentence on their own.” A somewhat intermediary position is held by R. Jacobs [12] who distinguishes finite and nonfinite clauses, noting the former can function independently, while the latter cannot. He asserts that “finite clauses require overt subjects, whereas nonfinite clauses do not” [ibid, pp. 84–85]. A. Radford [23, p. 342] sees no fundamental difference in using infinitive clauses in sentences like “He is trying to help her” and “Why not let him help her?”. However, structurally, these present two different constructions: the former is an embedded clause within a full sentence, while the latter is an isolated clause with a nonfinite predicate and a null subject. As noted by R. Jacobs, embedded clauses function as arguments of predicates and can have overt subjects [12, p. 281].

Based on the above definitions, we can state that most researchers do not acknowledge the infinitive clause as an independent structure. Prior research has focused on infinitival complementation (Haan [8], Mittwoch [19], Jacobs [12], Radford [24], Kozáčikova [14], Callies [4], Aljovic [1], Veselovska [28]), whereby the presence of an overt subject is considered incompatible with these clauses. Some researchers admit that such sentence fragments are possible in affirmative statements, headlines, and titles (Mittwoch [19, p. 16]), while others argue that they cannot occur in interrogative sentences (Duffley and Ens [10, p. 221]).

The few researchers who have examined infinitive structures in depth include Jespersen [13], Wierzbicka [29], Dixon [7], Duffley and Ens [10], and Mittwoch [19], whose studies focus on the syntactic and semantic aspects of these units and highlight constraints on their use in English. However, certain key points, such as the independent nature of infinitive clauses and the presence of a subject in these clauses, require further analysis. Another issue concerns the use of the particle “to” before the infinitive. It is essential to distinguish between structures like “Why to give a bribe?” and “Why give a bribe?”. Duffley and Ens [12, p. 221] argue that in the “to + infinitive” structure, the hearer is presumed to understand the motive and rationale for the suggested action, while in the bare infinitive structure, the speaker remains unaware of these motives or reasons. P. Duffley [9, pp. 86–89] claims that the “to + infinitive” structure indicates a straightforward perception of an event, while the bare infinitive involves observation and evaluation separated in time from the event described. This indicates that many aspects of infinitive clauses remain unexplored and require further investigation.

While linguists primarily focus on the semantic significance of the structures under investigation, we propose analyzing them through the lens of specific speech situation in which the verb is used, i.e. from a pragmatic perspective. We suggest that the use of “to” with the infinitive imparts a more immediate and concrete character to the situation, involving specific participants in the action. Conversely, the infinitive without “to” appears to lack a concrete foundation and serves a more general functional role akin to the gerund (“giving a bribe”). Therefore, the nature of these structures is rather controversial, and there is a need for comprehensive data to understand their precise character and usage, necessitating further exploration of their grammatical and pragmatic potentials.

This paper proposes to use the term “independent infinitive structure” (IIS) to distinguish them from a complete sentence structure with a finite verb form (CSS). The term “structure” is chosen instead of “clause” to emphasize its independent, isolated character, unlike the term “clause,” which implies part of a complete syntactic unit. The study identifies three basic patterns of IISs based on their focus, structure, semantics, and pragmatics: 1) Infinitive with or without the particle “to” in the front position: (To) + inf. (IIS1); 2) Infinitive with the front subject: S + (to) + inf. (IIS2); 3) “Why” followed by the infinitive: Why + (not) + inf? (IIS3). Additionally, two synonymous structures with finite predicates are examined for contrastive analysis: 1) Why + should (not) + S + inf? (CSS1); 2) Why + do (not) + S + inf? (CSS2). The research aims to contribute to the understanding of these syntactic units by unveiling their various facets and drawing parallels with structures featuring predicates in finite forms.

2. Materials and Methodology

2.1 Materials

This study analyzes a diverse selection of novels by American and British writers published between 1958 and 2022. A diachronic analysis does not reveal consistent patterns in the frequency of the examined structures across these works, as the time periodization does not yield significant differences. Instead, the use of specific structures appears to be influenced more by the individual stylistic and writing preferences of the authors. The choice of fiction as the primary source material is motivated by the need for a broader contextual framework, often spanning entire books, which allows for a more profound and objective examination of these structures – a depth that corpus studies may not sufficiently provide. Additionally, the first type of independent infinitive structures (IIS1) is found exclusively in fiction, owing to its unique pragmatic function, particularly in representing inner speech.

2.2 Methodology

The examination involved a detailed analysis of the collected examples to classify the five patterns of clauses (IIS1, IIS2, IIS3, CSS1, and CSS2) according to their various pragmatic meanings. The following steps were taken:

a. Identification and Classification

Examples of each pattern were identified and classified based on their pragmatic meanings, such as suggestion, admiration, satisfaction, invitation, resentment, desperation, disappointment, disbelief, surprise, and annoyance.

b. Pragmatic Analysis

The distribution of pragmatic meanings was analyzed to understand how different patterns express various illocutionary acts. Special attention was given to the prevalence of negative and positive illocutionary acts within each pattern.

c. Quantitative Analysis

A quantitative distribution of the five types of clause occurrences was conducted based on the selected novels. The frequency of each pattern was calculated to determine their prevalence and to identify any notable trends or constraints.

d. Stylistic Analysis

The stylistic characteristics of the infinitive structures were examined, with a focus on the contexts in which they appear (e.g., conversational styles vs. fictional contexts) and their role in conveying the character's mental state, emotions, and feelings. This analysis also included an examination of the use of the particle "to" in IIS₁ (To + inf) structures and its absence in IIS₃ structures.

e. Contrastive Analysis

The study involved a contrastive analysis of IIS₃ and its synonymous structures (CSS₁ and CSS₂) to highlight significant differences in syntactic, pragmatic, and stylistic features. The analysis also aimed to identify the factors influencing the selection of finite vs. nonfinite forms of the predicate.

By employing these methodologies, the study provides a comprehensive understanding of the pragmatic features of IISs and CSSs, contributing valuable insights into their usage and function within the English language.

3. A structural analysis of IISs

3.1 Independent infinitive structures vs various infinitive clauses

Independent infinitive structures in English exhibit visual similarities with other clause types, contributing to potential confusion in their identification. Furthermore, distinct types of these structures demonstrate correlations with various syntactic units, necessitating an individualized examination of each type for a comprehensive understanding.

3.1.1 IIS₁

In English, certain structures may bear a resemblance to this type of units, yet they differ in functionality. Firstly, these structures manifest within a complete sentence as an integral constituent. Secondly, their typical placement is not in the initial position. Consider the following sentences for illustration.

1. If it will please you

To show us so much gentry and good will

As **to expend** your time with us awhile (Shakespeare).

2. It was quite obvious that Elizabeth was not rich enough **to afford the luxury of an artist husband and a family** (Aldington, p. 186).

3. The priority was **to produce a book** that reflected her personality accurately (Morton, p. 26).

4. That'll mean at least a nice invitation **to go to California and lecture** (Segal, p. 284).

As is seen, the above IIS₁ perform different syntactic functions in the sentence: an object (1), an adverbial modifier of result (2), a predicative (3), and an attribute (4). Other infinitive clauses may occur in the front position, yet they differ from IIS due to their function in the sentence; often, they are affected by parcellation.

5. Two days later, Nixon began a series of secret meetings with Kissinger and a few aides. **To discuss widening the war by invading neutral Cambodia, to destroy the enemy's supply depots** (Segal, p. 371).

6. But then gradually it dawned on him that he had left the house and gone to his lonely, underheated cubicle for a definite reason. **To get away from Sara. To elude the beacon of her conscience** (Segal, p. 354).

7. **Keep confidences, resist gossip. Read books by people whose perspective is different from yours ...** (M. Obama, p. 242).

8. **To appoint a woman as managing director in his place** would not be exactly simple (Mackinlay, p. 121).

The infinitive clauses in the above sentences perform the functions of an adverbial modifier of purpose (5), an attribute (6), and a subject clause (8). As for (7), it is an imperative sentence, with the implied subject (you).

3.1.2 IIS₂ (Infinitive with the front subject: S + (to) + inf.)

The second type of independent infinitive structures shares notable syntactic similarities with echo questions, raising questions about the extent to which they are identical. Many linguists define echo questions as structures designed to clarify or confirm a preceding statement (Matthews [18], Carter et al. [6], Swan [26], Radford [23], Payne [21]). Some scholars expand this definition by adding a secondary function. Eastwood [11, p. 40] captures this broader understanding, asserting: “Echo questions are used when we either do not understand what someone says or find it hard to believe.” This additional aspect aligns echo questions more closely with infinitive clauses. Unlike a simple mechanical repetition of an utterance in interrogative form (e.g., “I am getting married.” – “You are getting married?”), echo questions can transform a structure, introducing both structural and pragmatic changes. Consider the following dialogue:

9. They came to call upon you – and at the same time to ask whether you would mind retiring.” **“I? Retire in favor of your son!”** (Ibsen, p. 96).

We can observe several transformations that accompany the hearer’s response to the speaker’s statement:

- a) the finite form of the predicate < the nonfinite form (infinitive);
- b) the gerund < infinitive (retiring-retire);
- c) the extension of the structure by adding *in favor of your son*;
- d) the separate use of the subject (I) in the initial position as a result of parcellation;
- e) statement (reported speech) < exclamatory sentence.

All these transformational changes mentioned above make IS different from the form of the traditional echo question, which implies a mechanical repetition of the whole utterance or part of it.

3.2 Structural distinctions of IISs

3.2.1 IIS₁ (Infinitive with or without the particle “to” in the front position)

IIS₁ structures ((To) + inf.) exhibit distinctive characteristics that justify their unique position among sentence types in English. These structures are divided into two subgroups based on the infinitive: a) with the particle “to”, and b) (rarely) without “to”. A particularly interesting feature of IIS₁ is the potential for the infinitive to be preceded by another element, such as an adverbial modifier of manner (example 10) or object (example 11).

10. **Utterly, utterly** to forget, in the great forgetting of death (Lawrence, p. 142).

11. **Of all the mean tricks**, to take my eggs (Lee, p. 54).

It is worth mentioning that this feature of infinitive structures has never been documented in previous studies. Although it is relatively infrequent in usage, it can add a novel parameter to the understanding of IIS₁.

Typically, the infinitive in these constructions appears in its simple form, although other forms are possible. For instance, the infinitive can take the perfect form, as illustrated in the following example:

12. It wasn't I who killed her! I swear that! **To have chosen that night of all others.** God, it's been awful!" (Christie², p. 150).

While IIS₁ structures generally appear in the affirmative, the negative form is also possible:

13. **Not go along** in cold blood and kill her when she was asleep! (Christie², p. 20).

These distinctive features set IIS₁ apart from other infinitive structures, not only in terms of morphology and syntax, but also pragmatically, as they often convey a heightened degree of emotionality and function as expressive constructs ("expressives").

3.2.2 IIS₂ (Infinitive with the front subject: S + (to) + inf.)

An IIS₂ with a topical subject is of particular interest, as it represents an almost unique grammatical construction based on non-standard syntax. To date, there has been no research specifically addressing this type of infinitive clause. Therefore, our analysis provides an initial linguistic interpretation, acknowledging that alternative approaches may exist. Consider the following example:

14. It was incredible. **A man** in that condition **to arise and depart** (Fitzgerald, p. 274).

The distinctive nature of the structure *A man in that condition to arise and depart* lends itself to the interpretation within the framework of Transformational Grammar. It is essential to emphasize that this structure carries a heightened expressiveness, manifesting the speaker's emotional stance on the conveyed message. In this particular instance, the sentiment is disbelief, corroborated by the preceding context ("It was incredible") leading to the utterance in question. Thus, *A man in that position to arise and depart* encapsulates two underlying structures: 1) "I can't believe it", and 2) "A man in that position could arise and depart". Through transformation, the structure becomes "A man in that condition to arise and depart". In this transformed state, the illocutive force of the initial proposition lacks verbal realization in the surface structure, yet its reflection remains apparent, characterized by a concise, abrupt, and invalidated expression, thereby deviating from the conventional rules of English sentence structuring. Similar interpretative considerations can be extended to the ensuing sentences, which convey diverse emotions such as disappointment (15), resentment (16, 17), surprise (18), and disbelief (19).

15. "**A tailor like you, Morry, to make such a fuss.** You should be ashamed." (Mankowitz, p. 381)

16. "And **you to talk** of cruelty?" (Voynich, p. 298)

17. "**I tell** Dick what he should do or shouldn't do." (Fitzgerald, p. 296)

18. "**I look** like a banker?" (Mankowitz, p. 382)

19. **Me to marry** him? Never! (conversational)

As the above examples testify, the subject is expressed by a noun or a pronoun in the nominative or objective case. The infinitive, whether accompanied by "to" (15, 16, 19) or appearing bare (17, 18), introduces a notable challenge in justifying the selection between the two forms. In case of the compound nominal predicate, the link-verb may be omitted due to ellipsis, the structure preserving the most important communicative part.

20. "Mrs. de Winter afraid?" said Mrs. Danvers. "She was afraid of nothing and no one." (du Maurier, p. 359)

21. "But your daughter married to my son! Only think: it's impossible." (Shaw, p. 179)

The examination of IIS₁ and IIS₂ shows that both types have a non-standard syntax and can be pragmatically defined as expressives due to their high emotionality. As such, they can be assigned a special place in the English structure, functioning as pragmatically marked subgroups of interrogative and exclamatory sentences.

2.2.3 IIS₃ (“Why” followed by the infinitive: Why + (not) + inf?)

The third type of independent infinitive structures include the interrogative adverb “why” in the initial position. They have two forms: 1) “Why + inf.?” and 2) “Why + not + inf.?”. Some linguists (Jespersen [13], Callies [4]) view them as a product of ellipsis. Callies [ibid.] notes that they are elliptical constructions in which the subject and the verbs “should” or “do” are dropped. On the surface, it might seem that we deal with ellipsis: “Why not invite them?” is an elliptic form of “Why don’t you invite them?” or “Why shouldn’t you invite them?”. M. Swan claims [26, p. 629] that “Why not give her some flowers?” can be used in the same way as “Why don’t you give her some flowers?”. Parrot notes that some learners find it helpful to think of “Why not + inf.?” as an abbreviation of “Why don’t you...?” [20, pp. 146–147]. However, while syntactically these structures may appear to involve ellipsis, they differ considerably from a pragmatic standpoint. The following comparison of sentences illustrates these distinctions:

- a. Why not invite them?
- b. Why don’t you invite them?
- c. Why shouldn’t you invite them?

We find that in all of the sentences above, there is a pragmatic involvement. In (b) and (c) the question is directed to the interlocutor, in (a) the question does not necessarily refer to the interlocutor and can be perceived as a good idea for any person present or even absent during the communication. Dixon [7, p. 235] sees only a semantic difference between the above structures. He finds that questions (b) and (c) sound like an attempt to cause the action to happen and may require a response while (a) implies the potentiality for the action to take place. Hence, it has been confirmed that ellipsis may entail various structural, pragmatic, and semantic changes. M. Blokh [3, p. 371] gives a somewhat different interpretation of the nature of this clause. Analyzing the utterance “Why be so insistent, Jim? If he doesn’t want to tell you.” (J.O Hara), the linguist claims that the “Why + inf.?” clause is a parcellated construction of a larger speech fragment. This aligns with the view of those linguists who do not acknowledge the independent character of this syntactic unit.

Normally, an IIS₃ starts with “Why” followed by the bare infinitive in the affirmative or negative form, the latter being more common. Our analysis shows that “Why” may sometimes be preceded by conjunctive words such as *but*, *and*, *then*, *yet*, and *so*, which attach a certain contrastive shade to the utterance:

22. “**But** why want to marry me?” (Aldington, p. 208)
23. “**Then** why not sell the strip of land?” (Cook, p. 13)
24. “**Why** in heaven’s name go with them then?” (Maurier, p. 55)
25. “**So** why bother to try?” (M. Obama, p. 33)

Biber et al. [2] characterize conjunctions *and* and *but* as “sentence-initial coordinators often occurring at paragraph boundaries, where they create a marked effect”. We posit that a similar characterization may apply to the adverbs *then* (23) and *so* (25), which can be classified as sentence-initial coordinators performing nearly identical functions within the target structures. It is noteworthy to mention that they manifest a more flexible position in the sentence. So, it can be said that Why-structures function as independent units occurring in conversational English. The use of conjunctive words at the beginning of sentences is an inherent feature of these clauses, allowing them to be classified as functional variants.

3.2.3 IIS vs CSS₁ and CSS₂

As previously discussed, structures featuring “Why” exhibit semantic equivalence with constructions that use the finite form of the predicate. However, the differences between these structures have not been extensively explored. In general, an IIS with a nonfinite predicate implies the interlocutor as the subject of the predicate. Nevertheless, the structure can also convey a favorable suggestion or idea directed toward anyone present or even absent in the interaction. The following example illustrates this point.

26. “Listen, we all know that I don’t need any pages turned. So why not stay here and play your heart’s content?” (Segal, p. 101)

The speaker does not address anyone in particular but rather offers an idea for consideration to those present in the speech act, which makes this utterance essentially different from CSS₁ (Why + should (not) + S + inf?), as well as CSS₂ (Why + do (not) + S + inf?), where the subject is explicitly stated. It is noteworthy that in ISSs the inexplicit addressees can include:

1) **the interlocutor**

27. "Why don't you go with your wife?" (Hailey₂, p. 260)

2) **the speaker**

28. "Why on earth should I be shocked?" (Arlington, p.191)

3) **the speaker and the addressee**

29. "Why don't we just drive to the place and have coffee there?" (Segal, p. 362)

4) **3d person (expressed by a noun or personal pronoun)**

30. "Why should she come back by boat and train instead of by air?" (Christie₁, p. 146)

5) **the addressee and 3d person (probably not present during the interaction)**

31. "Why do you and Elizabeth live in this horrible district? It must be awfully unhealthy, especially for Elizabeth." (Aldington, p. 225)

32. "Why don't you and Nikku go to the lobby? (Cook, p. 434)

(Nikki is sitting at a distance from the place where the conversation is held between her parents.)

It is worth mentioning that some constraints exist on the use of "Why + Inf. structures". These are:

1) **The complexity of the construction – composite sentences, sentences with homogeneous parts and appositive structures:**

33. Why, people rightly wonder, do we need to try to be so reasonable all the time? (M. Obama, p. 275)

34. "Why should I want to shoot the girl I am going to marry?" (Christie₂, p. 155)

35. "Why don't you practice as a doctor, if you like to work so much?" (Fitzgerald, p. 248)

36. "Why do you serve such fattening meals and keep cake and candy and ice cream in the house?" (Heller, p. 175)

2) **The use of exclamations and slang:**

37. "Why the hell do you think I was talking about?" (Heller, p. 140)

38. "Why on earth should Ladislaus want to shoot Micky Gorman?" (Christie₁, p. 170)

3) **The use of modal words and phrases:**

39. "Why should individual people have to try to change themselves when, really and truly, it's their workplace that needs to change?" (M. Obama, p. 255)

40. "In fact, why don't you come up and assist at Hodges' autopsy?" he said. (Hailey₂, p. 184)

4. RESULTS AND DISCUSSION

4.1 Pragmatic features of IISs and CSSs

The patterns IIS₁ IIS₂, IIS₃ and their synonymous structures CSS₁ and CSS₂ display various illocutionary acts. Though similar in many cases, their pragmatic meanings may sometimes differ considerably. The material presented below shows the distribution of pragmatic meanings according to the type of target structures. The examination of the vast illustrative material allows us to present the classification of the five patterns of clauses according to their various pragmatic meanings: 1) **suggestion** (IIS₃, CSS₁, and CSS₂), 2) **admiration** (IIS₁), 3) **satisfaction** (IIS₁), 4) **invitation** (IIS₃), 5) **resentment** (all patterns), 6) **desperation** (IIS₁, IIS₃, and CSS₁), 7) **disappointment** (all patterns), 8) **disbelief, surprise** (IIS₁, IIS₃, CSS₁ and CSS₂), 9) **annoyance** (IIS₃, CSS₁ and CSS₂). Negative structures are predominantly found in expressing suggestions, invitations, annoyance, and resentment. Below find examples of such clauses according to their pragmatic meanings:

1) **suggestion** (IIS₃, CSS₁ and CSS₂)

41. "Why not go to North?" Burke said again. (Aldridge, p. 214)

42. "Why shouldn't she support herself for a change?" (Fitzgerald, p. 58)

43. “Why don’t you stop in?” (Lawrence, p. 166)
Interestingly, almost all the patterns are found in the negative form.
- 2) **admiration** (IIS₁)
44. Just to look up at the sky! To walk through the woods! ... To climb the hills...
To lie down and drink the clear, cold water! Five days in hell! And every day. An eternity” (Corrie, p. 310)
- 3) **satisfaction** (IIS₁)
45. To think I did all that and may I say – not in a shy way, oh, no.” (Frank Sinatra, “My Way”)
- 4) **invitation** (IIS₃)
46. “Why not come with us? It’s a big Packard and there’s only my wife. myself... and the governess.” (Fitzgerald, p. 225)
- 5) **resentment** (all patterns)
47. “To be born for the slaughter like a calf or a pig! To be violently cast back into nothing – for what? My God! For what?” (Aldington, p. 278)
48. “And you to talk of cruelty?” (Voynich, p. 298)
49. “Why do you give me asinine denials? You know I wasn’t asking you what was wrong...?” (Heller, p. 385)
50. “Why should the Bank get it?” (Aldridge, p. 216)
51. “I removed a tumor. It turned out to be benign.
“Then why keep her here for three weeks?” (Hailey₂, p. 64)
- 6) **desperation** (all patterns, except IIS₂)
52. “To give up everything, to resist any human involvements that might detract from your work? Do you understand what it means to sacrifice your youth for nothing?” (Segal, p. 456)
53. “Yet why should we mourn, O Zeus, and why should we laugh? Why weep, why mock?” (Aldington, p. 173)
54. “What’s wrong with me? Am I afraid of living? Why hesitate; why not settle now?” (Hailey₂, p. 289)
55. “Why don’t you snow?” he cried at the sky”. (Aldridge, p. 184)
- 7) **disappointment** (all patterns)
56. To die to sleep,
No more; and by a sleep to say we end
The heart-ache and the thousand natural shocks... (Shakespeare, p. 23)
57. “Why shouldn’t we talk about what interests us, and what, after all, is extremely important to adult life and happiness?” (Aldridge, p. 181)
58. Why live in the past? (Christie₂, p. 181)
59. “Why do I let myself agonize over what even at best would have been no more than an amusing three-minute speech?” (Heller, p. 203)
- 8) **disbelief, surprise** (all the patterns, except IIS₂)
60. “To think that it was there, all the time, before my eyes, and I didn’t see it?” (Christie₂, p. 84)
61. “Why cling on to things in their place?” (Christie₂, p. 181)
62. “Why do you have to work in a place where you don’t like so many people?” (Heller, p. 253)
63. “Why on earth should Rebecca have committed suicide? The most unlikely person.” (Maurier, p. 369)
- 9) **annoyance** (IIS₃, CSS₁ and CSS₂)
64. “Why bother with the one person in the world who still thinks you’re a worm?” (Segal, p. 390)
65. Why should the Bank get it? Why do they keep buying up the Farm?” (Aldridge, p. 216)
66. “Why don’t you go and tell the Warden to put your name for one of those territories?” (Aldridge, p. 215)

TABLE 1: Distribution of IISs and their synonymous structures according to their pragmatic meanings.

	IIS ₁	IIS ₂	IIS ₃	CSS ₁	CSS ₂
Suggestion	-	-	+	+	+
Admiration	+	-	-	-	-
Satisfaction	+	-	-	-	-
Invitation	-	-	+	+	+
Resentment	+	+	+	+	+
Desperation	+	-	+	+	+
Disbelief/ surprise	+	+	-	+	+
Disappointment	+	+	+	+	+
Annoyance	-	-	+	+	+

Based on the data presented in TABLE 1, our primary observation is that negative emotions exhibit a broader spectrum of linguistic expressions. Various negative illocutionary acts, including resentment, disappointment, desperation, disbelief and surprise, are represented across nearly all patterns. Conversely, positive illocutive acts such as admiration and satisfaction find expression basically in one pattern – IIS₁. Other illocutionary acts such as suggestions, invitations, and annoyance are generally conveyed by IIS₃, CSS₁ and CSS₂ encompass. Notably, IIS₂ emerges as the least frequent pattern, followed by IIS₁ and IIS₃, aligning with a trend commonly highlighted by linguists in the study of infinitive constructions. The most prevalent patterns are CSS₁ and CSS₂, functioning as synonymous structures to IIS₃, as they operate without the constraints imposed on the latter. Suggestions, invitations annoyance, and resentment are normally expressed in the negative form of the respective clauses. Regarding the degree of emotionality, structures IIS₁ and IIS₂ show the highest rate of vehemence and fervor.

4.2 Stylistic analysis of IC structures and their synonymous structures

The infinitive structures examined in the present paper reveal different stylistic characteristics. The patterns identified as IIS₁ (To + inf.) are conspicuously absent in conversational styles and are predominantly observed in fictional contexts, where they are applied to articulate the character’s mental state, emotions, and feelings. This linguistic device aligns with stylistic conventions, recognized as inner speech or interior dialogue, wherein the infinitive is conventionally collocated with the particle “to”.

67. “To think that all these people lived many years ago.” (Morton, p. 42)

68. “To break the clue, mingle, and commingle with one darkness, without afterwards or forwards.” (Lawrence, p. 142)

69. “Just to look up at the sky! To walk through the woods! ... To climb the hills... To lie down and drink the clear, cold water! Five days in hell! And every day an eternity.” (Corrie, p. 310)

IIS₂ structures (S + inf.), which generally exhibit heightened emotional content, are prevalent in the conversational discourse, regardless of the participants’ social status or education level. The following pair of sentences exemplify this assertion:

70. “I tell Dick what he should or shouldn’t do!” (Fitzgerald, p. 296)

71. “I look like a banker?” (Mankowitz, p. 382)

The above utterances belong to Nicole (70), a woman of high society, and Fender (71), a warehouse clerk. In both cases, the expression of high emotionality sounds almost the same way. Frequently, the emotional intensity is further underscored by broader context provided by the author, which is duly highlighted in the examples below:

72. “Why not sue me, just for practice”? **Tom Lewis swung away from the typewriter.** (Hailey₁, p. 155)

73. “I!” **she exclaimed in amazement.** “I tell Dick what he should do or shouldn’t do!” (Fitzgerald, p. 296)

Regarding IIS₃ (Why + inf.?) structures, it can be stated they tend to emerge in informal conversations among individuals with close or intimate relationships or within groups of peers, where linguistic complexity is often minimized and expressions are succinct. Furthermore, it is evident that individuals of elevated status, education, or authority tend to avoid employing the “Why + inf.” structure. Scrutinizing numerous examples investigated in this study substantiates this observation. However, assuming that formality is the primary criterion for distinguishing between IIS₃ and CSS₁ or CSS₂ poses certain challenges. The examples extracted from E. Segal’s novel “The Class” further illuminate this point.

74. “Then why not quit while you’re ahead?” (Segal, p. 43)

75. Why doesn’t Nixon just quit and put everybody – especially the country – out of its misery?” (Ibid.)

Both utterances featuring structures with finite and nonfinite forms of the predicate originate from the same character (Cathy, whose professional affiliations are linked to the White House) and pertain to the same subject matter. Moreover, these expressions are found on the same page of the book. The probable determinant for the selection between these structures lies in the sentence’s length and the intricacy of its composition. As the examples testify, (75) contains 15 words, while (74) only 7 words.

TABLE 2 below provides an overview of the quantitative distribution of the five types of clause occurrences. This analysis is conducted based on a selection of ten novels authored by American and British writers, including “The Class” (E. Segal), “The Final Diagnosis” (A. Hailey), “Tender Is the Night” (F.S. Fitzgerald), “The Hunter” (J. Aldridge), “Something Happened” (J. Heller), “Death of a Hero” (R. Arlington), “Rebecca” (D. du Maurier), “Fatal Cure” (R. Cook), “The Moon and Sixpence” (S. Maugham), “At Bertram’s Hotel” (A. Christie). While not extensively featured in this specific facet of the investigation, other sources are included for their singular instances of target structures, presenting intriguing cases of IS usage. The data presented in Table 2 reveals that IIS₁ and IIS₂ exhibit the lowest frequency of occurrences, aligning with the consensus among linguists highlighting the infrequent usage of these patterns. Conversely, CSS₁ and CSS₂ demonstrate the highest frequency across nearly all the analyzed books, contrasting with IIS₃ structures. The relatively extensive prevalence of IIS₃ in E. Segal’s novel “The Class” may be attributed to the informal use of English by the characters, who are fellow students in most cases. Additionally, the substantial size of the book (531 pages) may contribute to this observed range. In J. Heller’s novel, the least frequency of IIS₃ occurrences can be explained by the specific character of the narrative. The protagonist, Bob Slocum, engages in a stream of consciousness encompassing various aspects of his life, leading to frequent self-directed *Why*-questions (“Why should/shouldn’t I + inf?” and “Why do/don’t I + inf?”). Interestingly, the same observation can be made concerning Michelle Obama’s biographical book “The Light We Carry”, in which only a single case of *Why + inf.?* is registered. Below is Table 2 featuring the quantitative distribution of all the patterns in fiction.

TABLE 2: Quantitative distribution of the structures in fiction

	IIS ₁	IIS ₂	IIS ₃	CSS ₁	CSS ₂	Total occurrences
The Class	3,4%	0%	18%	3,8%	20%	68
The Final Diagnosis	7,7%	0%	15%	54%	13%	13
Tender is The Night	0	12%	12%	42%	35%	26
The Hunter	0	0	6,9%	24%	69%	29
Something Happened	0	0	1,8%	64%	34%	56
Death of a hero	19%	0	40%	23%	17%	47
Rebecca	0	5,3%	16%	53%	26%	19
Fatal Cure	0	0	40%	40%	21%	43
The Moon And Sixpence	0	0	0	64%	36%	11
At Betram’s Hotel	45%	0	13%	20%	60%	15

The quantitative analysis demonstrates that CSS₁ and CSS₂ structures exhibit the highest frequency in most books, contrasting with IIS₃ structures (the proportion being approximately 1:3/4). The least common is IIS₂ followed by IIS₁. The most widespread clauses are the synonymous structures “Why + do + S + Inf?” and “Why + should + S + inf?”, which lack the constraints imposed on IIS₃ clauses.

5. CONCLUSION

The present multi-functional analysis of infinitive structures with nonfinite predicates has shown that they are characterized by non-standard syntax, which entitles them to occupy a special place in English Grammar. These units identified formally with interrogative and exclamatory sentences have been categorized as subgroups due to their specific structural, pragmatic, and stylistic dimensions. They present three primary types: 1) infinitive structures with the particle “to” at the front (To + inf.), 2) infinitive structures with a topical subject (S + to + inf), and 3) structures with Why + (to) + inf?. The inclusion in the study of the second type with the frontal subject (S + (to) + inf.) has served as a strong argument against those linguists who claim that infinitive clauses cannot have overt subjects. The contrastive analysis of the third type of infinitive structures and their synonymous constructions with finite predicates (CSS₁ and CSS₂) reveals significant differences in syntactic, pragmatic, and stylistic features. Notably, all three patterns (IIS₃, CSS₁, and CSS₂) expressing suggestion are found in the negative form. The pragmalinguistic analysis established the prevalence of negative illocutive acts across almost all patterns, with positive ones predominantly expressed in only one structure: IIS₁. The collected statistical data suggests that the highest frequency of occurrences belongs to structures with finite predicates. The study also pinpoints syntactic, pragmatic, and stylistic constraints on using IIS₃ units concerning CSS₁ and CSS₂. Another interesting finding is the absence of the to-infinitive in IIS₃, contrary to the claims of some linguists who acknowledge such a variant. This finding challenges the opinion of those researchers who recognize the rightful coexistence of the two variants.

Abbreviations

IC – Infinitive Clause

IIS – Independent Infinitive Structure

IIS₁ – To + inf.

IIS₂ – S + (to) + inf.

IIS₃ – Why + (not) + (to) + inf.?

CSS – Complete Sentence Structure

CSS₁ – Why + should + S + inf.?

CSS₂ – Why + do + S + inf.?

© З.В. Костянян, 2025

References

1. Aljovic, Nadira. *Non-Finite Clauses in English: Formal Properties and Function*, 2017, <https://www.researchgate.net/profile/Nadira-Aljovic/publication/313927589-Nonfinite-clauses-in-English/links/60c70b02a6fdcc2e61405cb2> (Accessed 28 February 2024).
2. Biber, Douglas. *Longman Grammar of Spoken and Written English/ Biber Douglas, Johansson Stig, Leech Geoffrey, Conrad Susan, Finegan Edward Harlow*. London: Pierson Education Limited, 2000.
3. Blokh, Michael. *A Course of Theoretical English Grammar*. Moscow: Visshaia Shkola, 1983.
4. Callies, Marcus. Bare Infinitival Complements in Present-day English // *The Verb Phrase in English: Investigating Recent Language Change with Corpora/ Marcus Callies, Bas Aarts, Joanne Close, Geoffrey Leech and Sean Wallis* (eds.). 2016, <https://www.ucl.ac.uk/english-usage/projects/verb-phrase/book/callies.pdf> (Accessed 24 January 2024).
5. Cambridge Dictionary, <https://dictionary.cambridge.org/grammar/british-grammar/clauses-finite-and-nonfinite> (Accessed 12 November 2024).
6. Carter, Ronald. *Cambridge Grammar of English/ Ronald Carter and Michael McCarthy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
7. Dixon, R.M. W. *A New Approach to English Grammar, on Semantic Principles*. Oxford: Oxford University, 1991.
8. De Haan, Pieter. Postmodifying Clauses in the English Noun Phrase: A Corpus-based Study. Amsterdam, 1989, <https://Rodopi.books.google.am/books?id=1kWt> (Accessed 3 December 2024).
9. Duffley, Patrick. A Natural-Language Semantic Approach to Infinitival and Gerund-Participial Complementation in English/ *English Linguistics*. 2016. P. 55–67.

10. Duffley, Patrick. *Wh-words and Infinitives in English* /Patrick Duffley and Peter Ens. *Lingua* 98, 1966. P. 221–141.
11. Eastwood, John. *Oxford Guide to English Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
12. Jacobs, Roderick. *English Syntax: A Grammar for English Language Professionals*. Oxford: Oxford University Press, 1995. 378 p.
13. Jespersen, Otto. *A Modern English Grammar on Historical Principles // Part V: Syntax*. Copenhagen: Ejnar Munksgaard, 1940.
14. Kozáčíková, Zuzana. To- Infinitive in Academic Discourse - Native and Non-Native Writers Compared// *Discourse and Interaction*, Volume 8 (1), 2015. P. 53–64.
15. Kreidler, Charles. *Introducing English Semantics*. New York: Routledge, 2002. 352 p.
16. LanGeek. English Grammar. [https:// LanGeek.co/en/grammar/course/ 704/nonfinite-clauses](https://LanGeek.co/en/grammar/course/704/nonfinite-clauses) (Accessed 4 March 2024).
17. Matinian, Gayaneh. The Split Infinitive in Modern English Grammar, 2022, https://www.academia.edu/91599193/ The_Split_Infinitive_in_Modern_English_Grammar?.form=MG0AV3/ (Accessed 7 December 2024).
18. Matthews, Peter H. *Oxford Concise Dictionary of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
19. Mittwoch, Anita. On the Distribution of Bare Infinitive Complements in English// *Journal of Linguistics*. Volume 26 (1). Pp. 103-131. <https://www.seilo.ac.jp/graduate/falit-grad-school/english-literature/academic-journals/itmo420000068jr-att/a592462280934.pdf>. (Accessed 8 December 2023).
20. Parrot, Martin. *Grammar for English Language Teachers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 470 p.
21. Payne, Thomas E. *Understanding English Grammar*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 452 p.
22. Quirk, Randolph. *A University Grammar of English* /Randolph Quirk and Sidney Greenbaum. London: Longman, 1978.
23. Radford, Andrew. *English Syntax. An introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 398 p.
24. Radford, Andrew. *Analysing English Sentences. A Minimalist approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 526 p.
25. Semerjyan, Maria. The Split Infinitive in Modern English. https://www.academia.edu/28206300/ The_Split_Infinitive_in_Modern_English (Accessed 15 January 2025).
26. Swan, Michael. *Practical English Usage*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 635 p.
27. Van linden, An. The rise of the to-infinitive: Evidence from adjectival Complementation// *English Language and Linguistics*. Volume 4 (1), 2022. Pp. 19–51, https://orbi.uliege.be/bitstream/2268/210999/1/ AVL_2010ELL_Riseofto-infinitive_final.pdf?form=MG0AV3 (Accessed 15 January 2025).
28. Veselovska, Ludmila. On Bare Infinitives in English, https://www.researchgate.net/profile/Ludmila-Veselovska-2/publication/325847726_On_Bare_Infinitives_in_English/links/5b28ce5f0f7e9b1d00348796/On-Bare-Infinitives-in-English.pdf?form=MG0AV3 (Accessed 3 October 2024).
29. Wierzbicka, Ann. The Semantics of Grammar// *Studies in Language Companion Series*, 18. i-vi. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1988.
30. Wilkinson, Daniel Wong Gonzales. Split Infinitives across World Englishes. A Corpus-based Investigation, 2024, https://www.researchgate.net/profile/Wilkinson-Daniel-Wong-Gonzales/publication/311934084_Split_infinitives_across_World_Englishes_A_corpus-based_investigation/links/6128e734c69a4e48795fe0b1/Split-infinitives-across-World-Englishes-A-corpus-based-investigation.pdf?origin=publication_detail&form=MG0AV3 (Accessed November 19, 2024).

Fiction

1. Aldington, Richard. *Death of a Hero*. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1958.
2. Aldridge, James. *The Hunter*. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1958.
3. Christie1, Agatha. *At Bertram's Hotel*. New York: Rocket Books, 1971.
4. Christie2, Agatha. *Third Girl*. London: Collins Clear-Type Press, 1970.
5. Cook, Robin. *Fatal Cure*. New York: The Berkley Publishing Group, 1995.
6. Corrie Joe. *Hewers of Coal // 24 One-Act Plays* selected by J. Hampden/ London: M. Dent & Sons, LTD, 1964.
7. Du Maurier, Daphne. *Rebecca*. London: Hunt Barnard Printing Ltd., 1978.
8. Fitzgerald F. Scott. *Tender is the Night*. Moscow: Raduga Publishers, 1983.
9. Hailey1, Arthur. *In High Places*. New York: Dell Publishing Company, 1962.
10. Hailey2, Arthur. *The Final Diagnosis*. New York: Dell Publishing Company, 1959.
11. Heller Joseph. *Something Happened*. New York: Dell Publishing Company, 1989.
12. Ibsen Henrik. *The Master Builder// Six Great Modern Plays*. New York: Dell Publishing Group, 1967.
13. Lawrence, David Herbert. *Odour of Chrysanthemums and Other Stories*. Moscow: Progress Publishers, 1977.
14. Lee, Charles. *Mr. Sampson// 24 One-Act Plays* selected by J. Hampden. London: J. M. Dent & Sons LTD, 1964. Pp. 41-58.
15. Mackinlay, Leila. *No Room for Loneliness*. Manchester: Nicholls Company, Ltd., 1975.
16. Mankowitz Wolf. *The Bespoke Overcoat// 24 One-Act Plays* selected by J. Hampden/ London: J. M. Dent & Sons Ltd., 1964. Pp. 374–393.
17. Maugham, W. Somerset. *The Moon and Sixpence*. Moscow: Progress. Publishers, 1972.
18. Miller, Arthur. *All My Sons// Six Great Modern Plays*. New York: Dell Publishing Group, Inc., 1967. Pp. 355–434.
19. Morton, Andrew. *Diana. Her True Story // Her Own Words*. New York: Simon & Schuster Paperbacks, 2017.
20. Obama, Michelle. *The Light We Carry*. New York: Crown, 2022.
21. Segal, Erich. *The Class*. New York: Bantam Books, Inc., 1986.
22. Shaw, George Bernard. *Mrs. Warren's Profession// Six Great Modern Plays*. New York: Dell Publishing Group, Inc. 1967. Pp. 179–258.
23. Shakespeare. [Электронный ресурс]. – URL: // Hamlet (complete text):| Open Source Shakespeare (Accessed 5 October 2024).
24. Voynich, Ethel L. *The Gadfly*. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1958.

Сведения об авторе:

Костянян Зара Варгановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Сфера научных интересов: сравнительное языкознание, прагмалингвистика, медиалингвистика, теоретическая грамматика английского языка.

E-mail: zarakostanian@yahoo.com.

ORCID: 0000-0003-1780-3144.

About the author:

Zara V. Kostanian, Ph.D., is Assistant Professor at the Chair of Media Linguistics of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. Spheres of research and professional interest include comparative linguistics, pragmalinguistics, media linguistics, theoretical grammar of English

E-mail: zarakostanian@yahoo.com. ORCID: 0000-0003-1780-3144.

Conflict of interest statement

The author declares the absence of conflict of interest.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

* * *

Contextually Determined Church Lexicon as Part of the Lexical Category “Church Lexicon”

Nikita S. Makarov

MGIMO UNIVERSITY

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of contextually determined church lexicon as part of the lexical category ‘church lexicon’. The purpose of this article is to consider examples of contextually conditioned lexicon on the material of Russian and English languages in order to establish their belonging to the category of ‘church lexicon’.

To achieve this goal, the analysis of specific contextually determined lexical units, linguistic and extra-linguistic contexts was carried out, besides, the synthesis of information obtained by reviewing the material.

The theoretical material of the present study includes dissertations, theses and scientific articles by Russian and foreign scholars devoted to the issues of context and contextual conditioning, also, works devoted to the study of such lexical categories as ‘church lexicon’, ‘sacral lexicon’, ‘liturgical lexicon’. The practical material includes materials related to English-language literary discourse, as well as their translations into Russian.

As a result of the study, it was determined that a number of lexical units naming neutral objects, architectural elements, substances and phenomena can act as units belonging to the subcategory of contextually determined church lexicon when put in the context describing the interior or exterior of ecclesiastical life.

Keywords: church lexicon, contextually determined church lexicon, context, lexicon, ecclesiastical life

For citation: Makarov N.S. (2025). Contextually Determined Church Lexicon as Part of the Lexical Category “Church Lexicon”. *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(1), pp. 43–60. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-42-43-60>

Контекстуально обусловленная церковная лексика как часть лексической категории «церковная лексика»

Н.С. Макаров

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена изучению контекстуально обусловленной церковной лексики как части лексической категории «церковная лексика». Целью настоящей статьи является рассмотрение примеров контекстуально обусловленной лексики на материале русского и английского языка с целью установления их принадлежности к категории «церковная лексика».

Для достижения данной цели в рамках настоящего исследования проводится анализ конкретных контекстуально обусловленных лексических единиц, анализ лингвистического и экстралингвистического контекстов, а также теоретический метод исследования – синтез информации, полученной в ходе изучения материала.

В качестве теоретического материала настоящего исследования выступают диссертации, монографии и научные статьи отечественных и зарубежных учёных, посвящённые вопросам контекста и контекстуальной обусловленности, а также работы, посвящённые изучению таких лексических категорий как «церковная лексика», «сакральная лексика», «богослужебная лексика». В качестве практического материала выступают материалы, относящиеся к англоязычному художественному дискурсу, а также тексты их переводов на русский язык.

В результате исследования было установлено, что ряд лексических единиц, называющих предметы, архитектурные элементы, вещества и явления, не связанные исключительно со сферой церковной жизни, в определённом контексте выступают в качестве единиц, относящихся к подкатегории контекстуально обусловленной церковной лексики, когда используются при описании внутреннего или внешнего убранства церкви и церковной жизни.

Ключевые слова: церковная лексика, контекстуально обусловленная церковная лексика, контекст, словарный состав, церковная жизнь

Для цитирования: Макаров Н.С. (2024). Контекстуально обусловленная церковная лексика как часть лексической категории «церковная лексика». *Филологические науки в МГИМО*. 11(1), С. 43–60. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-41-43-60>

1. Вступление

Настоящее исследование посвящено анализу лексических единиц, использование которых в определённом контексте делает возможным отнести их к подкатегории «контекстуально обусловленной церковной лексики», а также установлению принадлежности данной подкатегории к более широкой лексической категории «церковная лексика».

Церковная лексика, ввиду её проникновения в повседневный обиход, представляет определённый интерес для отечественных учёных-лингвистов. Отличающиеся друг от друга определения данной категории, а также различные взгляды на входящие в её состав подкатегории делают актуальным поиск дополнительной подкатегории, которая может выступать в качестве составной части категории «церковная лексика».

В современной лингвистике изучению категории «церковная лексика» посвящены работы целого ряда авторов, среди которых И.В. Бугаева [2], С.В. Булавина [3], Р.И. Горюшина [4], И.А. Крылова [12], Н.Б. Мечковская [14], М.В. Рабжаева [17], Т.И. Кошелева [11], И.А. Королева [9], М.В. Слаутина [19], А.М. Четырина [22] и др. Автором одной из наиболее полных классификаций религиозной лексики является К.А. Тимофеев [20]. И.А. Королева [9] посвятила свои исследования определению сакрально-богослужебной лексики, а также уточнению подкатегорий, входящих в её состав. С.В. Булавина [3] занималась анализом несколько более широкой категории религиозно-церковной лексики, а Р.И. Горюшина [4] стала автором одной из наиболее детализированных классификаций элементов данной лексической категории. Исследованию контекста посвящены работы таких учёных, как И. Кечкеш [6], П. Ньюмарк [23], А.В. Дьячков, Н.В. Дьячкова [5], О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет [1], Г.В. Колшанский [7], В.Я. Мыркин [16], Т.Т. Цаголова [21], а также В.Н. Комиссаров [8], который рассматривал проблематику контекста через призму переводческой деятельности.

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что лексические единицы, не относящиеся напрямую к категории «церковная лексика» и не подпадающие согласно существующим подходам к категории церковной лексики, в определённом контексте, связанном с материальным аспектом церковной жизни, выступают в качестве единиц, контекстуальная обусловленность которых относит их к церковной лексике, иными словами, они являются контекстуально обусловленной церковной лексикой. В нашем представлении к данной категории относятся наименования предметов, субстанций, явлений и процессов, которые не имеют исключительной связи с церковным употреблением, но в определённом контексте выступают в качестве наименований неотъемлемых элементов христианской богослужебной практики и храмовой обстановки (например, «*благовоние*», «*ладан*», «*масло*», «*свеча*», «*лампада*», «*витраж*», «*скамья*», «*покрывало*», «*орган*», «*колокол*», «*кафедра*», «*процессия*», «*выход*», и т.п.).

Исходя из существующих определений категории «церковная лексика», представляется возможным утверждать, что в её состав входят лексические единицы, называющие или описывающие материальные стороны церковной жизни или обихода, к примеру, наименования предметов религиозного культа, объекты поклонения, элементы убранства, наименования праздников, ритуалов, сооружений, а также духовных и светских лиц по их отношению к христианской Церкви. При этом необходимо отметить, что в настоящем исследовании под Церковью понимается вся совокупность исторически сложившихся Христианских Церквей различных деноминаций и обрядов.

Для подтверждения данной гипотезы был изучен ряд статей и научных работ, посвящённых теме церковной лексики, подходам к её определению и категоризации, также были изучены работы, посвящённые вопросу контекста и контекстуальной обусловленности, проанализирован ряд текстов, относящихся к англоязычному художественному дискурсу, и их переводы на русский язык, послужившие практическим материалом настоящего исследования.

2. Понятие контекста, его категоризация и роль при интерпретации отдельных лексических и фразеологических единиц

Перед тем как приступить к рассмотрению вопроса контекстуальной обусловленности семантики отдельных лексических единиц, необходимо проанализировать понятие контекста и подходы к определению его значения при интерпретации дискурса, текста и отдельных единиц.

В рамках лингвистических исследований под контекстом понимается совокупность условий, определяющих и уточняющих употребление конкретного слова и любой иной лексической единицы. И. Кечкеш говорит о трёх факторах, которые могут выполнять данную роль, а именно о лингвистическом, физическом и общественном [6]. Под лингвистическим фактором подразумевается непосредственно лингвистический контекст или же «непосредственное речевое окружение элемента текста, являющегося единицей перевода: морфемы, слова, грамматические формы и конструкции» [6]. Иными словами, данный фактор (или же лингвистический контекст) представляет собой совокупность лексических и грамматических единиц, окружающих конкретную лексическую единицу.

Физический и общественный факторы, указанные И. Кечкешом, представляется возможным отнести к несколько более широкой категории – экстралингвистическому контексту, рассматриваемому отечественными и зарубежными лингвистами в рамках теории дискурса и теории перевода. П. Ньюмарк определяет данный контекст как «обстановку, время и место, к которым относится высказывание, а также факты реальной действительности, знание которых помогает рецептору правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании» [23]. К экстралингвистическому контексту представляется возможным отнести совокупность всех невербальных факторов, которые влияют на восприятие и интерпретацию языковых единиц читателем. Общественный фактор в рамках экстралингвистического контекста может быть отнесён к области межличностной коммуникации, культурным установкам, распространённым в лингвокультурном сообществе, где происходит перцепция текста, а физический фактор – ко времени, месту и иным объективным условиям реальности, в условиях которой происходит восприятие информации.

Иными словами, экстралингвистический контекст включает в себя все факторы, находящиеся за пределами текста. К примеру, А.В. Дьячков и Н.В. Дьячкова относят к экстралингвистическому контексту собственные знания, накопленный жизненный опыт, своеобразие мышления и особенности чувственного восприятия, уровень воспитания, образования, владения родным и иностранным языком, социальный статус, личные интересы, цели, мировоззрение и т.п. [5 с. 120]. Фоновые знания реципиента очевидным образом влияют на его способность корректно воспринимать текст, интерпретировать отдельно взятые лексические единицы, угадывать заложенные автором текста смыслы и отсылки.

Также существуют и другие подходы к определению понятия контекста и к его категоризации и классификации. О.С. Ахманова предлагает двойственную систему «вертикального» и «горизонтального» контекста [1, с. 49], где под «вертикальным» контекстом подразумевается экстралингвистический контекст, историко-филологический контекст данного литературно-художественного произведения [10], а под «горизонтальным» – лингвистический, совокупность языковых единиц, окружающих конкретное слово.

Г.В. Колшанский под контекстом понимает «комплекс языковых и неязыковых знаний, получающих своё выражение на вербальном и невербальном уровнях», подразделяя его на контекст в узком смысле – непосредственно лингвистический контекст, а также в широком смысле [7, с. 24–32] – все факторы, сопутствующие и влияющие на вербальную коммуникацию. В рамках широкого видения контекста автор выделяет два подвида контекста: лингвистический и экстралингвистический. С точки зрения Г.В. Колшанского, экстралингвистический контекст включает в себя «сумму окружений» [15] и ситуацию, в которой реализуется коммуникация. При этом

Г.В. Колшанский также подразделяет контекст на микроконтекст и макроконтекст. Микроконтекст подразумевает «собственно лингвистический контекст на уровне словосочетания и предложения», а макроконтекст – «контекст в рамках дискурса» [7, с. 75].

Также интерес представляет подход к определению и категоризации контекста (однако, необходимо отметить, что речь идёт о коммуникативном контексте или контексте устного общения), предложенному В.Я. Мыркиным. С его точки зрения, коммуникативный контекст представляет «организацию средств, организацию контекстов и опору на контексты, вербальные и невербальные, для передачи (и восприятия) смысла сообщения» [16, с. 97]. Данный контекст в свою очередь включает в себя целый ряд контекстов, а именно – лингвистический, паралингвистический, ситуативный контекст, контекст культуры и психологический контекст [там же, с. 98]. С точки зрения В.Я. Мыркина, лингвистический контекст включает «кодифицированную интонацию», паралингвистический контекст – совокупность паралингвистических средств, иными словами, мимику, жестикуляцию, телодвижения и иные средства эмоционального выражения, ситуативный контекст «привносит контекстуальное значение», контекст культуры реализует совокупность экстралингвистических знаний, имеющихся в распоряжении у представителя конкретного лингвокультурного сообщества, а психологический контекст включает в себя скрытое «взаимное знание собеседниками реалий друг друга, основанное на совместном общем опыте» [15].

Рассмотрев подходы к определению и категоризации контекста через призму лингвистического исследования, представляется возможным приступить к рассмотрению влияния контекста на семантическое значение слова. В рамках научных исследований контекст особенно пристально изучался в рамках теории перевода и переводоведения. Особую значимость в рамках осуществления перевода имеет экстралингвистический контекст. Одним из подобных примеров, которые в своей работе «Теория перевода» рассматривал В.Н. Комиссаров, является случай, касающийся перевода слова «abolitionist». По словам автора, подход к переводу данной лексической единицы, его перцептируемое значение, будет зависеть от экстралингвистических или, иными словами, фоновых знаний реципиента и от внутреннего контекста повествования. Таким образом, если в тексте речь идёт о периоде борьбы за освобождение темнокожих рабов в Соединённых Штатах, то слово «abolitionist» будет обозначать «аболициониста», то есть лицо, являющееся сторонником отмены рабовладельческого строя. Если в тексте речь идёт о периоде существования сухого закона в США (prohibition), то корректным переводом данного термина будет «сторонник отмены сухого закона». Если же текст описывает события 70-х годов в Великобритании, то «abolitionist» будет обозначать «сторонника отмены смертной казни» [8, с. 144–145].

Данный пример свидетельствует о колоссальном влиянии лингвистического и экстралингвистического контекста на корректную перцепцию отдельных лексических единиц, а также о значимости той роли, которую играют фоновые знания переводчика в рамках осуществления переводческой деятельности.

В качестве дополнительной иллюстрации, свидетельствующей о роли контекста при раскрытии смыслового содержания отдельных единиц, выступает исследование, проведённое Т.Т. Цаговой. В своей статье «Роль контекста в актуализации смыслового содержания многозначной фразеологической единицы» она подчёркивает, что «актуализация фразеологизма протекает на фоне контекста. Реализация структурно усложнённых фразеологических единиц требует минимального контекста», но при этом простые структуры «актуализируют своё содержание максимально широким контекстом» [21, с. 115–116]. Таким образом, для корректной интерпретации фразеологического оборота важен контекст, который способствует уточнению семантического значения отдельных лексических единиц, а также общего значения фразеологического оборота.

Подводя промежуточный итог, представляется необходимым подчеркнуть очевидную зависимость конкретной лексической единицы от контекста, в котором она находится. При этом имеется в виду как сугубо лингвистический контекст, так и экстралингвистический контекст, а используя терминологию О.С. Ахмановой, – вертикальный и горизонтальный контексты. При интерпретации контекстуально обусловленных единиц церковной лексики контекст порой является единственным элементом, указывающим на принадлежность лексической единицы

к категории церковной лексики. Однако прежде чем приступить к рассмотрению конкретных примеров, необходимо рассмотреть вопрос определения церковной лексики как самостоятельной лексической категории.

3. О подходах к определению и категоризации церковной лексики

Как отмечалось во введении к данной статье, исследованию церковной лексики как самостоятельной категории посвящены работы целого ряда учёных-лингвистов. Нами было проведено отдельное исследование, посвящённое сравнению, сопоставлению и анализу различных подходов к определению и категоризации церковной лексики [13], и в этой связи в рамках настоящего исследования детальный анализ и сопоставление данных подходов не представляется целесообразным, однако, необходимо отметить ряд ключевых положений, синтезированных нами в рамках предыдущего исследования.

Прежде всего церковная лексика является подкатегорией более широкой лексической категории «религиозная лексика» и употребляется для описания явлений, событий и предметов, отражающих материальную сторону церковной жизни. Существует множество различных подходов к классификации церковной лексики, однако в данной работе стоит привести категоризацию церковной лексики, синтезированную в результате нашего предыдущего исследования из целого ряда классификаций церковной лексики (рассматривалась С.В. Булавиной [3], Р.И. Горюшиной [4] и другими авторами) и богослужебной лексики (предложена И.А. Королевой [9]):

1. Наименования церковных поселений, сооружений и помещений (*монастырь, собор, аббатство, церковь, часовня, храм, баптистерий* и т.п.).
2. Наименования предметов поклонения, святынь и реликвий (*Пресвятые Дары, распятие, крест, икона, мощи, реликвия* и т.п.).
3. Наименования предметов церковной утвари, облачения (*монстранция, дарохранительница, престол, жертвенник, потир, звезда, воздух, епитрахиль, риза, митра, клобук, орарь, альба* и т.п.).
4. Наименования христианских духовных текстов и богослужебных книг (*Библия, Евангелие, Псалтирь, требник, миссал, breviарий, молитвенник* и т.п.).
5. Наименования религиозных праздников, торжеств и особенных дней (*Пасха, Рождество, Семидесятница, Страстная Пятница* и т.п.).
6. Наименования христианских богослужений, таинств, обрядов и ритуалов (*литургия, месса, исповедь, священство, рукоположение, освящение, благословение* и т.п.).
7. Наименования лиц по их отношению к христианской вере и церковной иерархии (*папа, патриарх, митрополит, епископ, священник, монах, аббат, декан* и т.п.).
8. Наименования архитектурных элементов и деталей, которые в определённом контексте выступают в качестве неотъемлемых деталей храмового устройства (*апсида, неф, трансепт, клирос, альков, колокольня, купол, шпиль, витраж* и т.п.).
9. Наименования предметов и субстанций, которые не имеют исключительной связи с церковным употреблением, но в определённом контексте выступают в качестве наименований неотъемлемых элементов христианской богослужебной практики и храмовой обстановки (*лампада, свеча, подсвечник, покрывало, скамья, орган, кафедра, курильница, благовоние, масло* и т.п.) [13].

В предыдущем исследовании нами были предложены два элемента, включённых в представленную выше классификацию, а именно пункты 8 и 9. Наименования архитектурных элементов были включены нами, ссылаясь на точку зрения Г.Н. Скляревской [18], которая включает некоторые термины, именующие архитектурные элементы (в частности, «амвон», «придел» и др.), в подкатегорию «храм и его части».

Предложенная нами подкатегория «Наименования предметов и субстанций, которые не имеют исключительной связи с церковным употреблением, но в определённом контексте выступают в качестве наименований неотъемлемых элементов христианской богослужебной практики

и храмовой обстановки», а также подкатегория «Наименования архитектурных элементов и деталей, которые в определённом контексте выступают в качестве неотъемлемых деталей храмового устройства» и являются по своей сути контекстуально обусловленной церковной лексикой. Включение данных подкатегорий в состав категории «церковная лексика» является целесообразным в связи с тем, что некоторые лексические единицы, к примеру, наименования архитектурных элементов, мебели, музыкальных инструментов и иных предметов, субстанций, лиц и явлений, могут не иметь прямой связи с исключительно внутрицерковным употреблением, однако в определённых контекстах они могут выступать в качестве наименований предметов, веществ, лиц и т.п., описывающих материальную сторону церковной жизни, и в этой связи являться церковной лексикой. Далее в настоящей работе будет рассмотрен ряд примеров, служащих обоснованием данного утверждения.

4. Анализ примеров контекстуально обусловленной церковной лексики

Церковная лексика часто встречается в произведениях различных жанров – она является неотъемлемым элементом религиозных текстов, преданий, житий, описаний и пр., достаточно часто встречается в художественных произведениях, в публицистическом, политическом и прочих видах дискурса. Она используется в качестве средства непосредственного описания материальных аспектов церковной жизни, духовных практик и ритуалов, иногда используется для раскрытия образов персонажей, однако нередко выступает и в качестве средства описания обстановки, передачи антуража, атмосферы. Контекстуально обусловленная церковная лексика достаточно часто встречается именно в качестве инструмента создания атмосферы. По нашим наблюдениям, в этом качестве она выступает чаще всего в рамках художественного дискурса.

При анализе контекстуально обусловленной церковной лексики в рамках настоящего исследования наиболее рациональным представляется использование метода дискурсивного анализа, а именно анализа отдельных фрагментов художественного произведения с целью анализа контекста, а затем непосредственно отдельных единиц, которые мы относим к категории контекстуально обусловленной лексики, с последующим сопоставлением оригинального текста с текстом перевода. Как следует из самого наименования данной категории, её принадлежность можно определить только исходя из лингвистического и экстралингвистического контекста произведения.

В качестве примера рассмотрим произведение британского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе, Уильяма Голдинга (1911–1993) «The Spire» – «Шпиль». Для анализа будет также использоваться русский перевод данного произведения, созданный В.А. Хинкисом и впервые опубликованный в журнале «Иностранная литература» в октябре 1968 года. В основе сюжета данного романа – история Джослина, настоятеля собора, управляющего строительством огромного шпиля, возводимого несмотря на множество обстоятельств, делающих строительство опасным и нецелесообразным, а именно – слабость фундамента, на котором стоит собор. Строительство шпиля является главной мечтой и навязчивой идеей Джослина, и, как он полагает, является возложенной на него миссией, особым предназначением. Католический собор выступает в качестве главного места действия, соответственно наименования элементов убранства и архитектуры, используемые для описания внутренних помещений и экстерьера, относятся к западной христианской традиции. Хронологически повествование разворачивается в Англии XIV века. Хронологические рамки и место действия позволяют точнее определить контекст и ключевые черты и, соответственно, точнее отнести отдельные единицы к обозначенной нами категории контекстуально обусловленной церковной лексики.

Рассмотрим фрагмент начала повествования: «*God the Father was exploding in his face with a glory of sunlight through **painted glass**, a glory that moved with his movements to consume and exalt Abraham and Isaac and then God again»¹. В русском переводе: «Бог-Отец озарял его сиянием славы, и солнеч-*

¹ Golding W. The Spire/ W. Golding, Faber, 2021. c. 1

ные лучи устремлялись сквозь **витраж** вслед его движениям, животворя осиянные лики Авраама, Исаака и снова Бога-Отца».²

Словосочетание **painted glass**, являющееся синонимом **stained glass** (pieces of coloured glass that are put together to make windows showing pictures or special designs, especially in churches – Oxford Dictionary³) переводится на русский язык как «**витраж**» (произведение изобразительного искусства, представляющее собой художественную композицию, составленную из цветных стёкол небольшого размера, обычно находящееся в окнах, дверях – Большой толковый словарь русских существительных⁴ (далее- БТСРС)). Витражи на протяжении долгого времени являлись неотъемлемым элементом внутреннего убранства католических и протестантских храмов, являются элементами искусственного оформления храмового интерьера, что подчёркивается в дефиниции, которую находим в Оксфордском словаре. В данном случае лексическая единица, не являющаяся термином или наименованием, используемым в исключительно церковном употреблении, используется для описания элемента интерьера собора, в котором разворачиваются события в романе. Также необходимо учесть и употребление ряда имён, относящегося к сакральной лексике, а именно – **God the Father / Бог-Отец, Abraham / Авраам и Isaac / Исаак**. Эти имена в описании сюжетов на витражах однозначно указывают на их церковный характер и таким образом свидетельствует о связи описания, приведённого в данном фрагменте, с церковным интерьером. Следовательно, в данном случае лексические единицы **painted glass** и **витраж** выступают в качестве единицы контекстуально обусловленной церковной лексики.

В качестве аналогичного примера выступает следующий фрагмент: «*Once more, the windows were coming together. The saint's life still burned in them with blue and red and green; but the spark and shatter of the sun had shifted. He was back, looking at the familiar window over clasped hands; and the angel had left him*»⁵. / «*И он снова увидел ряды окон. Житие святого всё так же сверкало на них синим, красным и зелёным, но искры и брызги солнца падали теперь по-иному. Он опомнился, глядя на знакомое окно поверх сплетённых пальцев, – ангел покинул его*».⁶ /

В данном фрагменте лексическая единица **window** (an opening in the wall or roof of a building, car, etc., usually covered with glass, that allows light and air to come in and people to see out; the glass in a window – Oxford dictionary⁷) – **окно** (часть сооружения, представляющая собой отверстие в стене, предназначенное для прохода света и воздуха, а также рама со стеклом, закрывающая это отверстие – БТСРС⁸), используемая для описания внутреннего помещения часовни, где молится Джослин, выступает в качестве лексической единицы, обозначающей витраж – лингвистический контекст данного фрагмента ясно указывает на то, что окно является витражом в церковном сооружении, так как на нём изображено «**житие святого**», которое сверкает «синим, красным и зелёным». Словосочетание «житие святого» (текст, содержащий описание жизни святого, то есть канонизированного христианской церковью церковного или государственного деятеля, мученика или аскета, включающий в себя биографические данные, молитвы, поучения и т.д. – БТСРС⁹) ясно указывает на то, что сюжет, изображённый на витраже, относится именно к христианской

² Голдинг У. Шпиль / Пер. с англ. В. Хинкис М.: АСТ, 2017 [электронный ресурс] URL: https://librebook.me/the_spire/vol1/2 (дата обращения: 12.10.2024).

³ Oxford Learner's Dictionary [электронный ресурс] URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/stained-glass?q=stained+glass> (дата обращения: 05.12.2024).

⁴ Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/meta/vitrazh> (дата обращения: 05.12.2024).

⁵ Golding W. The Spire/ W. Golding, Faber, 2021. с. 18–19

⁶ Голдинг У. Шпиль / Пер. с англ. В. Хинкис М.: АСТ, 2017 [электронный ресурс] URL: https://librebook.me/the_spire/vol1/2 (дата обращения: 12.10.2024).

⁷ Oxford Learner's Dictionary [электронный ресурс] URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/window?q=window> (дата обращения: 05.12.2024).

⁸ Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BE%D0%BA%D0%BD%D0%BE&mode=slovari> (дата обращения: 05.12.2024).

⁹ Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B6%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5&mode=slovari> (дата обращения: 05.12.2024).

традиции. Изображение сцен из житий святых и Евангелия на витражах в храмах являлось и по сей день является распространённой традицией, неотъемлемым элементом интерьера в католических и некоторых протестантских храмах. Кроме того, использование лексической единицы **angel** (a spirit who is believed to be a servant of God, and is sent by God to deliver a message or perform a task. Angels are often shown dressed in white, with wings – Oxford Dictionary¹⁰) / **ангел** (сверхъестественное существо, бесплотное, созданное Богом и являющееся служителем Бога, посредником между Богом и людьми, Божьим посланником (в иудаизме, христианстве, исламе). Изображается обычно крылатым отроком, юношей – БТСРС¹¹) выступает в качестве точного указания на то, что герой повествования во время молитвы почувствовал присутствие сверхъестественного существа – ангела, что также выступает в качестве указания на связь данного фрагмента с христианским религиозным опытом, иными словами, христианской религиозной практикой. Таким образом, слово **window/окно**, очевидным образом не относящееся к исключительно церковной сфере употребления, в контексте представленного выше фрагмента является единицей контекстуально обусловленной церковной лексики, используемой для наименования элемента интерьера христианского храмового сооружения.

Рассмотрим следующий фрагмент: «Facing that barricade of wood and canvas at the other end of the nave, now that the **candles** have gone from the side altars, I could think this was some sort of pagan temple;»¹² / «Теперь, когда на боковых алтарях не горят **свечи**, если стоять лицом к дощатой перегородке в дальнем конце **нефа**, может показаться, что это языческий храм...»¹³. /

Лексическая единица **candle(s)** (a round stick of wax with a piece of string (called a wick) through the middle that is lit to give light as it burns – Oxford Dictionary¹⁴) / **свеча(и)** (приспособление для освещения помещения, представляющее собой палочку из жирового вещества с фитилём внутри – БТСРС¹⁵) / в данном фрагменте находится в окружении нескольких единиц, однозначно указывающих на то, что речь идёт именно о храмовом помещении, а именно: архитектурный термин **nave** (the long central part of a church where most of the seats are – Oxford Dictionary¹⁶) / **неф** (вытянутое прямоугольное помещение, часть внутреннего пространства постройки, ограниченная с одной или двух сторон рядом колонн или стен – Большой толковый словарь русского языка¹⁷ (далее – БТСРЯ)) и **altar(s)** (a holy table in a church or temple – Oxford Dictionary¹⁸) / **алтарь(и)** (сооружение для жертвоприношений у первобытных народов или часть помещения христианского храма, в которой находится престол и жертвенник, обращённая к востоку, возвышающаяся над полом на несколько ступенек – БТСРС¹⁹). В данном случае, поскольку речь идёт о католическом соборе, в котором в отличие от православного храма алтарь является именно особым освящённым столом для совершения богослужения, также называемый «**престолом**» (предмет церковного обихода – четырёхугольный стол, закрытый покрывалом, стоящий посередине алтаря, освящённый в честь какого-либо события (что даёт название храму), возле которого совершается причастие, проводятся богослужения – БТСРС²⁰), а не специально отгороженным местом.

¹⁰ Oxford Learner's Dictionary [электронный ресурс] URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/angel?q=angel> (дата обращения: 05.12.2024)

¹¹ Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D0%BB&mode=slovari> (дата обращения: 05.12.2024).

¹² Golding W. The Spire/ W. Golding, Faber, 2021. с. 5

¹³ Голдинг У. Шпиль / Пер. с англ. В.Хинкис М.: АСТ, 2017 [электронный ресурс] URL: https://librebook.me/the_spire/vol1/2 (дата обращения: 12.10.2024).

¹⁴ Oxford Learner's Dictionary [электронный ресурс] URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/candle?q=candle%5C> (дата обращения: 05.12.2024).

¹⁵ Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/meta/svecha> (дата обращения: 05.12.2024).

¹⁶ Oxford Learner's Dictionary [электронный ресурс] URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/nave?q=nave> (дата обращения: 05.12.2024).

¹⁷ Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/meta/nef> (дата обращения: 05.12.2024)

¹⁸ Oxford Learner's Dictionary [электронный ресурс] URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/altar?q=altar> (дата обращения: 05.12.2024).

¹⁹ Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/meta/altar> (дата обращения: 05.12.2024).

²⁰ Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/meta/prestol> (дата обращения: 05.12.2024).

Слово **алтарь**, также как и слово **престол** является термином, непосредственно относящимся к категории церковной лексики, что подчёркивается в дефинициях, представленных в БТСРС. Данные лексические единицы явно свидетельствуют о том, что речь в данном фрагменте повествования идёт именно о церковном помещении.

Свечи, являющиеся неотъемлемым атрибутом многих религиозных традиций, в том числе и христианской, обладают ярким символическим значением. В христианстве они символизируют либо божественный свет Истины, либо молитву конкретного человека, она символизирует также присутствие воскресшего Христа. В «Словаре символов» Д. Трессидера говорится о том, что свеча символически обозначает «образ духовного света во тьме невежества, ... является важнейшим символом христианских традиций, эмблемой Христа, Церкви, Благодати, Веры и Свидетельства. В более частном смысле свеча краткостью своего существования символизирует одинокую трепетную человеческую душу»²¹. Однако необходимо подчеркнуть, что само слово «свеча» не относится исключительно к сфере церковного употребления, однако в данном контексте, употреблённая при описании внутреннего помещения храма, она относится к предложенной нами категории контекстуально обусловленной церковной лексики.

В качестве другого источника контекстуально обусловленной церковной лексики выступает роман выдающегося британского автора Джорджа Оруэлла «Дочь священника» (A Clergyman's Daughter), написанный в 1935 году. Также в рамках настоящего анализа будет использован перевод романа на русский язык, выполненный В. Домитеевой и К. Макиннес в 2010 году. Данный роман посвящён анализу кризиса личной веры, конфликта истинной религиозности и ставшего привычкой следования религиозным предписаниям и соблюдения ритуала. Количество примеров контекстуально обусловленной лексики в данном произведении крайне ограничено в связи с небольшим количеством сцен, описывающих церковные сооружения или совершаемые обряды, в отличие от ранее рассмотренного произведения У. Голдинга «Шпиль», однако в самом начале произведения присутствуют несколько фрагментов:

Рассмотрим первый фрагмент: *«She began to meditate conscientiously upon the meaning of each phrase of the prayer, and so brought her mind back to a more attentive state, but even so she was all but obliged to use the pin again when Progett tinkled the bell in the middle of “Therefore with Angels and Archangels” – being visited, as always, by a dreadful temptation to begin laughing at that passage»*²². / «Усиленное внимание к смыслу звучащих слов молитвы направило мысли в нужное русло. Хотя булавка опять едва не пошла в ход на середине «Со ангелами, со архангелами», когда Прогетт бодро потряхнул свой колокольчик. На этом месте Дороти всегда достигал чудовищный соблазн захохотать»²³. /

Данный фрагмент описывает момент совершения Евхаристической Литургии. Единица **bell** (a hollow metal object, often like a cup in shape, that makes a ringing sound when hit by a small piece of metal inside it; the sound that it makes – Oxford Dictionary²⁴) / **колокол(ьчик)** (ударный музыкальный инструмент с определённой высотой звука, представляющий собой набор металлических трубок или пластин, свободно подвешенных на перекладине; звук извлекается ударом колотушки, головка которой обтянута кожей; применяется для имитации колокольного звона – БТСРС²⁵), не являющаяся специфическим термином и не используемая исключительно в церковном значении, в данном контексте выступает в качестве наименования специфического литургического колокольчика, используемого во время богослужения, то есть выступает в качестве единицы контекстуально обусловленной церковной лексики. Лингвистический контекст данного фрагмента

²¹ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс] URL: <http://encdic.com/brokgausz/Svecha-68950.html> (дата обращения: 12.10.2024).

²² Orwell G. A Clergyman's Daughter/ G. Orwell, Penguin Books, 2020 с. 9.

²³ Оруэлл Д. Дочь священника/ Пер. с англ. В. Домитеева, К. Макиннес [Электронный ресурс] URL: <https://www.litres.ru/book/dzhordzh-oruell/doch-svyaschennika-157531/> (дата обращения: 19.11.2024)

²⁴ Oxford Learner's Dictionary [электронный ресурс] URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/bell?q=bell> (дата обращения: 05.12.2024).

²⁵ Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB&mode=slovari> (дата обращения: 05.12.2024).

также указывает на принадлежность данной единицы к категории контекстуально обусловленной церковной лексики – в приведённом фрагменте присутствует единица **prayer** (words that you say to God giving thanks or asking for help – Oxford Dictionary²⁶) / **МОЛИТВА** (часть богослужения и повседневной религиозной жизни – обращение священника или мирянина к Богу или святым с благодарностью или просьбой о ниспослании милости и отвращении зла; может быть мысленной и изустной (общей и личной); может сопровождаться различными ритуальными действиями (коленипреклонением, воздеванием рук и др.) – БТСРС²⁷), а также фрагмент формулы из чинопоследования англиканского богослужения – «Therefore with Angels and Archangels».

В англиканской традиции, описанной в «Дочери священника», ряд молитвенных воззваний и формул, используемый во время совершения таинства, аналогичен тем, что используются в католической и православной традиции. В данном случае речь идёт о следующей формуле: «Therefore with Angels and Archangels, and with all the company of heaven, we laud and magnify thy glorious Name; evermore praising thee, and saying, Holy, holy, holy, Lord God of hosts, heaven and earth are full of the glory: Glory be to thee, O Lord most High. Amen»²⁸. Использование данной молитвенной формулы в представленном выше фрагменте явно указывает на то, что речь в нём идёт о совершении христианского таинства Евхаристии, что также подчёркивает связь лексической единицы **bell** с отправлением христианского ритуала и, следовательно, указывает на его принадлежность к категории контекстуально обусловленной церковной лексики.

Рассмотрим следующие фрагменты: «She struggled, collecting her thoughts, uttered mechanically the opening phrases of a prayer; but they were useless, meaningless – nothing but the dead shells of words. Her father was holding the wafer before her in his shapely, aged hand. He held it between finger and thumb, fastidiously, somehow distastefully, as though it had been a spoon of medicine»²⁹. В русском переводе: «Она пыталась перебороть себя, твердила начальные молитвенные фразы – напрасно, лишь пустые скорлупки слов. Отец остановился перед ней с облаткой в усталой, изящно вылепленной руке. Облатку Ректор держал кончиками пальцев, осторожно и аккуратно, вроде ложки с микстурой...»³⁰.

«For several seconds Dorothy hesitated and did not take the wafer. She dared not take it. Better, far better to step down from the altar than to accept the sacrament with such chaos in her heart»³¹. В русском переводе: «Дороти не решилась причаститься. Не смела. Честнее, гораздо честнее совсем уйти, чем взять причастие с этой душевной мутой»³².

«The wafer melted upon her tongue. She took the chalice from her father, and tasted without repulsion, even with an added joy in this small act of self-abasement, the wet imprint of Miss Mayfill's lips on its silver rim»³³. / «Облатка растаяла на языке. Дороти приняла из рук отца серебряный потир и без малейшей брезгливости, даже с особым удовольствием от этой крохотной победы над гордыней, заметила у края чаши тёмный слюнявый отпечаток губ мисс Мэйфилл»³⁴.

В данных фрагментах продолжается описание совершения Таинства Евхаристии, в котором принимает участие главная героиня – Дороти. В данном случае лексической единицей, которая, по нашему мнению, относится к категории контекстуально обусловленной церковной лексики,

²⁶ Oxford Learner's Dictionary [электронный ресурс] URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/prayer?q=prayer> (дата обращения: 05.12.2024).

²⁷ Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B2%D0%B0&mode=slovari> (дата обращения: 05.12.2024).

²⁸ The Book of Common Prayer. Cambridge, 1762 [электронный ресурс] URL: <https://www.churchofengland.org/sites/default/files/2019-10/the-book-of-common-prayer-1662.pdf> (дата обращения: 04.12.2024).

²⁹ Orwell G. A Clergyman's Daughter/ G. Orwell, Penguin Books, 2020. с. 11.

³⁰ Оруэлл Д. Дочь священника/ Пер. с англ. В. Домитеева, К. Макиннес [Электронный ресурс] URL: <https://www.litres.ru/book/dzhordzhuoruell/doch-svyaschennika-157531/> (дата обращения: 19.11.2024).

³¹ Orwell G. A Clergyman's Daughter/ G. Orwell, Penguin Books, 2020. с. 11.

³² Оруэлл Д. Дочь священника/ Пер. с англ. В. Домитеева, К. Макиннес [Электронный ресурс] URL: <https://www.litres.ru/book/dzhordzhuoruell/doch-svyaschennika-157531/> (дата обращения: 19.11.2024).

³³ Orwell G. A Clergyman's Daughter/ G. Orwell, Penguin Books, 2020. с. 12.

³⁴ Оруэлл Д. Дочь священника/ Пер. с англ. В. Домитеева, К. Макиннес [Электронный ресурс] URL: <https://www.litres.ru/book/dzhordzhuoruell/doch-svyaschennika-157531/> (дата обращения: 19.11.2024).

является слово **wafer** (a thin, light biscuit, often eaten with ice cream или a very thin round piece of special bread given by the priest during Communion – Oxford Dictionary³⁵) / **облатка** (Оболочка из желатина или крахмального теста для порошковых лекарств; капсула или небольшая круглая лепёшка из пресного теста, употребляемая при причастии католиками и протестантами – БТСРЯ³⁶). Как и в предыдущих случаях, из словарной дефиниции следует, что данное слово не относится исключительно к сфере церковного употребления, в английском языке выступая в качестве обозначения тонкой вафли, а в русском языке – оболочки для лекарственного препарата. Однако контекст однозначно указывает на то, что в данном случае, речь идёт именно об употреблении данной единицы именно в качестве единицы церковной лексики, иными словами – контекстуально обусловленной церковной лексики.

Лингвистический контекст данных фрагментов, расположенных в хронологической последовательности, ясно указывает на то, что события, разворачивающиеся в повествовании, касаются соблюдения христианского религиозного обряда. Прежде всего рассмотренные нами ранее единицы **prayer/молитва** и **altar/алтарь**. Повторный анализ данных единиц представляется нецелесообразным, в связи с тем, что они уже были рассмотрены ранее в данном исследовании. Стоит лишь подчеркнуть, что они однозначно связаны с различными аспектами христианской духовной практики. Словом, представляющим интерес в данном случае является лексическая единица **chalice** (a large cup for holding wine, especially one from which wine is drunk in the Christian communion service – Oxford Dictionary³⁷) / **потир** (Сосуд для освящения вина и принятия причастия в виде чаши на высокой ножке (обычно из благородных металлов, поделочных камней, украшен драгоценными камнями) – БТСРЯ³⁸). В словарных статьях обозначено, что в английском языке данная единица чаще всего используется именно в контексте христианского богослужения, в то время как в русском языке слово *потир*, использованное при переводе, является единицей церковной лексики, называющей элемент церковной утвари, используемый во время литургии. **Использование данной лексической единицы также однозначно указывает на то, что слово wafer/облатка используется именно в контексте церковного обряда, то есть в качестве контекстуально обусловленной церковной лексики.**

В качестве ещё одного источника контекстуально обусловленной церковной лексики, рассмотренного в рамках настоящего исследования, выступает рассказ «Дети кукурузы» (Children of the Corn) знаменитого американского автора, мастера жанров ужаса и триллера, Стивена Кинга. Рассказ был впервые опубликован в мартовском номере журнала Penthouse за 1977 год, в 1978 году был включён в сборник «Ночная смена» (Night Shift). По мотивам рассказа был снят ряд экранизаций – в 1984 году, затем сиквелы в 1992, 1994, 1996, 1998, 1999, 2001, 2011, а также в 2020 году. В настоящей работе также будет использоваться перевод данного рассказа, выполненный Т. Покидаевой в 2011 году. Сюжет рассказа построен на истории семейной пары – Берта и Вики, потерявших во время автомобильной поездки и попавших в небольшой заброшенный город Гатлин, в котором власть захватила крайне жестокая и радикальная секта, сторонниками которой являются дети, избавившиеся от всех взрослых.

Рассмотрим первый фрагмент: «He shook it off impatiently and went through the inner doors. Now he was standing at the back of the church itself, and as he looked towards the nave, he felt fear close around his heart and squeeze tightly. His breath drew in, loud in the pregnant silence of this place. The space behind the pulpit was dominated by a gigantic portrait of Christ, and Burt thought: If nothing else in this town gave

³⁵ Oxford Learner's Dictionary [электронный ресурс] URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/wafer?q=wafer> (дата обращения: 05.12.2024).

³⁶ Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B0&mode=slovari> (дата обращения: 05.12.2024).

³⁷ Oxford Learner's Dictionary [электронный ресурс] URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/chalice?q=chalice> (дата обращения: 05.12.2024).

³⁸ Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D0%BE%D1%82%D0%B8%D1%80&mode=slovari> (дата обращения: 05.12.2024).

Vicky the screaming teemies, this would»³⁹. / «Берт решил не ломать себе голову над ответом и открыл дверь, ведущую из притвора в помещение самого храма. Оказавшись внутри, он взглянул в сторону нефа, и его сердце сжалось от страха. Он нервно втянул носом воздух, и в многозначительной сумрачной тишине его вдох прозвучал как-то уж слишком громко. Почти всю стену за кафедрой занимало огромное изображение Христа. Берт подумал: «Вики бы точно сейчас заорала как резаная и забила в истерике»»⁴⁰. /

В данном фрагменте в качестве контекстуально обусловленной лексики мы предлагаем рассматривать лексическую единицу **portrait** (a painting, drawing or photograph of a person, especially of the head and shoulders – Oxford Dictionary⁴¹) / **изображение** (произведение изобразительного искусства, представляющее собой плоскостное или объёмное воспроизведение какого-либо существа или предмета – БТСРС⁴²), а также используемую в русском переводе единицу «**кафедра**». В данном фрагменте речь идёт о том, как главный герой – Берт – заходит в здание, как ему кажется, заброшенной церкви, расположенной в Гатлине. Очевидно, что контекст самого повествования ясно указывает на то, что в данном отрывке все детали касаются описания именно элементов церковного интерьера.

Рассматривая лингвистический контекст данного фрагмента, необходимо проанализировать ряд лексических единиц, использованных автором. Прежде всего, единицы **church** (a building where Christians go to attend services, pray, etc. – Oxford Dictionary⁴³) / **церковь** (в переводе – **храм** (сооружение для совершения богослужений, в архитектуре и внутреннем убранстве которого отражаются постулаты какого-либо вероучения – БТСРС⁴⁴)) (здание, в котором происходит христианское богослужение – БТСРЯ⁴⁵), также **nave** (the long central part of a church where most of the seats are – Oxford Dictionary⁴⁶) / **неф** (вытянутое прямоугольное помещение, часть внутреннего пространства постройки, ограниченная с одной или двух сторон рядом колонн или стен – БТСРЯ⁴⁷) и **притвор** (часть христианского храма, обращённая к западу, – входное помещение, отделённое от основного глухой стеной, в котором могут находиться не только христиане, но и иноверцы и еретики – БТСРС⁴⁸), использованное в русском переводе.

Лексические единицы **church/храм** и **притвор**, использованное в русском переводе, в соответствии с предложенной нами классификацией, изложенной ранее в настоящем исследовании, представляется возможным отнести к категории церковной лексики, а именно к подкатегориям наименований церковных сооружений, а лексические единицы **nave/неф** – к категории контекстуально обусловленной церковной лексики, а именно к подкатегории архитектурных элементов и деталей, которые в определённом контексте выступают в качестве неотъемлемых деталей храмового устройства. Их употребление однозначно указывает на то, что в данном фрагменте описывается храмовое помещение.

³⁹ King S. Children of the Corn/ S. King [электронный ресурс] URL: <https://xpressenglish.com/our-stories/children-of-the-corn/> (дата обращения: 05.12.2024).

⁴⁰ Кинг С. Ночная смена / Дети кукурузы/ С. Кинг/ Пер. с англ. Т. Покидаева. М.: АСТ, 2017. с. 454.

⁴¹ Oxford Learner's Dictionary [электронный ресурс] URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/portrait?q=portrait> (дата обращения: 05.12.2024).

⁴² Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5&mode=slovari> (дата обращения: 05.12.2024).

⁴³ Oxford Learner's Dictionary [электронный ресурс] URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/church?q=church> (дата обращения: 05.12.2024).

⁴⁴ Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D1%85%D1%80%D0%B0%D0%BC&mode=slovari> (дата обращения: 05.12.2024).

⁴⁵ Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D1%86%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8C%20&mode=slovari&page=2> (дата обращения: 05.12.2024).

⁴⁶ Oxford Learner's Dictionary [электронный ресурс] URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/nave?q=nave> (дата обращения: 05.12.2024).

⁴⁷ Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BD%D0%B5%D1%84&mode=slovari> (дата обращения: 05.12.2024).

⁴⁸ Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B2%D0%BE%D1%80&mode=slovari> (дата обращения: 05.12.2024).

Кроме того, единица **pulpit** (a small platform in a church that is like a box and is high above the ground, where a priest, etc. stands to speak to the people – Oxford Dictionary⁴⁹) / **кафедра** (возвышение, с которого читаются лекции, делаются доклады и иные выступления перед аудиторией или (в христианской церкви): возвышение с креслом для епископа, с которого произносятся проповеди – БТСРЯ⁵⁰), является указанием на связь данного фрагмента с описанием элемента церковного убранства – как свидетельствует статья из Оксфордского словаря, слово «**pulpit**» относится именно к сфере церковного употребления. Использованное в русском переводе слово «**кафедра**» в данном случае также выступает в качестве единицы контекстуально обусловленной церковной лексики, поскольку оно используется именно в значении возвышения для выступления перед аудиторией, а не кресла епископа. Поскольку данное семантическое значение лексической единицы «кафедра» не относится исключительно к церковной сфере употребления, представляется возможным отнести данную единицу именно к сфере контекстуально обусловленной церковной лексики.

Наиболее значимым в данном случае является имя Иисуса Христа, которое имеет сакральное значение и потому относится к категории сакральной лексики. Использование данного имени в отношении изображения на стене церкви указывает на его принадлежность к категории контекстуально обусловленной церковной лексики. Ввиду особенностей традиций обстановки протестантских храмов (из повествования следует, что раньше церковь, описываемая в рассказе, являлась баптистской церковью), изображения Иисуса Христа, сцен из Евангелия или Ветхого Завета являются распространённым элементом в интерьере церковных сооружений, при этом в отличие от православной или католической традиции, не являются объектом поклонения. Тем не менее, ввиду представленного выше анализа контекста, представляется возможным отнести лексическую единицу **portrait/изображение** к категории контекстуально обусловленной церковной лексики.

Интересным представляется и следующий фрагмент: «*He climbed the four carpeted **steps** to the **pulpit** and looked out over the deserted **pews**, glimmering in the half-shadows. He seemed to feel the weight of those eldritch and decidedly unchristian eyes boring into his back. There was a large **Bible** on the lectern, opened to the thirty-eighth chapter of **Job***»⁵¹. В русском переводе: «Берт поднялся на возвышение, где стояла **кафедра** – четыре **ступеньки**, застеленные ковром, – и окинул взглядом пустые **скамьи**, тускло мерцавшие в полумраке. Он буквально физически ощущал, как ему в спину впиивается взгляд жутких, явно не христианских глаз. На **аналоге** лежала толстенная Библия, открытая на тридцать восьмой главе **Книга Иова**»⁵².

В данном случае мы относим к категории контекстуально обусловленной церковной лексики целый ряд единиц как из английского оригинала, так и из перевода на русский язык. Прежде всего к данной категории мы относим единицы **steps** (a surface that you put your foot on in order to walk to a higher or lower level, especially one of a series – Oxford Dictionary⁵³) / **ступень(ка)** (часть лестницы (сооружения для подъёма и спуска), представляющая собой выступ, поперечную доску, плиту, на которую ступают при подъёме или спуске. – БТСРС⁵⁴). Данные слова выступают в качестве контекстуально обусловленной церковной лексики – наименования архитектурных элементов, которые являются неотъемлемой частью храмового устройства, а именно – возвышения,

⁴⁹ Oxford Learner's Dictionary [электронный ресурс] URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/pulpit?q=pulpit> (дата обращения: 05.12.2024).

⁵⁰ Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D0%B0%D1%84%D0%B5%D0%B4%D1%80%D0%B0&mode=slovari> (дата обращения: 05.12.2024).

⁵¹ King S. Children of the Corn/ S. King [электронный ресурс] URL: <https://xpressenglish.com/our-stories/children-of-the-corn/> (дата обращения: 05.12.2024).

⁵² Кинг С. Ночная смена / Дети кукурузы/ С. Кинг/ Пер. с англ. Т. Покидаева. М.: АСТ, 2017. с. 455.

⁵³ Oxford Learner's Dictionary [электронный ресурс] URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/step_1?q=steps (дата обращения: 05.12.2024).

⁵⁴ Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/meta/stupen> (дата обращения: 05.12.2024).

на котором находится кафедра проповедника. В данном случае в тексте оригинала, а также в тексте перевода используются единицы церковной лексики – ранее рассмотренная единица **pulpit** и **аналой** (Предмет, используемый в христианском богослужении, – высокий столик с покатым верхом, на который кладутся Евангелие, крест и иконы, выставляемые для поклонения верующих, и вокруг которого священник обводит новобрачных при совершении обряда венчания – БТСРС⁵⁵). Данные единицы церковной лексики указывают на связь данного фрагмента рассказа с описанием церковного помещения, таким образом свидетельствуя о принадлежности указанных выше единиц **stairs/ступень(ка)** к категории контекстуально обусловленной церковной лексики. Также об этом свидетельствует и употребление единиц церковной лексики, называющие священные тексты и церковные книги, а именно **Bible/Библия** и **Job/Книга Иова**.

5. Выводы

В результате проведённого анализа конкретных примеров из текстов, относящихся к англоязычному художественному дискурсу, а также текстов их переводов на русский язык, было установлено, что во многих случаях, когда лексические единицы, именующие предметы, явления и т.п., не связанные исключительно со сферой церковного употребления, употребляются в контексте, явно указывающем на связь описываемых предметов, явлений и событий со сферой церковной жизни, могут выступать в качестве единиц, относящихся к предложенной нами подкатегории контекстуально обусловленной церковной лексики.

Как было отмечено ранее, к данной категории мы относим:

- 1) Наименования архитектурных элементов и деталей, которые в определённом контексте выступают в качестве неотъемлемых деталей храмового устройства.
- 2) Наименования предметов и субстанций, которые не имеют исключительной связи с церковным употреблением, но в определённом контексте выступают в качестве наименований неотъемлемых элементов христианской богослужебной практики и храмовой обстановки.

Таким образом, представляется возможным утверждать, что включение предложенной нами подкатегории контекстуально обусловленной церковной лексики в состав предложенной другими учёными категоризации, является целесообразным и обоснованным и, кроме того, сама категория контекстуально обусловленной церковной лексики выступает в качестве предмета, заслуживающего дальнейшего подробного изучения.

© Н.С. Макаров, 2025

Список литературы

1. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема/ О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет// Вопросы языкознания №3, 1977.
2. Бугаева И.В. Православная лексика в русском и финском языках/ Бугаева И.В.// Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian, Хельсинки, 2010. [Электронный ресурс]. – URL: <https://blogs.helsinki.fi/slavica-helsingiensia/files/2019/11/27-sh40.pdf> (дата обращения: 22.01.2024).
3. Булавина С.В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику : автореферат диссертации кандидата филологических наук / С. В. Булавина. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dissercat.com/content/russkie-ustoichivye-slovosochetaniya-soderzhashchie-tserkovno-religioznuyu-leksiku> (дата обращения: 22.01.2024).

55 Gramota.ru [электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/meta/analoy> (дата обращения: 05.12.2024).

4. Горюшина Р.И. Лексика христианства в русском языке (системное отношение прямых конфессиональных и производных светских слов) : автореферат диссертации кандидата филологических наук / Р.И. Горюшина. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.disscat.com/content/leksika-khristianstva-v-russkom-yazyke-sistemnye-otnosheniya-pryamyykh-konfessionalnykh-i-pro> (дата обращения 22.01.2024).
5. Дьячков А.В. Лингвистический и экстралингвистический контекст в переводческой деятельности/ А.В. Дьячков, Н.В. Дьячкова// Творчество и современность №2(20). 2023. с.118–122.
6. Кечкеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение/ Кечкеш И.// Вестник РУДН, серия Лингвистика, 2014 №1. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-kontekst-i-kommunikativnoe-znachenie/viewer> (дата обращения: 04.12.2024).
7. Колшанский Г.В. Контекстная семантика /Г.В. Колшанский. Москва: Наука, 1980.
8. Комиссаров В.Н. Теория перевода/ В.Н. Комиссаров Москва: Высшая школа, 1990.
9. Королева И.А. Православная сакрально-богослужебная лексика в художественном тексте : автореферат диссертации кандидата филологических наук / И.А. Королева. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.disscat.com/content/pravoslavnaya-sakralno-bogoslužebnaya-leksika-v-sovremennom-russkom-yazyke-i-v-khudozhestve> (дата обращения: 22.01.2024).
10. Коряжкина О.В. Роль вертикального контекста и различных типов интертекстуальности в лингвопоэтическом анализе художественного произведения/ О.В. Коряжкина// Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vertikalnogo-konteksta-i-razlichnyh-tipov-intertekstualnosti-v-lingvo-poeticheskom-analize-hudozhestvennogo-proizvedeniya/viewer> (дата обращения: 25.09.2024).
11. Кошелева Т.И. Лексика православия в речи журналистов. / Т.И. Кошелева// Учёные записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksika-pravoslaviya-v-rechi-svetskikh-zhurnalistov/viewer> (дата обращения 24. 01. 04).
12. Крылова И.А. Современная православная проповедь в функционально-стилистическом аспекте: диссертация... кандидата филологических наук / И. А. Крылова. Санкт-Петербург, 2005.
13. Макаров Н.С. Церковная лексика как лексическая категория/ Н.С. Макаров// Филологические науки в МГИМО. Т.10. №2, 2024. С. 38–49.
14. Мечковская Н.Б. Язык и религия (лекции по филологии и истории религий) / Н. Б. Мечковская. Москва : ФАИР, 1998.
15. Мощанская Е.Ю. Роль невербального контекста в восприятии и понимании устного дискурса/ Е.Ю. Мощанская// Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-neverbalnogo-konteksta-v-vospriyatii-i-ponimanii-ustnogo-diskursa/viewer> (дата обращения: 04.12.2024).
16. Мыркин В.Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст/ В.Я. Мыркин// Филологические науки №1. 1978. С. 95–100.
17. Рабжаева М.В. Современная церковная лексика: проблема нормативного произношения и её социальные последствия/ Рабжаева М.В. Семенов В.Е. // Вестник СПбГУКИ. №4(13). Декабрь 2012. с.181–186.
18. Складарская Г.Н. Словарь православной культуры/ Г.Н. Складарская. Санкт-Петербург: Наука, 2007.
19. Слаутина М.В. Особенности репрезентации христианской картины мира в лексике русского языка: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / М. В. Слаутина. Екатеринбург, 2006.
20. Тимофеев К.А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения: монография / К.А. Тимофеев. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/timofeev-01.htm> (дата обращения: 22.01.2024).
21. Цаголова Т.Т. Роль контекста в актуализации смыслового содержания многозначной фразеологической единицы/ Т.Т. Цаголова// Современные исследования социальных проблем, №2-2(26), 2016. С. 115–126.
22. Четырина А.М. К вопросу о разграничении церковной и религиозной лексики в толковых словарях русского языка/ А.М. Четырина// Актуальные вопросы изучения духовной культуры. Ярославль: Ремдер, 2010.
23. Newmark P. Approaches to translation/ P. Newmark. Oxford, 1981.

Источники практического материала

- Golding W. The Spire/ W. Golding, Faber, 2021.
- Orwell G. A Clergyman's Daughter/ G. Orwell, Penguin Books, 2020.
- King S. Children of the Corn/ S. King. [Электронный ресурс]. – URL: <https://xpressenglish.com/our-stories/children-of-the-corn/> (дата обращения: 05.12.2024).
- Голдинг У. Шпиль / Пер. с англ. В. Хинкис. М.: АСТ, 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://librebook.me/the_spire/vol1/2 (дата обращения: 12.10.2024).
- Оруэлл Д. Дочь священника/ Пер. с англ. В. Домитеева, К. Макиннес. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litres.ru/book/dzhordzh-oruell/doch-svyaschennika-157531/> (дата обращения: 19.11.2024).
- Кинг С. Ночная смена /Дети кукурузы/ С. Кинг/ Пер. с англ. Т. Покидаева. М.: АСТ, 2017.
- The Book of Common Prayer. Cambridge, 1762. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.churchofengland.org/sites/default/files/2019-10/the-book-of-common-prayer-1662.pdf> (дата обращения: 04.12.2024).
- Oxford Learner's Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 05.12.2024).
- Gramota.ru. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gramota.ru/> (дата обращения: 05.12.2024)

References

1. Akhmanova, O.S., Giubbenet I.V. «Vertikal'nyi kontekst» kak filologicheskaya problema ['Vertical context' as a philological problem]/ O.S. Akhmanova, I.V. Giubbenet// *Voprosy iazykoznanii* №3, 1977.
2. Bugaeva, I.V. Pravoslavnaia leksika v russkom i finskom iazykakh [Orthodox vocabulary in Russian and Finnish languages]/ I.V. Bugaeva// *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*, Helsinki, 2010.
3. Bulavina, S.V. Russkie ustoychivye slovosochetaniia, sodержashchie tserkovno-religioznuu leksiku. Autoreferat kand. filol. nauk [Russian stable word combinations containing church-religious vocabulary]/ S.V. Bulavina, <https://www.dissercat.com/content/russkie-ustoychivye-slovosochetaniya-soderzhashchie-tserkovno-religioznuyu-leksiku> (Accessed 22 January 2024).
4. Goriushina, R.I. *Leksika khristianstva v russkom iazyke (sistemnoe otnoshenie priamykh konfessional'nykh i proizvodnykh svet-skikh slov)*: Autoreferat kand. filol. nauk [The lexicon of Christianity in the Russian language (systemic relation of direct confessional and derived secular words)] / R.I. Goriushina, <https://www.dissercat.com/content/leksika-khristianstva-v-russkom-yazyke-sistemnye-otnosheniya-priamykh-konfessionalnykh-i-pro> (Accessed 22 January 2024).
5. D'iachkov, A.V., D'iachkova N.V. *Lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie konteksty v perevodcheskoi deiatel'nosti* [Linguistic and extra-linguistic context in translation activities]/ A.V. D'iachkov, N.V. D'iachkova// *Tvorchestvo i sovremennost'*. №2 (20), 2023.
6. Kechkesh, I. *Slovo, kontekst i kommunikativnoe znachenie* [Word, context and communicative meaning]/ I. Kechkesh// *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya Lingvistika-Russian Journal of Linguistics*, <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-kontekst-i-kommunikativnoe-znachenie/viewer> (Accessed 4 December 2024).
7. Kolshanskii, G.V. *Kontekstnaia semantika* [Contextual semantics] /G.V. Kolshanskii. Moscow: Nauka, 1980.
8. Komissarov, V.N. *Teoriia perevoda* [Theory of translation]/ V.N. Komissarov Moscow: Vysshiaia shkola, 1990.
9. Koroleva, I.A. *Pravoslavnaia sakral'no-bogoslužebnaia leksika v khudozhestvennom tekste*: Autoreferat kand. filol. nauk [Orthodox sacral and devotional vocabulary in the artistic text]/ I.A. Koroleva, <https://www.dissercat.com/content/pravoslavnaia-sakralno-bogoslužebnaia-leksika-v-sovremennom-russkom-yazyke-i-v-khudozhestve> (Accessed 22 January 2024).
10. Koriazhkina, O.V. *Rol' vertikal'nogo konteksta i razlichnykh tipov intertekstual'nosti v lingvopoeticheskom analize khudozhestvennogo proizvedeniia* [The role of vertical context and different types of intertextuality in the linguopoetic analysis of a work of art] / O.V. Koriazhkina// *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki*, <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vertikalnogo-konteksta-i-razlichnykh-tipov-intertekstualnosti-v-lingvopoeticheskom-analize-hudozhestvennogo-proizvedeniia/viewer> (Accessed 4 December 2024).
11. Kosheleva, T.I. *Leksika pravoslaviia v rechi zhurnalistov* [Lexicon of Orthodoxy in the speech of journalists]/ T.I. Kosheleva// *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Iaroslava Mudrogo*, <https://cyberleninka.ru/article/n/leksika-pravoslaviia-v-rechi-svet-skikh-zhurnalistov/viewer> (Approached 24 January 2024).
12. Krylova, I.A. *Sovremennaia pravoslavnaia propoved' v funktsional'no-stilisticheskom aspekte*: Dis. Kand. filol. nauk. [Modern Orthodox sermon in functional and stylistic aspect]/ Krylova I.A. Saint-Petersburg, 2005.
13. Makarov N.S. *Tserkovnaia leksika kak leksicheskaya kategoriia* [The Church lexicon as a lexical category] N.S. Makarov// *Filologicheskie nauki v MGIMO*. V.10. №2, 2024. P. 38–49.
14. Mechkovskaia, H. B. *Iazyk i religiia* (leksii po filologii i istorii religii) [Language and religion]/ N.B. Mechkovskaia, Moscow: FAIR, 1998.
15. Moshchanskaia, E.Iu. *Rol' neverbal'nogo konteksta v vospriatii i ponimanii ustnogo diskursa* [The role of non-verbal context in the perception and understanding of oral discourse]/ E.Iu. Moshchanskaia// *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy iazykoznanii i pedagogiki*, <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-neverbalnogo-konteksta-v-vospriatii-i-ponimanii-ustnogo-diskursa/viewer> (Accessed 4 December 2024).
16. Myrkin V.Ia. *Tipy kontekstov. Kommunikativnyi kontekst* [Types of contexts. Communicative context]/ V.Ia. Myrkin// *Filologicheskie nauki* №1. 1978. P. 95–100.
17. Rabzhaeva, M.V., Semenov, V.E. *Sovremennaia tserkovnaia leksika: problema normativnogo proiznosheniia i ee sotsial'nye posledstviia* [Modern Church vocabulary: the problem of normative pronunciation and its social consequences]/ M.V. Rabzhaeva, V.E. Semenov // *Vestnik SPbGUKI* №4(13), 2012. P. 181–186.
18. Skliarevskaia, G.N. *Slovar' pravoslavnoi tserkovnoi kul'tury* [Dictionary of Orthodox Culture] / G.N. Skliarevskaia. Saint Petersburg: Nauka, 2007.
19. Slautina, M.V. *Osobennosti reprezentatsii khristianskoi kartiny mira v leksike russkogo iazyka*: Autoreferat. Dis. Kand. filol. nauk. [Peculiarities of representation of the Christian picture of the world in the lexicon of the Russian language]/ M.V. Slautina. Yekaterinburg, 2006.
20. Timofeev, K.A. *Religioznaia leksika russkogo iazyka kak vyrazhenie khristianskogo mirovozzreniia: monografiia* [Religious vocabulary of the Russian language as an expression of the Christian worldview]/ K.A. Timofeev, <http://www.philology.ru/linguistics2/timofeev-01.htm> (Accessed 22 January 2024).
21. Tsagolova, T.T. *Rol' konteksta v aktualizatsii smyslovogo sodержaniia mnogoznachnoi frazeologicheskoi edinitsy* [The role of context in actualising the semantic content of a polysemous phraseological unit]/ T.T. Tsagolova// *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem*, №2-2(26), 2016. P.115–126.
22. Chetyrina, A.M. *K voprosu o razgranichenii tserkovnoi i religioznoi leksiki v tolkovykh slovariakh russkogo iazyka* [On the question of differentiation of church and religious lexicon in explanatory dictionaries of the Russian language]/ A.M. Chetyrina// *Aktual'nye voprosy izucheniia dukhovnoi kul'tury*. Yaroslavl: Remder, 2010.
23. Newmark P. *Approaches to translation*/ P. Newmark. Oxford, 1981.

Sources

- Golding W. The Spire/ W. Golding, Faber, 2021.
- Orwell G. A Clergyman's Daughter/ G. Orwell, Penguin Books, 2020.
- King S. Children of the Corn/ S. King, <https://xpressenglish.com/our-stories/children-of-the-corn/> (Accessed 5 December 2024).
- Golding W. The Spire/ Translated into Russian by V. Hinkis. Moscow: AST, 2017, https://librebook.me/the_spire/vol1/2 (Accessed 12 October 2024).
- Orwell G. The Clergyman's Daughter/ Translated into Russian by V. Domiteeva, K. Makinnes, <https://www.litres.ru/book/dzhordzh-oruell/doch-svyaschennika-157531/> (Accessed 19 November 2024).
- King, S. The Night Shift/ Children of the Corn/ Translated into Russian by T. Pokidaeva. Moscow: AST, 2017.
- The Book of Common Prayer. Cambridge, 1762, <https://www.churchofengland.org/sites/default/files/2019-10/the-book-of-common-prayer-1662.pdf> (Accessed 4 December 2024).
- Oxford Learner's Dictionary, <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (Accessed 5 December 2024).
- Gramota.ru, <https://gramota.ru/> (Accessed 5 December 2024).

Сведения об авторе:

Макаров Никита Сергеевич – аспирант и преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО. Сфера научных и профессиональных интересов: лексический состав английского и русского языка, особенности перевода прецедентных единиц, межкультурная коммуникация, история и культура Соединенного Королевства, социальное учение и моральная теология (нравственное богословие) Католической Церкви, взаимосвязь богословия и музыки.

E-mail: makarov.n.s@my.mgimo.ru

ORCID ID: 0000-0002-6581-748X

About the author:

Nikita S. Makarov is Postgraduate student and Lecturer at the Department of English Language No. 3 of MGIMO University (Russia, Moscow). Spheres of scientific and professional interests: lexical composition of the English and Russian languages, peculiarities of translation of precedent units, intercultural communication, history and culture of the United Kingdom, social doctrine and moral theology (moral theology) of the Catholic Church, interrelation of theology and music.

E-mail: makarov.n.s@my.mgimo.ru

ORCID ID: 0000-0002-6581-748X

* * *

Functional-Semantic Hybridity of Texts in French

Yulia V. Stepanyuk

Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

Abstract. The article introduces the concept of functional-semantic hybridity of texts, reflecting the inhomogeneous nature of texts in structural-content and pragmatic aspects, i.e. from the point of view of the types of speech, or text types, that comprise them. Most texts in French are hybrid in this regard, but the phenomenon of functional-semantic hybridity in the French language has not been widely studied. The purpose of the work is to examine the phenomenon of functional-semantic hybridity in written texts of various discourses in French and the basic forms of interaction of text types. The main material of the study was the texts of various discourses: fiction, journalistic, historical, popular science, everyday life, etc. The research procedure included several stages: examination of the concept of hybridity; concepts of speech type and text type; typologies of text types; the concept and forms of implementation of functional-semantic hybridity in the texts of various discourses in French; comprehension of the obtained results of the material analysis. In the research the following methods were used: observation, description, comparison, interpretation, classification and typology; discursive, structural-semantic and pragmatic analysis.

The article examines: the interaction of such types of texts as descriptive, narrative, argumentative, informative, explicative, prescriptive, expository, emotive and a number of others; such forms of interaction of text types as montage, collage and contamination, which represent the main forms of functional-semantic hybridity of texts and allow us to describe any cases of interaction of text types. When montage text types, the text or part of the text consists of different, successive, uniquely identifiable fragments by type. Collage is an extreme form of montage, in which the text or its fragment is characterized by the presence of a large number of text types in a small segment. In case of contamination, a text or its fragment can be simultaneously classified into two (less often – three or more) different types. The examples given in the article show that functional-semantic hybridity characterizes the textual products of many discourses. It is proposed to include the phenomenon of functional-semantic hybridity of texts in the number of text categories.

Keywords: French language, types of texts, functional-semantic hybridity of text, interaction of text types, montage of text types, collage of text types, contamination of text types

For citation: Stepanyuk Yu.V. (2025). Functional-Semantic Hybridity of Texts in French. *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(1), pp. 61–75. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-42-61-75>

Функционально-смысловая гибридность текстов на французском языке

Ю. В. Степанюк

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д.1

Аннотация. В статье вводится понятие функционально-смысловой гибридности текстов, отражающее неомогенный характер текстов в структурно-содержательном и прагматическом аспектах, то есть с точки зрения составляющих их типов речи, или текстотипов. Большинство текстов на французском языке являются гибридными в этом отношении, однако явление функционально-смысловой гибридности на материале французского языка широко не изучалось. Целью работы является рассмотрение явления функционально-смысловой гибридности в письменных текстах различных дискурсов на французском языке и базовых форм взаимодействия текстотипов. Основным материалом исследования послужили тексты различных дискурсов: художественного, публицистического, исторического, научно-популярного, бытового и др. Процедура исследования включала несколько этапов: рассмотрение понятия гибридности; понятий типа речи и типа текста; типологий типов текстов; понятия и форм реализации функционально-смысловой гибридности в текстах различных дискурсов на французском языке; осмысление полученных результатов анализа материала. В процессе исследования использовались методы наблюдения, описания, сравнения, интерпретации, классификации и типологизации; дискурсивного, структурно-смыслового и прагматического анализа.

В статье рассмотрены: взаимодействие таких типов текстов, как дескриптивный, нарративный, аргументативный, информативный, экспликативный, прескриптивный, экспозитивный, эмотивный и ряда других; такие формы взаимодействия текстотипов, как монтаж, коллаж и контаминация, которые представляют собой основные формы функционально-смысловой гибридности текстов и позволяют описать любые случаи взаимодействия типов текстов. При монтаже текстотипов текст или часть текста состоит из разных, сменяющих друг друга, однозначно идентифицируемых по типу фрагментов. Коллаж является крайней формой монтажа, при которой текст или его фрагмент характеризуется наличием большого количества текстотипов на небольшом отрезке. При контаминации текст или его фрагмент может быть одновременно отнесён к двум (реже – к трём или более) разным типам. Примеры, приводимые в статье, показывают, что функционально-смысловая гибридность характеризует текстовые продукты многих дискурсов. Предложено включить явление функционально-смысловой гибридности текстов в число текстовых категорий.

Ключевые слова: французский язык, типы текстов, функционально-смысловая гибридность текста, взаимодействие текстотипов, монтаж текстотипов, коллаж текстотипов, контаминация текстотипов

Для цитирования: Степанюк Ю.В. (2025). Функционально-смысловая гибридность текстов на французском языке. *Филологические науки в МГИМО*. 11(1), С. 61–75. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-41-61-75>

1. Введение

1.1. Исследования гибридности в лингвистике

Термин «гибридность» был заимствован из подъязыка биологии, где «гибрид» означал «организм, полученный в результате скрещивания генетически различающихся родительских форм (видов, пород, линий и др.» [12, с. 299]. В настоящее время большой научный интерес вызывают понятия креолизованности, поликодовости, гетерогенности, гибридности, гибридизации и т.п., которые изучаются во многих гуманитарных науках, в том числе в лингвистике, вслед за М.М. Бахтиным.

В лингвистике гибридность, гибридизация и гетерогенность рассматриваются с различных точек зрения. В настоящее время предпочтение отдаётся исследованию гибридного характера различных жанров (например, фельетона [11], эссе [6]) и дискурсов: энциклопедического [16], экономического [7], географического [1], политического [9], юридического [17], художественно-правового [2], художественно-политического [13], публичного [8], поздравительного [10], а также рекламного, медийного и др.

К вопросам гибридности и гибридизации обращались также О.С. Ахманова, Е.Е. Анисимова, С.В. Лихачев, О.К. Ирисханова, В.Е. Чернявская [18], Т.Ю. Загряжская [3], В.Е. Замальдинов, Ю.М. Кисткина, А.В. Хотног, Л.Ю. Щипицина, Т.В. Дубровская, С.С. Маркова, В.А. Торопкина, Н.В. Филатова, А.Ю. Рогозин, М.Е. Букеева, Л.И. Гришаева, Л.А. Нефедова, О.В. Бокова, О.А. Кострова, Т.В. Солодовникова, Н.В. Любимова, К.А. Марченко, Л.О. Бородулина, О.А. Солопова, К.А. Наумова и другие исследователи.

Во франкоязычных работах гибридность рассматривается преимущественно на материале произведений художественной литературы (Ф. Жеврэ, Ж.-Л. Акетт, И. Шоль, Н. Балюте и др.), в том числе исследовались гибридные жанры (К. Мелле, Ф. Ринк, Ф. Ситри [24] и др.).

В лингвистике изучается содержание понятия гибридности (гибридизации), а также её виды, в число которых мы предлагаем включить и функционально-смысловую гибридность текстов, которую (в другой терминологии) рассматривали Т.Б. Трошева, В.Е. Чернявская [18] и др.

1.2. Понятия текста, дискурса и функционально-смысловой гибридности текстов

Текст является одним из элементов коммуникативной системы [18, с. 12], речемыслительным произведением [там же, с. 19], обладающий рядом категорий, таких как когезия, когерентность, информативность и др. [там же], [15, с. 534]. В настоящей статье материалом являются письменные тексты. Дискурс понимается как «совокупность тематически соотнесённых текстов» [18, с. 144].

Различные аспекты теории текста изучали такие отечественные авторы, как М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, И.Р. Гальперин, Т.М. Дридзе, Г.И. Богин, Г.В. Колшанский, Е.А. Реферовская, З.Я. Тураева, Ю.А. Левицкий, Т.М. Николаева, А.А. Залевская, Н.С. Валгина, О.А. Нечаева, А.Ф. Папина, О.Л. Каменская, А.И. Новиков, В.Е. Чернявская [18], А.А. Чувакин и мн. др.

Структурно-содержательные и прагматические особенности текста отражаются, прежде всего, в типах речи (в отечественной терминологии), или в типах текстов (в зарубежной, и в частности, в немецкоязычной и франкоязычной терминологии). В общем виде функционально-смысловые типы речи представляют собой «коммуникативно обусловленные типизированные разновидности монологической речи» (основными из которых являются описание, повествование и рассуждение) [15, с. 577], характеризующиеся «определённой прагматической функцией, определённым типом логического содержания и типом структуры» [там же, с. 578].

Однако в реальной речевой коммуникации тексты редко бывают гомогенными в данном отношении и могут содержать не только разные, но и не поддающиеся однозначной идентификации текстотипы. Можно утверждать также, что большинство текстов на французском языке являются гибридными с точки зрения содержащихся в них функционально-смысловых типов речи, или же тексты содержат фрагменты с гибридными текстотипами. Таким образом, для характеристики текстов, содержащих разные текстотипы, мы вводим понятие функционально-смысловой гибридности текстов.

Следует рассмотреть подходы (в том числе франкоязычных авторов) к выделению типов текстов и к изучению их взаимодействия.

1.3. Типы текстов и виды функционально-смысловой гибридности текстов

В отечественной традиции широко используется понятие функционально-смысловых типов речи, которое изучали такие отечественные авторы, как О.А. Нечаева, М.Н. Кожина, Т.Б. Трошева, А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Одинцов, С.В. Чебанов, Е.С. Троянская, В.И. Коньков, О.В. Неупокоева и др. Описание, повествование и рассуждение являются базовыми типами речи, к которым во второй трети XX века добавились предписание и констатация, при этом каждый из вышеуказанных типов речи имеет свои подтипы [15, с. 578].

Исследователи отмечают наличие различных структурных модификаций у базовых типов речи [там же]. Степень и характер модификаций зависят от жанра, тематики и содержания текста, а также от функционального и авторского стилей [там же]. Также отмечается, что в тексте типы речи могут по-разному чередоваться и взаимодействовать, образуя, в частности, «контаминированные типы», имеющие черты двух или более равноправных типов речи [там же, с. 578–579]. Контаминированные типы речи изучали в том числе О.А. Нечаева, Т.Е. Жерноклетова, Л.Н. Омельченко (синкретизм, в её терминологии) и др. Именно на целостном тексте целесообразно проводить идентификацию и дифференциацию различных типов речи, так как это позволяет установить общую структуру текста, составляющие её типы речи («чистые» или контаминированные), а также их иерархию [там же, с. 579].

Франкоязычные и немецкие лингвисты широко оперируют понятием «тип текста». Поскольку в настоящей работе изучаются материалы на французском языке, именно данное понятие используется в статье как аналог «типа речи». При этом в современной лингвистике в него нередко вкладывается разное содержание «ввиду сложности и многоаспектности» данного понятия [там же, с. 532]. В настоящей статье речь идёт о типах текстов по их функционально-смысловому назначению [там же]. Однако Б. Комбетт считает, что данные типы текстов определяются не каким-то одним, но целым «пучком» признаков [23, с. 7], прежде всего, лингвистических, а также структурно-содержательных и прагматических. Среди франкоязычных авторов типы текста изучали Ж. Фрессон, Ж. Симонен, М. Пеше, П. Шародо, М. Шароль, А.Ж. Греймас, Ф. Растье, Ж.-М. Адам [20], [21], Б. Комбетт [23], А. Петижан, Ж.-П. Бронкар, Ж. Пейтар и др.

Большинство типологий текстов рассматривается в рамках лингвистики текста, а также коммуникативной лингвистики. Однако есть и другие мнения. Так, С. Бранка-Розофф полагает, что, начиная с типологий Э. Верлиха [25], речь идёт о попытках исследователей группировать тексты на основе крупных мыслительных /когнитивных операций по схематизации действительности [22, с. 11], включая секвенции (*séquences*) Ж.-М. Адама (нарративную, дескриптивную, экспликативную, аргументативную, диалогическую), которые рассматриваются как относительно автономные единицы, образующие «арматуру» текстов [там же, с. 11–12]. По мнению С. Бранка-Розофф, подобные типологии располагаются на «нелингвистическом» уровне, поскольку в них речь идёт о схематизации мыслительных операций авторов текстов [там же, с. 12]. Тем не менее подавляющее большинство исследователей относят различные типологии текстов к лингвистическим. При этом понятие типа текста (типа речи /способа изложения и др.) получило широкое распространение не только в лингвистике текста, но и в лингводидактике.

Явление гибридности текстов в том или ином виде также затрагивается во многих работах зарубежных авторов. Так, в ряде лингвистических исследований франкоязычных, немецкоязычных и англоязычных авторов рассматриваются различные типы текстов, а также вопросы их взаимодействия, нашедшие отклик и у отечественных авторов. Например, франкоязычный исследователь Ж.-М. Адам предлагал различать пять уже приводившихся выше типов секвенций, носящих прототипический (инвариантный) характер: нарративную, дескриптивную, аргументативную, экспликативную (включая инжонктивную) и диалогическую [20, с. 15]. Исследователь считал, что конкретный текст может состоять либо из какого-то одного типа секвенций, либо из сочетания нескольких типов; тогда текст становится гетерогенным [там же]. По мнению Ж.-М. Адама, возможны три типа взаимодействия секвенций: следование (*succession*), монтаж (*montage en parallèle*), включение (*enchâssement*) [там же, с. 15–16], которые приводят к композиционной гетерогенности текстов [там же, с. 16]. Доминантой текста в целом может считаться либо открывающая/закрывающая, либо резюмирующая секвенция [там же, с. 15–16].

В.Е. Чернявская, вслед за немецким исследователем Уллой Фикс, также рассматривает особые разновидности текстовой гетерогенности – монтаж, смешение текстовых типов и нарушение текстового канона [18, с. 117–118], которые связываются с гибридизацией текстовых прототипов [там же, с. 81, 112]. Однако текстотипы в рассматриваемой работе нередко смешиваются с жанрами (например, с такими как сказка, молитва и др. [там же, с. 120]) и с дискурсами (среди которых научный дискурс [там же, с. 118], дискурс рекламы [там же, с. 120] и др.).

В свою очередь, А.А. Кибрик, опираясь на разработки англоязычных авторов Р.Э. Лонгакра, А.С. Грессера и других зарубежных исследователей, также говорит о типах изложения, или типах пассажей, то есть фрагментах дискурса [5, с. 11]: повествовательном (нарративном), описательном (дескриптивном), объяснительном (экспозиторном), инструктивном и убеждающем (аргументативном) [там же]. А.А. Кибрик указывает на неоднородность дискурсов различных жанров по типу составляющих их пассажей [там же].

Многие дальнейшие исследования основываются как на вышеприведённых, так и на других сходных типологиях. Например, Е.А. Северина, вслед за Е.В. Копаевой [6, с. 158], выделяет в составе современного немецкоязычного фельетона такие композиционно-речевые формы, как дескриптивная, реферативная, нарративная и аргументативная [11, с. 152] и делает вывод о гибридизации жанра фельетона со стороны структуры текста, в котором вышеприведённые формы подвергаются взаимопроникновению и комбинированию [там же, с. 157].

Некоторые отечественные авторы среди типов текстов дополнительно рассматривают экспрессивные и импрессионные типы, не встречающиеся самостоятельно [19, с. 208].

Что касается текстовых отрезков, образующих тот или иной текстотип, в основном изучаются крупные единицы, такие как абзац.

О смешении дискурсов и доминантах в дискурсе, но в более широком смысле, в своё время говорил В.И. Карасик, который, с позиции отношений между участниками коммуникации, различал статусно-ориентированный, или институциональный дискурс, и личностно-ориентированный, или личностный (персональный) дискурс. Последний «представлен двумя основными разновидностями» – бытовым (обиходным) и бытийным дискурсами [4, с. 193, 199]. В.И. Карасик высказывал сомнения относительно существования «чистых» видов дискурса и полагал, что реальная коммуникация складывается из «коммуникативных доминант» [там же, с. 203].

Таким образом, у всех вышеприведённых авторов прослеживаются либо предпосылки рассмотрения, либо анализ конкретных случаев гибридности текстотипов. При этом очевидна связь типов текстов с типами речевых актов и коммуникативными стратегиями и тактиками. Тем не менее на материале французского языка явление гибридности типов текстов широко не освещалось.

Для изучения явления функционально-смысловой гибридности текстов на французском языке мы предлагаем, во-первых, принимать в расчёт более мелкие текстовые единицы (например, части сложного предложения и синтагмы), могущие формировать отдельные текстотипы, а во-вторых, учитывать большее количество монологических типов текстов. Среди них присутствуют самостоятельные типы (дескриптивный, нарративный, аргументативный, информативный,

экспликативный, прескриптивный, экспозитивный – изложение внутренних свойств объектов /лиц); несамостоятельные типы – эмотивные типы, реализующиеся в основном на лексическом уровне (экспрессивный, импрессивный), а также интеракционные типы, к которым относятся диалогический, полилогический (письменное представление устно-речевого взаимодействия лиц), билатеральный и мультилатеральный типы (представление письменно-речевого взаимодействия лиц) [14, с. 75–77]. Для настоящей статьи интерес представляют, прежде всего, самостоятельные типы текстов.

2. Цели и методы

Как показывает обзор литературы, изучение вопросов гибридности текстов и дискурсов, а также структурно-содержательных и прагматических особенностей письменных текстов на иностранном языке вызывает немалый интерес и обладает большим потенциалом для исследования, в частности, изучение такого явления, как функционально-смысловая гибридность текстов, что доказывает актуальность настоящей работы. Учитывая вышеизложенное, объектом исследования в настоящей статье являются функционально-смысловые типы текстов, а предметом – формы взаимодействия текстотипов в рамках гибридного текстового продукта на французском языке. Цель работы заключается в рассмотрении явления функционально-смысловой гибридности в письменных текстах различных дискурсов на французском языке и основных форм взаимодействия текстотипов.

В основные задачи работы входило: 1) рассмотрение понятия гибридности; 2) понятий типа речи и типа текста; 3) типологий типов текстов; 4) понятия и форм реализации функционально-смысловой гибридности в текстах различных дискурсов на французском языке; 5) осмысление полученных результатов анализа материала. Процедура исследования складывается из последовательного решения указанных задач.

Материалом для изучения функционально-смысловой гибридности текстов на французском языке послужили тексты различных дискурсов: художественного [26], [33], публицистического [31], исторического [32], научно-популярного [29], бытового [28] и др. [30], [34], [36], [37].

В работе использовались методы наблюдения, описания, сравнения, интерпретации, классификации и типологизации; дискурсивного, структурно-смыслового, прагматического анализа и ряд других. Теоретическую основу исследования сформировали работы Ж.-М. Адама и В.Е. Чернявской по лингвистике текста.

В рамках разработки гипотезы исследования было сделано несколько предположений: 1) тексты самых разных дискурсов на французском языке могут характеризоваться функционально-смысловой гибридностью; 2) рассмотрение большего количества типов текстов позволит получить более детализированные результаты со стороны функционально-смысловой нагрузки текстов; 3) гибридность может проявляться в единицах меньше абзаца и не иметь прямой корреляции с абзацным членением текста.

Новизна исследования заключается в нескольких составляющих. 1) Впервые используется термин «функционально-смысловая гибридность текста». 2) В качестве инструментария для исследования функционально-смысловой гибридности было привлечено большее количество типов текстов, в том числе девять монологических – дескриптивный, нарративный, аргументативный, информативный, экспликативный, прескриптивный, экспозитивный, экспрессивный, импрессивный – и др. (см. п. 1.3), чем рассматривается в существующих работах – обычно 4-5 (см. п. 1.3). В таком объёме взаимодействие текстотипов изучается впервые. 3) В расчёт принимались текстовые единицы меньше абзаца. Эти подходы позволили получить более детализированные результаты со стороны функционально-смыслового и прагматического наполнения текстов. 4) В качестве основных предложены три формы функционально-смысловой гибридности текстов: монтаж, коллаж и контаминация, позволяющие описать любые случаи взаимодействия текстотипов. 5) К анализу были привлечены аутентичные тексты на французском языке, принадлежащие разным дискурсам, с целью установления их гибридного характера

в структурно-содержательном и прагматическом аспектах. Подобный охват текстов позволил увидеть различия в специфике реализации в них явления функционально-смысловой гибридности.

б) Новизной отличается постановка вопроса о включении явления функционально-смысловой гибридности текстов в число текстовых категорий.

3. Анализ и результаты исследования

3.1. Вопросы и проблемы в изучении функционально-смысловой гибридности текстов

В связи с задачей изучения явления функционально-смысловой гибридности текстов на иностранном языке возникает ряд вопросов. Приведём некоторые из них. Прямо или обратно пропорциональными являются количество выделяемых типов текстов и проблемы их дифференциации? Существуют ли типы текстов, дифференцируемые труднее других, с одной стороны, и больше подверженные гибридности, с другой? В какие формы взаимодействия между собой могут вступать различные типы текстов? Какое количество различных текстотипов может взаимодействовать в отдельно взятом тексте? В каких жанрах, типах дискурса и функциональных стилях речи чаще и шире реализуется явление функционально-смысловой гибридности текстов? Поскольку в рамках статьи затруднительно дать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы, ниже будут изложены основные положения, которыми необходимо предварить изучение форм функционально-смысловой гибридности текстов.

На первый взгляд, представляется, что чем меньше выделяется типов текстов, тем меньше проблем возникает при их идентификации и дифференциации. С одной стороны, так и есть, поскольку при меньшем количестве элементов их дистинктивные черты проявляются ярче, что облегчает их дифференциацию. И обратно – чем больше выделяется текстотипов, тем сложнее их дифференцировать, так как дистинктивные черты во многих случаях носят более нюансированный характер. С другой стороны, при таком подходе в состав одного типа оказываются включены тексты с разными характеристиками, что содержательно «размывает» категорию текстотипа. При изучении явления функционально-смысловой гибридности включение в рассмотрение большего количества текстотипов, безусловно, создаёт дополнительные сложности как на этапе идентификации и дифференциации типов текстов, так и на этапе определения формы гибридности, однако позволяет провести более глубокий анализ текста со структурно-прагматической точки зрения, что необходимо для выявления всей прагматической нагрузки текста.

Наиболее однозначно идентифицируется прескриптивный тип текста. Наибольшие трудности для дифференциации представляют информативный, экспликативный и экспозитивный типы текстов. Именно по этой причине в разных классификациях нередко остаётся только какой-то один из указанных типов. Гибридность также нередко затрагивает именно эти типы текстов. Однако дифференциация и таких, казалось бы, более или менее однозначно идентифицируемых текстотипов, как дескриптивный и нарративный, также может вызывать сложности. Например, в том случае, когда в художественном тексте осуществляемые действия выражены глаголом в форме настоящего времени изъявительного наклонения. Если указанное время реализует значение последовательности действий, то речь идёт о нарративном текстотипе (1):

(1) *Elle lave, essuie et range sa vaisselle, se chausse et s'habille comme elle l'était ce matin, reprend sa lourde canne et sort* [26, с. 37].

Если излагаются привычные или повторяющиеся действия, то образуется дескриптивный текстотип (2):

(2) *Entre les heures de pointe du matin et de la fin d'après-midi, il s'installe derrière son comptoir d'accueil dans le hall. Lorsqu'un visiteur se présente, il ferme la porte de l'immeuble et le conduit à bord de son ascenseur. Il réceptionne aussi les paquets, nettoie deux fois par jour le grand miroir de l'entrée et les surfaces vitrées de la porte en fer forgé* [33, с. 18].

В настоящее время активно проводятся различные исследования гибридности жанров, дискурсов и функциональных стилей речи, однако они ещё далеки от своего завершения, поэтому обобщающие выводы в этой области делать пока преждевременно. При этом уже сейчас можно утверждать, что гибридности в значительной мере подвержены некоторые жанры художественной литературы (например, детективный роман [2] и др.) и журналистики (например, фельетон [11], сообщения о происшествиях и др.), различные виды обиходно-разговорного стиля речи, персональный, политический, туристический, гастрономический и другие типы дискурса.

3.2. Формы функционально-смысловой гибридности текстов

В настоящей статье рассматриваются такие формы взаимодействия текстотипов, как монтаж, коллаж и контаминация. При монтаже текстотипов текст или часть текста состоит из разных, сменяющих друг друга, однозначно идентифицируемых по типу фрагментов. Мы вводим понятие коллажа как крайней формы монтажа, при которой текст или его фрагмент характеризуется наличием большого количества текстотипов на небольшом отрезке. При контаминации текст или его фрагмент может быть одновременно отнесён к двум (реже – к трём или более) разным типам.

При этом в настоящей статье во внимание принимаются в том числе и мелкие текстотипы в составе крупных, которые нередко обходят вниманием при изучении основного структурно-содержательного каркаса текста. Также, несмотря на то, что типы текстов (типы речи) ассоциируются, как правило, с достаточно протяжёнными текстовыми отрезками, такими как абзац, можно полагать тем не менее, что любая единица, начиная со слова, самостоятельно или вместе со своим окружением, может образовывать отдельный текстотип внутри более крупного текстотипа.

Рассмотрим некоторые случаи реализации основных форм функционально-смысловой гибридности в текстах разных дискурсов на французском языке. Ввиду ограниченного объёма статьи примеры приводятся не на все возможные случаи взаимодействия текстотипов, а на наиболее характерные.

3.2.1. Монтаж текстотипов

Монтаж может затрагивать любые типы текстов и теоретически реализовываться в любом количестве и в любом тексте, что зависит от тематики, проблематики, авторской интенции, длины (объёма), сложности, информационной насыщенности и других характеристик текста.

Для изучения взаимодействия текстотипов было привлечено семь самостоятельных типов текстов (дескриптивный, нарративный, аргументативный, информативный, экспликативный, прескриптивный, экспозитивный), см. п. 1.3. Таким образом, максимально возможен 21 случай их монтажа (например, информативный + экспликативный, аргументативный + экспозитивный и т.п.). При этом варианты порядка следования типов текстов (например, информативный + экспликативный или экспликативный + информативный) считались как один случай. Участие в монтаже самостоятельных, несамостоятельных и интеракционных типов текстов (см. п. 1.3) значительно увеличивает количество возможных случаев их монтажа.

Типичным случаем монтажа текстотипов является сочетание дескриптивного (дескр.) и нарративного (нарр.) фрагментов в художественном дискурсе – в произведениях художественной литературы (3).

(3) *En attendant son invité sur le palier, Lali ajusta son sari et passa sa main sur ses cheveux* (нарр.) *relevés en un chignon maintenu par un peigne de corne claire* (дескр.). *Sanji poussa la porte de l'ascenseur* (нарр.), *il portait un jean, une chemise blanche, une veste taillée sur mesure et des chaussures de sport élégantes* (дескр.) [33, с. 28].

Кроме того, дескриптивный текстотип легко может соседствовать с информативным (инф.) текстотипом, например, в туристическом (4) или страноведческом дискурсе; с экспозитивным (экспоз.) текстотипом, в частности, в научном или научно-популярном (5) дискурсе; а также с прескриптивным (прескр.) (6), экспликативным (экспл.) (7) и с другими текстотипами.

(4) *Ici, tout est couleurs et sensations. Sous la lumière du ciel, les façades tendent leurs pierres dorées, les fontaines laissent admirer leur vert transparent, les platanes jouent de leurs ombres et les nuits des festivals sont pleines de surprises* (дескр.). *La partie la plus ancienne de la cité se compose du bourg Saint-Sauveur et de la Cité comtale. Le bourg Saint-Sauveur s'étend de la cathédrale à la Tour de l'Horloge* (инф.) [34, с. 6].

(5) *Le Bigaradier. Les fleurs de cet arbre sont très odorantes* (экспоз.), *mais les fruits, ressemblant à de petites oranges et au zeste lui aussi orange* (дескр.), *ont un goût amer* (экспоз.) [29].

(6) *Favorisez les pastèques* (прескр.) *dont la tige est desséchée* (дескр.)... [27].

(7) *Sur certaines pastèques l'on peut voir une ou plusieurs taches brunes en forme de toile d'araignée* (дескр.). *Elles indiquent que les abeilles ont eu des contacts avec la pastèque pendant la pollinisation* (экспл.) [27].

Возможны и другие, самые разные сочетания: прескриптивного типа текста с нарративным, экспликативным или информативным (8) текстотипом; аргументативного (арг.) текстотипа с дескриптивным, экспликативным, экспозитивным, прескриптивным или информативным (9) текстотипом и др. В примере (8) представлен фрагмент руководства по эксплуатации MP3 плеера, в примере (9) – фрагмент публицистической статьи.

(8) *Le lecteur est équipé d'un commutateur à glissière permettant de verrouiller les boutons afin d'éviter de les actionner accidentellement* (инф.). *Pour verrouiller les boutons en cours de lecture, positionnez le commutateur sur 1* (прескр.) [35].

(9) *En définitive, si le président de la République et la ministre de l'Éducation nationale estiment que réduire le nombre de jours de vacances permettrait de «réduire les écarts de niveau» et d'alléger les emplois du temps hebdomadaires des jeunes* (арг.), *la réalité apparaît néanmoins plus complexe. En moyenne, les jeunes Français ont effectivement plus de vacances que les élèves européens ...* (инф.) [31].

Подобные сочетания широко представлены в текстах на французском языке. В аргументативном тексте в качестве аргумента могут использоваться самые разные текстотипы. Отметим также, что в аргументативных текстах нередким является монтаж аргументативного и информативного (9), а также экспликативного и информативного текстотипов (10).

(10) *Si le nombre total de semaines de vacances est élevé et que la France se classe au 6e rang* (инф.), *ce n'est pas en raison des vacances d'été, mais des congés qui sont accordés tout au long de l'année, en dehors de la pause estivale* (экспл.) [31].

Возможно выявить и более частные структурные разновидности монтажа текстотипов. Различные текстотипы (как основные и самостоятельные, так и более мелкие в составе крупных и несамостоятельные) могут образовывать различные фигуры, или схемы разного типа (АВА, АВАВ, АВС и пр.), изучение которых представляет собой отдельный предмет исследования.

3.2.2. Коллаж текстотипов

Примерами коллажей могут выступать многие образцы персонального дискурса, в частности, личные (дружеские) письма и открытки. Нередко письма небольшого объёма содержат практически все возможные текстотипы. В примере дружеского письма объёмом в 75 слов (11) содержатся несколько текстотипов, в которых реализуются различные коммуникативные задачи. Таким образом, коллаж представляет собой крайний случай монтажа текстотипов.

(11) *Cher Alain* (билатер.)

Merci pour ton invitation à la soirée de Lucile, malheureusement (экспр.) *je ne pourrai pas venir* (инф.). *C'est l'anniversaire de Julien également et nous sommes invités au restaurant ce soir-là* (инф. /экспл.). *Quel dommage ! Je suis vraiment désolée de manquer votre fête mais j'espère que vous passerez une très bonne soirée* (экспр.).

Et si nous nous retrouvions le samedi suivant pour un barbecue (прескр.), *ce serait une bonne idée* (экспр.), *qu'en penses-tu* (билатер.) ?

J'attends votre coup de fil (прескр.).

Amitiés (экспр.).

Bridg (билатер.) [28].

Отметим, что в вышеприведённом тексте присутствует случай контаминации информативного и экспликативного текстотипов, так как в данном фрагменте, с одной стороны, сообщается о фактах, а с другой, данное сообщение выполняет и экспликативную функцию – объясняет причину отказа от приглашения, о котором идёт речь в письме.

3.2.3. Контаминация текстотипов

Всего возможен 21 случай контаминации двух самостоятельных текстотипов по аналогии со случаями их монтажа (см. п. 3.2.1.). Контаминация самостоятельных, несамостоятельных и интеракционных типов текстов, а также трёх текстотипов может быть представлена бóльшим количеством случаев. Данная форма функционально-смысловой гибридности затрагивает, как правило, типы текстов, труднее других поддающиеся дифференциации, в связи с чем некоторые текстовые фрагменты могут быть одновременно отнесены к двум (реже – к трём и более) разным текстотипам. Таким образом, контаминации могут подвергаться, например, экспликативный и аргументативный (12) или информативный (13) или экспозитивный текстотипы; дескриптивный и информативный (14а), (14б) или аргументативный типы текста; информативный и нарративный (15) или экспозитивный текстотипы; аргументативный и экспозитивный типы текста, а также многие другие текстотипы. Знак «/» в комментариях к примерам сигнализирует о контаминации текстотипов.

(12) *Plusieurs études ont également fait le lien entre obésité et manque de sommeil, car en dormant trop peu, nous manquons des hormones impliquées dans le sentiment de satiété* (арг. /эксплик.) [36].

В персональном дискурсе, например, в дружеской переписке, встречаются случаи контаминации информативного и экспликативного типов текстов. В примере (13), который является фрагментом примера (11), сначала адресант письма информирует своего друга об отказе от приглашения, а следующий информативный фрагмент выполняет экспликативную функцию – содержит причину отказа.

(13) *...je ne pourrai pas venir* (инф.). *C'est l'anniversaire de Julien également et nous sommes invités au restaurant ce soir-là* (инф. /экспл.) [28].

В научно-популярном (14а) и туристическом (14б) дискурсах дескрипция выполняет, как правило, информативную функцию. Ту же функцию имеет и нарратив в историческом дискурсе (15).

(14а) *Souvent ovoïde, le fruit du Clémenvillier est un peu plus grand qu'une Mandarine. Et sa chair a aussi une couleur orangée plus prononcée. Sa pulpe peut avoir une couleur presque rouge, mais sa peau fine est collée à la pulpe* (дескр. /инф.) [29].

(14б) *Maisons à colombages colorées aux allures médiévales, fontaines, puits et rebords de fenêtres abondamment fleuris de géraniums se succèdent dans les ruelles pavées. Aux encorbellements et aux oriels des maisons typiques, il faut ajouter nombre de cours intérieures, châteaux, remparts, vieilles églises et winstubs, ces auberges où le vin coule à flots* (дескр. /инф.) [30, с. 95].

(15) *Les conjurés préparaient l'assassinat de Richelieu, mais ils furent dénoncés, et le compte de Chalais, abandonné par ses complices princiers, paya de sa vie sa légèreté (août 1625). En dépit des prières, des intercessions, le cardinal et le roi demeurèrent inébranlables et refusèrent de faire grâce au condamné* (нарр. /инф.) [32, с. 418].

Возможна контаминация и трёх текстотипов, например, экспозитивного, информативного и экспликативного (16) или аргументативного (17), (18); аргументативного, экспликативного и информативного (19) типов текста и многие другие варианты. Случаи контаминации нередко соседствуют со случаями монтажа (16), (17).

(16) *Avec sa petite taille* (дескр.), *on ne va pas le consommer comme fruit de table. On utilise ainsi surtout son jus* (инф.), *plus acide que le Citron* (экспоз. /инф.). *Le Zeste, coupé en petits morceaux sert aussi comme condiment ou préparation santé* (инф.). *Car, comme la Menthe Poivrée, le Sudachi contient de la sudachitine* (эксплик. /экспоз. /инф.), *une substance qui améliore le métabolisme du glucose et des lipides. Cette substance est aussi anti-inflammatoire* (экспоз. /эксплик. /инф.) [29].

Приведённый в примере (17) фрагмент текста содержит изложение химического состава ягод, поэтому он является прежде всего экспозитивным, однако описание данных свойств выполняет информативную функцию для читателя. С другой стороны, данный фрагмент служит аргументом для защиты тезиса о высокой пользе для здоровья человека употребления в пищу клубники.

(17) *Les fraises sont faibles en calories et en sucres, mais très riches en vitamines C et B9, ainsi qu'en fibres et en antioxydants. Elles contiennent beaucoup d'anthocyanes (экспоз. /инф. /арг.) qui leur donnent cette belle couleur rouge (дескр. /экспл.). On retrouve également des catéchines et d'autres polyphénols (арг. /экспоз. /инф.)* [37].

(18) *Le kiwi est un autre fruit excellent pour la santé et l'immunité (арг.). En effet, 100 grammes de ce fruit offrent un apport de: cuivre (15 % des besoins journaliers ou VNR); potassium (14,5 % VNR); vitamine C (plus de 100 % VNR); vitamine K (22 % VNR); vitamine B9 (11 % VNR); vitamine E (8 % VNR)* (экспоз. /инф. /арг.) [37].

(19) ... *bien dormir est très important pour la régulation hormonale en général (арг.). L'hormone de croissance, notamment, est fabriquée exclusivement quand nous dormons (арг. /экспл. /инф.)* [36].

Чаще всего контаминация может объясняться тем, что некоторые практически однозначно идентифицируемые в изолированном виде текстотипы в составе текста выполняют и другие функции.

4. Заключение

Таким образом, в настоящей статье были рассмотрены понятие типа текста, явление функционально-смысловой гибридности текстов (термин используется впервые) на материале французского языка, а также ряд общих вопросов, возникающих в связи с изучением данного явления.

Результаты исследования показали, что функционально-смысловая гибридность не является специфической чертой каких-либо определённых дискурсов, а характеризует текстовые продукты многих дискурсов, что доказывает выдвинутую гипотезу. Привлечение большего количества текстотипов (чем это сделано в существующих работах) для рассмотрения их взаимодействия оправдало себя и позволило получить более детализированные результаты со стороны функционально-смысловой нагрузки текстов, в том числе дало возможность увидеть множественные случаи контаминации не только двух, но и трёх типов текстов. В статье была изучена реализация трёх основных форм текстовой гибридности указанного типа: монтаж, коллаж и контаминация, позволяющих описать любые случаи взаимодействия текстотипов на различных текстовых фрагментах, в том числе меньше абзаца и без явной корреляции с абзацным членением текста.

В связи с полученными результатами можно предложить поставить вопрос о включении явления функционально-смысловой гибридности текстов в число текстовых категорий, наряду с когезией, когерентностью, информативностью и др. С другой стороны, изучение одной из форм функционально-смысловой гибридности текстов – явления контаминации текстотипов, возникающего в результате наложения разных функций текстового отрезка, реализующихся в изолированном виде и в составе текста, показывает, что категория гибридности в определённом смысле опровергает такую категорию текста, как автосемантия, которая понимается как относительная независимость «отрезков текста по отношению к содержанию всего текста или его части» [15, с. 14]. Данный вывод свидетельствует о том, что изучение текста и его категорий является по-прежнему актуальным направлением исследований в рамках лингвистики текста и лингвистики дискурса.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что рассмотрение функционально-смысловой гибридности текстов дополняет отечественную теорию функционально-смысловых типов речи и вносит вклад в лингвистику текста в целом и в изучение типов текстов, в частности. Практическая ценность работы заключается в возможности использования материалов статьи в курсах по лингвистике текста и текстологии, а также при обучении пониманию письменных текстов на французском языке.

Перспективы исследования связаны как с лингвистическим, так и с лингводидактическим аспектом рассмотрения функционально-смысловой гибридности текстов. В лингвистическом аспекте дополнительного изучения требует корреляция типов текста с единицами членимости текста, типами информации, типами речевых актов и различными коммуникативными стратегиями и тактиками, а также соотношение информационной насыщенности (плотности информации) текста и количества и характера текстотипов в конкретных текстовых продуктах. Лингводидактическое направление изучения рассматриваемого явления связано с необходимостью разработки полноценной методики обучения декодированию гибридных в функционально-смысловом отношении текстов, предназначенной для обучающихся разных уровней владения французским языком.

© Ю.В. Степанюк, 2025

Список литературы

1. Баландина Е.С. Гибридный дискурс: конституирующие признаки географических очерков / Е.С. Баландина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 573–578.
2. Дзюба Е.В. Формально-содержательная организация гибридного художественно-правового дискурса / Е.В. Дзюба, И.Ю. Рябова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 433–454.
3. Загряжская Т.Ю. Феномен hybridité / гибридность в гуманитарном дискурсе, межкультурной коммуникации и культурном трансфере / Т.Ю. Загряжская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 17–34.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
6. Копаева Е.В. Структурно-композиционные особенности жанра эссе (на материале англоязычных текстов) / Е.В. Копаева // Вестник МГЛУ. 2011. Вып. 17 (623). С. 148–162.
7. Лешневская К.В. Функционирование лингводидактических коммуникативно-речевых стратегий в экономическом дискурсе / К.В. Лешневская // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 3. С. 120–128.
8. Лягошина Т.В. Гибридизация публичного дискурса в современном медиапространстве: социальные эффекты и исследовательская перспектива / Т.В. Лягошина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 94–103.
9. Мурашова Е.П. Мнемонический потенциал гибридного дискурса (на материале англоязычных политических медиатекстов) / Е. П. Мурашова // Политическая лингвистика. 2022. № 4 (94). С. 59–69.
10. Нестерова Т.В. Гибридные жанры в игровой интернет-коммуникации (поздравительный дискурс) / Т.В. Нестерова // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 1 (33). С. 43–57.
11. Северина Е.А. Гибридные характеристики современного немецкоязычного фельетона / Е.А. Северина // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 6 (848). С. 148–159.
12. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 1600 с.
13. Соколова О.В. Гибридные тексты как форма взаимодействия авангардного художественного и политического дискурсов / О.В. Соколова // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, № 1. С. 50–86.
14. Степанюк Ю.В. Типы текстов в обучении французскому языку как иностранному / Ю.В. Степанюк // Преподаватель XXI век. 2023. № 2. Часть 1. С. 68–80.
15. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.
16. Хомутова Т.Н. Энциклопедический дискурс интеллектуального туризма как гибридный тип дискурса: интегральный подход / Т.Н. Хомутова, М.Г. Денисенко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2021. Т. 18, № 2. С. 43–51.
17. Чеметева Ю.В. Юридический медиадискурс как гибридный феномен / Ю.В. Чеметева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2022. Т. 21, № 1. С. 110–118. (На англ. яз.).
18. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В.Е. Чернявская. Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
19. Щепилова А.В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному: учеб. пособие / А.В. Щепилова. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. 245 с.
20. Adam J.-M. La notion de typologie de textes en didactique du français. Une notion dépassée ? / J.-M. Adam // Recherches. 2005. № 42. P. 11–23.
21. Adam J.-M. Types de séquences élémentaires / J.-M. Adam // Pratiques. 1987. № 56. P. 54–79.
22. Branca-Rosoff S. Types, modes et genres : entre langue et discours / S. Branca-Rosoff // Langage et société. 1999. № 87. P. 5–24.
23. Combettes B. Quelques jalons pour une pratique textuelle de l'écrit / B. Combettes. Clermont-Ferrand : CRDP-CEFISEM, 1989. 217 p.

24. Mellet C., Rinck F., Sitri F. Hétérogénéité des textes, hétérogénéité des genres / C. Mellet, F. Rinck, F. Sitri // *Pratiques*. 2013. № 157-158. P. 47-59.
25. Werlich E. Typologie der texte. Entwurf eines textlinguistischen Modells zur Grundlegung einer Textgrammatik / E. Werlich. Heidelberg : Quelle & Meyer, 1979. 140 s.

Источники иллюстративного материала

26. Clavel B. Quand j'étais capitaine / B. Clavel. P. : France Loisirs, 1991. 198 p.
27. Comment choisir la pastèque parfaite en 5 étapes ? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lasantedanslassiette.com/au-menu/articles/comment-choisir-pasteque.html> (дата доступа 02.11.2024).
28. Courrier pour refuser une invitation. [Электронный ресурс]. URL: <https://es.pinterest.com/pin/25-courrier-pour-refuser-une-invitation--364510163588192905/> (дата доступа 16.01.2025).
29. Différents Agrumes : la Liste. [Электронный ресурс]. URL: <https://monde-vegetal.fr/blogs/blog/differents-agrumes> (дата доступа 02.11.2024).
30. France. 50 itinéraires de rêve. Québec : Ulysse, 2017. 209 p.
31. Hidalgo C. Les écoliers français ont-ils plus de vacances scolaires que les autres élèves européens ? / C. Hidalgo // *Le Figaro*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/les-ecoliers-francais-ont-ils-plus-de-vacances-scolaires-que-les-autres-eleves-europeens-20250203> (дата доступа 04.02.2025).
32. Histoire de la France des origines à nos jours / Sous la dir. de Georges Duby. Paris : Larousse, 2011. 1416 p.
33. Levy M. Une fille comme elle / M. Levy. P. : Robert Laffont I Versilio, 2019. 365 p.
34. Petit Futé MAG. Hors-série. 2011. № 6. Juillet-août. 130 p.
35. Philips GoGear SA1924. Mode d'emploi. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.modesdemploi.fr/philips/gogear-sa1924/mode-d-emploi?p=12> (дата доступа 08.01.2025).
36. Pourquoi le sommeil est-il important pour la santé ? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caminteresse.fr/sante/pourquoi-le-sommeil-est-il-important-pour-la-sante-11123645/> (дата доступа 27.10.2024).
37. Quel est le meilleur fruit pour la santé ? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.femina.fr/article/quel-est-le-meilleur-fruit-pour-la-sante> (дата доступа 02.11.2024).

References

1. Balandina, E.S. Gibridnyi diskurs: konstituiruiushchie priznaki geograficheskikh ocherkov [Hybrid discourse: Constitutive features of geographic essays] / E.S. Balandina // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2024, Vol. 17, Issue 2, pp. 573–578.
2. Dziuba, E.V., Riabova, I.Iu. Formal'no-soderzhatel'naia organizatsiia gibridnogo khudozhestvenno-pravovogo diskursa [Formal and Semantic Organization of Hybrid Literary-Legal Discourse] / E.V. Dziuba, I.Iu. Riabova // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, 2022, Vol. 13, No. 2, pp. 433–454.
3. Zagriazkina, T.Iu. Fenomen hybridit'e / gibridnost' v gumanitarnom diskurse, mezhkul'turnoi kommunikatsii i kul'turnom transfere [The Hybridité Phenomenon in Humanitarian Discourse, Intercultural Communication and Cultural Transfer] / T.Iu. Zagriazkina // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, 2022, No. 1, pp. 17–34.
4. Karasik, V.I. *Iazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse] / V.I. Karasik. Volgograd, Peremena, 2002, 477 p.
5. Kibrik, A.A. Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Mode, genre and other parameters of discourse classification] / A.A. Kibrik // *Voprosy iazykoznaviia*, 2009, No. 2, pp. 3–21.
6. Kopaeva, E.V. Strukturno-kompozitsionnye osobennosti zhanra esse (na materiale angloiazychnykh tekstov) [Structural and compositional features of the essay genre (based on English-language texts)] / E.V. Kopaeva // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2011, No. 17 (623), pp.148–162.
7. Leshnevskaiia, K.V. Funktsionirovanie lingvodemagogicheskikh kommunikativno-rechevykh strategii v ekonomicheskom diskurse [Functioning of lingua-demagogic communicative and speech strategies in economic discourse] / K.V. Leshnevskaiia // *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, No. 3, pp. 120–128.
8. Liagoshina, T.V. Gibridizatsiia publichnogo diskursa v sovremennom mediaprostranstve: sotsial'nye efekty i issledovatel'skaia perspektiva [Hybridisation of public discourse in the modern media space: social effects and research prospects] / N.V. Liagoshina // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii*, No. 69, pp. 94–103.
9. Murashova, E.P. Mnemonicheskii potentsial gibridnogo diskursa (na materiale angloiazychnykh politicheskikh mediatekstov) [The Mnemonic Potential of Hybrid Discourse: An Analysis of English Language Political Media Texts] / Murashova E.P. // *Politicheskaiia lingvistika*, 2022, No. 4 (94), pp. 59–69.
10. Nesterova, T. V. Gibridnye zhanry v igrovoi internet-kommunikatsii (pozdravitel'nyi diskurs) [Hybrid genres in gaming internet communication (congratulatory discourse)] / T.V. Nesterova // *Zhanry rechi*, 2022, Vol. 17, No. 1 (33), pp. 43–57.
11. Severina, E.A. Gibridnye kharakteristiki sovremennoho nemetskoiazychnogo feletona [Hybrid characteristics of the modern german-speaking feluetonal article] / E.A. Severina // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2021, No. 6 (848), pp. 148–159.
12. *Sovetskii entsiklopedicheskii slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary] / Gl. red. A.M. Prokhorov. 2-e izd. Moscow, Sov. Entsiklopediia, 1983, 1600 p.

13. Sokolova, O.V. Gibridnye teksty kak forma vzaimodeistviia avangardnogo khudozhestvennogo i politicheskogo diskursov [Hybrid texts as a form of interaction between avant-garde artistic and political discourses] / O.V. Sokolova // *Slovo.ru: baltiskii aktsent*, Vol. 11, No. 1, pp. 50–86.
14. Stepaniuk, Iu.V. Tipy tekstov v obuchenii frantsuzskomu iazyku kak inostrannomu [Types of Texts in Teaching French as a Foreign Language] / Iu.V. Stepaniuk // *Prepodavatel' XXI vek. Russian Journal of Education*, 2023, No. 2, part 1, pp. 68–80.
15. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language] / Pod red. M.N. Kozhinoi. 2-e izd., stereotip. Moscow, Flinta, Nauka, 2011, 696 p.
16. Khomutova, T.N., Denisenko, M.G. Entsiklopedicheskii diskurs intellektual'nogo turizma kak gibridnyi tip diskursa: integral'nyi podkhod [Encyclopedic discourse of intellectual tourism as a hybrid type of discourse: an integral approach] / T.N. Khomutova, M.G. Denisenko // *Vestnik IuUrGU. Seriya «Lingvistika»*, 2021, Vol. 18, No. 2, pp. 43–51.
17. Chemeteva, Iu.V. Iuridicheskii mediadiskurs kak gibridnyi fenomen [Legal Media Discourse As a Hybrid Phenomenon] / Yu.V. Chemeteva // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Iazykoznanie*, 2022, Vol. 21, No. 1, pp. 110–118.
18. Cherniavskaia, V.E. *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Text linguistics: Polycode, intertextuality, interdiscursivity] / V.E. Cherniavskaia. Uchebnoe posobie. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009, 248 p.
19. Shchepilova, A.V. *Teoriia i metodika obucheniia frantsuzskomu iazyku kak vtoromu inostrannomu* [Theory and Methods of Teaching French as a Second Foreign Language] / A.V. Shchepilova. Ucheb. posobie. Moscow, Gumanitar. izd. tsentr VLADOS, 2005, 245 p.
20. Adam, J.-M. La notion de typologie de textes en didactique du français. Une notion dépassée ? / J.-M. Adam // *Recherches*, 2005, No. 42, pp.11–23.
21. Adam, J.-M. Types de séquences élémentaires / J.-M. Adam // *Pratiques*, 1987, No. 56, P. 54–79.
22. Branca-Rosoff, S. Types, modes et genres : entre langue et discours / S. Branca-Rosoff // *Langage et société*, 1999, No. 87, pp. 5–24.
23. Combettes, B. *Quelques jalons pour une pratique textuelle de l'écrit* / B. Combettes. Clermont-Ferrand, CRDP-CEFISEM, 1989, 217 p.
24. Mellet, C., Rinck, F., Sitri, F. Hétérogénéité des textes, hétérogénéité des genres / C. Mellet, F. Rinck, F. Sitri // *Pratiques*, 2013, No. 157-158, pp. 47–59.
25. Werlich, E. *Typologie der texte. Entwurf eines textlinguistischen Modells zur Grundlegung einer Textgrammatik* / E. Werlich. Heidelberg, Quelle & Meyer, 1979, 140 p.

Sources of illustrative material

26. Clavel, B. *Quand j'étais capitaine* / B. Clavel. Paris, France Loisirs, 1991, 198 p.
27. *Comment choisir la pastèque parfaite en 5 étapes ?* <https://www.lasantedanslassiette.com/au-menu/articles/comment-choisir-pasteque.html> (accessed 02.11.2024).
28. *Courrier pour refuser une invitation*, <https://es.pinterest.com/pin/25-courrier-pour-refuser-une-invitation--364510163588192905/> (accessed 16.01.2025).
29. *Différents Agrumes : la Liste*, <https://monde-vegetal.fr/blogs/blog/differents-agrumes> (accessed 02.11.2024).
30. *France. 50 itinéraires de rêve*. Québec, Ulysse, 2017, 209 p.
31. Hidalgo, C. Les écoliers français ont-ils plus de vacances scolaires que les autres élèves européens ? / C. Hidalgo // *Le Figaro*. <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/les-ecoliers-francais-ont-ils-plus-de-vacances-scolaires-que-les-autres-eleves-europeens-20250203> (дата доступа 04.02.2025).
32. *Histoire de la France des origines à nos jours* / Sous la dir. de Georges Duby. Paris, Larousse, 2011, 1416 p.
33. Levy, M. *Une fille comme elle* / M. Levy. Paris, Robert Laffont I Versilio, 2019, 365 p.
34. *Petit Futé MAG*, Hors-série, 2011, № 6 Juillet-août, 130 p.
35. *Philips GoGear SA1924. Mode d'emploi*. <https://www.modesdemploi.fr/philips/gogear-sa1924/mode-d-emploi?p=12> (accessed 08.01.2025).
36. *Pourquoi le sommeil est-il important pour la santé ?* <https://www.caminteresse.fr/sante/pourquoi-le-sommeil-est-il-important-pour-la-sante-11123645/> (accessed 27.10.2024).
37. *Quel est le meilleur fruit pour la santé ?* <https://www.femina.fr/article/quel-est-le-meilleur-fruit-pour-la-sante> (accessed 02.11.2024).

Сведения об авторе:

Степанюк Юлия Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика текста, лексикология и грамматика французского языка, тестология.

E-mail: cafryaz@yandex.ru

ORCID ID 0009-0005-5347-9419

About the author:

Yulia V. Stepanyuk – PhD in Philology, is Associate Professor, Associate Professor at the Department of the French Language for the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University. Spheres of research and professional interests: text linguistics, lexicology and grammar of the French language, testology.

E-mail: cafryaz@yandex.ru

ORCID ID 0009-0005-5347-9419

* * *

Euphemistic Disability Nomination in German Newspaper Texts

Roza S. Shelekhova

MGIMO UNIVERSITY
76 Prospekt Vernadskogo, 119454 Moscow, Russia

Abstract. The purpose of the study is to identify and linguistically describe the means of euphemizing the concept of “disability” in the German article “Florian wäre in Werkstatt für Behinderte fast versauert – dann brach er aus” (Florian would have worked in a workshop for the disabled, but he chose a different path), dedicated to the social and labor adaptation of a young person with disabilities. The paper analyzes the means of euphemizing such a social topic as disability. The material of the study is an article on the topic taken from the German electronic informational and political weekly magazine “Focus”, which contains direct and indirect nominations of disability. In German studies, no attempts have been made so far to linguistically describe the means of euphemizing the disability topic in the German journalistic discourse on the material of one article. In the course of the study, euphemized and non-euphemized variants of disability nominations were identified in the following areas: “disabled people”, “social exclusion of people with disabilities”, “overcoming social exclusion”. The study solves such research questions as: what nominations are relevant for journalistic discourse? What language units are preferable from the point of view of a person with a disability? The analysis has revealed that the author of the article actively uses euphemisms, since the direct nominations of this phenomenon can lead to communicative discomfort, and, therefore, need a politically correct euphemistic replacement. The material has also showed that the person with disabilities discussed in the article less often resorted to euphemisms when talking about their childhood, family, life difficulties, and profession. Euphemistically colored words and expressions identified in the work can complement the synonymous set of lexemes for disability: Behinderte, Behinderung, behindert sein, Nichtdazugehören.

Keywords: euphemized words and periphrases, ways of forming euphemisms, disability nomination, German press, journalistic text

For citation: Shelekhova R.S. (2025). Euphemistic Disability Nomination in German Newspaper Texts. *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(1), pp. 76–88. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-42-76-88>

Эвфемистическая номинация инвалидности в немецких газетных текстах

Р.С. Шелехова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении и лингвистическом описании средств эвфемизации понятия «инвалидности» в немецкой статье «Florian wäre in Werkstatt für Behinderte fast versauert – dann brach er aus» (Флориан так бы и работал в мастерской для инвалидов, однако он избрал другой путь), посвящённой социальной и трудовой адаптации молодого человека с ограниченными возможностями здоровья. В работе анализируются средства эвфемизации такой социальной темы как инвалидность. Материалом исследования послужила статья по теме инвалидности из немецкого электронного издания информационно-политического еженедельного журнала «Focus», содержащая прямые и косвенные варианты номинации инвалидности. В германистике не было предпринято попыток лингвистического описания средств эвфемизации публицистического дискурса по теме инвалидности в Германии на материале одной статьи. В ходе исследования были выявлены эвфемизированные и неэвфемизированные варианты номинаций темы инвалидности в таких сферах как «инвалиды», «социальная эксклюзия людей с инвалидностью», «преодоление социальной эксклюзии».

В работе решаются такие исследовательские вопросы как: какие номинации актуальны для публицистического дискурса? Какие языковые единицы предпочтительны с точки зрения человека с инвалидностью? Проведённый анализ позволил выявить тот факт, что автор статьи активно использовал эвфемизмы, так как прямые наименования данного явления могут привести к коммуникативному дискомфорту, и, следовательно, нуждаются в политкорректной эвфемистической замене. Материал также показал, что человек с инвалидностью, о котором шла речь в статье, реже обращался к эвфемизации, рассказывая о своём детстве, семье, жизненных трудностях, профессии. Выявленные в работе эвфемистически окрашенные слова и выражения могут пополнить синонимичный ряд лексем для обозначения инвалидности: Behinderte, Behinderung, behindert sein, Nichtdazugehören.

Ключевые слова: эвфемизированные слова и перифразы, способы образования эвфемизмов, номинация инвалидности, немецкая пресса, публицистический текст

Для цитирования: Шелехова Р.С. (2025). Эвфемистическая номинация инвалидности в немецких газетных текстах. *Филологические науки в МГИМО*. 11(1), С. 76–88. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-41-76-88>

1. Введение (INTRODUCTION)

Современные средства массовой информации отражают наиболее проблемные, волнующие общество события, происходящие в мире. В информационном пространстве всё больше внимания уделяется людям с инвалидностью и обеспечению им равных прав и возможностей. Так, каждый четвёртый житель Германии имеет хроническое заболевание или тяжёлую форму инвалидности, что существенно ограничивает повседневную жизнь и трудовую деятельность. Анализируя языковую репрезентацию темы инвалидности, необходимо отметить наличие специальной лексики, способствующей эвфемизации понятий «инвалид», «инвалидность». Одной из важных лингвистических проблем является изучение эвфемизмов, так как процесс образования «заменных слов» происходит интенсивно. Основным проводником эвфемизмов выступают средства массовой информации, потому что эвфемизмы способны выступать в качестве этичной лексики в отношении людей с инвалидностью.

Цель исследования – проанализировать наименования людей с инвалидностью (прямые и эвфемизированные) и их социальные проблемы, использованные в немецкой статье «*Florian wäre in Werkstatt für Behinderte fast versauert – dann brach er aus*» (Флориан так бы и работал в мастерской для инвалидов, однако он избрал другой путь).

В публицистике Германии до сих пор не рассматривались актуальные номинации людей с инвалидностью в рамках одной статьи, в которой прямые и эвфемизированные слова используются журналистом и человеком с тяжёлой формой инвалидности. В этом заключается новизна данного исследования.

В работе автор опирался на труды отечественных и зарубежных учёных А.М. Кацева, М.Л. Ковшовой, Л.П. Крысина, Е.П. Сеничкиной, Н.Е. Ребровой, В.П. Москвина, В.А. Новоселовой, Е.А. Сидельниковой, N. Zöllner, K. Allan, S. Luchtenberg, которые составили теоретическую основу исследования эвфемии.

2. Материал и методы исследования (METHODOLOGY AND MATERIALS)

Материалом исследования послужила статья «*Florian wäre in Werkstatt für Behinderte fast versauert – dann brach er aus*» (Флориан так бы и работал в мастерской для инвалидов, однако он избрал другой путь) из немецкого электронного издания информационно-политического еженедельного журнала «Focus», опубликованная в 2024 году. Для словарных дефиниций и для получения корпусных данных использовались немецкие онлайн-словари Duden и DWDS. Кроме того, при описании семантики некоторых лексических единиц были задействованы справочные материалы сайтов Федерального агентства по трудоустройству и Федерального центра политического образования Германии. В статье было выявлено 11 примеров прямых номинаций и 19 эвфемизированных номинаций инвалидности.

Методика проведения исследования основывалась на выявлении употребления прямых номинаций и эвфемизированных слов и выражений на тему инвалидности с опорой на определённые критерии. Выделенные номинации распределялись по принадлежности к авторам повествования.

3. Результаты исследования, их анализ и обсуждение (RESULTS, ANALYSIS AND DISCUSSION)

Актуальность изучения эвфемистических слов и выражений заключается в том, что публицистический дискурс начала XXI века ознаменовался пополнением вокабуляра немецкого языка эвфемизмами в различных тематических областях. Эвфемизмы стали важным орудием, способным маскировать проблемные явления в обществе.

Термин «эвфемизм» определяется в лингвистических работах по-разному. Так, такие отечественные лингвисты, как О.С. Ахманова, Н.С. Арапова причисляют к эвфемизмам эмоционально-нейтральные, вежливые выражения, которые призваны заменить отрицательно коннотированные слова [1], [2].

Изначально эвфемизмы появились благодаря табуированности некоторых слов. Так, А.М. Кацев справедливо замечает, что «члены языкового коллектива исключают из речевого обихода временно или навсегда по религиозным или нравственным причинам некоторые табуированные слова» [3]. Его мнение разделяют и другие языковеды, как, например, В.П.Москвин Е.А. Сидельникова, К.Аллан, С.Лухтенберг, Л.П. Крысин [4], [6], [12], [14], [15], [16]. По словам В.А. Новоселовой, эвфемизмы заменяют номинации негативных, одиозных, устрашающих явлений, вызывая в сознании человека положительные ассоциации [7].

Авторы толкового немецкого словаря DWDS также рассматривают эвфемизм как приукрашивающее средство, если нежелательно употреблять прямое наименование денотата (*intellektuell überfordert* (интеллектуально перегружен) вместо *dumm* (глупый) [19].

Несмотря на то, что эвфемизмы активно используются в современных немецких СМИ, авторы толковых словарей не выработали единой системы стилистической маркировки данных языковых единиц. Словарь эвфемизмов немецкого языка отсутствует, а те лексикографические источники, которые сопровождают лексемы стилистическими пометами, часто по-разному именуют вуалирующие слова [9], [10]. Так, субстантивированное прилагательное, обозначающее людей, имеющих инвалидность *Behinderte*, маркирован в толковом словаре Duden пометой официальный, канцелярский язык *Amtssprache* и помимо этого содержит особое указание относительно употребления данной лексемы *Häufig werden die Worte Behinderte, Behinderter als zu unpersönlich und damit diskriminierend kritisiert. Ausweichformen sind z.B. behinderte Person, behinderter Mensch, Mensch mit Behinderung oder körperlich eingeschränkter Mensch* (Часто слова *Behinderte, Behinderter* критикуются и считаются обидными. Рекомендуется использовать более «мягкие» формы, как например, *behinderte Person, behinderter Mensch, Mensch mit Behinderung* или *körperlich eingeschränkter Mensch*) [20]. В толковом словаре DWDS отсутствует указание на официальный язык, не содержится стилистической маркировки, а только упоминается, что инвалидов *Behinderte, Behinderter* предпочтительнее называть в последнее время *Mensch mit Behinderung* или *behinderter Mensch*, чтобы не акцентировать внимание на инвалидности человека [19]. Таким образом, сравнительный анализ двух лексикографических описаний лексемы продемонстрировал совпадение рекомендаций по использованию завуалированных сочетаний *Mensch mit Behinderung* и *behinderter Mensch* вместо *Behinderte, Behinderter*. В данной работе наименование людей с инвалидностью *Behinderte, Behinderter* рассматривается как неэвфемизированная номинация.

В исследовании используется термин «словарный эвфемизм» для слов, которые содержат стилистическую помету «*verhüllend*» (вуалирование) или «*euphemistisch*» в электронных словарях DWDS и Duden, и «оказиональный эвфемизм» для слов и выражений, которые стилистически не маркированы в толковых словарях [8], [13]. Эвфемизмы будут выявляться на основе четырёх признаков, которые сформулированы в работе Е.П. Сеничкиной: 1) обозначение нежелательного денотата; 2) семантическая неопределённость эвфемизма, позволяющая уменьшить или смягчить негативную оценку денотата; 3) улучшение характера денотата по сравнению с заменяемым словом; 4) формальный характер улучшения денотата [11], [8].

Для публицистического дискурса характерно использование лексем социальной тематики, которая охватывает все события в стране и мире, влияющие на социальное самочувствие общества. Социальная журналистика призвана не просто информировать читателей о событиях, предоставлять возможность обмениваться мнениями, но и участвовать в регулировании отношений между людьми. Л.П. Крысин справедливо отмечает, что языковеды, которые исследуют эвфемистические выражения, должны анализировать ещё и социально-культурный языковой фон, на котором возникает необходимость в эвфемистических заменах [5, с. 274], [8]. Одной из сфер социальной жизни, которая активно эвфемизируется в публицистике, является инвалидность. Именно данной теме и посвящено исследование.

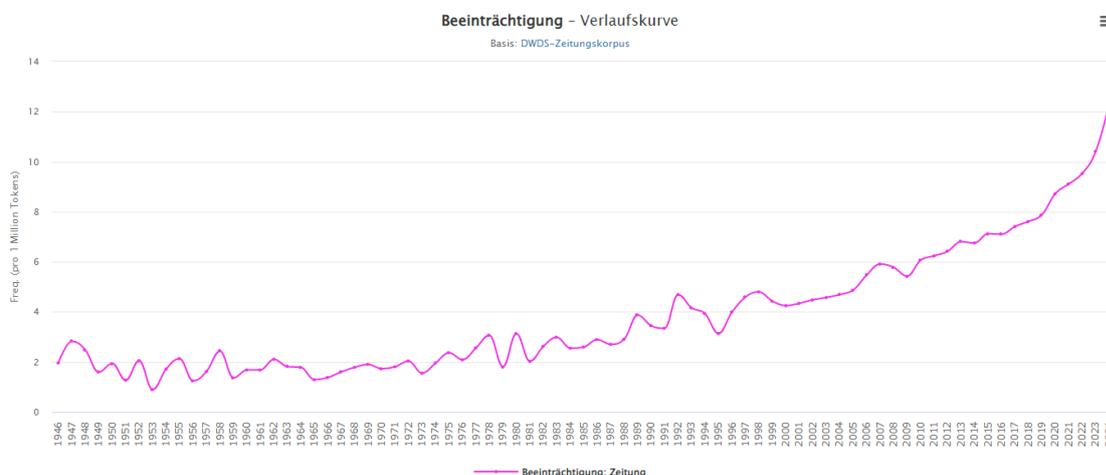
Далее будут продемонстрированы эвфемизированные и неэвфемизированные лексемы в статье о жизни человека с инвалидностью.

3.1. Эвфемизмы и прямые номинации темы инвалидности в повествовании журналиста

В статье речь идёт о молодом человеке Флориане Линце из Кёльна, который доказывает всем и прежде всего самому себе, что он может вести активный образ жизни и может быть успешен в профессии. Флориану 33 года, у него есть подруга, мечты, проблемы и заботы. Он любит свою работу, свою мать и брата. Лишь одно отличает его от большинства людей. Это тяжёлая форма инвалидности (*Schwerbehinderung*). Во время родов его мозг получал слишком мало кислорода. Ему пришлось делать искусственную вентиляцию лёгких. Флориан выжил, однако его развитие было затруднено *seine Entwicklung ist beeinträchtigt* [21]. Автор статьи подробно описывает жизнь этого молодого человека, используя эвфемизированную лексику. Журналист использовал глагол *beeinträchtigen*, который обозначает «что-то, что ограничивает, замедляет, препятствует физическому, умственному развитию» [DWDS]. Речь идёт о препятствиях, ограничениях, а не акцентируется внимание на физических недостатках, болезнях человека. Существительное *Beeinträchtigung* сочетается с определениями *gesundheitlich, körperlich, geistig, psychisch*, обозначает ограниченные возможности здоровья (недостатки в физическом и/или психологическом развитии) и является синонимом для существительных *Behinderung* (инвалидность), *Handycap, Handykap* (инвалидность, ограниченные возможности здоровья) [DWDS].

- *gesundheitliche, körperliche, geistige, psychische Beeinträchtigung* (ограничения по состоянию здоровья);
- *Menschen mit Beeinträchtigungen* (люди с ограниченными возможностями здоровья).

Частота употребления лексемы *Beeinträchtigung*, согласно статистическому сервису «Wortverlaufskurve» толкового словаря немецкого языка, начала увеличиваться в девяностые годы XX века и резко выросла в 2024 году (рис. 1).

Слово *Beeinträchtigung* рассматривается нами как эвфемизм, так как данное слово обозначает ограничения, затруднения, ухудшение и не указывает напрямую на инвалидность человека. В статье был использован глагол в роли составного именного сказуемого *doch seine Entwicklung ist beeinträchtigt* (однако его развитие было затруднено – перевод буквальный) и причастие в роли определения *Florian Lintz zusammen mit Lehrkräften und anderen beeinträchtigten Menschen* (Флориан Линц вместе с учителями и другими людьми с ограниченными возможностями) [21].

Автор называет Флориана нормальным человеком *Florian ist ein ganz normaler Mensch wie du und ich* (Флориан абсолютно нормальный человек, как ты и я), удивительным человеком, но немного другим *Florian ist ein wunderbarer Mensch, nur ein bisschen anders* (Флориан удивитель-

ный человек лишь немного другой) [Ibid.]. Оба выражения *ein ganz normaler Mensch* и *ein bisschen anders* рассматриваются в исследовании как контекстуально обусловленные эвфемизмы, так как идентифицированы в определённой коммуникативно-прагматической ситуации.

Рассказывая о его диагнозе, автор использует прямые номинации, то есть медицинские термины *Lernbehinderung* (затруднения в обучении) и *Spastik* (спастичность) *Er lebt mit einer Lernbehinderung und einer Spastik* (букв. Он живёт с диагнозом «затруднения в обучении» и «спастичность») [21]. Примечательно, что автор информирует о серьёзных нарушениях как о каких-то проблемах, которые просто сопровождают молодого человека, а не характеризуют его состояние здоровья. Данное предложение также можно считать эвфемистической перифразой, так как медицинские термины не применены конкретно к человеку.

В юности он чувствовал себя одиноким и видел, что коллектив его не принимает *Als Jugendlicher wurde er ausgegrenzt* (в юности он испытывал социальную неприязнь со стороны общества). Автор использует глагол *ausgrenzen*, который, как и существительное *Ausgrenzung*, обозначает социальную неприязнь, социальную эксклюзию [DWDS]. Обе лексемы имеют, по нашему мнению, эвфемистическую коннотацию, потому что автор статьи не говорит прямо об изоляции или дискриминации. В словах *Ausgrenzung*, *ausgrenzen* есть корень *Grenze* (граница). Получается, что тот, кто изолирует, исключает человека из общества, возводит «границу» между собой и другими людьми. Вместе с этим не упоминается о негативном, враждебном отношении к человеку. Термин *Ausgrenzung* применяется по отношению к людям с определённым цветом кожи, принадлежащим к другому вероисповеданию, а также инвалидам [18]. В публицистике можно найти множество примеров, где встречается глагол *ausgrenzen* и существительное *Ausgrenzung* для завуалированного обозначения социальной неприязни со стороны общества. Так, в следующем примере речь идёт о социальной изоляции детей, с которыми не общаются одноклассники, то есть воздвигают границы между детьми из материально обеспеченных семей и детьми из бедных семей *Materielle Armut führt zu sozialer Armut, die Kinder sind isoliert, wenn sie nicht zu Geburtstagsfeiern und auf Klassenfahrten können, und sie werden ausgegrenzt, wenn sie nicht die richtige Kleidung und das angesagte Spielzeug haben* (Материальная бедность приводит к социальной бедности, дети изолируются, если они не могут участвовать в праздничных мероприятиях, дети исключаются из общения с одноклассниками, если у них «неправильная» одежда и непопулярная игрушка) [19].

В примере ниже сообщается о социальном исключении людей, о которых просто говорится, что они «другие»: *Das aber führt allzu oft zur Ausgrenzung oder Herabsetzung derer, die "anders" sind* (Часто это приводит к социальному исключению и принижению тех, кто «другой») [19].

Далее автор открыто пишет о проблемах людей с инвалидностью, не приукрашивая реальное положение дел: *Normalerweise führen Menschen wie Florian Lintz ein Schattendasein. Niemand außer die engsten Familienangehörigen oder liebe Freunde interessiert sich für sie. Sie gehören einer Gruppe an, die zwar zahlenmäßig groß ist – in Deutschland leben 7,8 Millionen Schwerbehinderte –, die aber in der Öffentlichkeit kaum eine Rolle spielt* (Обычно такие люди, как Флориан Линц, ведут замкнутый образ жизни, и никто, кроме самых близких родственников или друзей, не интересуется ими. Они принадлежат к группе, которая, хотя и многочисленна – в Германии проживает 7,8 миллиона людей с тяжёлыми формами инвалидности – но не имеет большого значения для общества) [21]. В данном контексте использована прямая номинация людей с тяжёлой формой инвалидности *Schwerbehinderte*.

Сообщая читателям об учебной и трудовой деятельности Флориана, автор использует эвфемизированные номинации, такие как *Förderschule* (специализированная школа) и *Werkstatt für Menschen mit Behinderungen* (мастерская для людей с инвалидностью). Педагогический термин *Förderschule* (*Pädagogik*) состоит из двух компонентов *fördern* (поддерживать, помогать) и *Schule* (школа), то есть в названии учебного заведения не содержится указание на учащихся с особенностями физического развития [DWDS]. Термин *Menschen mit Behinderungen* в составе словосочетания *Werkstatt für Menschen mit Behinderungen* трактуется как эвфемизированный, так как в немецком языке политкорректные и эвфемизированные номинации содержат первый компонент, в роли которого выступает существительное *Mensch(en)* с предлогом *mit*:

Menschen mit Migrationshintergrund (люди с миграционным прошлым),

Menschen mit Migrationsgeschichte (люди с миграционной историей),

Menschen mit Behinderungen (люди с ограниченными возможностями здоровья) [DWDS].

В вышеприведённых примерах на первое место в номинации ставится человек *Mensch* или люди *Menschen*, а потом указывается особенность, диагноз, происхождение и так далее.

Жизнь Флориана изменилась благодаря режиссеру из Берлина, которая снимала эпизоды жизни молодого человека в течении четырёх лет. Благодаря этому трогательному репортажу Флориан решил бороться и доказать себе и другим, что он на многое способен. Вскоре ему удаётся получить место в Институте инклюзивного образования Северной Рейн-Вестфалии технического университета Кёльна (*Institut für Inklusive Bildung NRW an der Technischen Hochschule Köln*). В названии данного учебного заведения также зафиксирован эвфемизм *Inklusion* (от латинского *inclusion* – «включение», «вовлечение»), который в качестве иностранного слова используется для номинации системы образования, где совместно обучаются дети, независимо от их физических, психических особенностей. В толковых словарях лексема *Inklusion* описывается как термин из социологии и педагогики, который обозначает равноправное участие всех людей (включая инвалидов, мигрантов и так далее) в жизни общества, в школьном образовании и далее (посредством создания соответствующих условий) [19], [20]. В названии учебного заведения не содержится прямого указания на людей с инвалидностью.

Спустя три года Флориан вместе с шестью другими выпускниками с инвалидностью получает квалификацию специалиста в области образования. Он ведёт семинары по теме инвалидности и инклюзии. Эта профессия сделала его самостоятельным и счастливым человеком. В его удостоверении личности указана степень инвалидности 90 (GdB), что чуть ниже максимального значения в 100. – *Der GdB ist gewissermaßen die Maßeinheit für körperliche, geistige, seelische und soziale Auswirkungen durch einen Gesundheitsschaden. Florian hat noch einen Zusatzeintrag – ein „G“.* (GdB – степень инвалидности в некотором смысле является единицей измерения физического, психического, эмоционального и социального воздействия, вызванного вредом для здоровья. На удостоверении указываются различные отметки, говорящие о типе инвалидности, а также положенных льготах. У Флориана есть ещё одна дополнительная запись – „Г“, что означает ограничение в самостоятельном передвижении по улице) [21]. Для указания степени инвалидности в тексте статьи зафиксирована аббревиатура, которая вуалирует негативные семантические признаки заменяемых лексических единиц. Так, буквенные аббревиатуры «инициального» типа *Gdw* и *G* использованы вместо прямого наименования степени инвалидности (*Grad der Behinderung*) и дополнительной записи, которая обозначает ограничение в самостоятельном передвижении по улице (*Gehbehindert*).

3.2. Эвфемизмы и прямые номинации темы инвалидности в повествовании человека с инвалидностью

Флориан хотел бы, чтобы его юность была такой же, как и у других людей. Однако это не получилось. Он рассказал, что все время чувствовал себя изолированным, непринятым *Es war immer eine Form der Ausgrenzung, eine Form des Nichtdazugehörens*“ [21]. В данном предложении фиксируются как прямая номинация отчуждения *eine Form des Nichtdazugehörens* (букв. форма, состояние отчуждения), так и эвфемизированная *eine Form der Ausgrenzung* (разновидность отделения (отчуждения) от коллектива), которая улучшает отрицательный денотат при помощи термина *Ausgrenzung*, который используется политиками для номинации дискриминации, неприятия людей по каким-либо причинам [18].

Молодой человек хотел всем и себе самому доказать, что он больше, чем эта инвалидность *„Wollte beweisen, dass ich mehr bin als diese Behinderung“* [21]. В этом предложении использована прямая номинация инвалидности с указательным местоимением *diese* (эта) *diese Behinderung* (эта инвалидность). Флориан говорит, что и он, и его знакомые с инвалидностью мечтали оставить работу в мастерской: *Wir alle wollten aus der Werkstatt raus* (букв. Мы все хотели покинуть

мастерскую) и найти более сложную работу: *Florian fühlte sich völlig unterfordert. Er suchte eine „anspruchsvolle Arbeit“* (букв. Флориан чувствовал себя недооценённым. Он искал работу, требующую квалификации, более сложную) [Ibid.]. Говоря о мастерской, Флориан не упоминает, что это была мастерская для лиц с инвалидностью, то есть называет место работы в сокращённом виде. Молодой человек подчёркивает тот факт, что он почувствовал себя частью общества, лишь когда получил желаемое место работы – *Erst jetzt fühle er sich „wie ein Teil der Gesellschaft“* (Лишь теперь я чувствую себя человеком, включённым в общество) [Ibid.]. Наличие кавычек и употребление союза *wie* (как) сигнализируют о том, что это словосочетание имеет эвфемистическую коннотацию, то есть Флориану хотелось бы назвать себя здоровым человеком, но это не соответствует действительности, и он именуется человеком, «включённым в общество», «частью общества».

В университете, где Флориан ведёт семинары, с ним общаются на равных *auf Augenhöhe*, однако за стенами образовательного учреждения, то есть в «нормальной» жизни, это не всегда так: *In der Hochschule sei er mit anderen Menschen „auf Augenhöhe“, erklärt der 33-Jährige. Außerhalb der Einrichtung, also im normalen Leben, sei das nicht immer so* [21]. Всякий раз, когда молодой человек гуляет со своими друзьями, идёт на вечеринку или на концерт, то на него смотрят странно, как на «особенного» человека *da wird man doof angeguckt, ihn schräg anschauen* [Ibid.]. Молодой человек хочет, чтобы его воспринимали как нормального человека – *möchte ich als normal angesehen werden* (Я хотел бы, чтобы на меня смотрели как на человека, а не как на инвалида). Флориан не использует эвфемизированные выражения для описания отношения некоторых людей к инвалидам. Он нашёл выход из этой сложной ситуации и воспринимает этих людей, так, словно инвалидность имеют они – *Ich denke mir so, letztendlich haben die ja das Handicap* (Я представляю себе, что инвалидность у этих людей) [21]. Флориан использует заимствованное из английского языка слово *Handycap* для обозначения инвалидности, когда говорит о других людях. Лексема *Handycap* употребляется с определённым артиклем, то есть подчёркивается именно этот тип инвалидности, как у Флориана.

Молодой человек понимает, почему некоторые люди испытывают неловкость при общении с ним. Он объясняет это тем, что его голос звучит и иначе, и его движения отличаются от движений людей без инвалидности – *Ich weiß um die Problematik, dass sich meine Stimme anders anhört oder dass mein Bewegungsablauf nicht so ist wie bei Menschen ohne Handicap* [Ibid.]. В данном предложении Флориан не говорит о здоровых людях, а о людях без инвалидности. Мы рассматриваем перифразу *Menschen ohne Handicap* как эвфемизм, который заменяет слово *здоровый человек*. В своём рассказе юноша использовал прилагательное *gesund*, когда речь шла о его родном брате без инвалидности – *Es schmerze ihn bis heute, dass der Vater seinen drei Jahre jüngeren und gesunden Bruder anders behandelte* (Мне до сих пор больно осознавать, что отец иначе относился к моему здоровому брату, который младше меня на три года) [Ibid.]. Употребление эвфемизма *Menschen ohne Handicap* обусловлено стремлением акцентировать внимание на равенстве всех людей. Инвалиды и здоровые не противопоставляются, а противопоставляются предлоги *mit* и *ohne*:

Mensch mit Behinderung, Handycap (человек с инвалидностью);

Mensch ohne Behinderung, Handycap (человек без инвалидности).

Подтверждением нашего предположения может послужить мнение создателей Инклюзивного центра Колибри. Так, по поводу правильного выбора слов при общении с людьми с инвалидностью была посвящена публикация в социальной сети «ВКонтакте», в которой советовали использовать слова и выражения, не создающие стереотипы: *Человек с инвалидностью, Человек без инвалидности, Человек с инвалидностью с детства / с врождённой инвалидностью; человек с приобретённой инвалидностью; Человек с особенностями развития / нарушением развития и интеллекта и так далее* [22].

В упомянутой статье не рекомендовалось употреблять лексем, которые создают стереотипы, а также звучат оскорбительно и неуважительно: *Человек с ограниченными возможностями, больной, калека; Нормальный / здоровый / полноценный (при сравнении людей с инвалидностью и без инвалидности)* [Ibid.].

У Флориана прекрасное чувство юмора. Так, на вопрос журналиста, что обозначает отметка G на его удостоверении, он сначала шутливо ответил гениальный *genial*, однако затем пояснил, что это ограничение в самостоятельном передвижении по улице *gehbehindert*. В данном случае молодой человек сам шутливо заменил отрицательный денотат *Das G steht für genial* – „*ach ne, für gehbehindert*“ (Буква G обозначает гениальный, нет, человек, ограниченный в передвижении) [21].

На вопрос журналиста о том, когда получится внедрить инклюзию на всех уровнях общественной жизни, Флориан ответил, что инклюзия будет успешной лишь тогда, когда о ней перестанут говорить – *Inklusion ist erst dann erreicht, wenn wir nicht mehr darüber reden müssen* [Ibid.].

О своей инвалидности он говорит, используя как неэвфемизированную – *Auch wenn ich eine Behinderung habe*, так и эвфемизированную (заимствованную) лексему *dass ich ein Handicap habe* [Ibid.]. Оба существительных *Behinderung* и *Handicap* (*Handycap*) не маркированы стилистически – *verhüllend* (вуалирующий), *euphemistisch* (эвфемистичный), *politisch korrekt* (политкорректный) – в толковых словарях немецкого языка [19], [20]. Можно предположить, что обе перифразы наделены способностью семантически улучшить денотат. Люди не именуются напрямую инвалидами, а людьми, которых сопровождает инвалидность.

Толковые словари немецкого языка, которые использовались в исследовании, не указывают эвфемистичные слова и перифразы дискурса инвалидности, поэтому критерии Е.П. Сеничкиной помогли идентифицировать эвфемистичные сочетания:

- наличие стигматичных денотатов «Behinderter (инвалид)», «Behinderung (инвалидность)», «Nichtdazugehören (отчуждение)»;
- вуалирование и/или улучшение стигматичных денотатов при помощи лексем «Menschen (люди)», «GdB (аббревиатура, обозначающая степень инвалидности)», «Beeinträchtigung (нарушение)», «Handycap (инвалидность, заимствованный термин)»;
- стигматичные денотаты улучшаются формально. Хотя журналисты вуалируют лексемы, обозначающие инвалидность, они в большинстве своём понятны адресату.

Далее все прямые и эвфемизированные номинации инвалидности перечислены и сопровождаются переводом в таблице (табл. 1).

Таблица 1

**Прямые и эвфемизированные номинации инвалидности
в повествовании журналиста и человека с инвалидностью.**

Прямые номинации	Эвфемизированные варианты в повествовании журналиста	Эвфемизированные варианты в повествовании Флориана
Behinderter, Behinderte Schwerbehinderte (инвалид, инвалиды) (субстантивированное прилагательное официально-делового стиля) [Duden]	<i>Menschen mit Behinderungen</i> (люди с инвалидностью) <i>ein ganz normaler Mensch</i> (абсолютно нормальный человек) <i>ein wunderbarer Mensch, nur ein bisschen anders</i> (удивительный человек, лишь немного другой)	-
behindert sein (иметь инвалидность) beeinträchtigt sein (человек, ограниченный в передвижении)	<i>gehbehindert sein</i> (человек с инвалидностью) <i>beeinträchtigte Menschen</i> (люди с инвалидностью) G (аббревиатура, обозначающая человека, ограниченного в передвижении)	<i>eine Behinderung haben</i> <i>ein Handycap haben</i> (иметь инвалидность)
gesund sein (быть здоровым, если противопоставлять человеку с инвалидностью)		<i>Menschen ohne Handicap</i> (люди без инвалидности)
Behinderung (инвалидность)	<i>Beeinträchtigung, Handycap</i> (нарушения развития, инвалидность) GdB (степень инвалидности) <i>mit einer Lernbehinderung und einer Spastik leben</i> (жить со спастичностью и инвалидностью, препятствующей образованию)	

Прямые номинации	Эвфемизированные варианты в повествовании журналиста	Эвфемизированные варианты в повествовании Флориана
Nichtdazugehören (социальная эксклюзия, отчуждение от общества) schräg anschauen, doof angucken («коситься», относиться с недоверием, настороженно) ein Schattendasein führen (вести замкнутый образ жизни)	<i>Ausgrenzung</i> (невключённость в общество) <i>ausgegrenzt sein</i> (испытывать неприязнь со стороны общества)	<i>Ausgrenzung</i> (невключённость в общество)
Pflicht, behinderte Menschen zu beschäftigen (обязанность работодателей, имеющих не менее 20 рабочих мест в год, нанимать людей с тяжелыми формами инвалидности как минимум на пять процентов рабочих мест) [Bundesagentur für Arbeit]	<i>Inklusive Bildung</i> (инклюзивное образование) <i>Förderschule</i> (специализированная школа) <i>Inklusion</i> (инклюзия)	<i>ein Teil der Gesellschaft</i> (человек, включённый в общество) <i>auf Augenhöhe mit anderen Menschen sein</i> (общаться на равных с другими людьми) <i>Inklusion</i> (инклюзия)

Приведённая таблица демонстрирует преобладание эвфемизированных слов и перифраз в рассказе журналиста (12 и 7 примеров соответственно). Автор статьи реализовал эвфемистическую речевую стратегию при описании проблем и успехов человека с инвалидностью. Герой рассказа в большинстве случаев не использует приукрашивающие эвфемизмы, а откровенно, прямо и иронично повествует о своей жизни.

При анализе исследуемых эвфемизированных слов и выражений были выделены способы эвфемизации, которые представлены далее (табл. 2).

Таблица 2

Способы эвфемизации темы инвалидности в немецкой статье

Способы эвфемизации	Эвфемизированные слова и перифразы
Словосложение	<i>Förder</i> (вспомогательная, поддерживающая) + <i>schule</i> (школа) = (специальная школа)
Аффиксация	<i>Aus</i> (приставка, значение движения наружу) + <i>grenzung</i> (граница) = (социальное исключение)
Перифраза	<i>Menschen mit Behinderungen, Handycap, Beeinträchtigung</i> (люди с инвалидностью) <i>beeinträchtigte Menschen</i> (люди с инвалидностью) <i>ein ganz normaler Mensch</i> (абсолютно нормальный человек) <i>ein wunderbarer Mensch, nur ein bisschen anders</i> (удивительный человек лишь немного другой) <i>ein Teil der Gesellschaft</i> (человек, включённый в общество) <i>auf Augenhöhe mit anderen Menschen sein</i> (общаться на равных с другими людьми) <i>mit einer Lernbehinderung und einer Spastik leben</i> (жить со спастичностью и инвалидностью, препятствующей образованию)
Аббревиация	<i>G</i> (<i>gehbehindert</i>), <i>GdB</i> (<i>Grad der Behinderung</i>)
Заимствование из других языков	<i>Handycap, Handycap</i> (инвалидность) <i>Inklusion</i> (инклюзия)

Анализируемый материал показал, что преимущественно использовался такой способ создания эвфемизмов как перифраза.

По материалам этой статьи получилось составить синонимичный ряд к лексеме *Behinderter*:

Behinderter (*männl.*) (для обозначения лица с инвалидностью мужского пола) · *Behinderte* (*weibl.*) (для обозначения лица с инвалидностью женского пола) · *Mensch(en) mit Behinderungen* · *Mensch(en) mit Handycap* · *Mensch(en) mit Beeinträchtigung* · *beeinträchtigte Menschen*.

В толковых словарях DWDS, Duden аналогичный синонимичный ряд к слову *Behinderter*. В нашем материале отсутствует только лексема **Person**.

Mensch mit Behinderung · Person mit Behinderung · behinderte Person · behinderter Mensch · Behinderte (weibl.) (для обозначения лица с инвалидностью женского пола) · *Behinderter (männl.)* (для обозначения лица с инвалидностью мужского пола) [19], [20].

В рамках одной статьи зафиксированы практически все синонимы к слову *Behinderter*, зафиксированные в авторитетных толковых словарях немецкого языка.

4. Заключение

Выявление эвфемизированных и прямых номинаций в рамках одной статьи полностью себя оправдало, так как позволило получить ответы на важные исследовательские вопросы по эвфемизации в немецкой публицистике такой важной социальной темы, как инвалидность. Были актуализированы номинации инвалидности в современном публицистическом дискурсе. В работе установлено, что в прессе Германии вопрос инвалидности не принято обсуждать, используя только прямые номинации, научные и медицинские термины. Если журналист характеризует положение людей с инвалидностью в Германии, то он использует преимущественно языковые средства с эвфемистической окраской (*Menschen mit Behinderungen, Handycap, Beeinträchtigung*). Были зафиксированы языковые единицы, которые предпочтительны с точки зрения человека с инвалидностью. Выявленные в работе эвфемизмы были образованы преимущественно при помощи перифраз.

Планируется выявление эвфемизмов в других социальных сферах публицистического дискурса Германии. Полученные в результате исследования данные можно применять на занятиях по лексикологии и стилистике немецкого языка.

© Р.С. Шелехова, 2025

Список литературы

1. Арапова Н.С. Эвфемизмы / Н.С. Арапова // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997. 636 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 3-е изд., стер. М.: КомКнига, 2005. 521 с.
3. Кацев А.М. Языковые табу и эвфемия : учебное пособие к спецкурсу. Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. 80 с.
4. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. М.: Гнозис. 2007. 320 с.
5. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика. 1994. № 1, 2. С. 28–49.
6. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М.: ЛЕНАНД, 2007. 264 с.
7. Новоселова В.А. Эвфемизмы в политическом дискурсе (по материалам газеты “Карелия”) / В. А. Новоселова // CARELiCA. 2015. № 2(14). С. 39-55. DOI: 10.15393/j14.art.2015.59.
8. Райкова Ю.А. Узуальные и окказиональные эвфемизмы в немецкой экономической публицистике / Ю. А. Райкова // Филологические науки в МГИМО. 2024. Т. 10, № 1. С. 86-97. DOI: 10.24833/2410-2423-2024-1-38-86-97.
9. Реброва Н.Е. Подвижность пометы verhüllend как способ лексикографической фиксации реальных и потенциальных эвфемизмов / Н. Е. Реброва. Текст : непосредственный // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 60–70. (0,7 п.л.).
10. Реброва Н.Е. Функционально-семантическая характеристика эвфемизмов в аспекте лексикографического описания (на материале Duden Das grosse Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache) / Н. Е. Реброва. Текст : непосредственный // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия: Филология. 2014. № 2 (27). С. 175–181. (0,7 п.л.).
11. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 461 с.
12. Сидельникова, Е. А. Коммуникативно-прагматическая и переводческая специфика эвфемизации и дисфемизации в газетно-публицистическом экономическом дискурсе: монография / С. В. Серебрякова; Е. А. Сидельникова. Ставрополь : изд-во СКФУ, 2017. 176 с.
13. Шубина Э. Л. Эвфемизированные заголовки статей в экономических новостях немецкой газеты «Die Tageszeitung» / Э. Л. Шубина, Ю. А. Райкова // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 6. С. 190-211. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-190-211.
14. Allan K. Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. / K. Allan, K. Burridge K. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 303 p.
15. Luchtenberg, S. Euphemismen im heutigen Deutsch: mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache / S. Luchtenberg. Frankfurt am Main. : Peter Lang, 1985. S. 130.
16. Zöllner, N. Der Euphemismus im alltäglichen und politischen Sprachgebrauch des Englischen / N. Zöllner. Frankfurt am Main. : Peter Lang, 1997. S. 444.

17. Bundesagentur für Arbeit, <https://www.arbeitsagentur.de/vor-ort/kaiserslautern-pirmasens/presse/2024-3-arbeitgeber-mit-20-mitarbeitern-mussen-schwerbehinderte-menschen-beschäftigen> (Accessed 5.01.25).
18. Bundeszentrale für politische Bildung, <https://www.bpb.de/kurz-knapp/lexika/das-junge-politik-lexikon/319880/ausgrenzung/> (Accessed 5.01.25).
19. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS), <https://www.dwds.de/wb/Euphemismus>.
20. Duden <https://www.duden.de/>
21. „Florian wäre in Werkstatt für Behinderte fast versauert – dann brach er aus“. Focus, 4. Dez. 2023, https://www.focus.de/perspektiven/ich-will-so-leben-wie-ich-bin-florian-waere-in-werkstatt-fuer-behinderte-versauert-dann-passierte-etwas-wunderbares_id_255194775.html (Accessed 12.01.2024)
22. ВКонтакте, https://vk.com/wall-218932365_60 (Accessed 10.01.2025).

References

1. Arapova, N.S. Evfemizmy [Euphemisms]/ N.S Arapova // *Russkij iazyk: Entsiklopediia* [Russian language: Encyclopedia]/ Gl. red. Ju.N. Karaulov. M, 1997. 636 p.
2. Ahmanova, O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. [Dictionary of linguistic terms]. 3-e izd., ster. M.: KomKniga, 2005. 521 p.
3. Katsev, A.M. *Iazykovye tabu i evfemiia* [Language taboo and euphemia] : uchebnoe posobie k spetskursu. L.: Izd-vo LGU, 1988. 80 p.
4. Kovshova, M.L. *Semantika i pragmatika evfemizmov* [Semantics and pragmatics of euphemisms]. M.: Gnozis. 2007. 320 p.
5. Krysin, L. P. Evfemizmy v sovremennoy russkoy rechi [Euphemisms in modern Russian speech] / L. P. Krysin // *Rusistika*. 1994. № 1, 2. P. 28–49.
6. Moskvina, V.P. *Evfemizmy v leksicheskoi sisteme sovremennoy russkogo iazyka* [Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language]. Izd. 2-e. M.: LENAND, 2007. 264 p.
7. Novoselova, V. A. Evfemizmy v politicheskom diskurse (po materialam gazety “Kareliia”) [Euphemisms in political discourse (using Karelia newspaper as the research sources)] / V. A. Novoselova // *CARELiCA*. 2015. № 2(14). P. 39–55.
8. Raikova, J.A. Conventional and occasional euphemisms in German economic journalism. *Linguistics & Polyglot Studies*. 2024, 10(1), p. 86–97. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-1-38-86-97>
9. Rebrova, N.Y. The Mobility of the Label Verhüllend as a Tool of Lexicographical Reflection of Actual and Potential Euphemisms Voprosy leksikografii // *Russian Journal of Lexicography*, 2019, 15, pp. 60–70. DOI: 10.17223/22274200/15/4.
10. Rebrova, N. E. Funktsional'no-semanticheskaia kharakteristika e'vfemizmov v aspekte leksikograficheskogo opisaniia (na materiale Duden Das grosse Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache) / N. E. Rebrova. – Tekst: neposredstvenny // *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Filologiya*. 2014. № 2 (27). S. 175–181. (0,7 p.l.).
11. Senichkina, E.P. *Slovar evfemizmov russkogo iazyka* [Dictionary of euphemisms of the Russian language]. M.: Flint: Science, 2008. 464 p.
12. Sidel'nikova, E.A. *Kommunikativno-pragmaticheskaia i perevodcheskaia spetsifika evfemizatsii i disfemizatsii v gazetno-publichicheskom ekonomicheskom diskurse* [Communicative-pragmatic and translation specificity of euphemization and disphemization in newspaper and journalistic economic discourse]: monografiia / S. V. Serebriakova; E. A. Sidel'nikova. Stavropol': izd-vo SKFU, 2017. 176 s.
13. Shubina, E.L., Raikova, J.A. Euphemistic Headlines in Economic News Articles of German Newspaper ‘Die Tageszeitung’. *Nauchnyi dialog*. 2023. 12(6), p.190–211. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-190-211>.
14. Allan, K. *Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language*. / K. Allan, K. Burridge, Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 303 pp.
15. Luchtenberg, S. *Euphemismen im heutigen Deutsch: mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache* / S. Luchtenberg. Frankfurt am Main.: Peter Lang, 1985. S. 130.
16. Zöllner, N. *Der Euphemismus im alltäglichen und politischen Sprachgebrauch des Englischen* / N. Zöllner. Frankfurt am Main.: Peter Lang, 1997. S. 444.
17. Bundesagentur für Arbeit, <https://www.arbeitsagentur.de/vor-ort/kaiserslautern-pirmasens/presse/2024-3-arbeitgeber-mit-20-mitarbeitern-mussen-schwerbehinderte-menschen-beschäftigen> (Accessed 5.01.2025).
18. Bundeszentrale für politische Bildung, <https://www.bpb.de/kurz-knapp/lexika/das-junge-politik-lexikon/319880/ausgrenzung/> (Accessed 5.01.2025).
19. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS), <https://www.dwds.de/wb/Euphemismus>
20. Duden, <https://www.duden.de/>.
21. „Florian wäre in Werkstatt für Behinderte fast versauert – dann brach er aus“. Focus, 4. Dez. 2023, https://www.focus.de/perspektiven/ich-will-so-leben-wie-ich-bin-florian-waere-in-werkstatt-fuer-behinderte-versauert-dann-passierte-etwas-wunderbares_id_255194775.html (Accessed 12.01.2024).
22. ВКонтакте, https://vk.com/wall-218932365_60 (Accessed 10.01.2025).

Сведения об авторе:

Шелехова Роза Сергеевна – старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология, публицистический текст, юридический дискурс.

E-mail: rsschelechowa@mail.ru

ORCID:0000-0002-2197-6497

About the author:

Roza S. Shelekhova is Senior Lecturer at the Department of German Language, MGIMO. Spheres of research and professional interests: lexicology, journalistic text, legal discourse.

E-mail: rsschelechowa@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2197-6497

* * *

Stylistic Code Inconsistencies in Machine Translation of Information Press Releases

Yulia A. Filyasova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
48 Moika Emb., Saint-Petersburg, 191186, Russia

Abstract. The article considers the adequacy of machine translation in terms of linguistic norms in the target language and compliance with the corresponding stylistic genre. The relevance of the study is determined by the active implementation of artificial intelligence technologies that provide the possibility of machine translation, which contributes to the optimization of communication processes. The aim of the study is to analyze official press releases from English into the Russian language with the help of DeepL, an online translator. The research material included 2024 governmental information materials – press statements, media notes, special briefings, and notices to the press – a total of 35,000 words. The research methods included definitional analysis, establishing the correspondence of the target language to the source language in terms of equivalence and adequacy, semantic-contextual analysis. As a result, multiple cases of word-by-word translation, violations of Russian linguistic norms in stylistics, lexical combinatorics, and syntax were identified. Stylistic inconsistencies occur due to word-for-word translation and insufficient analysis of the surrounding context. In terms of frequency, stylistic errors are classified in the descending order: incorrect translation of abbreviations, violations of lexical combinatorics, syntagmatics and morphology. Literal translation and translation-free method are applied for translating abbreviations and lexical units lacking Russian equivalents. In order to avoid violations of stylistic norms of the Russian language, a deeper semantic analysis of the original text is required for adequate selection of terms, adverbial collocations and nominative units. The identified cases of stylistic violations indicate the need to train the translation program in the methods of holistic transformation, semantic development and complex linguistic units of the official business style. Recommendations for improving the online translator's work include learning clichéd expressions and extended syntactic constructions peculiar to the Russian official formal style, which are much more complex than the equivalent English structures.

Keywords: adequacy, formal style, lexical combinatorics, interlingual asymmetry, word-by-word translation, literal translation, linguistic norm, contextual translation

For citation: Filyasova Yu.A. (2025). Stylistic Code Inconsistencies in Machine Translation of Information Press Releases. *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(1), pp. 89–101. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-42-89-101>

Стилистическая демаркированность при машинном переводе информационных пресс-релизов

Ю.А. Филясова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Аннотация. В статье рассматривается адекватность машинного перевода с точки зрения языковых норм языка перевода и соответствия стилистике соответствующего речевого жанра – официального делового стиля речи. Актуальность исследования определяется активным внедрением технологий искусственного интеллекта, предоставляющих возможность машинного перевода, который способствует оптимизации коммуникационных процессов во всех сферах общественной деятельности. Целью исследования является анализ перевода информационных пресс-релизов с английского языка на русский язык с помощью онлайн-переводчика. Материалом исследования послужили информационные правительственные материалы 2024 года – заявления для прессы, заметки для средств массовой информации, специальные брифинги и сообщения для прессы – объёмом 35000 слов. Методы исследования включали дефиниционный анализ, установление соответствия языка перевода оригинала с точки зрения эквивалентности и адекватности с учётом межъязыковой асимметрии, семантико-контекстуальный анализ. В результате анализа были выявлены многочисленные случаи применения дословного перевода, нарушающие языковые нормы в области стилистики, лексической комбинаторики и синтаксиса русского языка. Стилистическая демаркированность возникает вследствие дословного перевода и недостаточного анализа окружающего контекста. С точки зрения частотности стилистические ошибки классифицированы в порядке убывания: неправильный и непоследовательный перевод аббревиатур, нарушения лексической комбинаторики, синтагматикой сочетаемости и морфологии. Буквальный перевод и беспереводной способ применяются в случаях передачи аббревиатур и лексических единиц, не имеющих эквивалентов в русском языке. Во избежание нарушений стилистических норм русского языка необходим более глубокий семантический анализ текста оригинала для подбора эквивалентных терминов, адвербильных словосочетаний и номинативных единиц. Выявленные случаи нарушения стилистической маркированности свидетельствуют о необходимости обучения программы-переводчика приёмам целостного преобразования, смыслового развития и сложным языковым единицам официально-делового стиля. Рекомендации по улучшению работы онлайн переводчика включают обучение клишированным выражениям и развёрнутым синтаксическим конструкциям, свойственным официально-деловому стилю русского языка, которые носят гораздо более сложный характер по сравнению с эквивалентными структурами английского языка.

Ключевые слова: адекватность, официально-деловой стиль, лексическая комбинаторика, межъязыковая асимметрия, дословный перевод, буквальный перевод, языковая норма, контекстуальный перевод

Для цитирования: Филясова Ю.А. (2025). Стилистическая демаркированность при машинном переводе информационных пресс-релизов. *Филологические науки в МГИМО*. 11(1), С. 89–101. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-41-89-101>

1. Введение (Introduction)

Стилистика является важнейшей областью лингвистики, изучающей принципы функционирования языка в различных сферах коммуникации. Смысловая и композиционная организация дискурса демонстрирует определённые типы синтаксических связей, лексической комбинаторики и средств выразительности, дифференцирующие функциональные стили речи. В поле зрения лингвистов оказываются языковые средства передачи экспликативной и имплицативной информации, экспрессивные средства, стилистические приемы [23]. Стилистическая маркированность определяется коммуникативной целью, обстоятельствами и условиями общения, традициями и стереотипными клише речевых жанров [8]. Так, например, информационные материалы официально-делового стиля характеризуются сложностью организации в силу объединения нескольких речевых жанров [18], точностью, краткостью, консервативностью, стандартизованностью и нейтральностью [21]. Стилистика рекламных текстов обладает такими особенностями как обращённость к целевой аудитории, метафоричность, гиперболизированное внимание к качествам рекламируемого продукта или услуги, эмфатичность, эмоциональность [20]. Необходимо отметить, что стилистика текста демонстрирует различия по признаку экспрессивности-эмоциональности, согласно данным А. А. Поликарпова, В. Я. Курлова [15], в зависимости от принадлежности лексики к той или иной сфере общения. В рекламном тексте эмоциональность достигается с помощью эпитетов: *outstanding, refined, striking, timeless, thrilling, unrivalled* [19]. В информационных материалах официально-делового стиля, который отличается, в основном, нейтральной тональностью и логичностью [11], эмоциональность достигается за счёт метонимичных выражений: *Кремль* (в значении *правительство*), *ближайшие соседи* (в значении *страны, расположенные на приграничной территории*), метафорических конструкций: *битва за урожай, ложь стоимостью в 38 миллионов долларов*; элементов вертикального контекста: *Elizabeth Tudor, King Philip of Spain* [13].

Информационные пресс-релизы характеризуются официально-деловым стилем речи, обслуживающим письменные документы в законодательной, дипломатической и административной сферах коммуникации. Тексты официально-делового регистра – это, как правило, типовые стандартизованные регламентированные документы, составляемые по установленным правилам. Языковые средства официально-делового стиля отличаются высокой информативностью, точностью, лаконичностью, чёткостью, однозначным толкованием в соответствии со словарными значениями.

Лексика информационных пресс-релизов маркирована профессиональными терминами в зависимости от сферы профессиональной деятельности, устоявшимися словосочетаниями, клише. Так, например, в официальных пресс-релизах встречаются финансовые термины: *жилищные ипотечные кредиты и займы, бюджетные ассигнования, резервный фонд*; правовые термины: *дорожно-транспортное происшествие, административные взыскания, конституционно-правовые отношения*; клишированные словосочетания: *предоставление дополнительной финансовой помощи, принятие проекта федерального закона, утверждение схем теплоснабжения муниципальных округов*.

Морфология информационных пресс-релизов отличается преобладанием номинативных единиц над глагольными, отыменными предлогами и союзами: *в целях предоставления, в результате прохождения, на поддержку мер по обеспечению, об устранении*; причастиями, отглагольными существительными: *на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным по льготной ставке инвесторам для реализации инвестиционных проектов, необходимых для устойчивого развития внутреннего и въездного туризма, создания и развития туристских кластеров, способствующих развитию внутреннего и въездного туризма*.

Синтаксическая организация информационных пресс-релизов характеризуется абстрактностью и объективностью (обезличенностью) коммуникации, например, многочисленными причастными оборотами: *граждане, подвергшиеся радиационному воздействию*; страдательными

конструкциями: *финансирование предусмотрено на возмещение недополученных доходов*; однородными членами: *комиссия по вопросам природопользования и охраны окружающей среды, развития лесного и водохозяйственных комплексов*.

При переводе информационных материалов и сообщений необходимо сохранять стилистические особенности речевого регистра средствами языка перевода за счёт использования таких переводческих приёмов как транслитерация, транскрипция, калькирование, описательный перевод [17]. При переводе текстов официально-делового стиля могут возникать терминологические несоответствия, требующие поиска эквивалентов или описательного перевода, а также культурологические различия, предполагающие применение методов локализации [24].

Качество перевода традиционно определяется такими параметрами как эквивалентность и адекватность, то есть соответствием содержания и выбора языковых средств в языке перевода исходному тексту. В настоящее время качество перевода определяют также с точки зрения сферы оценки, субъекта и объекта перевода, цели оценочной деятельности, метода оценки, набора оценочных критериев и параметров. Оценка качества перевода зависит от влияния нормативных, целевых, ситуативных и интуитивных факторов [12]. Оценка качества перевода особенно актуальна в условиях активного использования программных средств, поскольку в сферу человеческого общения внедряется машинный перевод, который по своей структуре, составу и стилистике отличается от перевода, выполненного переводчиком-человеком.

Использование современных средств перевода в профессиональной деятельности, несомненно, способствует совершенствованию процессов коммуникации [3], [10]. Необходимо отметить, что осуществление перевода машинными средствами и человеком опирается на разные принципы и критерии, поэтому необходимо дифференцировать области функционального применения машинного и профессионального перевода [27]. Так, например, массовое использование голосовых систем сегодня актуально для автоматического перевода [9], в то время как переводческие услуги высокого качества остаются прерогативой дипломированных переводчиков.

К недостаткам машинного перевода относятся: невозможность определения приоритетности коммуникативных задач, отсутствие обратной связи с источником информации, зависимость от языковой базы данных. Языковые проблемы машинного перевода включают неправильный перевод, неточный перевод, некорректный перевод профессиональных терминов, нарушение языковых и стилистических норм, несоблюдение языковых стандартов [4]. Кроме того, отмечается неправильный выбор эквивалентов многозначных слов, несоблюдение связности текста, пропуски пунктуационных знаков [6], опущение значимой информации, неадекватный перевод идиоматических выражений, коллокаций и фразовых глаголов, несоблюдение порядка слов, отсутствие необходимых грамматических трансформаций, неправильный перевод эллиптических конструкций [28]. В тексте перевода наблюдаются некорректные синтаксические конструкции, неэквивалентные терминологические единицы относительно исходного текста, стилистические неточности [23]. При анализе машинного перевода вопрос о единице перевода становится наиболее актуальным [7]. С учётом вышеперечисленного необходимым представляется классифицировать ошибки машинного перевода. Поскольку цель и коммуникативные условия одинаковы в контексте данной работы, то оценка качества перевода должна осуществляться с точки зрения соблюдения языковой нормы, эквивалентности и адекватности.

2. Материал и методы исследования (Material and methodology)

Целью данного исследования является анализ машинного перевода текстов официально-делового стиля с английского языка на русский язык. В задачи исследования входит выявление соответствия перевода языковым нормам русского языка и определение адекватности перевода стилистической маркированности официально-делового регистра. Материалом исследования послужили информационные пресс-релизы на английском языке (американский вариант) 2024 года объёмом 35000 слов, размещённые на сайте правительства Соединённых Штатов Америки [16] в открытом доступе. Информационные материалы включали заявления для прессы, заметки

для средств массовой информации, специальные брифинги и сообщения для прессы. Как отмечает А.Д. Швейцер, «для «параллельных текстов» характерна общность социально-коммуникативной ситуации их порождения, позволяющая выделить дифференциальные и интегральные признаки текстов данного жанра в различных языках» [22]. Анализу подлежали тексты, полученные в результате перевода полнотекстовых документов с английского на русский язык с помощью онлайн-переводчика DeepL [14]. Выбор данного конкретного переводчика определялся такими критериями как контекстуальный анализ, точность и вариативность перевода, возможность работы с большими по объёму текстами. Параметрами оценки выступали смысловая эквивалентность, адекватность выбора языковых средств и соблюдение языковых норм русского языка, включая стилистический компонент. Методы исследования включали дефиниционный анализ, установление соответствия языка перевода языку оригинала с точки зрения эквивалентности с учётом межъязыковой асимметрии, семантико-контекстуальный анализ, классификацию ошибок и нарушений норм русского языка в тексте перевода, предложение рекомендаций по улучшению работы переводческих программ.

Актуальность исследования определяется активным внедрением технологий искусственного интеллекта, предоставляющих возможность машинного перевода, который способствует оптимизации коммуникационных процессов во всех сферах общественной деятельности. Перевод правительственных пресс-релизов имеет важное значение для развития международных отношений, поскольку мгновенной обмен информацией оказывает благотворное влияние на формирование единого глобального коммуникационного пространства и обеспечение информационной безопасности на международной арене.

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности контрастивного анализа межъязыковых параллелей на материале языковой пары английского и русского языков. Практическая значимость состоит в возможности использования результатов в преподавании практических аспектов перевода по направлениям «Лингвистика», «Реклама и связи с общественностью», «Журналистика», «Политология», а также при составлении рекомендаций для совершенствования системы машинного перевода.

3. Результаты исследования (Results)

В результате проведённого анализа были выявлены случаи несоблюдения эквивалентности на стилистическом уровне вследствие изменения речевого регистра, на нормативном уровне из-за нарушений норм языка перевода, на коммуникативно-прагматическом уровне по причине коммуникативных сбоев и неудач. Анализ текста перевода позволил выявить многочисленные нарушения стилистической маркированности ввиду применения приёмов дословного и буквального перевода, калькирования, выбора слов разговорного типа и интерферентных конструкций, сохраняющих синтаксис исходного текста языка оригинала.

В тексте перевода отмечаются случаи несоблюдения гендерных различий из-за отсутствия категории рода в английском языке. Безличное местоимение «it», которое в текстах профессиональных переводчиков получает контекстуальные значения или заменяется гендерно-маркированными местоимениями, передаётся указательным местоимением «это» или переводится с нарушениями языковой нормы русского языка, например: *The other thing that's different is it is now going to be available 24/7 ...* / Ещё одно отличие – теперь он будет доступен 24 часа в сутки 7 дней в неделю. «It» в значении «система регистрации» получает обозначение с помощью местоимения мужского рода. Аналогичным образом, неверный перевод безличного местоимения множественного числа «they», выполняющего функцию гендерно-нейтральной замены «he» и «she», также получает дословный эквивалент «они».

Over the course of the engagement, Under Secretary Bass and Director-General Dangor reinforced their nations' shared commitment to tackling food insecurity. / В ходе встречи заместитель секретаря Басс и Генеральный директор Дангор подтвердили общую приверженность своих стран решению проблемы отсутствия продовольственной безопасности. В данном примере можно отметить не-

корректную сочетаемость таких лексических пар как «приверженность ... решению» и «проблема отсутствия». Семантика существительного «приверженность» предполагает некоторое постоянство со значением привязанности и хорошего отношения к чему-либо (например, *приверженность идее, обычаям*), в то время как «решение» обладает значением мгновенного объявления или оглашения результатов переговоров. Существительное «проблема» в русском языке, как правило, сочетается непосредственно с предметной областью, требующей поиска решения, например: *проблема землепользования, проблема личности, проблема использования отходов, проблема морали*. В рассматриваемом контексте слово «отсутствие» представляется излишним. Более удачным контекстуальным переводом был бы следующий: «*В ходе встречи заместитель секретаря Басс и Генеральный директор Дангор подтвердили общую готовность стран к поиску совместного решения проблемы продовольственной безопасности*».

Деепричастный оборот с исполнителем действия семантически не согласуется с исполнителем действия: *Spanning genres of music and generations of people, U.S. Global Music Ambassadors build on the legacy of the iconic U.S. Jazz Ambassadors*. / **Охватывая** музыкальные жанры и поколения людей, **глобальные** музыкальные **послы** США опираются на наследие культовых джазовых посланцев США. Кроме того, нарушением нормы является комбинаторная сочетаемость атрибутива с определяемым словом.

Выбор словоформы «шлю» не соответствует официально-деловому стилю: *I send my best wishes to the people of El Salvador this and every September 15*. / Я **шлю** свои наилучшие пожелания народу Сальвадора в этот день **и каждый раз 15 сентября**. Заключительный адвербиальный оборот имплицитивно означает *каждый год*, однако эксплицитивно не соответствует нормам русского языка. Стилистически неудачным оказывается также адвербиальный оборот в постпозиции: *We've been testing it for – since June, actually, of this year and actually even prior to that*. / Мы тестируем её с июня этого года **и даже раньше**.

Падежные окончания не согласуются с предложной конструкцией ввиду сложного синтаксического строения: ... *Maritime Law Enforcement Agreement, promoting economic growth, improving transparency and good governance*. / ... соглашением о соблюдении морского законодательства, содействие экономическому росту, повышение прозрачности и **благого управления**. Заключительное словосочетание требует добавления: «соблюдение принципа благого управления».

Интерференция на уровне синтаксической структуры приводит к нарушению дистрибутивных отношений частицы «пусть», не допускающих сочетания с номинативными единицами во втором лице: *May you take pride in the many achievements of your diverse and rich society*. / **Пусть вы гордитесь** многочисленными достижениями вашего **разнообразного** и богатого общества. Выбор варианта перевода прилагательного *diverse* не является подходящим для данного контекста. Более корректным вариантом перевода мог бы стать следующий: «*Вы по праву можете гордиться успехами талантливых людей вашей многонациональной страны*».

Непоследовательно выполняется перевод аббревиатур, ряд которых передаётся беспереводным способом: ... *must be reported to OFAC ...* / ... должно быть сообщено в **OFAC** ...; ... *these individuals are now on our SDN list ...* / ... эти лица теперь находятся в нашем списке **SDN** ...; *Meeting (DIFEM)* / Мероприятие **DIFEM**; *the National Electoral Council, otherwise known as the CNE, and the Supreme Tribunal of Justice, the TSJ* / ... Национального избирательного совета, известного как **CNE**, и Верховного трибунала юстиции, **TSJ**; *ahead of COP29 in Azerbaijan* / до начала **COP29** в Азербайджане; *gaps among micro, small, and medium size enterprises (MSMES)* / пробелов среди микро-, малых и средних предприятий (**MSMES**); *the United Kingdom's AUKUS Nations Open General License* / открытой генеральной лицензии Соединённого Королевства для **AUKUS Nations**. Другие аббревиатуры получают неадекватные варианты перевода ввиду их низкой встречаемости и отсутствия анализа предыдущего контекста: *the OAS Permanent Council* / Постоянный совет **OAG**; *digital economy entrepreneurs from MSMEs in ASEAN* / в сфере цифровой экономики из **ММСП** стран АСЕАН; *foreign information manipulation and interference (FIMI)* / иностранные информационные манипуляции и вмешательства (**ИИИ**); *the TIP Office to achieve the objectives of the CPC Partnership* / Бюро **ППИ** для достижения целей партнерства КЗК.

Эквивалентами вышеупомянутых аббревиатур являются следующие: OFAC – Управление по контролю за иностранными активами, SDN – Список специально обозначенных граждан и заблокированных лиц, DIFEM – Цифровые инновации для женщин-предпринимателей, COP29 – Конференция ООН по изменению климата, MSMES – Министерство по делам малого и среднего бизнеса, AUKUS – АУКУС (акроним, образованный от начальных букв названий стран на английском языке), OAS – Секретная вооружённая организация, CPC Partnership – Партнёрство в рамках договоров по защите детей.

Страдательные конструкции, несомненно, встречаются в текстах официально-делового стиля, однако перевод инфинитива в пассивной форме не всегда соответствует нормам русского языка: *The voices of the Iranian people demanding basic freedoms deserve to be heard.* / *Голоса иранского народа, требующего основных свобод, заслуживают того, чтобы быть услышанными.* Более подходящий вариант перевода предполагает использование приёма целостного преобразования и добавления: «Требования народа Ирана о необходимости обеспечения условий соблюдения основных свобод должны быть услышаны».

Терминологически ошибочным является перевод должностной позиции «дипломат высокого ранга»: «*Ambassador Bitter is a career senior foreign service officer* / *Посол Биттер – карьерный высокопоставленный сотрудник дипломатической службы*».

«*In 2024, a historic number of elections are taking place, giving a record number of people around the world the chance to make their voices heard. Ensuring all citizens can participate in those elections strengthens democracies and ensures they are better able to find innovative solutions to the challenges we face.*» / «В 2024 году состоится историческое количество выборов, которые дадут рекордное число людей по всему миру возможность заявить о себе. Обеспечение возможности участия в выборах всех граждан укрепляет демократии и позволяет им находить инновационные решения стоящих перед нами задач». В языке перевода допущены языковые ошибки: первое, в словосочетании «a historic number of elections» прилагательное «historic», подчёркивающее значимость события в настоящем относительно всех предыдущих аналогичных событий в истории, в русском языке уместнее было бы заменить на «беспрецедентный». Во-вторых, не соблюдены окончания дательного падежа «рекордному числу людей». В-третьих, словосочетание «возможность заявить о себе» стилистически не подходит в отношении миллионов людей в контексте такого значимого общественно-политического события как выборы. В-четвёртых, существительное «демократия», хотя и имеет в парадигме склонений форму множественного числа, как правило, используется в единственном числе, поскольку означает определённую форму политической организации общества. В целом, дословный перевод снижает официально-деловой стиль, характеризующий правительственные сообщения.

Нарушения стилистической маркированности и принадлежности пресс-релизов официально-деловому регистру обусловлены неадекватным выбором приёмов перевода. Дословный перевод словосочетания «в координации с» не является стилистически корректным вариантом и требует лексико-грамматической замены, например, «в тесном сотрудничестве»: «*We are taking these actions in coordination with Australia and Canada.* / Мы принимаем эти меры в координации с Австралией и Канадой».

«*We are dedicated to ensuring the American public can seamlessly access passport services and to making our new online process the best tool possible. We encourage Americans to apply.* / Мы стремимся обеспечить беспрепятственный доступ американской общественности к паспортным услугам и сделать наш новый онлайн-процесс наилучшим инструментом. Мы призываем американцев подавать заявления». Вместо существительного «общественность» в русскоязычном варианте следует использовать «граждане», поскольку «общественность» имеет собирательно-массовое значение, в то время как в данном контексте речь идёт об индивидуальных интересах каждого человека в отдельности. Целостное преобразование необходимо для глагольного словосочетания *сделать ... инструментом* – эквивалент герундиального оборота в английском языке, например, «... сделать процесс подачи заявления в электронном формате максимально удобным». Прилагательное, образованное от заимствованного слова **онлайн-новый**, не соответствует официальному

стилю. В русскоязычной лингвокультурной среде коммуникативно аналогичным выражением для «*We encourage Americans to apply*», скорее всего, будет «*Просим подавать заявления*» или «*Вы можете подать заявление*».

«*I wish the government of Costa Rica and the Costa Rican people a proud and festive National Day.* / Я желаю правительству Коста-Рики и **костариканскому** народу **гордого** и **праздничного Национального** дня». Выполненный машинный перевод допускает языковые ошибки и неточности в словосочетаниях, которые снижают высокий стиль дипломатического уровня. Во-первых, прилагательное «proud», чаще всего, переводится с заменой части речи, например, «гордиться чем-либо (достижениями)». При сохранении частиречной принадлежности в русском языке возникает искажение значения английского прилагательного «proud», приближая его к семантике «haughty» – высокомерный (о человеке), и результирующая антропоцентрическая импликация создаёт несоответствие при сочетаемости с неодушевлённым существительным «день». Во-вторых, прямой эквивалентный перевод «костариканский народ» больше подходит для разговорного стиля речи, чем высокого стиля дипломатической коммуникации. В-третьих, официальным эквивалентом термина «National Day» является «День независимости Коста-Рики». В первой части данного предложения было бы целесообразным применить приём перемещения с заменой, поместив в начало обстоятельство времени, а во второй части – приём целостного преобразования: «*В День независимости желаю правительству и народу Коста-Рики с гордостью отметить этот национальный праздник*».

Переносное значение глагола приближать не вполне соответствует нормам официально-делового стиля, так как контекстуально необходимы языковые единицы с прямым значением, в особенности в сочетании с собирательным существительным «народ»: *We'll also bring passport services – a more efficient and secure passport services closer to the American people.* / Мы также **приближаем паспортные услуги** – более эффективные и безопасные паспортные услуги – **к американскому народу**. Более адаптированным вариантом перевода мог быть послужить следующий: «*Мы повышаем эффективность работы электронной системы оформления документа, удостоверяющего личность, и её доступность для пользователей*».

«*And we have been working day and night with allies.* / И мы **денно и ночью** работаем с союзниками». Стилистически маркированное устойчивое словосочетание «денно и ночью» как выражение разговорного регистра, скорее всего, было выбрано переводчиком как наиболее близкое к **day and night**, однако «круглосуточно» или «постоянно на связи» в большей степени соответствуют официально-деловому стилю.

«... they re-affirmed their support for the rules-based international order, to include the importance of upholding international law and freedom of navigation in the South China Sea. / ... они вновь **подтвердили** свою **поддержку** международного **порядка**, основанного на **правилах**, включая важность соблюдения международного права и свободы судоходства в Южно-Китайском море». Нарушением лексической сочетаемости является «подтвердить ... поддержку», которое необходимо исправить посредством поиска более подходящего эквивалента и добавления. Кроме того, официально-деловой стиль русского языка предполагает более развёрнутые формулировки, которые уточняют правила и положения о свободе судоходства. Следующий вариант перевода кажется более подходящим: «... они вновь подтвердили свою **приверженность** соблюдению международного порядка, основанного на правилах **добросовестного выполнения международных обязательств**, таких как **нормы международного права и соглашения о свободе судоходства** в Южно-Китайском море».

Комический эффект возникает из-за употребления слов с противоположным коннотативным значением – **санкции** (отрицательное значение) и **вклад** (положительное значение): *Including today's actions, Treasury has sanctioned over 140 current or former Venezuelan officials for contributing to the situation in the country.* / С учётом сегодняшних действий Казначейство **ввело санкции** в отношении более 140 нынешних или бывших венесуэльских чиновников за **вклад** в ситуацию в стране. Значение английского слова contribute имеет коннотативно нейтральное значение: *to be one of the reasons why something happens* [26], однако эквивалент перевода вклад в русском языке имеет только положительное значение.

Большой объём языкового материала передан со стилистическими ошибками из-за неадекватного перевода безличных союзов *it* и *that*: *I don't know if that's going to expand into the future.* / Я не знаю, будет ли **это** расширяться в будущем. *Right now, it isn't available for people who want an expedite.* / Сейчас **это** недоступно для тех, кто хочет ускорить процесс. Я не знаю, изменится ли **это** в ближайшем будущем. *Can you please shed light into that?* / Не могли бы вы **пролить свет на это**? В приведённых примерах необходима контекстуальная замена местоимений существительными. В отдельных случаях требуется приём опущения: *Thank you so much for doing this.* / Большое спасибо **за это**. *Sorry about that.* / Извините **за это**.

Несмотря на перестановку обстоятельства времени в начало предложения, его перевод является нарушением стилистической нормы: *We had limited numbers for quite a while up until recent months ... the system was able to handle and to grow at scale.* / **До последних месяцев** у нас было ограниченное количество людей ... система способна работать и развиваться **в масштабе**. Обстоятельство образа действия в масштабе является, скорее, разговорным вариантом перевода.

Суммируя вышесказанное, нарушения языковой нормы включают неадекватный перевод аббревиатур, терминологических сочетаний, передачу английских синтаксических структур с помощью дословного перевода, игнорирование гендерных различий в синтагматической реализации парадигматики склонений.

Дословный перевод, хотя и сохраняет формальную структуру оригинала, часто приводит к нарушениям лексической комбинаторики и вызывает перцептивный диссонанс в сознании носителей языка перевода. Для преодоления этих трудностей дипломированные переводчики часто прибегают к контекстуальным заменам, которые позволяют адаптировать текст к нормам русского языка, сохраняя его смысловую целостность. Контекстуальные замены особенно важны при переводе текстов, насыщенных культурно-специфическими особенностями. Так, в документах, характеризующихся дипломатическим стилем, широко используются клишированные выражения, которые имеют строго определённые значения и функции, например, словосочетания «выразить глубокую озабоченность» или «принять к сведению» являются стандартными для дипломатического стиля и требуют точного воспроизведения на русском языке.

Отсутствие банка клишированных выражений, принадлежащих официально-деловому стилю, на которые мог бы опираться искусственный интеллект при подборе вариантов перевода официальных пресс-релизов, представляется основной проблемой машинного перевода. Фактически дословный перевод, не учитывающий явления межъязыковой асимметрии, порождает нарушения стилистической маркированности официально-делового регистра.

4. Обсуждение (Discussion)

В результате выполненного анализа было установлено, что приёмы машинного перевода на данный момент не способны анализировать широкий языковой контекст, включая дистантные внутритекстовые связи, и во многих случаях реализуют технику дословного перевода. Несоблюдение стилистической маркированности отмечается на уровне лексической комбинаторики, синтаксических конструкций, а также выбора стилистических средств.

Наибольшую сложность для переводческой программы представляют аббревиатуры, требующие включения в базу данных англо-русские эквиваленты, поскольку они имеют, чаще всего, постоянное значение, независимое от контекста. На втором месте по частотности оказываются вопросы лексической комбинаторики, которые приводят к появлению языковых ошибок на стилистическом уровне. Менее частотны нарушения правил синтагматики вследствие неверной идентификации значений местоимений, таких как *it*, *that*, *they*, согласования определения с определяемым словом, подбор эквивалентов страдательных и экспрессивных конструкций. Недостатки морфологического уровня встречаются реже ввиду сложного синтаксического строения предложений. Следовательно, стилистические неточности могут варьировать от неадекватного выбора отдельного слова до нарушений согласования в контексте распространённого

сложноподчинённого предложения. Основной проблемой представляется недостаточный учёт переводческой программой языкового контекста и функциональной принадлежности языковых единиц к конкретному стилевому регистру.

Морфология машинных переводов пресс-релизов ввиду приоритета текста оригинала недостаточно ориентирована на преобразование глагольных словосочетаний в номинативные и герундиальные конструкции. Безличное местоимение «it», чаще всего, переводится указательным местоимением «это», несмотря на то, что в русском языке оно опускается. Аббревиатуры передаются либо в беспереводном виде, либо с помощью буквального перевода без анализа значения или поиска эквивалентов с опорой на предыдущий контекст. Калькирование синтаксических конструкций из английского языка, например, пассивных структур или отдельных значений модальных глаголов, приводит к нарушению не только стилистики, но и языковой нормы в русском языке, как на морфологическом, так и синтаксическом уровне.

Нарушение стилистики обусловлено неправильным выбором значений полисемантических слов либо недостаточным применением приёмов смыслового развития, целостного преобразования и других приёмов комплексных преобразований, отвечающих требованиям определённого контекста. Программа машинного перевода требует повышения уровня клишированности, то есть обучения устойчивым синтаксическим конструкциям, которые в русском языке носят более развёрнутый характер и отличаются повышенной сложностью по сравнению с аналогичными структурами английского языка. Целостное преобразование как приём перевода предполагает не просто передачу отдельных слов или фраз, а когнитивное переосмысление текста. Переводчик должен учитывать лексико-грамматические особенности, коммуникативно-прагматические установки и стиль языка перевода.

Во избежание нарушений стилистических норм русского языка требуется более глубокий семантический анализ текста оригинала для адекватного подбора терминов, адвербиальных словосочетаний и номинативных единиц с учётом переводческого контекста. Выявленные случаи нарушения стилистической маркированности свидетельствуют о необходимости обучения программы перевода приёмам целостного преобразования, смыслового развития и сложным языковым единицам высокого официально-делового стиля.

Использование современных машинных средств перевода предполагает владение профессиональными переводчиками навыками постредактирования, распознавания ошибок и неточностей [5], культурной адаптации [25], локализации [1] и доместикации [2]. Проведённое исследование показывает, что использованный нами онлайн-переводчик не вполне способен выполнять перевод правительственных пресс-релизов на должном стилистическом уровне с соблюдением официально-делового регистра в русском языке.

© Ю.А. Филясова, 2025

Список литературы

1. Ачкасов А.В. Межъязыковые аспекты поисковой оптимизации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2021. № 199. С. 142–149.
2. Ачкасов А.В. Элементы доместикации в русских переводах рубежа XX-XXI веков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2023. № 210. С. 244–253.
3. Ачкасов А.В. Речевые характеристики последовательного перевода в условиях использования средств распознавания речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. №9. С. 3355–3360.
4. Беляева Л.Н. Машинный перевод в современной технологии процесса перевода // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2022. № 203. С. 22–30.
5. Беляева Л.Н. Машинный перевод в системе обучения: процедуры и ресурсы / Л.Н. Беляева, О.Н. Камшилова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2023, № 208. С. 230–239.
6. Велницова К. Взаимодействие «человек – компьютер» в переводческой деятельности: проблемы беглости машинного перевода / К. Велницова, Б. Якубичкова, Р. Кралик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Том 18. № 1. С. 217–234.

7. Воюцкая А.А. В поисках единицы перевода: функционирование единицы перевода как единицы принятия решения // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2022. Том 4. № 1. С. 6–15.
8. Добросклонская Т.Г. Медиатекстология: системный подход к изучению форматно-жанрового разнообразия современной медиаречи / Т.Г. Добросклонская, Н.Б. Смольская // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 118–135.
9. Жикулина К.П. Цифровой страт парадигмы языка / К.П. Жикулина, Н.В. Перфильева, М. Ли // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Том 15. №2. С. 364–375.
10. Карцева Е.Ю. Развитие машинного перевода и его место в профессиональной межкультурной коммуникации / Е.Ю. Карцева, Т.Д. Маргарян, Г.Г. Гурова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. №3. С. 155–164.
11. Клушина Н.И. Новые жанры PR-дискурса и их роль в развитии современного официально-делового стиля / Н.И. Клушина, Л.В. Селезнева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2016. Том 55. № 5. С. 120–133.
12. Княжева Е.А. О некоторых аспектах исследования проблемы оценки качества перевода / Е.А. Княжева // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2024. Том 17. № 1. С. 98–118.
13. Липгарт А.А. Функциональная стилистика и вертикальный контекст / А.А. Липгарт, О.Д. Вишнякова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология, 2023, том 29, № 1, с. 125–136.
14. Онлайн переводчик “DeepL”. [Электронный ресурс]. URL: <https://deepl.com/> (дата обращения: 25.07.2024)
15. Поликарпов А.А. Стилистика, семантика, грамматика: опыт анализа системных взаимосвязей (По данным толкового словаря) / А.А. Поликарпов, В.Я. Курлов // Вопросы языкознания, 1994, №1, с. 62–75.
16. Пресс-релизы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.state.gov/press-releases/> (дата обращения: 05.07.2024)
17. Самарина И.В. Приёмы перевода в официально-деловом стиле (на материале деловых договоров и соглашений) / И.В. Самарина, И.И. Стародубцева // Гуманитарные и социальные науки, 2020, №5, с. 229–237.
18. Степанов В.Н. Жанровая пиарология и конвергенции жанров PR-текста / В.Н. Степанов, А.Д. Кривонос // Жанры речи. 2024. Том 19. № 3 (43). С. 212–224.
19. Филясова Ю.А. Синтаксические средства эмпазы в английском рекламном дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. №3. С. 27–42.
20. Филясова Ю.А. Стилистика заголовков в рекламном дискурсе: коммуникативно-функциональное исследование на материале английского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Том 14. № 3. С. 856–875.
21. Хромова А.А. Постредактирование англо-русского машинного перевода: проблемы, методы и оптимизация / А.А. Хромова, Р.Р. Лукманова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. № 3. С. 948–956.
22. Швейцер А.Д. Проблемы контрастивной стилистики (К сопоставительному анализу функциональных стилей) // Вопросы языкознания. 1991. №4. С. 31–45.
23. Шпетный К.И. Школа лингвистической стилистики в России и перспективы её развития в парадигме современного когнитивного знания // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 8 (863). С. 119–127.
24. Almahasses Z., Husienat I. A comparative analysis of terminological inconsistency in scientific translation from English into Arabic across different medical fields // Training, Language and Culture. 2024. Vol. 8. no. 3. P. 25–40.
25. Beloglazova E.V. In search of culture non-specific linguistic mechanisms of language adaptation to external cultures // Language Studies and Modern Humanities. 2020. Vol. 2. no. 1. P. 5–11.
26. Cambridge Dictionary. [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/contribute> (дата обращения: 25.07.2024)
27. Horváth I. Speech translation vs. Interpreting // Language Studies and Modern Humanities. 2021. Vol. 3. no. 2. P. 174–187.
28. Kokanova E.S., Berendyaev M.V., Kulikov N.Yu. Pre-editing English news texts for machine translation into Russian // Language Studies and Modern Humanities. 2022. Vol. 4. No. 1. P. 25–30.

References:

1. Achkasov, A.V. Mezhyazykovye aspekty poiskovoi optimizatsii [Interlinguistic implications of search engine optimization] // *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2021. Vol. 199. P. 142–149. (In Russian)
2. Achkasov, A.V. Elementy domestikatsii v russkikh perevodakh rubezha XX-XXI vekov [Elements of domestication in Russian translations at the turn of the 20th-21st century] // *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2023. Vol. 210. P. 244–253. (In Russian)
3. Achkasov, A.V. Rechevye kharakteristiki posledovatel'nogo perevoda v usloviiakh ispol'zovaniia sredstv raspoznavaniia rechi [Speech characteristics of consecutive interpreting involving speech recognition tools] // *Philology. Theory & Practice*. 2024. Vol. 17. No. 9. P. 3355–3360. (In Russian)
4. Beliaeva, L. Mashinny perevod v sovremennoi tehnologii protsessa perevoda [Machine translation and modern translation technology] // *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2022. Vol. 203. P. 22–30. (In Russian)
5. Beliaeva, L.N., Kamshilova, O.N. Mashinny perevod v sisteme obucheniia: protsedury i resursy [Machine translation in education: procedures and resources] // *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2023. Vol. 208. P. 230–239. (In Russian)

6. Welnitzova, K. Vzaimodeystvie "chelovek – komp'uter" v perevodcheskoi deiatel'nosti: problemy beglosti mashinnogo perevoda [Human-Computer Interaction in Translation Activity: Fluency of Machine Translation] / K. Welnitzova, B. Jakubickova, R. Králík // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2021. Vol. 18. No. 1. P. 217–234. (In Russian)
7. Voyutskaya, A.A. V poiskakh edinitsy perevoda: funktsionirovanie edinitsy perevoda kak edinity priniatiia resheniia [In search of what the translation unit is: The functioning of translation units as units of decision-making] // *Language Studies and Modern Humanities*. 2022. Vol. 4. No. 1. P. 6–15. (In Russian)
8. Dobrosklonskaya, T.G., Smolskaia, N.B. Mediatekstologiya: sistemny podkhod k izucheniiu formatno-zhanrovogo raznoobraziia sovremennoi mediarechi [Mediatextology: a systematic approach to the study of the modern media language format and genre diversity] // *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*. 2023. No. 4 (26). P. 118–135. (In Russian)
9. Zhikulina, C.P. Tsifrovoy strat paradigmy iazyka [The Digital Stratum of a Linguistic Paradigm] / C.P. Zhikulina, N.V. Perfilieva, M. Li // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 364–375. (In Russian)
10. Kartseva, E.Y. Razvitie mashinnogo perevoda i ego mesto v professional'noi mezhkul'turnoi kommunikatsii [The development of machine-aided translation and its place in the professional cross-cultural communication] / E.Y. Kartseva, T.D. Margaryan, G.G. Gurova // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2016. No. 3. P. 155–164. (In Russian)
11. Klushina, N.I., Selezneva, L.V. Novye zhanry PR-diskursa i ih rol' v razvitii sovremennogo ofitsial'no-delovogo stilia [New genres of public relations discourse and their role in the development of the modern official style] // *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2016. Vol. 55. No. 5. P. 120–133. (In Russian)
12. Knyazheva, Y.A. O nekotorykh aspektakh issledovaniia problemy otsenki kachestva perevoda [Aspects of translation quality problem] // *Lomonosov Translation Studies Journal. Series 22. Translation Studies*. 2024. Vol. 17. No 1. P. 98–118. (In Russian)
13. Lipgart, A.A., Vishnyakova, O.D. Funktsional'naiia stilistika i vertikal'ny kontekst [Functional stylistics and vertical context] // *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 125–136. (In Russian)
14. Online translator "DeepL", <https://deepl.com/> (accessed: 25.07.2024).
15. Polikarpov, A.A., Kurlov, V.Ja. Stilistika, semantika, grammatika: opyt analiza sistemnykh vzaimosvyezii [Stylistics, semantics, grammar: analysis experience in systemic interrelations (evidence from thesaurus)] // *Voprosy Iazykoznaniiia*. 1994. Vol. 1. P. 62–75. (In Russian).
16. Press releases, <https://www.state.gov/press-releases/> (accessed: 05.07.2024).
17. Samarina, I.V., Starodubtseva, I.I. Priomy perevoda v ofitsial'no-delovom stile (na materiale delovykh dogovorov i soglashenii) [Translation techniques in the official style (on the material of business contracts and agreements)] // *The Humanities and Social Sciences*. 2020. Vol. 5. P. 229–237. (In Russian).
18. Stepanov, V.N., Krivonosov, A.D. Zhanrovaia piarologiya i konvergentsii zhanrov PR-teksta [Genre PRology and convergence of genres of PR text] // *Speech Genres*. 2024. Vol. 19. No. 3 (43). P. 212–224. (In Russian).
19. Filyasova, Yu. A. Sintaksicheskie sredstva emfazy v angliiskom reklamnom diskurse [The syntactic means of emphasis in the English promotional discourse] // *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*. 2024. Vol. 3. P. 27–42. (In Russian)
20. Filyasova, Yu.A. Stilistika zagolovkov v reklamnom diskurse: kommunikativno-funktsional'noe issledovanie na materiale angliiskogo iazyka [The Stylistics of English Headlines in Promotional Discourse: a Multidimensional Study] // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 856–875.
21. Khromova, A.A., Lukmanova, R.R. Postredaktirovanie anglo-russkogo mashinnogo perevoda: problemy, metody i optimizatsiia [Post-editing of English to Russian machine translation: Issues, methods, and optimization] // *Philology. Theory & Practice*. 2024. Vol. 17. No. 3. P. 948–956. (In Russian)
22. Shvejcer, A.D. Problemy kontrastivnoi stilistiki (K sopostavitel'nomu analizu funktsional'nykh stilei) [Issues of contrastive stylistics (To the comparative analysis of functional styles)] // *Voprosy Iazykoznaniiia*. 1991. Vol. 4. P. 31–45. (In Russian)
23. Shpetny, C.I. Shkola lingvisticheskoi stilistiki v Rossii i perspektivy eio razvitiia v paradigme sovremennogo kognitivnogo znaniia [School of linguistic stylistics in Russia and vista of its advance in the paradigm of modern cognitive knowledge] // *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2022. Vol. 863. No. 8. P. 119–127.
24. Almahasses, Z., Husienat, I.A. Comparative analysis of terminological inconsistency in scientific translation from English into Arabic across different medical fields // *Training, Language and Culture*. 2024. Vol. 8. No. 3. P. 25–40.
25. Beloglazova, E.V. In search of culture non-specific linguistic mechanisms of language adaptation to external cultures // *Language Studies and Modern Humanities*. 2020. Vol. 2. No. 1. P. 5–11.
26. Cambridge Dictionary, <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/contribute> (accessed: 25.07.2024).
27. Horváth, I. Speech translation vs. interpreting // *Language Studies and Modern Humanities*. 2021. Vol. 3. No. 2. P. 174–187.
28. Kokanova, E.S. Pre-editing English news texts for machine translation into Russian / E.S. Kokanova, M.V. Berendyaev, N.Yu. Kulikov // *Language Studies and Modern Humanities*. 2022. Vol. 4. No. 1. P. 25–30.

Сведения об авторе:

Филясова Юлия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Научные интересы: корпусная лингвистика, теория перевода, лексикология.

Email: phill.yield@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9728-9458

About the author:

Yulia A. Filyasova – PhD in Philology, is Associate Professor at the English Language Department for Professional Communication, Herzen State Pedagogical University of Russia. Research interests: corpus linguistics, translation theory, lexicology.

Email: phill.yield@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9728-9458

* * *

Scientific Discovery Drama and the Genre of a Science Play in the Context of Science Popularization (Based on C. Djerassi, R. Hoffmann's Play *Oxygen*, 2001 and C. Djerassi's Play *Calculus*, 2004)

Tatiana B. Alenkina

Moscow Institute of Physics and Technology
9, Institutskiy pereulok, Dolgoprudny, Moscow Region, 141701, Russia

Abstract. Theatre has always been an important mechanism of knowledge dissemination; in the time of expert scientific theories and innovative technologies the task of science popularization is successfully performed by science theatre. Science theatre has a great number of cases and genres of a science play and is often a focus of interdisciplinary research. Historically, the theatre witnessed the interconnection of natural philosophy and literature; nowadays science theatre uses a variety of multimodal possibilities in line with art-science phenomenon. Also, the problems science theatre raises are of equal value both for society and for individuals. At the same time, the neurocognitive trend in the theatre contributes to the choice of human-related themes as well as the format of a science performance or a postdramatic theatre experiment. The article explores the phenomenon of science theatre in its dialectics of the social and individual, the scientific and imaginative. The literature review shows that the living organism of the theatre is much more complex than one single classification of a science play can reflect. Our purpose is to address the genre characteristics of a science play and the problem of its classifications in the modern cultural context and major directions of research. We pay special attention to Carl Djerassi's perspective on the science play and its major features and illustrate his didactic concept of "science-in-theatre" by analyzing two plays that have not been previously translated into Russian: *Oxygen* (2001) and *Calculus* (2004). Both plays center on the historical personality of a scientist in his struggle for priority in a fundamental scientific discovery, whether it is oxygen or calculus. The path to the recognition of a scientific discovery turns out to be a test of humanity; at the same time, the principle of historical documentation and the reliability of scientific knowledge coexists with the artistic principle of showing the hero-scientist in a situation of a moral and ethical choice. The concept "science-in-theatre", suggested by Carl Djerassi, can be debated; the article offers alternative classifications of science plays based on the historical, communicative, and thematic principles.

Keywords: popularization, science play, "science-in-theatre", neurocognitive turn, C. Djerassi, R. Hoffmann, "Oxygen" play, "Calculus" play, genre, science theatre, scientific discovery

For citation: Alenkina, T.B. (2024). Scientific Discovery Drama and the Genre of a Science Play in the Context of Science Popularization (Based on C. Djerassi, R. Hoffmann's Play *Oxygen*, 2001 and C. Djerassi's Play *Calculus*, 2004). *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(1), pp. 102–117. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-42-102-117>

Драматургия научного открытия и жанр научной пьесы в контексте популяризации науки (на примере пьес К. Джерасси и Р. Хоффмана «Кислород» и К. Джерасси «Математический анализ»)

Т.Б. Аленькина

Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет),
141701, Россия, Московская область, г. Долгопрудный, Институтский переулок, дом 9

Аннотация. Театр всегда являлся важным механизмом распространения нового знания; в век экспертных научных теорий и инновационных технологий задачу популяризации науки успешно выполняет научный театр. Научный театр имеет большое разнообразие практик и жанров научной пьесы, а также является объектом для многочисленных исследований в междисциплинарном ключе. Прослеживается историческая взаимосвязь натурфилософии и литературы; в настоящее время научный театр использует разнообразные возможности мультимодальности в русле art-science. Более того, темы, которые поднимает научный театр, имеют одинаковую ценность для общества и для каждого человека в отдельности. При этом нейрокогнитивное направление театра ставит человека в фокус особого внимания, что отражается как на выборе темы, так и на формате научного перформанса или постдраматического театра. Статья анализирует комплексный феномен научного театра в диалектике социального и индивидуального, научного и художественного. Анализ современных исследовательских работ демонстрирует, что живой и сложный организм театра гораздо богаче любой классификации научной пьесы. Наша цель – изучить жанровые характеристики научной пьесы в контексте современных историко-культурных условий развития научного театра и основных направлений исследовательской мысли. Особое внимание мы уделяем классификации учёного-драматурга Карла Джерасси и иллюстрируем его дидактическую концепцию «науки-в-театре», анализируя две его пьесы, ранее не переведённые на русский язык, – «Кислород» (2001) и «Математический анализ» (2004). В центре обеих пьес – исторические личности учёных в борьбе за право войти в историю как первооткрыватели кислорода и математического анализа. Путь к признанию научного открытия оказывается проверкой на человечность; при этом принцип исторической документальности и достоверности научного знания сосуществует с художественным принципом показать героя-учёного в ситуации морально-этического выбора. Термин «наука-в-театре», предложенный К. Джерасси, дискуссионен; статья предлагает альтернативные классификации научной пьесы, в основу которых положен коммуникативный и тематический принцип.

Ключевые слова: популяризация, научная пьеса, «наука-в-театре», нейрокогнитивное направление, К. Джерасси, Р. Хоффман, пьеса «Кислород», пьеса «Математический анализ», жанр, научный театр, научное открытие

Для цитирования: Аленькина Т.Б. (2024). Драматургия научного открытия и жанр научной пьесы в контексте популяризации науки (на примере пьес К. Джерасси и Р. Хоффмана «Кислород» и К. Джерасси «Математический анализ»). *Филологические науки в МГИМО*. 11(1), С. 102–117. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-41-102-117>

1. Введение

Наука является частью культуры, и трансляция главных научных идей и результатов происходит в многомерном процессе популяризации науки. Российская исследовательница С.М. Медведева выделяет пять этапов популяризации науки, каждый из которых имеет свою аудиторию и процесс реализации. Так, генерация идей и дальнейшее их продвижение внутри научного сообщества происходит в процессе письменной и устной коммуникации учёного с учёными (этап 1 и 2); поиск заинтересованных групп в лице бизнес-сообщества и государственных структур воплощается в получении различных грантов и иных форм поддержки (этап 3); собственно популяризация науки в массовой культуре включает область научной журналистики (этап 4) и, наконец, художественного творчества (этап 5) [1, с. 278]. В недрах профессионального, популярного, литературного дискурсов зарождаются самые разные практики и жанры; тем не менее Н. Рассел напоминает, что «фокус на точное наблюдение и передачу событий объединял ранние практики натурфилософии, репортажной журналистики и художественной литературы»¹ [28, с. XVII].

Действительно, исторически наука и литература были неразрывно связаны; исследователи-натурфилософы, жившие в эпоху Английской революции XVII века, прибегали к литературному творчеству и «литературному знанию» как инструменту визуализации и распространения новых теорий, будь то Солнечная система или мир под микроскопом. Таким образом, «фантазия эксперимента» (название монографии Т. Чико [8]) способствовала воплощению в жизнь самых смелых идей и научных гипотез.

По мере специализации научного знания и появления самостоятельных дисциплин, окончательно оформившихся к XX веку, процесс размежевания науки и литературы достиг своего апогея. Если переплетения науки и философии не подлежат сомнению и обусловлены исторически, то связь науки и литературы менее обозначена. Вспомним знаменитый спор английских интеллектуалов Ч. Сноу и Ф. Ливиса о «двух культурах», в котором Ч. Сноу выступал в качестве поборника научной культуры, а его оппонент, литературный критик Ф. Ливис, – защитником «традиционной культуры», то есть гуманитарного знания [32], [23]. Однако в контексте диспута Сноу-Ливиса, забывают ещё об одном человеке – Рэймонде Уильямсе, который внёс свой концептуальный вклад в этот спор, упрекнув Ливиса в том, что тот говорил о культуре сугубо в плоскости литературы, непростительно игнорируя «важность истории, архитектуры, живописи, музыки, философии, теологии, политической и социальной теории, физических и естественных наук, антропологии – и в целом весь объём знаний» [36, с. 48].

Конец XX века и особенно XXI век демонстрируют правоту Р. Уильямса как в реальных практиках популяризации, так и в многочисленных критических исследованиях. Стремительно развивающаяся наука в области квантовой теории, астрономии и космологии побудила учёных-популяризаторов взяться за перо. Специалисты в разных отраслях научного знания – Карл Саган, Стивен Гулд, Ричард Докинз, Брайан Грин – начали работать для широкой аудитории читателей-неэкспертов, а книга Стивена Хокинга «Краткая история времени» (1988), по данным исследовательницы Ф. Меллор, продержалась 234 недели в Великобритании с рекордными продажами свыше 4 миллионов копий, проданных за три года с выхода первой публикации [25].

Коммерческий успех позволил говорить о популяризаторском буме в Великобритании, который в свою очередь был подкреплён разнообразными мерами поддержки со стороны государства. «Осведомлённость общественности о науке» как движение в Великобритании (“Public Understanding of Science”) и закрепление термина “art-science” («искусство-наука»), интересного, по мнению учёных Д. Борна и А. Барри, с точки зрения поисков концепции и практик публичности [4], отражают различные формы популяризации научного знания в диалоге фотографии, живописи и графики, видео и анимации, инсталляции и перформанса. Среди современных

¹ Здесь и далее по тексту везде перевод наш – Т.А.

направлений научного искусства, таких как биоарт, нейроарт, наноарт, робоарт, особым популяризаторским инструментом, обладающим неповторимым креативным потенциалом, является театр.

Именно театр – прекрасная площадка и средство воплощения научных и общеполитических идей; именно в театре, как и в науке, действие творится здесь и сейчас, а каждый спектакль подобно научному эксперименту одновременно похож на другой и индивидуален. Темы, которые предлагает для театра научное знание в конце XX века, разнообразны: атомная бомба и изменение климата, клонирование человека и эвтаназия. Эти темы имеют большую актуальность не только для науки, но и для общества в целом, а театр представляется, по удачному выражению М. Флейге, в виде «мегафона, комментирующего социальные проблемы общества» или предлагающего «практические решения проблем в области психиатрии» [16].

Таким образом, для театра оказываются одинаково важными как социально значимая проблема изменения климата или угрозы атомной катастрофы, так и психология отдельно взятого человека, актёра и зрителя. Этот интерес закрепляется и темами исследований театра в XXI веке: взаимосвязь театра и ужасов ядерного оружия [33], театра и медицинских наук [22], театра и когнитивных наук, театра и психиатрии [34].

Подобный двойной фокус объясняется самой природой театра. Объясняя нейрокогнитивное направление театра, итальянский учёный-театровед К. Фалетти вписывает театр в широкую область «наук о человеке», которая включает в себя, «во-первых, антропологию и педагогику; во-вторых, психологию с её важными областями знания и познавательными функциями, такими как восприятие, обучение, язык, память, эмоции, мотивация; в-третьих, социологию, экономику, историю» [15, с. XV].

Такая междисциплинарность свидетельствует в пользу разнообразия сугубо научных и общегуманитарных подходов и методов, которые составляют нейрокогнитивное направление в исследованиях о театре. Так, автор первого учебного пособия по театру и когнитивным наукам американский профессор Д. Латтерби выделяет три различные области исследований. Это «когнитивные науки – нейронауки, нейробиология, психология, лингвистика, химия, физика, философия с фокусом на когницию, сознание, эмоции, память, жесты, нарратив, инвалидизацию, а также системы и функции мозга. Вторым важным центром исследований становится собственно театр в его многообразии: традиционный, постдраматический, иммерсивный, энвайронмент-театр, прикладная драма в терапевтическом ключе на нетеатральных площадках больницы, плавательного бассейна или тюрьмы. И, наконец, перформанс – термин, который включает в себя театр в диалоге с широким диапазоном культурных жанров, таких как спорт, музыка, перформанс арт, сексуальность, гендер, рабочее пространство, медиа, политика, комьюнити и повседневная жизнь» [24, с. 3]. Магистральными областями для исследований являются, по мнению учёного, познавательные функции, креативность, зрительская аудитория [там же].

XXI век – время, когда выходит ещё один жанр – научный перформанс, основанный на тесном и непосредственном диалоге со зрителем, вовлечённости зрителя в спектакль, а также активном использовании мультимодальных практик. Современные исследования рассматривают научный перформанс с точки зрения жанра [9], технических мультимодальных возможностей [35], разнообразия форматов [19] и тематики [20].

Наряду с возросшими техническими возможностями современного театра и всё возрастающей сложностью науки, синтез социокультурного и человекоцентричного представляется современным и универсальным началом. В современном театре, как и несколько столетий назад, личность учёного является фундаментом научной пьесы. По мнению британского театроведа С. Перри, «в этом случае пьеса построена на взаимодействии объективного естественнонаучного подхода учёного и проекции его научного мировоззрения как предмета драматургии. С помощью подобной связи реальной личности и текста сценария театр исследует совместный продукт природы и культуры» [26, с. 22].

Подобный «совместный продукт природы и культуры» ставит вопрос о границах документальной правды и свободы. Вслед за авторами «Кэмбриджского путеводителя по театру и науке» (2020) мы задаём вопрос: «Какую ответственность несёт драматург, изображая реальных людей и актуальные идеи? Что определяет успех *научной пьесы*?» [30, с. 2].

В конце XX века многообразие научной тематики и авторских приёмов заставляет исследователей театра обратиться к проблеме жанрового своеобразия научной пьесы. В своей первой системной периодизации научной пьесы известная британская исследовательница К. Шеперд-Бар выделяет 122 пьесы [29]. Они разные по времени (вспомним «Трагическую историю доктора Фауста» К. Марло, 1604), по авторству (среди них есть как талантливые профессиональные драматурги – Т. Стоппард и М. Фрейн, так и учёные-популяризаторы науки – А. Прохиантц, Дж. Барроу, К. Джерасси, Р. Хоффман) и по цели создания пьесы. Своеобразным «водоразделом для театра и науки, где поднимаются одни и те же вопросы», исследовательница считает пьесу М. Фрейна «Копенгаген» [30]. Можно сказать, что именно эта пьеса разожгла интерес филологов-исследователей к вопросу о достоверности научного знания и правдивости изображения исторических событий в пьесе и шире – о природе и роли научного открытия в истории науки [17], [9], а также и о судьбе самого учёного [18].

Свой ценный вклад в эту дискуссию вносит известный учёный Карл Джерасси (1923 – 2015). К. Джерасси совмещал в себе несколько талантов и ролей: всемирно известный химик, талантливый педагог, создатель противозачаточной таблетки, успешный бизнесмен, коллекционер предметов искусства, спонсор художественных проектов, романист и драматург. Учёный опубликовал свыше 1200 статей и 7 монографий в области химии, медицинской химии, компьютерных технологий, искусственного интеллекта. Художественное воплощение научных идей всегда привлекало К. Джерасси, так как, по его словам, он «никогда не позволял себе в научном письме использовать прямую речь. За очень небольшим исключением учёные лишены возможности вести диалог в письменном дискурсе со времён Возрождения, когда несколько знаменитых текстов были написаны в форме диалога – от объясняющего или даже дидактического до разговорного или сатирического, что привлекало как читателей, так и авторов. Галилео является прекрасным тому примером» [14, с. XVII]. Именно возможность вести диалог с читателем, одновременно обучая науке, привлекла К. Джерасси к драматургии. Первая пьеса «Безукоризненное заблуждение» (*An Immaculate Misconception*, 1998, рус. пер. 2004) касалась современности: в центре пьесы учёный, разрабатывающий первое применение метода ИКСИ (интрацитоплазматической инъекции сперматозоидов). Однако уже в последующих пьесах – «Кислород» (*Oxygen*, 1999) и «Математический анализ» (*Calculus*, 2002) – автора интересует проблема первенства в науке, будь то конфронтация Ньютона и Лейбница («Математический анализ») или борьба за первенство в открытии кислорода в одноимённой пьесе.

Наша цель – дать анализ репрезентации научного открытия и судьбы учёного в пьесе «Кислород» (Djerassi, Hoffmann, *Oxygen*, 2001) и «Математический анализ» (Djerassi, *Calculus*, 2004), а также сквозь призму учёного-драматурга обозначить жанровые характеристики научной пьесы. Его определение «науки-в-театре» мы включаем в более широкий контекст современных практик и исследований театра. С этой целью связаны следующие задачи. Во-первых, мы знакомим русскоязычного читателя с драматургией К. Джерасси, так как пьесы не были переведены на русский язык; во-вторых, представляя взгляды К. Джерасси на научную пьесу, мы приводим характеристики научной пьесы в контексте популяризации науки. Наша статья открывает поле для обсуждения типов научной пьесы и её жанровых особенностей.

2. Пьеса «Кислород»: Научное открытие кислорода и проблема первенства в науке в XVIII и XXI вв.

Стимулом к написанию пьесы послужила находка Роальдом Хоффманом дорожного несесера мадам М.-А. П. Лавуазье в архиве Лавуазье Корнельского университета. Этот несесер был не только историческим свидетельством эпохи, но и содержал в себе ранее не замеченное письмо

мадам Лавуазье своему мужу. Несмотря на подлинность и несомненную историческую ценность находки, сама история науки не является основным фокусом пьесы. По признанию К. Джерасси, «наша пьеса не должна рассматриваться как пьеса об истории, но о природе науки и этике научной коммуникации» [27, n/p]. Соавтор К. Джерасси Р. Хоффман раскрывает совместный замысел пьесы следующим образом: «Люди хотят понять, что же движет учёным, каким образом это ценное знание добывается, и сможет ли учёный поступиться любыми проявлениями человечности, чтобы добыть его. В этом суть нашей пьесы» [21, с. 40].

Честность, нравственность и проблема первенства в науке не ограничены временем. Действие пьесы имеет два временных плана – 1777 и 2001 год. 2001 год – год столетия Нобелевской премии, когда жюри Нобелевского комитета по химии, состоящее из четырёх учёных-химиков и одной женщины-секретаря, принимает решение организовать конкурс на присуждение «ретро-Нобелевки» за открытия предыдущих веков, а если быть точнее, те события, которые произошли до 1901 года, даты первого присуждения Нобелевской премии. В их списке такие имена, как Менделеев, Гиббс и Пастер, но выбор жюри падает на открытие кислорода. Само открытие кислорода положило начало химической революции, а XVIII век кажется наиболее подходящим временем для цели жюри – наука была прозрачной, учёный работал в одиночку, а печатались учёные в разы меньше, чем в наши дни. Однако кажущаяся простота оборачивается сложностью сделать выбор в пользу кого-то одного.

В списке кандидатов учёные, причастные к открытию кислорода и являющиеся персонажами пьесы, – британский священник Джозеф Пристли (Joseph Priestley, 1733–1804), шведский аптекар Карл Шеле (Carl Wilhelm Scheele, 1742–1786), французский естествоиспытатель и основоположник современной химии Антуан Лавуазье (Antoine Laurent Lavoisier, 1743–1794). В случае с открытием кислорода все трое учёных заслуживают признания: Шеле впервые поставил эксперимент, Пристли напечатал статью, а Лавуазье выступил создателем научной классификации, в которую были сведены все химические элементы, а также внедрил в практику речи сам термин «кислород».

Учёные едва ли встречались в реальной жизни, говорили на разных языках – Шеле на латыни и немецком, Пристли на английском, а Лавуазье на французском. Однако в пьесе учёные и их жёны приезжают в Стокгольм по приглашению короля Густава III, известного своим покровительством науке и учёным. В век «просвещённого абсолютизма» король устраивает приём, в котором и принимают участие наши герои. Кто же открыл кислород?

Учёные не одни выступают в роли претендентов на звание первого в науке. В команде поддержки активно участвуют их жёны. Пьеса начинается с увлекательного разговора жён учёных в сауне. Мадам Пул, будущая супруга Шеле, мадам Пристли и мадам Лавуазье говорят в сауне о женских делах (так, у мадам Пристли образцовая религиозная семья и четверо детей, Фру Пул – вдова, имеет сына от первого мужа и пока не может гордиться статусом жены, а мадам Лавуазье, в свои 19 лет, прожив уже шесть лет в браке, не имеет детей). Но ограничиться женскими темами не удаётся. В разговоре Фру Пул говорит об отправленном тремя годами ранее письме Шеле Лавуазье, в котором аптекар подробно описывает свой успешный эксперимент с кислородом. Фру Пул задаётся вопросом, который мучает её мужа и возмущает её: почему же Лавуазье не поблагодарил Шеле в ответном письме за информацию об успешном эксперименте?

В ходе пьесы оказывается, что письмо Шеле перехватила мадам Лавуазье, а во время встречи с Пристли, на которой присутствовал и её муж, переводила избирательно их беседу в части полученных Пристли экспериментальных данных. Лавуазье узнает, что Пристли открыл новый газ под названием флогистон, а через неделю получает письмо от аптекаря Шеле, в котором тот описывает эксперимент, поставленный задолго до 1777 года. В ходе расследования Улла Зорн молодая секретарь жюри по химии и аспирантка, работающая в области истории науки, находит в архивах Корнельского университета несессер, принадлежащий мадам Лавуазье и переданный в архив ещё в 1963 году. Этот несессер имеет форму книги; символично и название книги «История театра» (*Histoire des Teatres*). Достоин внимания и содержимое несессера. В одном отделении лежат нитки, иголки и ножницы; в другом отделении – гребни, духи и зеркальце; в третьем отделении –

перья, чернила, бумага и линейка. Все эти вещи говорят в пользу многообразия натуры самой хозяйки, объединяя её женское начало, работу по дому и активную помощь мужу в научных исследованиях. Внимание Уллы приковывает разбитое зеркальце, за которым она находит письмо. Это письмо, которое мадам Лавуазье написала своему мужу в роковой для него декабрь 1793 года, когда тот находился в заточении. Именно в этом письме мадам Лавуазье пытается объяснить, почему она перехватила чужое письмо от Шеле почти двадцать лет назад:

«*Мадам Лавуазье*: Теперь, когда блеск и точность Ваших исследований убедили мир в центральной роли кислорода для химии, теперь, когда флогистон лежит в корзине неверных теорий... Не стану говорить Вам о твердолобом докторе Пристли, который продолжает твердить всё о том же. (Пауза) Я прошу Вас простить меня. Я не могла показать Вам письмо от аптекаря Шеле, мой дорогой супруг. Это бы выбило почву у Вас из-под ног, у Вас, кто был уже так близок... И я скажу Вам, почему я неспособна была уничтожить то письмо. Наше первенство требовало, чтобы я его скрыла» [10, с. 99].

Своё письмо мадам Лавуазье так и не отправила. Политическая обстановка была слишком опасной для подобных писем. Лавуазье погиб на гильотине в мае 1794 года. Так, «одно письмо она не могла отправить, другое сжечь» [там же, с. 101]. Таким образом мадам Лавуазье внесла свой вклад в ход истории. Мадам Лавуазье – наиболее продуманный персонаж в пьесе, по меткому выражению немецкой исследовательницы литературы Э.-С. Зееляйн, «многофункциональное оружие, которое объединяет женственность с типично мужскими характеристиками, такими как готовность к борьбе, хитрость и решительность» [38, с. 80].

«Мужские характеристики» мадам Лавуазье оказываются незаменимыми на научном поприще и в XXI веке. Одной из главных таких «мужских характеристик» становится стремление быть первым. Председатель жюри по химии Астрид Розенквист объясняет неискоренимую жажду лидерства так: «Наука делается людьми. Люди амбициозны. Учёные ещё более амбициозны... и хотят получить награду за то, что они первые» [10, с. 109].

Первенство – это в том числе и публикации. В XVIII веке Шеле ждал публикации своей единственной книги, а Пристли имел не менее двенадцати. В XXI веке Улла Зорн говорит о незавидной жизни учёного, который постоянно в напряжении, делая отчаянную попытку печататься во что бы то ни стало: «Когда я вижу всех вас... критикующих друг друга, готовых утопить друг друга, ...беспокоящихся, кто уже напечатался, а кто нет» [там же, с. 87]. Вот почему, по мнению Ульфа Сванхайма, который обвиняет своего коллегу Суне в том, что тот намеренно задерживал его рукопись статьи в издательстве, «большинство людей носят маску. В маске я бы признал, что те парни из Стэнфорда провели своё исследование самостоятельно. Но без маски я кричу: «Они украли мой катализатор! И ты помог им в этом!» [Там же, с. 107].

Первенство в науке обусловлено также и самой дисциплиной. Так, Ульф рассуждает о гуманитарных науках и проблеме первенства в науке:

«Вы не берёте во внимание два основных различия между литературой и наукой. Писателей не волнует проблема первенства. Не будь Шекспира, мир не знал бы «Короля Лира». А сейчас возьмём кислород. Если бы не было Шеле, Пристли или Лавуазье, кислород всё равно бы кто-нибудь открыл. Аналогично с Ньютоном и гравитацией, Менделеем и генетикой...» [там же, с. 108].

Как видим, первенство в науке и в XVIII веке, и в XXI веке является борьбой за идею, за публикации, а иногда стечением исторических и человеческих факторов и случайностей, которые приводят к закономерному, а иногда и неожиданному результату. Вот почему так сложно дать ретро-Нобелевку одному учёному. В конце пьесы комитет принимает решение проголосовать сразу за двух учёных: Астрид и Бенгт выбирают Лавуазье, но мы так и не знаем о второй кандидатуре; Суне защищает Шеле, а Ульф Пристли, причём они из принципа не отдадут второй голос Лавуазье. Окончательное решение жюри остаётся загадкой.

3. Пьеса «Математический анализ»: Ньютон vs Лейбниц

В центре пьесы – также проблема первенства в науке, а именно: известный конфликт и борьба двух гениальных учёных-математиков XVIII века – Исаака Ньютона (Isaac Newton, 1642–1727) и Готфрида Вильгельма Лейбница (Gottfried Wilhelm Leibniz, 1646–1716) – за право остаться основоположником математического анализа. Как и в пьесе «Кислород», драматург ищет малоизвестный факт из жизни учёного, перемежая его знакомыми для зрителя деталями. Так, к примеру, К. Джерасси раскрывает тёмную сторону личности Ньютона – человека властного, мстительного и беспощадного. Известный своей враждой с физиком Робертом Гуком и королевским астрономом Джоном Флэмстидом, Ньютон сражается на равных и на своём поле – в области математики – с Готфридом Лейбницем. В то время, как борьба за приоритет в области математического анализа – общеизвестный факт, новым знанием для зрителя является сам процесс травли Лейбница.

Конфликт разгорелся с открытого обвинения Лейбница в плагиате, сделанного ближайшим другом Ньютона Николой Фатио де Дьюилье (1664–1753). В 1708 году другой преданный последователь Ньютона Джон Кейль (1671–1721) подготовил обвинение Лейбница в плагиате уже на страницах журнала «Философские труды Королевского общества», в котором это обвинение и было опубликовано в 1710 году. Когда Лейбниц, иностранный член Королевского общества, потребовал ретрагирования статьи, Ньютон, обладая полномочиями Президента Королевского общества, создал комиссию из 11 членов (*A Numerous Committee of Gentlemen of Several Nations*). 24 апреля 1712 года на заседании комиссии был представлен официальный отчёт более чем на 50 страницах, состоявший из опубликованной корреспонденции и частной переписки Ньютона с покойным Джоном Коллинзом. Отчёт под названием *Commercium Epistolicum Collinz und aliorum* полностью подтверждал виновность Лейбница.

Сам состав комиссии стал известен лишь 100 лет спустя. Сомнение вызывают и члены комиссии, которые часто имели весьма отдалённое представление о математике. Среди них знаменитый астроном Эдмонд Хейли, врач и литератор Джон Арбетнот, посол короля Пруссии в Лондоне Луи Фредерик Боне. Абрахам де Муавр, один из немногих учёных-математиков, был назначен последним уже 17 апреля. Дата назначения Муавра крайне важна, ибо она свидетельствует в пользу того, что этот отчёт написал сам Ньютон.

Главные персонажи пьесы Джерасси – участники комиссии, и их оценку действий Ньютона зритель узнаёт из пьесы-в-пьесе. Неприятную историю рассказывают, вернее, разыгрывают в лицах два драматурга: Колли Сиббер (1671–1757) и сэр Джон Ванбрух (1664–1726). Действие начинается в 1725 году в Друри-Лейн театре, где Сиббер и Ванбрух обсуждают пьесу Ванбруха «Неисправимый, или Добродетель в опасности» (1696) и рецензии на неё. Разговор заходит ещё об одной «скандальной пьесе» Ванбруха, в которой как раз и показываются события конфронтации Ньютона и Лейбница.

Пьеса-в-пьесе, которую читают друзья-литераторы по ролям, начинается с прямого противостояния Ньютона и Лейбница в 1712 году. Это не просто научный спор, это вопрос о том, кто первым изобрёл метод «исчислений» (Лейбниц) или «флюксий» (Ньютон):

«Ньютон: Мой вопрос в том, кто открыл этот метод. Первенство – это главное. Это и есть абсолютный факт, поддающийся количественной оценке» [11, с. 15].

Тщётно пытается Лейбниц оперировать и к эмоциям, и к доводам рассудка:

«Лейбниц: Яблоко, которое уже надкушено, в особенности английское, не привлекает меня» [там же].

Ньютон непреклонен и приводит чёткий план действий:

«Ньютон: Являетесь ли Вы первооткрывателем метода флюксий (с презрением)... исчислений... сам или нет, не является главной проблемой. Я назначу комиссию из членов Королевского общества, которые примут решение, кто является первым. И я буду зорко смотреть за тем, чтобы они не свернули с узкой тропинки. (Пауза). Комиссия признает Лейбница вторым, потому что (медленно и громко) вторые изобретатели не имеют никаких прав. Ни-ка-ких!» [там же].

Ньютон приводит свой план в исполнение, и неприкрытая наглость ставит в тупик случайно оказавшихся в комиссии людей, собранных для «первого и последнего заседания», по меткой пророческой оценке леди Бразеноуз. Само заседание искусственно и нарочито театрально. Члены комиссии просто получают отчёт, и очень скоро становится понятно, что он написан самим Ньютоном. Сам автор, не говоря ни слова, удаляется и даёт возможность собравшимся вступить в простую сделку со своей совестью.

Тем не менее голос разума заглушает совесть. У каждого есть свой довод или выгода. Доводом Муавра является его преклонение перед гением математики: «Для меня создатель труда *Principia Mathematica* не может сделать ничего дурного» [там же, с. 32]. А вот Боне мечтает, чтобы его избрали постоянным членом отделения теологии Прусской академии наук. Его покровитель, Даниэль-Эрнст Яблонский, основал вместе с Лейбницем Прусскую академию наук. Лейбниц при этом получает пожизненную ренту, в то время как Яблонский с коллегами не получает ни гроша. Боне хочет исправить эту несправедливость, но главное – угодить своему благодетелю и получить заветное место.

Доводы в пользу рассудка приводит жена Арбетнота: «Джон! Подпиши. Ты не можешь так рисковать. Он плюнет на тебя и уничтожит» [там же, с. 44]. Тем не менее Арбетнот делает попытку поговорить с Ньютоном. Однако Ньютон непоколебим: «Единогласно! Все одиннадцать!» Когда Арбетнот просит гарантировать анонимность личности всех одиннадцати членов, Ньютон лишь зловеще молчит.

Действие переносится в 1731 год: тот же Друри-Лейн, только нет в живых ни Ванбруха, ни Ньютона. Пьеса Ванбруха поставлена в Друри-Лейн, а Ньютона играет Сиббер. После премьеры к нему подходит больной и несчастный Арбетнот и требует убрать с афиши все следующие представления его пьесы. «Его пьесы», – это не оговорка, правда раскрыта. Арбетнот задумал эту пьесу как серьёзный акт мести. Он обратился к Ванбруху, и оба заключили сделку. Арбетнот предоставлял полную информацию обо всем случившемся, а Ванбрух брался написать пьесу, при этом давая обещание, что никогда не раскроет имя Арбетнота. В свою очередь Ванбрух также ставил своё условие, что Арбетнот не увидит готового текста до премьеры на сцене.

В то же время по замыслу Ванбруха - Арбетнота пьеса предполагалась как моральная драма, «пьеса, которая даёт моральный урок... а не представляет собой клеветнические нападки» [11, с. 65]. Реальность же оказалась другой. Арбетнот обвиняет Сиббера в том, что пьеса превращена в место, где «стирают грязное бельё», а «величайший учёный Англии получается грешен, как и все другие смертные» [там же]. По убеждению Арбетнота, пьеса должна быть о «цене за разрушенную репутацию», и эта репутация в конечном счете не только Лейбница и других учёных, с которыми сталкивала Ньютона жизнь и работа, но также и самого Арбетнота.

«В жизни вообще мало дружбы, и менее всего её можно найти среди равных» [там же, с. 43], – эти слова Ф. Бэкона, которые вспоминает в разговоре с женой Арбетнот, как нельзя лучше комментируют конфликт между Ньютоном и Лейбницем. Однако пьеса К. Джерасси – не просто о «запятнанном герое» (Сиббер); она о том, какую великую роль играют человеческие отношения и нравственные качества в «жизни-после-смерти» (В. Беньямин) учёного.

4. Жанр научной пьесы: Обсуждение

В критической рецензии на упомянутую нами работу К. Шеперд-Бар К. Джерасси отмечает, что из 122 собранных ею научных пьес, созданных в период с XVII по конец XX века, лишь небольшая часть может считаться по-настоящему «научными» [14]. В данной работе и других критических исследованиях [12], [13] учёный-драматург выделяет отдельную категорию пьес под названием «наука-в-театре» (*science-in-theatre*) и выдвигает следующие критерии.

Для «науки-в-театре», по мнению К. Джерасси, необходимы дидактический потенциал, научная точность, сценичность. Во-первых, «наука-в-театре» должна продолжать традицию дидактического театра; вот почему главная задача драматурга – «стимулировать интерес и обсуждение научного знания в среде молодёжи» [12, с. 2].

Во-вторых, это научное знание должно быть достоверным. В недостоверности научного знания – причина того, что многие «научные пьесы» не являются научными. Так, для профессиональных драматургов, которые не являются учёными, наука представляется лишь средством воплощения своих идей и целей. Это можно сказать о Томе Стоппарде (пьесы «Аркадия» и «Хэпгуд»), Бертольде Брехте («Жизнь Галилея»), Фридрихе Дюрренматте («Физики»). При этом целью драматурга может быть передать скептическое отношение к науке (пьесы Дюрренматта и Брехта) или использовать науку как «полезную и интеллектуально привлекательную метафору» («Аркадия» Стоппарда). Вот почему автором «науки-в-театре» должен быть учёный, а главный вопрос учёного-драматурга: «Что сцена может сделать для науки?». Но не наоборот. По этому принципу можно включить в разряд «науки-в-театре» такие произведения, как «Ослеплённые солнцем» Стивена Полякова (1996) или «Транзит Венеры» Морина Хантера (1992).

В-третьих, «наука-в-театре» должна обучать именно на подмостках в театре, то есть иметь театральный успех. Сценичность – неотъемлемое качество самой пьесы, а не результат раскрученности драматурга, что произошло, по мнению К. Джерасси, с пьесой М. Фрейна «Копенгаген». Театральный успех у публики ещё не даёт гарантию того, что пьеса принадлежит к категории «науки-в-театре». Скажем, пьесу Дэвида Оберна «Доказательства» (2000), несмотря на Пулитцеровскую премию и успех у зрителей, нельзя назвать научной, так как сам драматург в интервью журналу «Dramatist» сказал: «Математики в моей пьесе практически нет, и я рад, что обманул публику» [Цит. по 14, с. 97].

Уважая полемическую аргументацию К. Джерасси, отметим, что интернациональный культурный контекст XXI века демонстрирует всё большее разнообразие моделей научного театра. Со-участие науки и театра представляет возможность интегрировать закреплённое документально научное знание и театральное пространство эксперимента с такими его характеристиками, как театральность и перформативность.

Так, театральность – в противоположность пространству литературы и текста – порождает сценические актёрские интерпретации с использованием мультимодальных возможностей сцены. Английский театровед С. Перри напоминает, что наука, которая по природе своей театральна, конструирует нереальность в театре, создавая при этом воображаемые методы и объекты с помощью наблюдения и(ли) перформанса [26].

Согласно словарю театра Патриса Пави, перформативность – необходимое условие современного театра, включающее в себя ряд выразительных форм, приёмов и методов, которые лежат в основе перформанса как объединяющего начала «равноправных различных визуальных искусств – театра, танца, видео, поэзии и кино» [3, с. 233]. Мультимодальность, которая является необходимым условием любого объекта искусства, способствует созданию научного перформанса как отдельного жанра и научного события.

Эти характеристики театра помогают реализовать творческий, активистский, педагогический и терапевтический потенциал научного театра. В частности, педагогический потенциал научного театра активно реализуется как в событийности научного перформанса, скажем, в камерном формате постановок научных театров при университетах и музеях, так и в экспериментах постдраматического театра.

Обучающая, дидактическая функция свойственна научному театру во всём его многообразии. Аргументируя использование театрального опыта в дидактических целях, Д. Винстон заявляет, что «трансформативное, эстетическое научное образование» гораздо более эффективно для учащихся, ведь «если мы будем применять целеориентированный подход к науке, увидим, что его техничность игнорирует глубину тайны познания и чуда открытия, в то время как страсть учёного к предмету и стремление найти ответ на поставленный вопрос очень часто и определяют успех в науке» [37, с. 38]. Вот почему научное образование должно учитывать «человеческую», «творческую», «эмоциональную» составляющую учёного в истории научного открытия, то, что как раз часто остаётся за кадром в научном дискурсе развития теории, исследовательских результатов и решения уравнений» [там же, с. 39].

По мнению британского учёного-театроведа Л. Кампос, научный театр сочетает в себе гуманистически-драматургическую эпистемологию с естественно-научным содержанием. Это гибридный театральный феномен, основанный на исторически сложившейся традиции педагогической репрезентации и прикладного использования в образовательных контекстах [6].

Рассматривая научную пьесу с позиции коммуникативного подхода, датские учёные Т. Хем и П. Кастберг [7] разделяют два типа коммуникации: коммуникация как прямой перенос знаний, когда драматург – эксперт, заполняющий пустой сосуд зрителя, часто юного, знаниями; коммуникация как прямой диалог со зрителем, где возможны разные формы и форматы этого взаимодействия. В более поздней по времени работе, также принадлежащей перу датских коллег-театроведов Кима и Дарьи Скийолдагер-Нильсен, научный театр ограничивается сугубо прикладной функцией с его главной целью научить зрительскую аудиторию теориям, концепциям и проблемам физики и экологии, генетики и психологии, а также взаимодействию науки и общества. В то же время «наука-в-театре» включает пьесы, авторы которых «используют научные концепции и мировоззрение для своих творческой цели» [31, с. 141]. В данном случае учёные используют термин, предложенный К. Джерасси, но трактуют его широко.

Драматический театр как пространство драматурга решает извечную дилемму свободы самовыражения и научной точности, тем более остро возникающую во взаимодействии науки и искусства. Американский драматург, автор ещё одной пьесы о Ньюtone «Бесконечно малые объекты» (*Small Infinities*) Алан Броди обозначил эту дилемму так: «Требуется ли театр исторической точности? Если есть пространство и возможность свободы творчества для драматурга, где граница точности и свободы, документальности и художественного вымысла? В какой степени нужна научная составляющая для зрительской аудитории?» [5, n/p]. Каждый драматург по-своему отвечает на эти вопросы. Вот почему вопрос классификации научных пьес остаётся открытым.

Мы, в свою очередь, ограничиваем концептуализацию научного театра с филологической точки зрения текстовым пространством пьесы как созданием драматурга. Как нам кажется, можно выделить следующие типы научной пьесы. Во-первых, пьеса, в основе которой герой-учёный. Документальная канва вплетена в драматическое событие; присутствует событийная нарративная стратегия с преобладанием линейной структуры. Рассматривая художественный дискурс с позиции нарратологии, мы вслед за В.А. Мохаммедом отмечаем «наличие причинно-следственных связей, где сюжет не совпадает с фабулой на событийном и повествовательном уровнях» [2, с. 1720]. Обе рассматриваемые нами пьесы К. Джерасси принадлежат к этому типу.

Во-вторых, пьеса, в которой герой-учёный показан в своём развитии от рождения до смерти. Автор-драматург работает с документами: такой биографический подход предусматривает линейное моделирование событий в историческом пространстве и времени, а также отражение внутренних переживаний героя-учёного. Примером служит ещё одна пьеса о Ньюtone британского драматурга Крейга Бакстера «Да будет Ньютон!» (Craig Baxter, *Let Newton Be!*, 2011), которую можно отнести к документальному, или вербатим-театру, получившему развитие во второй половине XX века.

В-третьих, пьеса, в которой рассматривается тема, часто социально значимая, имеющая общественный резонанс. Такой темой, к примеру, является изменение климата. Только в период с 2009 по 2011 годы в Великобритании были поставлены четыре пьесы на данную тему: «Чрезвычайный план» Стива Уотерса (Steve Waters, *The Contingency Plan*, Bush Theatre, 2009), «Землетрясения в Лондоне» Майка Бартлета (Mike Bartlett, *Earthquakes in London*, National Theatre, 2010), «Еретик» Ричарда Бина (Richard Bean, *Heretic*, Royal Court Theatre, 2011), «Гренландия» Мойры Баффини и других (Moirá Buffini, Penelope Skinner, Matt Charman, Jack Thorne, *Greenland*, Royal National Theatre, 2011).

В-четвёртых, пьеса, где наука является метафорой, трамплином для развития собственной идеи драматурга. В данном случае драматург обладает большей свободой и часто не учитывает документальный компонент. «Вторжение чужого языка науки в театральный контекст», по мнению Лилиан Кампос, позволяет увидеть человеческую натуру в её сложности, а также обратиться к «контексту постмодернистской нестабильности» [6, с. 296]. Степень присутствия научности

может быть разной; к примеру, в пьесе британского драматурга Ника Пейна «Созвездия» (Nick Payne, *Constellations*, Royal Court, 2012) космология, квантовая механика и теория струн являются научной метафорой множественности сценариев человеческой жизни, а опухоль головного мозга героини и тема эвтаназии усиливают метафору шаткости и неопределённости жизни.

Сущность театра как социокультурного института даёт возможность исследовать реальные практики диалога науки и искусства в исторической и современной перспективе. Множественность подходов к театру объясняет невозможность единой концепции научного театра. Так, принцип достоверности научного знания лежит в основе выделения так называемой «науки-в-театре» в самостоятельный класс пьес (К. Джерасси). Коммуникативный потенциал театра находится в основе классификации датских учёных (Т. Хем и П. Кастберг), что дало возможность их соотечественникам – Киму и Дарье Скйолдагер-Нильсен, определить «науку-в-театре» как привлечение научности подхода и эпистемологии для выражения собственных идей и замыслов.

Принимая объединяющий принцип популяризации науки, наша классификация основана на разнообразии тематики и драматургических решений, воплощённых в текстах научных пьес.

Множественность классификаций и междисциплинарных подходов, лежащих в их основе, призывают специалистов в разных областях знания к дальнейшей дискуссии.

Заключение

Проведённое нами исследование ставит целью дать анализ феномена научного театра с его популяризаторским, обучающим началом и собственно текстов научных пьес, которые рассматривают великое научное открытие одновременно с общечеловеческой (жизнь учёного) и исторической (особенности времени) точки зрения. Имея главную цель популяризацию науки и научного открытия, «наука-в-театре» пьес К. Джерасси и Р. Хоффмана переносит зрителя в другую эпоху – исторический и культурный контекст XVIII века. Однако сегодняшний зритель без труда узнаёт качества, также присущие и его современнику, а потому близкие и понятные для него самого.

Одним из таких качеств является стремление быть первым и оставить след в истории. Это желание первенства свойственно всем – Шеле, Пристли, Лавуазье («Кислород»), Ньютону и Лейбницу («Математический анализ»), членам жюри по химии Нобелевского комитета, живущим в XXI веке. Джерасси задаёт вопрос: на что готовы пойти люди, чтобы получить желаемое? Поступок мадам Лавуазье, которая скрыла письмо с информацией об успешном эксперименте Шеле, кажется невинным в сравнении с ложным обвинением Лейбница в плагиате и последующим подложным отчётом. Однако с позиции нравственного выбора это перестаёт быть важным, ведь на кон поставлена и репутация учёного, и жизнь других людей.

Проблема выбора героя-учёного – одна из основных в научной пьесе, и каждый драматург находит свой путь её решения. Выбор экспрессивных средств создания образа учёного зависит и от цели драматурга, и от многообразия форм и подходов, свойственных театру как социокультурному и творческому феномену в его тесной связи науки и искусства. Междисциплинарность объясняет и множественность классификаций научной пьесы. Так, учёный К. Джерасси ставит во главу угла научную достоверность «науки-в-театре», а специалисты в области театра и теории коммуникации Дарья и Ким Скйолдагер-Нильсен разделяют научный театр для обучающих, дидактических целей и «науку-в-театре» как использование научных тем, методов, подходов для выражения собственных идей.

В рамках данного исследования мы приводим свою филологическую классификацию научной пьесы, выделяя четыре группы наиболее часто встречающихся тем: биографическая личность героя-учёного в нарративном аспекте (тип 1), линейном, монографическом аспекте (тип 2); социальная значимая тема (тип 3); свобода выбора тем и приёмов драматурга, среди которых метафоричность и интертекстуальность наиболее часто встречаются для высвечивания граней и границ знания (тип 4).

Театральность и перформативность, присутствие мультимодальности и педагогическая функция научной пьесы, драматический и пост-драматический театр – всё это расширяет модели научного театра и соответственно научной пьесы.

© Т.Б. Аленькина, 2025

Список литературы

1. Медведева С.М. От научного творчества к популяризации науки: теоретическая модель научной ТОС \o “1-5” \h \z коммуникации / С.М. Медведева // Вестник МГИМО. № 4. 2014. С. 278–286.
2. Мохаммед В.А. Роль нарратора как ключевой инстанции в развитии драматических событий в художественном тексте / В.А. Мохаммед // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 15(6). 2022. С. 1718–1724.
3. Пави П. Словарь театра / П. Пави. М: Прогресс, 1991. 480 с.
4. Born G., Barry A. Art-Science: From Public Understanding to Public Experiment / G. Born, A. Barry// Journal of Cultural Economy, vol.3 (1), 2010. P. 107–123. 10.1080/17530351003617610.
5. Brody A. Operation Epsilon: Science, History, and Theatrical Narrative/ A. Brody// Narrative, Vol. 19(2), 2011. P. 253–257. DOI: 10.1353/NAR.2011.0016.
6. Campos L. Science in Contemporary British Theatre: A Conceptual Approach/ L. Campos// Interdisciplinary Science Reviews, Vol. 38(4), 2013. P. 295–305. DOI: 10.1179/0308018813Z.00000000060.
7. Chemi T., Kastberg P. Education through Theatre: Typologies of Science Theatre / T. Chemi, P. Kastberg. // Applied Theatre Research, Vol. 3(5), 2015. P. 53–65.
8. Chico T. The Experimental Imagination: Literary Knowledge and Science in the British Enlightenment / T. Chico. Stanford University Press, 2018. 256 p.
9. Clarke B., Rossini M. The Routledge Companion to Literature and Science. / B. Clarke, M. Rossini. Routledge, 2010. 568 p.
10. Djerassi C., Hoffmann R. Oxygen / C. Djerassi, R. Hoffmann. Wiley-Vch, 2001. vii + 119 p.
11. Djerassi C. Calculus / C. Djerassi // Version 8 for London Production. 17 July 2004. [электронный ресурс] – URL: <https://www.djerassi.com/calculus/calculusfull.pdf> 74 p. (Дата обращения 12.06.2024).
12. Djerassi C. Science as Theatre/ C. Djerassi, R. Hoffmann. Study Guide for “Oxygen”. Wiley-VCH Verlag. 2001. P. 15–23. [электронный ресурс] – URL: https://application.wiley-vch.de/books/sample/Oxygen_Study_Guide.pdf. (Дата обращения 12.06.2024).
13. Djerassi C. Contemporary “Science-in-theatre”: A Rare Genre /C. Djerassi. // Interdisciplinary Science Reviews. 2002. No. 27. P. 193–201. [электронный ресурс] – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1179/030801802225003268?needAccess=true>. (Дата обращения 12.06.2024).
14. Djerassi C. When is “Science on Stage” Really Science? Review of Science on Stage: From Doctor Faustus to Copenhagen by K. Shepherd-Barr / C. Djerassi // American Theater. 2007. Vol. 24. P. 96–103. [электронный ресурс] – URL: <https://www.djerassi.com/ScienceStage.html>. (Дата обращения 12.06.2024).
15. Falletti C. Preface / C. Faletti// Theatre and Cognitive Neuroscience (Performance and Science: Interdisciplinary Dialogues). Edited by Falletti C., G.Sofia, V.Jacono. Bloomsbury Methuen Drama, 2016. 280 p.
16. Flage M.K. The Intersection of Theatre and Cognitive Neuroscience /M.K. Flage// NEXUS: The Liberal Journal of Interdisciplinary Studies. Fall 2023. Vol. 1, Issue 1. [электронный ресурс] – URL: <https://digitalcommons.liberty.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1004&context=nexus> (Дата обращения 12.06.2024).
17. Hagen M., Koppen R., Skagen M.V.(eds.). The Art of Discovery: Encounters in Literature and Science. / M. Hagen, R. Koppen, M.V. Skagen. Aarhus and Copenhagen, Aarhus University Press, 2010. 275 p.
18. Haynes R.D. From Faust to Strangelove: Representations of the Scientist in Western Literature /R.D. Haynes. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. 417 p.
19. Identity, Culture, and the Science Performance. Vol. 1. From the Lab to the Streets. (Performance and Science: Interdisciplinary Dialogues). Edited by Vivian Appler, Meredith Conti. London: Bloomsbury Methuen Drama, 2023. 280 p.
20. Identity, Culture, and the Science Performance. Vol. 2. From the Curious to the Quantum. (Performance and Science: Interdisciplinary Dialogues). Edited by Vivian Appler, Meredith Conti. London: Bloomsbury Methuen Drama, 2024. 288p.
21. Kauffman G.B., Kauffman L.M. Oxygen: A Play in Two Acts. By Carl Djerassi and Roald Hoffmann. Media Review/G.B. Kauffman, L.M. Kauffman // The Chemical Educator. 2003. Vol. 8, No. 2. P. 164–168. [электронный ресурс] – URL: DOI 10.1007/s00897030680a (Дата обращения 12.06.2024).
22. Kluber W. Theatre of Operations/Operating Theatre: Medical Dramaturgies in Anti-War Plays, 1919-2019/ W. Kluber // Doctoral thesis, Columbia University, 2020. [электронный ресурс] – URL: <https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/d8-cygm-s868> (Дата обращения 12.06.2024).
23. Leavis F.R. Two Cultures? The Significance of C.P. Snow /F.R. Leavis // Leavis F.R. Nor Shall My Sword: Discourses on Pluralism, Compassion and Social Hope. London: Chatto and Windus, 1972. P. 41–74.
24. Lutterbie J. Introduction: Intersections / J. Lutterbie //In: An Introduction to Theatre, Performance, and the Cognitive Sciences. (Performance and Science: Interdisciplinary Dialogues). Edited by J. Lutterbie. Bloomsbury Methuen Drama, 2020. P. 1–12.

25. Mellor F. Between Fact and Fiction: Demarcating Science from Non-science in Popular Science Books / F.Mellor // *Social Studies of Science*. 2003. Vol. 33, Issue 4. P. 509-538. [электронный ресурс] – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0306312703334002> (Дата обращения 12.06.2024).
26. Parry S. *Science in Performance: Theatre and the Politics of Engagement*. / S. Parry. Manchester: Manchester University Press, 2020. 194 p.
27. Rayl A.J.S. “Putting a human face on science”: Renowned Chemists Advance Science through the Arts/ A.J.S. Rayl // *The Scientist*. 2001, Oct. 15. [электронный ресурс] – URL: <https://www.djerassi.com/oxygen5/> (Дата обращения 12.06.2024).
28. Russell N. *Communicating Science: Professional, Popular, Literary* /N. Russell. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 2010. 324 p.
29. Shepherd-Barr K.E. *Science on Stage: From Doctor Faustus to Copenhagen* / K.E. Shepherd-Barr. Princeton: Princeton University Press. 2006. 271 p.
30. Shepherd-Barr K.E. *The Cambridge Companion to Theatre and Science*/ K.E. Shepherd-Barr. Oxford: University of Oxford. 2020. 236 p.
31. Skjoldager-Nielsen D., Skjoldager-Nielsen K. Theatre, Science, and the Popular: Two Contemporary Examples from Scandinavia/ D. Skjoldager, K. Skjoldager // *Nordic Theatre Studies*, Vol. 29(2), 2017. P. 137–161. DOI: 10.7146/nts.v29i2.104609.
32. Snow C.P. *The Two Cultures* / C.P. Snow// Snow C.P. *The Two Cultures and the Scientific Revolution*. The Rede Lecture. New York: Cambridge University Press. 1961. P. 1–22.
33. Tieken J. *The Theatre of Nuclear Science: Weapons, Power, and the Scientists behind It All* / J. Tieken. Abingdon; Oxon, New York: Routledge, 2022. 178 p.
34. Venn J. *Madness in Contemporary British Theatre: Resistances and Representations*/ J. Ven. Cham: Springer International Publishing; Imprint: Palgrave Macmillan, 2021. 222 p.
35. Weitkamp E., Almeida C. *Science and Theatre: Communicating Science and Technology with Performing Arts* /E. Weitkamp, C. Almeida. Leeds: Emerald Publishing Limited, 2022. 217 p.
36. Williams R. *Culture and Society, 1780-1950* /R. Williams. London: Chatto and Windus. 1958. 363p.
37. Winston J. *Mathematics, Science and the Liberating Beauty of Theatre* /J. Winston// In: *Creative Encounters: New Conversations in Science, Education, and the Arts*. Edited by R. Levinson, H. Nicholson, S. Parry. Wellcome Trust, 2008. P. 30–48.
38. Zehelein E-S. “Ambition without Love is Cold”: Priority and Kudos in *Oxygen* by Carl Djerassi and Roald Hoffmann / E.-S. Zehelein// Grunzweig, W. (ed.) *The SciArtist: Carl Djerassi’s Science-in-literature in Transatlantic and Interdisciplinary Contexts*. Vol. 11. LIT Verlag, Wien, Zurich. 2012. P. 75–85.

References

1. Medvedeva, S.M. Ot nauchnogo tvorchestva k popularizatsii nauki: teoreticheskaya model' nauchnoy TOC \o “1-5” \h \z kommunikatsii. [From Scientific Innovation to Popularization of Science: a Theoretical Model TOC \o “1-5” \h \z of Science Communication] // *Vestnik MGIMO*, № 4. S.M. Medvedeva, 2014. P. 278–289.
2. Mohammed, W.A. Rol' narratora kak kluchevoy instantsii v razvitiy dramaticheskikh sobytii v khudozhestvennom tekste [Role of Narrator as Key Instance in Dramatic Events Development in Fiction Text] // *Philology. Theory and Practice*. Vol. 15(6). W.A. Mohammed, 2022. P. 1718–1724.
3. Pavis, P. *Slovar' teatra*. [Dictionary of the Theatre]/P. Pavis. Moscow: Progress Publishing, 1991. 480 p.
4. Born, G., Barry, A. Art-Science: From Public Understanding to Public Experiment // *Journal of Cultural Economy*, vol.3 (1) / G. Born, A. Barry, 2010. P. 107–123. 10.1080/17530351003617610.
5. Brody, A. *Operation Epsilon: Science, History, and Theatrical Narrative* Narrative, Vol. 19(2)/ A. Brody, 2011. P. 253–257. DOI: 10.1353/NAR.2011.0016.
6. Campos, L. Science in Contemporary British Theatre: A Conceptual Approach // *Interdisciplinary Science Reviews*, vol. 38(4) / L. Campos, 2013. P. 295–305. DOI: 10.1179/0308018813Z.00000000060.
7. Chemi, T., Kastberg, P. Education through Theatre: Typologies of Science Theatre // *Applied Theatre Research*, Vol. 3(5)/ T. Chemi, P. Kastberg, 2015. P. 53–65.
8. Chico, T. *The Experimental Imagination: Literary Knowledge and Science in the British Enlightenment* / T. Chico. Stanford University Press, 2018. 256 p.
9. Clarke, B., Rossini, M. *The Routledge Companion to Literature and Science*. / B. Clarke, M. Rossini. Routledge, 2010. 568 p.
10. Djerassi, C., Hoffmann, R. *Oxygen* / C. Djerassi, R. Hoffmann. Wiley-Vch, 2001. vii + 119 p.
11. Djerassi, C. *Calculus* / C. Djerassi // *Version 8 for London Production*. 17 July 2004, <https://www.djerassi.com/calculus/calculusfull.pdf> 74 p. (Accessed 12 June, 2024)
12. Djerassi, C. *Science as Theatre* / C. Djerassi, R. Hoffmann// *Study Guide for “Oxygen”*. Wiley-VCH Verlag, 2001, p. 15–23, https://application.wiley-vch.de/books/sample/Oxygen_Study_Guide.pdf (Accessed 12 June, 2024).
13. Djerassi, C. Contemporary “Science-in-theatre”: A Rare Genre // *Interdisciplinary Science Reviews*, No. 27/ C. Djerassi, 2002, p. 193–201, <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1179/030801802225003268?needAccess=true> (Accessed 12 June, 2024).
14. Djerassi, C. When is “Science on Stage” Really Science? Review of *Science on Stage: From Doctor Faustus to Copenhagen* by K. Shepherd-Barr// *American Theater*, vol. 24/ C. Djerassi, 2007, p. 96–103, <https://www.djerassi.com/ScienceStage.html> (Accessed 12 June, 2024).
15. Falletti, C. Preface // *Theatre and Cognitive Neuroscience (Performance and Science: Interdisciplinary Dialogues)*. Edited by Falletti C., G. Sofia, V. Jacono. / C. Faletti. Bloomsbury Methuen Drama, 2016. 280 p.

16. Flage, M.K. The Intersection of Theatre and Cognitive Neuroscience // *NEXUS: The Liberal Journal of Interdisciplinary Studies*. Vol. 1, Issue 1 /M.K. Flage, 2023, <https://digitalcommons.liberty.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1004&context=nexus> (Accessed 12 June, 2024).
17. Hagen, M., Koppen, R., Skagen, M.V. (eds.). *The Art of Discovery: Encounters in Literature and Science*. / M. Hagen, R. Koppen, M.V. Skagen. Aarhus and Copenhagen, Aarhus University Press, 2010. 275 p.
18. Haynes, R.D. *From Faust to Strangelove: Representations of the Scientist in Western Literature* / R.D. Haynes. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. 417 p.
19. *Identity, Culture, and the Science Performance. Vol. 1. From the Lab to the Streets* (Performance and Science: Interdisciplinary Dialogues). Edited by Appler, V., Conti, M. /V. Appler, M. Conti. London: Bloomsbury Methuen Drama, 2023. 280 p.
20. *Identity, Culture, and the Science Performance. Vol. 2. From the Curious to the Quantum*. (Performance and Science: Interdisciplinary Dialogues). Edited by Appler, V., Conti, M. / V. Appler, M. Conti. London: Bloomsbury Methuen Drama, 2024. 288 p.
21. Kauffman, G.B., Kauffman, L.M. Oxygen: A Play in Two Acts. By Carl Djerassi and Roald Hoffmann. Media Review // *The Chemical Educator*, Vol. 8(2)/ G.B. Kauffman, L.M. Kauffman, 2003, p. 164–168, DOI: 10.1007/s00897030680a (Accessed 12 June, 2024).
22. Kluber, W. *Theatre of Operations/Operating Theatre: Medical Dramaturgies in Anti-War Plays, 1919-2019* / W. Kluber // Doctoral thesis, Columbia University, 2020, <https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/d8-cygm-s868> (Accessed 12 June, 2024).
23. Leavis, F.R. Two Cultures? The Significance of C.P. Snow // Leavis F.R. *Nor Shall My Sword: Discourses on Pluralism, Compassion and Social Hope* / F.R. Leavis, London: Chatto and Windus, 1972, p. 41–74.
24. Lutterbie, J. Introduction: Intersections // *An Introduction to Theatre, Performance, and the Cognitive Sciences. (Performance and Science: Interdisciplinary Dialogues)*. Edited by J. Lutterbie./J. Lutterbie, Bloomsbury Methuen Drama, 2020, p. 1–12.
25. Mellor, F. Between Fact and Fiction: Demarcating Science from Non-science in Popular Science Books // *Social Studies of Science*, vol.33 (4)/ F.Mellor , 2003, p. 509–538, <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0306312703334002> (Accessed 12 June, 2024).
26. Parry, S. *Science in Performance: Theatre and the Politics of Engagement*. / S. Parry. Manchester: Manchester University Press, 2020. 194 p.
27. Rayl, A.J.S. “Putting a human face on science”: Renowned Chemists Advance Science through the Arts/ A.J.S. Rayl // *The Scientist*, Oct. 15. A.J.S. Rayl. 2001, <https://www.djerassi.com/oxygen5/> (Accessed 12 June, 2024).
28. Russell, N. *Communicating Science: Professional, Popular, Literary* /N. Russell. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 2010. 324 p.
29. Shepherd-Barr, K.E. *Science on Stage: From “Doctor Faustus” to “Copenhagen”* / K.E. Shepherd-Barr. Princeton: Princeton University Press. 2006. 271 p.
30. Shepherd-Barr, K.E. *The Cambridge Companion to Theatre and Science* / K.E. Shepherd-Barr. Oxford: University of Oxford. 2020. 236 p.
31. Skjoldager-Nielsen, D., Skjoldager-Nielsen, K. Theatre, Science, and the Popular: Two Contemporary Examples from Scandinavia // *Nordic Theatre Studies*, Vol. 29(2) / D. Skjoldager, K. Skjoldager, 2017. P. 137–161. DOI: 10.7146/nts.v29i2.104609.
32. Snow, C.P. The Two Cultures / Snow C.P. // *The Two Cultures and the Scientific Revolution. The Rede Lecture*. New York: Cambridge University Press. /C.P. Snow, 1961, p. 1–22.
33. Tieken, J. *The Theatre of Nuclear Science: Weapons, Power, and the Scientists behind It All* / J. Tieken. Abingdon; Oxon, New York: Routledge, 2022. 178 p.
34. Venn, J. *Madness in Contemporary British Theatre: Resistances and Representations* / J. Venn. Cham: Springer International Publishing: Imprint: Palgrave Macmillan, 2021. 222p.
35. Weitkamp, E., Almeida, C. *Science and Theatre: Communicating Science and Technology with Performing Arts* / E. Weitkamp, C. Almeida. Leeds: Emerald Publishing Limited, 2022. 217 p
36. Williams, R. *Culture and Society, 1780-1950* / R.Williams. London: Chatto and Windus. 1958. 363p.
37. Winston, J. Mathematics, Science and the Liberating Beauty of Theatre / J. Winston // *Creative Encounters: New Conversations in Science, Education, and the Arts*. Edited by R. Levinson, H. Nicholson, S. Parry. Wellcome Trust. J.Winston, 2008, p. 30–48.
38. Zehelein, E-S. “Ambition without Love is Cold”: Priority and Kudos in Oxygen by Carl Djerassi and Roald Hoffmann // Grunzweig, W. (ed.) *The SciArtist: Carl Djerassi’s Science-in-literature in Transatlantic and Interdisciplinary Contexts*. Vol. 11. LIT Verlag, Wien, Zurich. / E.-S. Zehelein, 2012, p. 75–85.

Сведения об авторе:

Аленкина Татьяна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент Департамента иностранных языков Московского физико-технического института (Долгопрудный, Россия). Сфера научных и профессиональных интересов: жанровый анализ, рецепция драмы, перевод драмы, жанровая педагогика. E-mail: tba2104@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-0112-4921

About the author:

Tatiana B. Alenkina, PhD, is Associate Professor of Department of Foreign Languages, Moscow Institute of Physics and Technology (Dolgoprudny, Russia). Spheres of research and professional interest: genre analysis, reception of drama, drama translation, genre pedagogy.

E-mail: tba2104@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-0112-4921

* * *

Semantic and Linguocultural Features of Football Vocabulary in Russian and Portuguese

Olga L. Grenaderova

MGIMO UNIVERSITY,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article investigates the peculiarities of Portuguese and Russian football vocabulary. Not only is a comparative method used in our research, but also semantic, paradigmatic, componential, and linguocultural analyses are carried out. As a result of the study, we consider football terminology to be part of language and culture. Being English by origin, it permeates other languages, Russian and Portuguese in particular. Football terms formed the basis of the football vocabulary in the analyzed languages when football gained its popularity in Russia, Portugal, and Brazil at the turn of the 19th – 20th centuries. In both languages the tendency for derivative adaptation of international football terminology through native lexis, which function either parallel to international terms or completely replacing them, is carefully examined. Football terms are not real duplicates, as they have certain nuances in lexical meaning and stylistic coloring. Taking into account linguocultural reasons of the derivative adaptation of international football terminology, it is hard to ignore the fact that football vocabulary has gained the status of an important and necessary part of the national lexicon among speakers of these languages where the popularity of football is obvious. A high level of expressiveness in the football jargon of both the Russian and the Portuguese languages, along with its metaphorisation, is accounted for by the emotional perception of football both by players and spectators. The analysis of various expressive names in football jargon has revealed that the preference is given to metaphorisation and reduplication in both languages. It can be observed that in Russian expressive football names are made with the help of lexical and word-formation means. It is concluded that Russian and Portuguese football vocabulary, including official terminology and football jargon, is developing really dynamically.

Keywords: sports lexicon, football lexicon, football language, Portuguese, Russian, linguocultural approach, translation

For citation: Grenaderova O.L. (2025). Semantic and Linguocultural Features of Football Vocabulary in Russian and Portuguese. *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(1), pp. 118–130. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-42-118-130>

Семантические и лингвокультурологические особенности футбольной лексики в русском и португальском языках

О.Л. Гренадерова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье рассмотрены особенности португальской и русской лексики в сфере футбола. Помимо сравнительно-сопоставительного, использовались методы семантического, парадигматического, компонентного и лингвокультурного анализа, что позволяет дать футбольной терминологии разноплановую характеристику и одновременно рассматривать её как явление языка и культуры. Отмечается наличие в русской и португальской футбольной терминологии международных элементов, восходящих к английскому языку как языку родины футбола. Данные термины составили основу футбольной лексики анализируемых языков в период распространения футбола в России, Португалии и Бразилии – на рубеже XIX–XX вв. В обоих языках существует тенденция к деривативному освоению международной футбольной терминологии и расширению состава терминов сферы футбола за счёт собственных лексических единиц, которые могут выступать как параллельно с международными терминами, так и полностью их заменять. Выявлено, что синонимические футбольные термины не являются в полной мере дублетами, поскольку обладают оттенками в области лексического значения и стилистической окраски. Деривативный характер освоения международной футбольной терминологии объясняется лингвокультурными причинами, связывается автором с высокой популярностью футбола в Португалии, Бразилии и России, с тем, что футбольная лексика получает у носителей данных языков статус важной и необходимой части национального вокабуляра. Показывается высокий уровень экспрессивности футбольного жаргона русского и португальского языков, а также тенденция к метафоризации, которая связывается автором с эмоциональностью в восприятии футбола как игроками, так и зрителями. В результате анализа разнообразных экспрессивных наименований в футбольном жаргоне отмечено предпочтение, которое отдаётся в обоих языках, метафоризации и редупликации. В русском языке, помимо этого, экспрессивные футбольные наименования создаются при помощи лексических и словообразовательных средств. Делается вывод о динамичном развитии русской и португальской спортивной лексики в сфере футбола, в том числе официальной спортивной терминологии и футбольного жаргона. Статья может быть интересна специалистам в области лингвокультурологии, лексикологии португальского языка и сравнительно-сопоставительного изучения русского и португальского языков.

Ключевые слова: спортивная лексика, лексика футбола, язык футбола, португальский язык, русский язык, лингвокультурологический подход, перевод

Для цитирования: Гренадерова О.Л. (2025). Семантические и лингвокультурологические особенности футбольной лексики в русском и португальском языках. *Филологические науки в МГИМО*. 11(1), С. 118–130. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-41-118-130>

1. Введение (Introduction)

Язык футбола привлекает внимание многих современных лингвистов. Широкое распространение данной игры, высокий уровень её популярности во всём мире служат причинами, по которым лексика футбола активно развивается, отражая при этом специфику терминообразования различных языков, особенности менталитета нации и языковой картины мира носителей языка. Терминология футбола как исследовательский объект привлекает внимание лингвистов. Так, А.С. Рылов, анализируя её на материале русского языка, отмечает, что «русская терминосистема “Футбол”, формируясь на базе английской, отразила особенность русского менталитета – отношение к спортивной игре как к борьбе, к баталии» [17, с. 7]. А.Г. Голодов выявляет, что терминосистема футбола необычна своим разговорным характером, «смесью креативного и традиционного, отражающей уникальный накал эмоций реципиентов футбола как вида человеческой деятельности» [4, с. 5].

В современной лингвистике язык футбола рассматривается с различных точек зрения. Структурно-семантический анализ позволяет выявить особенности футбольных терминов с точки зрения их содержания и словообразовательных средств [15], а также описать особенности их происхождения [10], [19]. В ходе когнитивного анализа выявляется лексико-фразеологическая экспликация концепта «футбол» в спортивном дискурсе [11], а также анализируются когнитивные (концептуальные) метафоры сферы футбола [18]. Антропоцентрический подход к языку диктует исследователям необходимость рассмотрения футбольной лексики как элемента языковой личности футбольного болельщика [21]. Лингвокоммуникативный подход к языку футбола мы видим в исследовании Д.В. Атаевой, которая говорит о важности точного выбора термина с «целью достижения полного взаимопонимания между участниками коммуникации» [1, с. 130]. Анализу могут подвергаться отдельные единицы футбольной лексики, например, связанные с семантикой цвета: *красная карточка, красно-синие* (характеристика команды по цветам формы) [12, с. 75].

Лексика футбола может рассматриваться в сопоставительном аспекте на материале разных языков, причём в данном случае её анализ имеет лингвокультурологический и переводческий аспекты. Д.С. Дерягина и А.В. Моисеенко, анализируя русскую и англоязычную футбольную лексику с положительной семантикой, выявили, что она в обоих языках концентрируется в тематических группах «Игра», «Футболисты» и «Болельщики» [6, с. 22]. Как отмечает И.В. Болховитянов, «выбор употребления термина зависит от культурного аспекта, влияющего на сознание человека» [2, с. 60]. В то же время перевод футбольного слова сопряжён с определёнными трудностями, так как «язык футбола наделён неоднородным вокабуляром: сокращениями, заимствованиями, синонимами и неологизмами» [9, с. 204].

Лексика, словообразование и грамматика португальского и русского языков в сопоставлении анализируются З.Б. Долгих [7], А.П.В. Душ Рейш [8], Г.В. Петровой [16], О.А. Шершуковой [20] и другими исследователями. Футбольная терминология данных языков в настоящий момент ещё не получила в лингвистике системного анализа. Некоторые вопросы структуры и семантики эквивалентных терминов в русской и португальской футбольной лексике рассматривает А.Г. Воронова [3]. Для преподавателей иностранных языков несомненно, что лексика футбола может стать эффективным средством такого обучения языку, которое основано на «познании терминов, словосочетаний, лексики, жаргона и сленга футбола» [5, с. 219] и тем самым, вероятнее всего, привлечёт внимание студентов и сделает изучение процесса проникновения в лексику иного языка более интересным.

Цель настоящего исследования – сопоставление лексики сферы футбола, используемой в португальском и русском языках, выявление сходств и различий в составе и функциональном применении футбольной терминологии.

2. Исследование (Material & Methodology)

Исследование проводилось с использованием общенаучных методов описания и наблюдения, анализа и синтеза. Специальными методами являлись семантический, компонентный и лингвокультурный анализ. Центральное место занимает сравнительно-сопоставительный метод, с помощью которого анализировались данные русского и португальского языков, а также португальского и бразильского вариантов языка. В целом исследование имеет лингвокультурологическую направленность, явления языка и культуры рассматриваются в тесной взаимосвязи. Лингвокультурологический подход предполагает, что языковые единицы «способны выполнять функцию отображения культурно-национальной ментальности носителей языка, отражать состояние концептосферы» [13, с. 3]. Для отбора языкового материала применялись методики сплошной выборки и поиска по ключевому слову.

В качестве материала исследования принимались и официальные футбольные термины, а также футбольные жаргонизмы, источниками футбольной лексики португальского языка стали специализированные португалоязычные спортивные сайты¹, а также интернет-ресурсы². Русская футбольная лексика анализировалась на материале словаря спортивных терминов³ и словаря спортивного жаргона В.Б. Орлова, включающего, наряду с жаргонизмами, значительное количество футбольной терминологии⁴.

3. Результаты исследования (Results)

На португальском языке говорят в двух ведущих футбольных державах мира – Португалии и Бразилии, футбольная лексика очень значима в лексической системе данного языка. В то же время исключительная популярность футбола в России служит тому, что и в русском языке активно употребляется и развивается лексика футбола. Анализ соответствий и различий, существующих в футбольной лексике португальского и русского языков, будет способствовать выявлению лингвокультурных особенностей и оптимизации процессов перевода и обучения переводу в спортивной сфере.

В ходе сопоставления языкового материала обращает на себя внимание наличие базовых семантических соответствий в футбольных терминах португальского и русского языков. Например, русскому слову гол соответствует португальское *gol* (в Бразилии *golo*). При этом данная лексема восходит к английскому слову *goal*, имеющему базовое значение «цель», которое нашло применение в футболе, обозначая «мяч, забиваемый в ворота при игре в футбол»⁵.

Таблица 1.

Соответствие некоторых лексем в русской и португальской футбольной терминологии

Бразильские термины	Португальские термины	Названия в русском языке/на английском
regulamento da competição	regulamento da competição	регламент соревнований / competition regulations
cartão amarelo	cartão amarelo	жёлтая карточка / yellow card
cartão vermelho	cartão vermelho	красная карточка / red card
ábitro	árbitro	судья, арбитр / referee

¹ Сайты футбольных клубов Португалии и Бразилии. AFPorto. – URL: <http://www.afporto.pt>; Clube de futebol brasileiro. – URL: <https://www.cbf.com.br>; FIFA.COM. – URL: <https://www.fifa.com> (07.11.2024)

² Например: Яковлева Ю. 30 бразильских футбольных терминов. Курица, отдых в ванне, матадор, эластико – что все это значит? 02.03.2024. – URL: <https://www.sports.ru/football/blogs/3223317.html> (10.09.2024)

³ Словарь спортивных терминов / под общ. ред. Р.Р. Салимзянова. Ульяновск: УВАУ ГА(и), 2008. 116 с.

⁴ Орлов В.Б. Словарь спортивного жаргона: учебное пособие / В.Б. Орлов. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2014. 120 с.

⁵ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / М. Фасмер. М.: Прогресс, 1986. С. 427.

Очевидно, что оба языка заимствовали многие интернационализмы из английского – языка родины футбола. Термины *cartão amarelo* (жёлтая карточка) и *cartão vermelho* (красная карточка) демонстрируют примеры заимствования с помощью калькирования – перевода сочетания (*yellow card, red card*). Основная масса данных заимствований пришла в русский и португальский языки на рубеже XIX–XX вв., когда футбол в обеих странах стал популярным видом спорта и появилась потребность быстрого и точного именованя его реалий.

Заимствование футбольных терминов из английского языка происходит путём его семантической и функциональной ассимиляции, слова осваиваются языками, становятся компонентами их лексической и грамматической систем, а затем начинают оригинально развиваться уже в формате данных систем.

Так, в португальском языке наблюдается продолжение и уточнение терминообразования и создание на основе заимствований (с их использованием) новых специальных обозначений. Например, термин *golo de cabeça* (вариант Бразилии), *gol de cabeça* (вариант Португалии) обозначает ‘гол, забитый головой’ от английского *headed goal*. В данном случае дополнительная единица имеет семантику ‘голова’ и использована в прямом смысле. Также может происходить образная идиоматизация: термин *gol olímpico* в Бразилии обозначает не только гол, забитый на Олимпиаде, но и ‘гол забитый с углового’ (то есть редкий, выдающийся гол, свидетельствующий о высоком, поистине олимпийском мастерстве игрока), который в Португалии именуют термином в прямом значении, без идиоматизации: *golo direto de canto* – ‘прямой гол с углового’.

Интересно, что в России такой гол называют *сухой лист*, то есть используется метафора. Перенос лексического значения осуществлён на основе образа: для забивания такого гола игроку необходимо задать мячу вращение вокруг наклонной оси внешней или внутренней стороной стопы, то есть мяч будет лететь, вращаясь, словно сухой лист, но не по прямой линии, а по замысловатой траектории.

В португальском языке существует множество наименований для голов, забитых разными способами. Они являются как простыми, так и составными терминами, чаще всего включая в свой состав лексему *gol (golo)*. К примеру, гол рабона (забитый ударом по мячу, выполненным сзади опорной ноги в португальском языке именуется *gol de letra*, а в бразильском варианте – *golo de letra*. В переводе данное сочетание обозначает ‘буквенный гол, гол, похожий на букву’. Данное наименование, очевидно, основано на переносе лексического значения по внешнему сходству: ноги игрока во время удара напоминают букву X.

Помимо этого, в бразильской / португальской футбольной терминологии функционируют термины-субстантивы для наименования различных видов гола:

- *gol de falta / golo de falta* – ‘гол, забитый в результате штрафного / свободного удара’;
- *gol de penálti / golo de penalidade* – ‘гол, забитый в результате пенальти’;
- *gol contra / golo contra* – ‘автогол’.

В русском языке подобные термины отсутствуют, а информация о таких голах передаётся чаще всего с помощью описательных конструкций. Однако есть наименования для голов другого типа, которые являются составными жаргонизмами: *гол в раздевалку* – ‘гол на последних минутах первого тайма’, *гол из раздевалки* – ‘гол на первых минутах второго тайма’, *гол престижа* – ‘гол проигрывающей команды при разгромном счёте’ и т. п. Как видим, данные жаргонизмы образованы в результате метафоризации и являются экспрессивными характеристиками определённых игровых ситуаций, вызывающих эмоциональные реакции.

В бразильской / португальской футбольной терминологии на базе лексемы *gol* образованы также устойчивые глагольные сочетания:

- *invalidar/validar o gol / invalidar/validar o golo* – ‘отменить/засчитать гол’ (о действиях судьи);
- *comemorar o gol / celebrar a marcação de um golo* – ‘праздновать забитый гол’;
- *confirmar o gol / assinalar o golo* – ‘засчитать гол’.

Русские сочетания, которые используются с тем же значением, не имеют терминологической семантики, являются свободными. То есть, как видим, в русском языке освоение английского базового для футбола термина *гол*, образование на его основе производных терминов происходит не так активно, как в португальском языке.

И в русском, и в португальском спортивном лексиконе присутствуют термины-дублиеты – синонимичные термины, которые могут заменить друг друга. Как правило, один из дублиетов является заимствованным, а другой – исконным для языка. Существует мнение, что термины-дублиеты вредны для языка, препятствуют унификации терминологических систем и от них следует избавляться [22, с. 117]. Однако с учётом того, что полностью одинаковой семантики и стилистической окраски у дублиетов не бывает, такое мнение представляется нам излишне категоричным. В.М. Лейчик отмечает, что «каждый объект обладает множеством признаков, которые даже в рамках одной теории отделяются тончайшими оттенками значения и употребления» [14, с. 75].

Синонимичными терминами именуют вратаря. В бразильской терминологии на основе заимствованного термина *гол* образовано слово *goleiro* – ‘вратарь’. Параллельно для именованного вратаря используется термин *guardião*, имеющий значение ‘защитник’. В португальском языке вратаря называют при помощи термина *guarda-redes*, образованного от сочетания ‘защитник сетки’. В русском языке функционируют два практически равноправных термина: заимствованное *голкипер* и исконно русское *вратарь*, однако первое употребляется в более официальных ситуациях, а второе – широко распространено и применяется различными коммуникантами.

Ряд футбольных терминов португальского языка не имеет синонимов, в то время как в русском языке у них есть альтернативные лексемы. Примеры представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Соответствие лексем, имеющих синонимы

Бразильские термины	Португальские термины	Названия в русском языке
tiro penal, m	penálti, m	пенальти, штрафной удар (при субстантивации просто штрафной)
ábitro	árbitro	судья, арбитр

В русском языке термины *судья* и *арбитр*, *штрафной удар* и *пенальти* (как разновидность *штрафного*) практически равноправны. Термины *арбитр*, *пенальти* также восходят к английскому языку и служат частью базового словарного фонда футбольной лексики разных языков. Однако в русском языке появился собственный эквивалент термина, а в португальском оказалось достаточно английского по происхождению слова. Для русского языка функционирование терминологических дублиетов (русского и английского) – обычное явление, причём не только в сфере терминологии футбола. В португальском языке чаще функционирует английский по происхождению термин, соответствующий русским синонимам, однако встречаются случаи, когда он заменяется на исконный. К примеру, русским параллельным терминам *нарушение «вне игры»* и *офсайд* в португальском языке соответствует исконное сочетание *infração de fora de jogo*, а в бразильском варианте – *infração de impedimento*, а вариант, восходящий к английскому *offside*, не используется. Также в португальском языке применяется только собственный термин *guarda-redes* – ‘вратарь’ (португальское), *goleiro* – ‘вратарь’ (бразильское), а соответствующий англицизм от слова *goalkeeper* не наблюдается.

Тенденцию к образованию собственной футбольной терминологии демонстрируют также бразильское слово *tiro* – ‘выстрел’ и португальское *pontapé* – ‘удар, пинок’. На основе данных слов, выступающих в переносной семантике, сформировано значительное количество составных терминов. Приведём их в таблице 3.

Таблица 3.

***Tiro* и *pontapé* в бразильской и португальской футбольной терминологии**

Бразильские термины	Португальские термины	Названия в русском языке
tiro de saída	pontapé de saída	начальный, стартовый удар
tiro de meta	pontapé de meta	удар от ворот
tiro de canto	pontapé de canto	угловой удар
tiro livre	pontapé -livre	свободный удар
tiro penal	penákti	штрафной удар
tiro livre da marca penal	penákti	11-метровый удар
cobrador do tiro livre	executante	бьющий игрок

Как видим, в русском языке бразильским и португальским терминам со словами *tiro* и *pontapé* чаще всего соответствуют термины (терминосочетания) со словом *удар*, имеющим семантику 'стремительное нападение, внезапная и решительная атака'⁶. Изначально это также переносное значение, соответствующее прямому 'резкий, сильный толчок, производимый кем-, чем-либо с размаху'⁷. Наряду со словами *tiro* и *pontapé* в португальском языке мы наблюдаем слова *chute* (от английского *shoot*) и *remate* (завершающий удар в ходе атаки, который не обязательно заканчивается забиванием гола). В португальском языке ещё существует сочетание *grande penalidade*. Например, – 'бразильский футболист пробьёт этот пенальти'. То есть, как видим, и бразильская, и португальская, и русская футбольная терминология, наряду с единицами, заимствованными из английского языка, использует переосмысленные слова исконного происхождения, особенно в производных, составных терминах.

Причины недостаточно активного заимствования в русской и португальской футбольной лексике пытается объяснить А.Г. Воронова: «И в России, и в Бразилии на протяжении XX века и начала XXI века были созданы мощные традиции футбола со своей локализационно-функциональной терминологией, которая отторгает заимствования» [3, с. 89]. То есть заимствованная лексика (из английского языка) – это в первую очередь те слова, которые функционируют в футбольной терминологии более ста лет, а те, которые постепенно возникали, расширяя и уточняя состав этой терминологической системы, использовали в качестве основы прежде всего собственные лексические запасы анализируемых языков.

В других случаях русский футбольный язык демонстрирует большой консерватизм и стремление к использованию международной футбольной лексики, пусть и в сочетании с русским дублетом, а португальский чаще показывает речевое намерение говорящего обойтись только собственным, оригинальным словом, без заимствования. Ещё пример: в русской терминологии применяется термин *матч*, восходящий к английскому слову *match*, а в португальской и бразильской он не встречается. В португальских терминах ему соответствует слово *jogo* – 'игра', а в бразильских – *jogo* и *partida* – 'матч'. Рассмотрим бразильские и португальские термины, которые соответствуют русским со словом *матч*, в таблице 4.

Таблица 4.

Лексемы и выражения бразильской и португальской футбольной терминологии, соответствующие русским терминам с лексемой *матч*

Бразильские термины	Португальские термины	Названия в русском языке
jogo de futebol	jogo de futebol	футбольный матч
o jogo terminará empatado	o jogo terminará empatado	матч заканчивается вничью
partidas de ida e volta	eliminatória a duas mãos,	матчи дома и в гостях
jogos disputados em estádios	jogos que se disputam em estádios	матчи, проводимые на стадионах
jogo deve ser encerrado	jogo deve terminar	матч должен быть прекращён
o árbitro deve permitir que a partida seja disputada	o árbitro deve permitir que o jogo seja disputado	судья разрешает начать матч

⁶ Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 1372.

⁷ Там же.

Бразильские термины	Португальские термины	Названия в русском языке
parar, interromper ou encerrar o jogo definitivamente	parar o jogo temporariamente, suspendê-lo ou interrompê-lo definitivamente	остановить, прервать или прекратить матч
encerrar o primeiro tempo, a partida	assinalar o final da primeira parte ou terminar o jogo	дать сигнал об окончании первой половины матча , прекратить матч

Однако основная масса терминологии как в португальском, так и в русском языке всё же является оригинальной, собственной. Если бы международная терминология стала определяющей в процессе формирования футбольной лексики русского и португальского языков, то не было бы, к примеру, такого показательного ряда лексем, обозначающих 'одну из двух частей футбольного матча':

- русское *тайм* – от английского *time* – 'время', международный термин;
- португальское *parte* – 'часть, доля';
- бразильское *tempo* – 'время'.

Как видим, в каждом случае используется особый термин, что в целом демонстрирует нам своеобразие систем футбольной лексики анализируемых языков. Одна из важнейших футбольных реалий (деление игры на части), которая существовала в правилах ведения матчей с начального периода проникновения футбола в Россию, Бразилию и Португалию, именуется посредством различных лексических единиц.

Семантические деривации в футбольной терминологии проявляются, как видим, в обоих языках, и нет сомнения, что существовали с самого начала развития рассматриваемых терминологических систем.

Ещё один пример: слову *штанга* в русском языке, обозначающему 'брус футбольных или хоккейных ворот', соответствует португальское *poste* – 'столб'. Ещё одно русское соответствие для обозначения вертикальных элементов ворот также имеет собственно русское происхождение (от глагола *стоять*): *стойка* – 'вертикальный брус, стержень, служащий опорой для чего-либо в каком-либо сооружении'⁸. То есть для говорящих важны ассоциативные связи явления при выборе для него вторичного, метафорического или метонимического наименования. При образовании подобных наименований включаются метафорические механизмы, позволяющие говорящему сопоставлять между собой различные явления и выбирать имеющиеся лексемы, одновременно именующие и характеризующие новые явления. Демонстрирующее сказанное соответствие представлено также в таблице 5.

Таблица 5.

Соответствия в наименовании элементов ворот

Бразильские термины	Португальские термины	Названия в русском языке
postes verticais equidistantes das bandeiras de canto, m	postes verticais equidistantes das bandeiras de canto, m	вертикальные стойки , находящиеся на равном расстоянии от угловых флагштоков
quando a bola é desviada ou rebotada em um dos postes ou no travessão da meta ou em um adversário	quando a bola é ressaltada ou é desviada de um poste , da barra ou de um adversário	когда мяч отскакивает или меняет направление, попадая в стойку ворот, перекладину или соперника

Показательно, что среди приведённых в таблице русских соответствий в наименованиях частей ворот встречаются исконный термин *перекладина* ('брус, укрепленный поперёк стоек') и заимствованный *флагшток* ('флажок, укрепленный в углу поля'). Этот пример вновь демонстрирует, как в русском футбольном лексиконе успешно сосуществуют заимствованные и исконные термины, дополняя друг друга в терминологической системе. В португальской и бразильской футбольной терминологии, как видим, заимствований меньше.

⁸ Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 1271.

Метафоризация в сфере футбольной терминологии, о которой сказано выше, часто бывает связана с эмоциональностью футбольной лексики, продуцируемой экспрессивностью самой игры. Футбол вызывает и у игроков, и у зрителей сильные эмоции, что проявляется в лексике. Результаты метафоризации, как правило, не имеют точных соотношений в языках, поскольку это творческий процесс, проходящий каждый раз оригинально, по-разному. К примеру, в русском футбольном сленге встречаются метафоры:

- *бетон* – ‘глухая оборона’ (подчёркивается прочность обороны);
- *бодаться* – ‘пытаться пробить мяч головой без замаха (прогиба головы, шеи, туловища)’ (ассоциация по внешнему сходству действий);
- *в небо* – ‘безадресная, отбойная игра защитной линии команды’ (гиперболическая метафора, подчёркивающая бессмысленность удара);
- *веером* – ‘расположение игроков полукругом на футбольном поле для получения паса от игрока, владеющего мячом’ (ассоциация по внешнему сходству положения игроков);
- *включить мясорубку* – ‘начать грубую игру’ (гиперболическая метафора);
- *волнорез* – ‘футболист, амплуа которого – первым встречать соперника, владеющего мячом, и стремиться предотвратить атаку’ (метафорическая характеристика по сходству поведения, действия);
- *вышивать* – ‘делать с мячом всё, что душа пожелает’ (характеристика действия по ассоциации с другим действием, относящимся к сфере рукоделия);
- *снять паутину* – ‘забить гол в верхний угол ворот, рядом с перекрестием штанги и перекладины’ (яркий образ, в основе которого представление о паутине в дальних углах комнаты) и другие.⁹

Помимо обычных метафор, встречаются перифразы – не прямые, косвенные наименования, в которых характеристика даётся завуалированно, с опорой на другие явления и действия, так что сразу бывает сложно понять, о чём идёт речь. Например: *опахивать гектар* – ‘обладать исключительной работоспособностью, много и полезно перемещаться по полю’.

Метафорические наименования видим и в португальском (бразильском) футбольном сленге:

- *caneta* – ‘игрок, который проводит мяч под ногами другого игрока’ (прямое значение лексики – ‘ручка, перо’, то есть метафора отражает сходство между рисунком ручкой по бумаге и ногами игрока по полю);
- *frango* – ‘грубая ошибка, совершённая вратарём и обычно приводящая к голу’ (прямое значение – ‘курица’ (дословный перевод *petux*), то есть у жаргонизма яркий оскорбительный оттенок в адрес вратаря при отсутствии прямого оскорбления);
- *estar na banheira* – ‘ждать на половине поля противника, пока прилетит мяч, не возвращаться на свою половину поля для обороны’ (обозначает ‘быть в ванной’, подчёркивает нежелание игрока трудиться);
- *foguete* (‘ракета’), *torpedo* (‘торпеда’) – ‘очень сильный удар’ (гиперболический перенос);
- *fominha* (‘голодный’) – ‘футболист, который редко делится мячом и пытается решить игру в одиночку’;
- *ladrão* (‘грабитель’) – ‘игрок, который подбегает сзади и пытается отобрать мяч’;
- *matador* – ‘игрок, который забивает много голов, обычно центральный нападающий’ (метафора из сферы боя быков, где матадор – ‘тореро, наносящий шпагой смертельный удар быку’) и другие.¹⁰

Обращает на себя внимание то, что многие метафоры и в русском, и в португальском языках являются гиперболическими, то есть демонстрируют экспрессивное желание преувеличивать, утрировать, эмоционально реагировать на происходящее на поле.

⁹ См.: Орлов, В.Б. Словарь спортивного жаргона: учебное пособие / В.Б. Орлов. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2014. 120 с.

¹⁰ См.: Яковлева Ю. 30 бразильских футбольных терминов. Курица, отдых в ванне, матадор, эластико – что все это значит? 02.03.2024. – URL: <https://www.sports.ru/football/blogs/3223317.html> (25.10.2024)

В составе русского футбольного жаргона видим много экспрессивных слов, не просто называющих то или иное явление, но и одновременно оценивающих их. С помощью данных слов и сочетаний говорящие характеризуют объекты и действия, связанные с футболом, высказывают своё мнение о них. Это не специально-сленговая терминология, но она транслируется на широкую аудиторию и эта аудитория в ней разбирается, что обуславливает широкий лингвокультурологический статус этой терминологии. При этом средствами создания экспрессии, помимо метафоры (которая описана выше), могут выступать:

- использование эмоционально окрашенных, просторечных лексем: *выпендрёж на поляне* – ‘эффектные, но не эффективные действия’;
- использование лексем с семантикой интенсивности, высокой или низкой степени качества: *золотой гол* – ‘гол, забитый в дополнительное время, после которого игра заканчивается победой забившей команды’; *играть вполноги* – ‘не слишком себя затруднять игрой, не полностью отдаваться игре’;
- редупликация – повтор лексем: *дыр-дыр* – ‘тренировочная игра в футбол на нестандартной площадке без судьи и строгих правил’;
- суффиксальное словообразование, например, с помощью разговорных суффиксов: *закидушка* – ‘передача мяча партнёру в область головы или груди через головы соперников’ (ср.: *завитушка, покатушки*); с помощью нулевой суффиксации или оригинального, нестандартного подбора суффиксов: *напад (нападенец)* – ‘атакующий игрок’, *подаван* – ‘футболист с хорошей подачей’, *футболёр* – ‘футболист’; посредством уменьшительно-ласкательных суффиксов (образование диминутивов): *пеналька* – ‘пенальти’.

В лексике португальского и бразильского футбольного жаргона также очень много эмоциональных слов и выражений, отражающих высокий уровень экспрессии как игры, так и её восприятия зрителями. Средства создания экспрессии так же разнообразны, как и в русском футбольном жаргоне. Чаще всего экспрессия создаётся за счёт метафоризации, подбора яркого слова или сочетания, переосмысление которого производит экспрессивный эффект. Например: *beque de fazenda* (‘фермерский бык’) – ‘грубый защитник, который всегда действует жёстко’. Кроме того, используется редупликация: *cai-cai* – ‘игрок, который намеренно падает на поле’ (в прямом переводе обозначает ‘падает-падает’), *mata-mata* – ‘матчи навывлет’ (повторяется форма глагола *matar* – ‘убивать’, значение – ‘смертельный бой’).

Несмотря на различия в строе португальского и русского языков, в обоих языках наблюдается большое разнообразие способов создания экспрессивных наименований сферы футбола. Как в русском, так и в португальском языках есть разветвлённая система суффиксов, которая оказывает воздействие на способы образования жаргонных единиц, делает их более разнообразными в словообразовательном плане.

4. Обсуждение результатов (Discussion)

Спортивная терминология сферы футбола имеет большое значение в португальском и русском языках, что обусловлено большим интересом народов Португалии, Бразилии и России к футболу, популярностью данного вида спорта. Активная футбольная деятельность в данных странах обуславливает трансформации международного лексико-фразеологического фонда футбольной терминологии, восходящего к английскому языку. Язык отражает в данном случае культуру и менталитет португальского, бразильского и русского народов, для которых футбол стал не просто спортивной игрой, а важной частью жизни. В русском языке используется много параллельных футбольных терминов (дублетов), то есть наряду с международным словом или сочетанием (которое часто применяется и в португальском языке) есть равноправное русское слово. Обнаруживается одновременно и пиетет по отношению к универсальному англоязычному общепринятому термину, и желание пользоваться собственным термином. В португальском языке международный термин нередко бывает вообще вытеснен из фонда футбольной терминологии собственным словом.

Значительная часть футбольных терминов, особенно относящихся к сфере жаргона, являются эмоционально окрашенными. Экспрессия часто бывает связана с метафоризацией и гиперболизацией лексических значений, её результатом могут становиться иронические, обладающие высоким уровнем оценочности и даже грубые наименования. В русском языке лингвистические средства создания экспрессии более разнообразны, чем в португальском, включают не только метафоризацию и редупликацию, но и использование эмоционально окрашенных, просторечных слов, лексем с семантикой интенсивности, высокой или низкой степени качества, суффиксальное словообразование, в том числе с оригинальными, необычными суффиксами. Эмоциональность футбольной лексики объясняется сильными эмоциями, которые испытывают все субъекты игрового процесса: футболисты, зрители, болельщики, арбитры и т. п. Эмоциональная лексика в составе футбольных терминов и жаргонизмов отражает психическое состояние людей, тем или иным образом вовлечённых в игру, их чувства и переживания, их отношение к происходящему, то есть имеет психолингвистическую и лингвокультурную природу.

В результате существования в сфере футбольной лексики португальского и русского языков двух значимых пластов (официальной терминологии и жаргона) в ней наблюдается единство традиционного и креативного начал, тенденция к творческому сочетанию специальных и экспрессивных слов и выражений. Следствием этого в сфере официальной терминологии становится активное освоение заимствованной лексики, предпочтение, которое отдаётся собственному слову. В живой речи людей, связанных с футболом, данные лексические пласты постоянно и успешно сочетаются.

Лексика сферы футбола в русском и португальском языках продолжает развиваться, поскольку футбол сохраняет высокую популярность у жителей России, Португалии и Бразилии. В то же время её изучение, в том числе в сопоставительном аспекте, ведётся явно недостаточно, что и определяет перспективы нашего дальнейшего исследования.

© О.Л. Гренадерова, 2025

Список литературы

1. Атаева Д.В. Язык футбола как вид специальной лексики и его роль в межкультурном иноязычном пространстве / Д.В. Атаева // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2021. № 2 Ч. 2. С. 130–134.
2. Болховитянов И.В. Влияние науки о переводе на развитие лингвокультурологического аспекта переводоведения (на примере анализа лексики американского футбола) / И.В. Болховитянов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 5. С. 60–65.
3. Воронова А.Г. Структурно-семантические особенности переводных эквивалентов иностранных ролевых футбольных терминов в русском и португальском языках / А.Г. Воронова // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 4 (20). С. 82–92.
4. Голодов А.Г. Проблемы разговорности в специальной лексике (на материале немецкого языка футбола): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04. М., 2006. 47 с.
5. Гончаров И.А. К вопросу обучения английской отраслевой лексике (на материале английских терминов футбола) / И.А. Гончаров // Актуальные вопросы лингвистического образования: Сб. мат. II заочн. Регион. науч.-практ. конф. с междунар. участ. Омск: ОГАУ, 2017. С. 219–222.
6. Дерягина Д.С. Типы компонентов в структуре лексического значения положительной лексики (на материале англоязычного и русскоязычного сайтов футбольных команд) / Д.С. Дерягина, А.В. Моисеенко // Philologos. 2020. № 2 (45). С. 22–29.
7. Долгих З.Б. Проблема перевода названий сортов винограда с португальского языка на русский / З.Б. Долгих // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 213–220.
8. Душ Рейш А.П.В. Типологические особенности словообразования в разносистемных языках (диминутивы в русском и португальском): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Минск, 1996. 20 с.
9. Зиятдинова А.Х. Особенности перевода футбольной лексики в глобальном информационном пространстве / А.Х. Зиятдинова // Перевод в меняющемся мире: Мат. Междунар. науч.-практ. конф. Саранск: Азбуковник, 2015. С. 204–208.
10. Керимова Д.Н. О наименованиях летних видов спорта в английском и русском языках / Д.Н. Керимова // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2022. Т. 2. № 14-2. С. 243–246.

11. Киселёва В.А. Лексико-фразеологическая экспликация концепта футбол в спортивном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб., 2009. 25 с.
12. Кобыскан А.С. Место цвета в семиотической системе спорта / А.С. Кобыскан, Е.А. Яковлева // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 3 (437). С. 73–80.
13. Крылова М.Н. Семантика современного русского сравнения. Лингвокультурологический анализ: монография / М.Н. Крылова. Саратов: Вузовское образование, 2014. 189 с.
14. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
15. Назиров Р.Р. Структурно-семантические особенности исконных лексических единиц футбольной отрасли / Р.Р. Назиров // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. 2022. № 1-4, Т. 1 (104). С. 49–54.
16. Петрова Г.В. Семантическое поле слова «удивление» в португальском языке (в сопоставлении с русским) / Г.В. Петрова // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 1 (13). С. 57–67.
17. Рылов А.С. Терминологическая система «Футбол» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Нижний Новгород, 1998. 20 с.
18. Учурова С.А. Образ когнитивных метафор в спорте в России и в Германии / С.А. Учурова, Д.А. Цветков // Аллея науки. 2023. Т. 2. № 12 (87). С. 20–26.
19. Ходюк А.А. Историческая характеристика терминологии (к вопросу о происхождении футбольных терминов) / А.А. Ходюк // Ratio et Natura. 2022. № 1 (5). С. 31.
20. Шершукова О.А. Специфика «множественного видового» у названий веществ: русско-португальские параллели / О.А. Шершукова // Язык как система и деятельность – 5: Мат. Междунар. научн. конф. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2015. С. 94–96.
21. Эмиралиев Э.А. Языковая личность футбольного болельщика ФК «Рубин» / Э.А. Эмиралиев // Филология и культура. 2016. № 1 (43). С. 173–177.
22. Pllana S. Synonymy and terminological doublet in economic terminology / S. Pllana, G. Pllana, E. Pllana, Z. Pllana // Russian Linguistic Bulletin. 2020. № 3 (23). С. 117–120.

References

1. Ataeva, D.V. Iazyk futbola kak vid spetsial'noi leksiki i ego rol' v mezhkul'turnom inoiazыchnom prostranstve [The language of football as a type of specialized vocabulary and its role in the intercultural foreign-language space]. *Iazyk i kul'tura v epokhu integratsii nauchnogo znaniya i professionalizatsii obrazovaniya*, 2021, no 2, vol. 2., pp. 130–134.
2. Bolkhovityanov, I.V. Vliianie nauki o perevode na razvitie lingvokul'turologicheskogo aspekta perevodovedeniia (na primere analiza leksiki amerikanskogo futbola) [The influence of translation science on the development of the linguacultural aspect of translation studies (on the example of the analysis of the vocabulary of American football)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 2014, no. 5, pp. 60–65.
3. Voronova, A.G. Strukturno-semanticheskie osobennosti perevodnykh ekvivalentov inostrannykh rolevykh futbol'nykh terminov v russkom i portugal'skom iazykakh [Structural and semantic features of translation equivalents of foreign role-playing football terms in Russian and Portuguese]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 2019, no. 4 (20), pp. 82–92.
4. Golodov, A.G. *Problemy razgovornosti v spetsial'noi leksike (na materiale nemetskogo iazyka futbola)* [Problems of colloquialism in specialized vocabulary (based on the German language of football)]: avtoref. dis. ... dokt. filology. Moscow, 2006.
5. Goncharov, I.A. K voprosu obucheniia angliiskoi otraslevoi leksike (na materiale angliiskikh terminov futbola) [On the issue of teaching English industry vocabulary (based on English football terms)]. *Aktual'nye voprosy lingvisticheskogo obrazovaniya: Sb. mat. II nauch.-prakt. konf.* Omsk, OGAU, 2017, pp. 219–222.
6. Deryagina, D.S., Moiseenko, A.V. Tipy komponentov v strukture leksicheskogo znachenii polozhitel'noi leksiki (na materiale angloiazыchnogo i russkoiazыchnogo saitov futbol'nykh komand) [Types of components in the structure of the lexical meaning of positive vocabulary (based on the English-language and Russian-language websites of football teams)]. *Filologos*, 2020, no. 2 (45), pp. 22–29.
7. Dolgikh, Z.B. Problema perevoda nazvanii sortov vinograda s portugal'skogo iazyka na russkii [The problem of translating the names of grape varieties from Portuguese into Russian]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, 2023, no. 4 (35), pp. 213–220.
8. Dush Reish, A.P.V. Tipologicheskie osobennosti slovoobrazovaniia v raznosistemnykh iazykakh (diminutivy v russkom i portugal'skom) [Typological features of word formation in languages of different systems (diminutives in Russian and Portuguese)]: avtoref. dis. ... kand. filology. Minsk, 1996.
9. Ziyatdinova, A.Kh. Osobennosti perevoda futbol'noi leksiki v global'nom informatsionnom prostranstve [Features of the translation of football vocabulary in the global information space]. *Perevod v meniyushchemsia mire: Mat. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Saransk, Azbukovnik, 2015, pp. 204–208.
10. Kerimova, D.N. O naimenovaniyakh letnikh vidov sporta v angliiskom i russkom iazykakh [On the names of summer sports in English and Russian]. *Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO «Donetskii natsional'nyi universitet»*, 2022, vol. 2, no. 14-2, pp. 243–246.
11. Kiseleva, V.A. *Leksiko-frazeologicheskaiia eksplikatsiia kontsepta futbol v sportivnom diskurse* [Lexical and phraseological explanation of the concept football in sports discourse]: avtoref. dis. ... kand. filology. St. Petersburg, 2009.
12. Kobyskan, A.S., Yakovleva, E.A. Mesto tsveta v semioticheskoi sisteme sporta [The Place of Color in the Semiotic System of Sports]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 3 (437), pp. 73–80.
13. Krylova, M.N. *Semantika sovremennogo russkogo sravneniia. Lingvokul'turologicheskii analiz* [Semantics of Modern Russian Comparison. Linguistic and Cultural Analysis]: monografiia. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie, 2014, 189 p.

14. Leichik, V.M. *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject, Methods, Structure]. Moscow: LIBROKOM, 2009, 256 p.
15. Nazirov, R.R. Strukturno-semanticheskie osobennosti iskonnykh leksicheskikh edinits futbol'noi otrasli [Structural and semantic features of the original lexical units of the football industry]. *Vestnik Bokhtarskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Nosira Khusrava. Seriya gumanitarnykh i ekonomicheskikh nauk*, 2022, no. 1-4, vol. 1 (104), pp. 49–54.
16. Petrova, G.V. Semanticheskoe pole slova «udivlenie» v portugal'skom iazyke (v sopostavlenii s russkim) [Semantic field of the word “surprise” in the Portuguese language (in comparison with Russian)]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 2018, no. 1 (13), pp. 57–67.
17. Rylov, A.S. *Terminologicheskaya sistema «Futbol» v russkom iazyke* [Terminological system “Football” in the Russian language]: avtoref. dis. ... kand. filology. Nizhniy Novgorod, 1998.
18. Uchurova, S.A., Tsvetkov D.A. Obraz kognitivnykh metafor v sporte v Rossii i v Germanii [The image of cognitive metaphors in sports in Russia and Germany]. *Alleya nauki*, 2023, vol. 2, no. 12 (87), pp. 20–26.
19. Khodyuk, A.A. Istoricheskaya kharakteristika terminologii (k voprosu o proiskhozhdenii futbol'nykh terminov) [Historical characteristics of terminology (on the issue of the origin of football terms)]. *Ratio et Natura*, 2022, no. 1 (5), p. 31.
20. Shershukova, O.A. Spetsifika «mnozhestvennogo vidovogo» u nazvanii veshchestv: russko-portugal'skie paralleli [Specificity of “multiple species” in the names of substances: Russian-Portuguese parallels]. *Yazyk kak sistema i deyatelnost' – 5: Mat. Mezhdunar. nauchn. konf. Rostov-na-Donu, YuFU*, 2015, pp. 94–96.
21. Emiraliev, E.A. Iazykovaia lichnost' futbol'nogo bolet'shchika FK «Rubin» [Linguistic personality of a football fan of FC Rubin]. *Filologiya i kul'tura*, 2016, no. 1 (43), pp. 173–177.
22. Pllana, S., Pllana, G., Pllana, E., et al. Synonymy and terminological doublet in economic terminology. *Russian Linguistic Bulletin*, 2020, no. 3 (23), pp. 117-120.

Сведения об авторе:

Гренадерова Ольга Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков, Факультета международного права МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика как наука в целом, современное переводоведение (трудности перевода – на примере португальского, английского и русского языков), функционально-семантическая грамматика (португальского языка)

E-mail: ogrenade@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2778-7830.

About the author:

Olga L. Grenaderova, PhD in Philology, is Associate Professor at Roman Languages Department (Italian, Portuguese and Latin) at The International law department of MGIMO University (Moscow, Russia). Realm of research and professional interests: linguistics, modern translation and interpreting studies (more specific, the difficulties of the translation and interpreting – in Portuguese, English and Russian), functional-semantic grammar (Portuguese)

E-mail: ogrenade@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2778-7830.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

No conflict of interest is declared.

* * *

Comparative Study of Suprasegmental Units of the Russian and Persian Languages in the Speech of Iranian Students Acquiring the Sixth Intonation Pattern

Roya Azadi, Alireza Valipour

University of Tehran,
Faculty of Foreign Languages and Literature,
15/16, St. Northern Kargar, Tehran, Islamic Republic of Iran, 1439813164

Abstract. When learning a new language, students may encounter various challenges, particularly those related to the unique structural aspects of the target language. One of the fundamental and most important subjects in the field of language education is phonetics – one of the main sections of linguistics, which allows the language to focus on the physical aspects and coordinates speech sounds. Phonetics is the field that examines intonation as a means of registering utterances and creating their integrity, while simultaneously dividing speech streams into minimal units with semantic meaning. In this article, a comparative analysis of the suprasegmental units of the Russian and Persian languages examines the prosodic differences between the compared languages in terms of tonal movement. This analysis provides an explanation for the factors contributing to the incorrect pronunciation by Iranian students in the implementation of the sixth intonation pattern. In this regard, the purpose of the study is to determine the contradictions of intonation systems of sentences in the Russian and Persian languages according to the purpose of the utterance in the speech stream within the framework of physical (acoustic) analysis and to identify factors and problems of distortion of Intonation Pattern No.6 among Iranian students and finally trying to correct them. The study is intended for Iranian students who have a fundamental understanding of the phonetic structure and the basic parameters of Russian sounds, rhythm, and intonation. Our research aims to develop pronunciation skills while simultaneously improving oral speech. Understanding intonation has become a key element of our research approach. By analyzing the acoustic signals, including waveform, pitch and intensity, obtained from the sixth intonation pattern produced by Iranian students, it was found that their speech orientation was influenced by the phonetic structure of the Persian language. This orientation differs from the way phonetic parameters are used in Russian. Moreover, it has been demonstrated that declarative sentences in both languages differ in pitch in their neutral implementation. This difference is explained by the intonation center of utterances and the position of stress in each melodic phrase.

Keywords: suprasegmental units, Russian, Persian, phonetics, intonation, stress, acoustic analysis, Intonation Pattern No.6

For citation: Azadi R., Valipour A. (2025). Comparative Study of Suprasegmental Units in Russian and Persian Languages in the Speech of Iranian Students Acquiring the Sixth Intonation Pattern. *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(1), pp. 131–145. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-42-131-145>

Сопоставительное исследование супрасегментных единиц русского и персидского языков в речи иранских студентов при освоении интонационной конструкции

Р. Азади, А. Валипур

Тегеранский университет
Факультет иностранных языков и литературы,
1439813164, Исламская Республика Иран, г. Тегеран, ул. Северный Каргар, 15/16

Аннотация. При изучении нового языка учащиеся могут столкнуться с различными трудностями, связанными, в частности, с уникальными структурными аспектами целевого языка. Одним из фундаментальных и важнейших предметов в области языкового образования является фонетика – один из основных разделов языкознания, который позволяет сосредоточить внимание языка на физических аспектах и координатах звуков речи. Фонетика – это область языкознания, которая рассматривает интонацию как средство регистрации высказываний и создания их целостности, одновременно разделяя речевые потоки на минимальные единицы, имеющие семантическое значение.

В данной статье путём сравнительного анализа суперсегментных единиц русского и персидского языков исследуются просодические различия сравниваемых языков по направлению движения тонов, что приводит к объяснению факторов неправильного произнесения у иранских студентов в реализации шестой интонационной конструкции. В связи с этим, цель исследования заключается в определении конфликтующего характера интонационных систем предложений в русском и персидском языках в соответствии с целью высказывания в рамках физического (акустического) анализа речевого потока, в выявлении факторов искажения шестой интонационной конструкции (ИК-6) у иранских студентов и их исправлении. Исследование предназначено для иранских студентов, которые обладают фундаментальным пониманием фонетической структуры и основных параметров русских звуков, ритмики и интонации. Наше исследование направлено на развитие произносительных навыков с одновременным совершенствованием устной речи. Понимание интонации стало ключевым элементом нашего исследовательского подхода.

В результате анализа акустических сигналов, включая форму волны, высоту тона и интенсивность, полученных из шестой интонационной конструкции, произносимой иранскими студентами, было обнаружено, что на их речевую ориентацию влияет фонетическая структура персидского языка. Эта ориентация отличается от того, как фонетические параметры используются в русском языке. Более того, было продемонстрировано, что повествовательные предложения в обоих языках отличаются по высоте тона в своей нейтральной реализации. Это различие объясняется выявлением интонационного центра высказываний и определением положения ударения в каждой мелодической фразе.

Ключевые слова: суперсегментные единицы, русский, персидский, фонетика, интонация, ударение, акустический анализ, ИК-6

Для цитирования: Азади Р., Валипур А. (2025). Сопоставительное исследование супрасегментных единиц русского и персидского языков в речи иранских студентов при освоении шестой интонационной конструкции. *Филологические науки в МГИМО*. 11(1), С. 131–145. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-41-131-145>

1. Введение

Общение людей посредством речи и языковых структур является исходным моментом выражения мысли. Именно для студентов, изучающих иностранные языки, имеет большое значение способность воспроизвести высказывания на иностранном языке в соответствии с нормой. По мнению многих лингвистов, структурное сравнение родного и нового языка является одним из основных и достаточно важных вопросов, которые следует учитывать перед началом обучения новому (в данном исследовании – русскому) языку [28, с. 78]. В рамках методики преподавания русского языка как иностранного (далее – РКИ) навыки рассматриваются как рефлексивное действие при работе с языковым материалом в процессе как приёма, так и продуцирования речевой деятельности. Для того чтобы приобрести такие речевые навыки, необходимо их оттачивать и совершенствовать. Невозможность овладеть ими в полной мере может привести к ошибкам в иноязычной речевой деятельности при говорении на русском языке в связи с технико-содержательной стороной общения, стратегиями и тактиками правильного иноязычного общения [2, с. 35].

В настоящее время в научных и методических кругах коммуникативная компетенция рассматривается как метрика для измерения владения русским языком, означающая способность выполнять речевые действия в соответствии с задачами, целями и ситуацией в данной сфере деятельности. Параллельно с этим в процессе обучения РКИ звуковая сторона языка становится особенно актуальной для иранских студентов, особенно на начальном этапе, когда обучающиеся сталкиваются с фонетическими трудностями в понимании нового языка. Фонетическая система, как и любая другая система, характеризуется не только физическими параметрами, но и взаимосвязями между её компонентами. В языке и речи всё подчинено одной важной задаче: служить эффективным средством передачи информации. Поэтому функция звуков речи заключается в создании речи, формировании слов, различении слов, создании ритма и формировании интонации, позволяющей дифференцировать предложения. Эта информационная роль звуков речи является основополагающей для любой фонетической и фонологической системы, которая описывает звуки в каждом конкретном языке. Фонетический материал, объединяющий закономерности звуков, ритмику слова и интонацию, играет ключевую роль в развитии диалогической речи [11]. Осуществляется переход к основам речи посредством интонации, что способствует более глубокому пониманию и восприятию информации. Следует отметить, что интонационные модели языка не случайны; они подчиняются правилам и поэтому могут быть описаны и проанализированы. Другими словами, интонация – это систематическая и предсказуемая особенность языка. В таком случае необходимо владеть навыками и умениями, чтобы реализовать функциональную систему суперсегментных средств и физические аспекты данного языка.

Суперсегментные единицы, такие как ударение и интонация, представляют собой важные средства русского языка, которые имеют основные позиции в организации сегментных единиц в более сложные структуры. Эти структуры состоят из суперсегментных единиц и включают в себя звуки и/или фонемы, слоги, фонетические слова (такты), синтагмы и фразы. Все эти элементы формируются из более мелких сегментов и вносят значительный вклад в общую организацию речевого выражения. Таким образом, суперсегментные единицы не только структурируют, но и обогащают смысловую и эмоциональную составляющую языка, обеспечивая его выразительность и точность [13, с. 129].

При этом суперсегментные признаки русской речи играют ключевую роль в языкознании. Эти многогранные элементы включают параметры, такие как частота основного тона (ЧОТ), интенсивность, длительность и паузы, а также другие артикуляционные и акустические средства в рамках просодии и паралингвистики. Параметры суперсегмента реализуются не на сегменте, а целиком как единица суперсегмента [там же с. 130]. Эти характеристики помогают организовать речевые элементы в сложные структуры, передающие смысл, выходящий за рамки буквального значения отдельных слов. Важно подчеркнуть, что все эти признаки нуждаются в носителе, таком

как фонетические единицы, и не могут существовать самостоятельно. Другими словами, отношения между просодическими и сегментными единицами симбиотические – каждая из них зависит от другой для создания целостной и эффективной формы коммуникации.

По поводу суперсегментных единиц в персидском языке были высказаны различные мнения и классификации. А.М. Хагшенас основными суперсегментными единицами считает ударение, интонацию, паузу и тембр. Просодическими единицами персидского языка, по мнению Ш. Махутиян, являются длительность, ударение и интонация [29]. Т. Вахидян-Камьяр и М. Машкат ад-Дини делят просодические единицы на три части: ударение, интонация и пауза. Следует отметить, что пауза в русском языке – это не суперсегментный параметр, а интонационный. В самых последних исследованиях суперсегментные единицы персидского языка делятся на две части: ударение, интонация [25, с. 41]. Суперсегментные единицы персидского языка могут быть образованы комбинацией нескольких параметров, которые чаще всего встречаются вместе: высота тона, интенсивность и длительность [32, с. 88].

По мнению Е.А. Брызгуновой, работа над интонацией осуществляется в двух генеральных направлениях. Первое направление включает знакомство с интонационными конструкциями (ИК), что позволяет изучить их структуру и функции. Второе направление связано с усвоением смысловых различительных возможностей, которые проявляются во взаимодействии интонации с грамматическим и лексическим составом предложения, а также с его смысловыми связями в контексте [5]. Классификация интонации по Е.А. Брызгуновой базируется на идентификации определённых элементов, выявляемых сопоставлением фраз с идентичной синтаксической структурой и лексическим составом, или достигается путём противопоставления высказываний, имеющих различные синтаксические структуры, но идентичный звуковой состав словоформ. Таким образом, Интонационная система Е.А. Брызгуновой основывается на концепции, согласно которой фонетические различия создают разные интонационные конструкции лишь в том случае, если они противопоставляют по смыслу хотя бы одну пару высказываний, которые обладают общей звуковой структурой [7, с. 218]. В русском языке такие оппозиции многочисленны, особенно это заметно в различных коммуникативных типах высказываний, а также в модально-эмоциональных нюансах, которые придают высказываниям особую выразительность и значимость в контексте общения.

Анализ интонационного своеобразия речи различных языков наглядно демонстрирует уникальные возможности отдельных параметров мелодического контура, подчёркивая их отличия и разнообразие. Например, нейтральное полное повествовательное предложение в русском языке обычно оформляется простым понижением тона, подчёркивая различные возможности мелодического контура [10]. Аналогично, в персидском языке это обозначается восходяще-нисходящим тоном, что показывает, насколько эти параметры уникальны и в то же время схожи с другими языками [9, с. 81]. Необходимо подчеркнуть, что в русском языке тон может быть восходящим (/), нисходящим (\), ровным (—), нисходяще-восходящим (V), восходяще-нисходящим (/\) [16].

В персидском языке Т. Вахидян-Камьяр даёт наиболее полное объяснение направления движения тона, а именно: нисходящий (\), восходящий (/), низко-восходящий (∕), восходяще-нисходящий (/\), нисходяще-восходяще-нисходящий (V\), восходяще-нисходяще-восходящий (/\V) [32, с. 102].

Изменение высоты тона (голоса) в пределах контура или конечного тона произнесения связано, прежде всего, с его контрапунктической целью высказывания. Помимо общего направления мелодики, её отличает и то, как происходит тональное движение и, что немаловажно, как мелодический рисунок распространяется по слогам, составляющим фундаментальную основу речи [21, с. 36–40].

Актуальность работы обусловлена необходимостью одновременного рассмотрения различия и сходства в интонационных моделях ИК-6 у носителей русского языка и иранских студентов, изучающих русский язык. Это основополагающий аспект лингвистики, который охватывает как широкое, так и узкое понимание интонации. В узком смысле она связана с вариациями голосового тона, что соответствует понятию мелодики. В широком смысле интонация включает комплекс

просодических элементов речи: паузацию, интенсивность, длительность, тембр и ударение [там же, с. 31]. В русском языке ударение – это мощный инструмент в речи, который можно использовать для различения слов с одинаковым ударением и обеспечивать точную передачу задуманного сообщения. Положение ударения в персидском языке в основном на последнем слоге слова, а в русском языке ударение подвижно и может располагаться на любом слоге слова. Это свойство может создавать трудности для иранских студентов, изучающих русский язык. Они, как и в своём родном языке, часто неосознанно ставят ударение на последний слог, что может влиять на правильность их произношения и придаёт их речи персидский акцент, а иногда создаёт смысловые помехи [30, с. 157]. При соединении слов в персидских предложениях своё ударение сохраняют только те слова, которые ставятся на первую степень важности по смыслу предложения, и в результате этих изменений словесное ударение превращается в логическое ударение [27, с. 164]. Распределяя ударение на конкретную единицу в последовательности однородных единиц, студенты, изучающие русский язык, могут эффективно выделять и отличать важные слова или фразы.

Можно сказать, что ещё одним из самых важных недостатков овладения русской речью среди иранских студентов заключается в неправильном произнесении высказывания [31]. Анализ интонационных систем русского и персидского языков, несмотря на их сложность, позволяет эффективно объяснить причины как различий, так и сходства между этими системами.

Как наглядный пример пассивная интерференция – это одна из различных форм интерференции, которая может иметь место в языке. Она часто бывает скрытой и проявляется в том, что студенты избегают использовать в русском языке явления, не имеющие аналогов в исходном (персидском) языке. Вместо этого они заменяют их похожими явлениями, имеющими аналогию в исходном языке. Это может создать значительные трудности для студентов, пытающихся освоить различные уровни русского языка, особенно когда они сталкиваются с интонационными явлениями, отсутствующими в системе персидского языка. А. Мадаени Аввал называет этот вид интерференции «белыми пятнами» [14, с. 110]. При использовании методики языковой ориентации очень важно понять характер влияния системы исходного языка. Обычно это определяется путём сравнительного анализа обеих интонационных систем и изучения распространённых ошибок. Принимая во внимание характер этого влияния и его потенциальную возможность интерференции, мы можем разработать такие подходы к обучению, которые будут способствовать положительному переносу и предотвращать любые негативные последствия.

Основной целью данной работы являются определение различия в интонационных системах русского и персидского языков по цели высказывания – ИК-6 в речевом потоке. Исследование также направлено на упрощение построения интоном, повышение уровня владения речевыми навыками русского языка у иранских студентов, выявление факторов и проблем искажения ИК-6 в их речи на основе физического (акустического) анализа и разработку способов их устранения.

Для достижения поставленной цели мы опирались на работы русских лингвистов и специалистов по фонетике – Е.А. Брызгуновой, В.А. Белошапковой, Л.Л. Касаткина, А.Н. Щукина и др., а также иранских – А.М. Хагшенас, Т. Вахидян-Камьяр, А. Валипур и М. Эслами и др. Важно отметить, что русские языковеды анализировали вопросы, касающиеся формирования и совершенствования русского произношения. В основном они рассматривали катализаторы и механику фонетических нарушений как при восприятии, так и при производстве звуков иностранного языка [1], [4], [12]. В этой сфере нужно упомянуть такие труды как «Звуки и интонация русской речи» Е.А. Брызгуновой (1977). В книге рассматриваются ключевые аспекты взаимодействия синтаксиса и интонации в артикуляционной базе. Н.Д. Светозарова в работе «Интонационная система русского языка» (1982) рассматривает вопросы интонации русского языка. В этой книге внимание уделяется просодическим характеристикам речи-ударения и интонации. В настоящее время российские учёные и преподаватели, такие как Т.М. Балыхина, И.В. Одинцова и Т.Г. Ткач, уделяют внимание вопросам формирования и коррекции правильного речевого произнесения и точного определения уровня овладения им [2], [17], [23]. Иранские лингвисты в своих работах исследуют суперсегментные факторы персидского языка. Этому аспекту, в частности, посвящена монография Т. Вахидян-Камьяра «Просодия персидского языка» (2001). А. Валипур в своей книге

«Фонетика русского языка» (2014) представляет распознавание и описание звуков русского языка в контексте их артикуляционных и акустических признаков. Иранские лингвисты и преподаватели, включая А. Валипур и Х. Бахарлу, также ищут эффективные способы и формы обучения фонетике и фонологии русского языка в рамках иранских университетов [3], [26], [27], [33].

Интонационные компоненты являются неотъемлемой частью речи, и они варьируются от языка к языку. В русском языке ударение, основанное на высоте тона, представляет собой знаменательный интонационный элемент. Он играет решающую роль в различении слов, обладающих различными значениями и контекстами использования. В персидском языке длительность слогов и характер ударения играют важную роль в передаче задуманного сообщения. Понимание акустических коррелятов этих просодических или суперсегментных особенностей имеет решающее значение для понимания их восприятия человеком. На функционирование этих звуковых средств в речи влияют различные факторы, такие как эмоции и контекст. Необходимо рассмотреть взаимодействие между этими признаками, чтобы полностью оценить их значение в языке. Чтобы лучше понять различия и сходство русской и персидской интонации, необходимо обратиться к определениям некоторых лингвистов.

Согласно И.А. Садыкову (с опорой на работы С.В. Князева и С.К. Пожарицкой), к основным функциям русской интонации относятся следующие [20, с. 42]:

1. Преобразовывать номинативные элементы (лексемы) в коммуникативные (высказывания) – «формирование».
2. Сегментировать речь на линейные компоненты различной сложности и независимости – «членение».
3. Выделять различные единицы друг от друга – «выделение».

Итак, интонация выполняет основную функцию облегчения общения, позволяя реализовать такие коммуникативные типы высказываний, как повествование, вопрос и побуждение. Кроме того, она выступает в качестве семантического дискриминатора в ситуациях, когда высказывание может быть построено с использованием одного и того же лексико-грамматического материала [15, с. 69].

А.М. Хагшенас считает, что всякий раз, когда диапазон типов высоты звука в речевой цепи ограничивается предложением, высота звука называется интонацией. А языки, в которых используются мелодичные движения тона, называются мелодическими языками, персидский – один из мелодичных языков [27, с. 127].

По мнению М. Эслами, интонация относится к числу фонетических признаков, которые используются для систематической передачи постлексических значений или значений когнитивного использования на уровне предложения с точки зрения лингвистической информации [18, с. 9].

2. Материалы и методы исследования

В данном исследовании *метод* основан на фонетическом обучении русскому языку с использованием компьютерного приложения PRAAT (6.2.10), которое позволяет проводить акустический анализ и синтез речи. Проведение исследований интонации – сложный процесс, охватывающий анализ имеющихся описаний, их доработку, опытную проверку базовых принципов и определение методологических достоинств каждой интонационной систематизации [21, с. 8]. Исследование сходства и различия интонационных систем в русском и персидском языках включает сравнение различных аспектов, таких как высота тона, громкость, темп, и других фонетических характеристик предложения.

Данное исследование представляет собой аналитический и сравнительный анализ, обеспечивающий комплексный подход к выявлению ошибок в экспрессии ИК-6. Кроме того, в исследовании используется описательный метод для создания теоретической базы анализа интонационных ошибок. Исследуемая группа включала 17 иранских студентов, изучающих русский язык в Тегеранском университете, в частности на факультете иностранных языков и литературы. Эти

студенты говорили с тегеранским акцентом, возраст – от 20 до 30 лет. Они составили экспериментальную группу, в которую вошли 10 студентов последнего курса бакалавриата, 6 магистрантов и 1 аспирант. Кроме того, в качестве контрольной группы выступали 2 носителя русского языка с московским акцентом. При анализе образцов звуков, включая высоту тона, в обеих группах производился отбор и запись образцов голоса при произнесении предложений. Этот процесс осуществлялся методом простой случайной выборки в один этап. Для обеспечения контентной валидности отобранного предложения (*Сколько у него детей!*) (результаты анализа представлены в Рис. 1 Приложения а, б), его правильность была подтверждена лингвистами и фонетическими экспертами путём опознавания и оценки соответствия интонационных и синтаксических характеристик. Затем акустические характеристики звуковых образцов были проанализированы с помощью программного обеспечения PRAAT. Кроме того, интонационные данные предложений для каждого иранского студента были записаны отдельно в зависимости от уровня тональности и сопоставлены с базовыми данными интонационной системы русского языка.

а. Шестая интонационная конструкция

При рассмотрении выразительных возможностей мелодии важно учитывать тональный диапазон, который представляет собой промежуток между самым высоким и самым низким значениями основного тона. В устной речи этот диапазон обычно сужается, что может привести к тому, что слушатель воспримет её как лишённую выразительности и монотонную. Это происходит потому, что при значительном сужении диапазона тонов уменьшается контраст между определёнными типами понижения и/или повышения высоты тона [8, с. 4]. Следовательно, говорящий испытывает трудности в передаче семантических и стилистических различий с помощью мелодических средств. Для предотвращения монотонности и повышения выразительности устной речи крайне важно полностью использовать потенциал индивидуального частотного диапазона [18, с. 69].

Когда дело доходит до идентификации ИК, ключевым аспектом, который необходимо учитывать, является его основная отличительная особенность, а именно, интервалы между компонентами и тональное направление в центральной части. В ситуациях, когда два типа интонационных контуров (линий тонального движения) демонстрируют схожесть, на первый план выходят дополнительные отличительные признаки, которые помогают различать их. К таким признакам можно отнести акцентуацию словесного ударения, которое подчёркивает важность определённых слов, продолжительность слога, а также глоттализацию гласных звуков, воспринимаемую акустически как чёткий перерыв в звучании, что способствует лучшему пониманию интонационной структуры.

ИК-6 представляет собой интонационную конструкцию русского языка, характеризующуюся восходящим тоном, используемую для выражения акцентированных признаков, действий или состояний [6, с. 99]. В русском языке ИК-6 применяется преимущественно для акцентирования местоимений в начальной позиции предложения, особенно в бытовых ситуациях. Организация интонационного ряда для ИК-6 основана на принципе синонимии, передающей различные значения через интонационные конструкции. Например, в предложении «*Сколько студентов!*» ИК-6 проявляется через резкое повышение интонации в конце фразы, что подчёркивает элемент удивления или акцента.

Значения, выраженные с помощью ИК-6, часто используются в ситуациях [6, с. 205]:

1. При обозначении незавершённости в простых и сложных фразах. В данном случае ИК-6 выражает официальный и торжественный или радостный настрой.

2. При выражении высокой степени проявления качества, состояния или действия. Это применимо к фразам:

а) без местоимений:

б

«*Душно здесь!*»

б) или со словами «так», «такой» и подобными. Также подходит для предложений с местоимениями:

б

«Я так устала!»

ИК-6 всегда подчёркивает бытовой характер оценочных отношений, хорошо сочетаясь с соответствующими оценочными прилагательными и существительными, связанными с повседневной жизнью, например: нож, платье и т. п.

б

б

«Такой нож острый!» «Какой острый нож!»

3. Использование местоименных слов для привлечения внимания слушателя в предложении:

б

« – А кого я видела!

– Кого? Скажи!»

4. Выражение удивления или огорчения в вопросах с местоимениями:

б

«И что он этим хотел сказать?»

5. Применение союза «а» в предложениях для передачи чувства счастья и удовлетворённости:

б

«А мы в зоопарке были!»

При анализе интонационного построения мы разделили предложения на три основные составляющие: предцентр, центр и постцентр высказывания. В дальнейшем мы рассматривали предложения в определённом порядке, используя акустические данные для выявления их отдельных частей.

- В предцентральной части используется средний уровень тона голоса говорящего. Для проведения анализа мелодического уровня предцентра мы исследовали среднюю высоту тона от начала предложения до центрального слога в выбранном отрезке.
- По мере продвижения к центру происходит восходящее движение тона, начиная с предцентральной части. Для выявления центра интонационной структуры исследовалась максимальная частота центрального слога, соответствующая определённому фразовому ударению [22].
- Постцентровая часть продолжает эту тенденцию к повышению, устанавливая свой уровень либо на первом, либо на втором слоге. Для анализа мелодического уровня постцентра вычислялась средняя высота тона в выбранном отрезке в конце высказывания после центрального слога.

Контур ИК-6 очень похож на контур ИК-4, единственным отличием является более высокий уровень тона в центральной части с большой длительностью гласного и постцентральной части ИК-6.

Например:

б

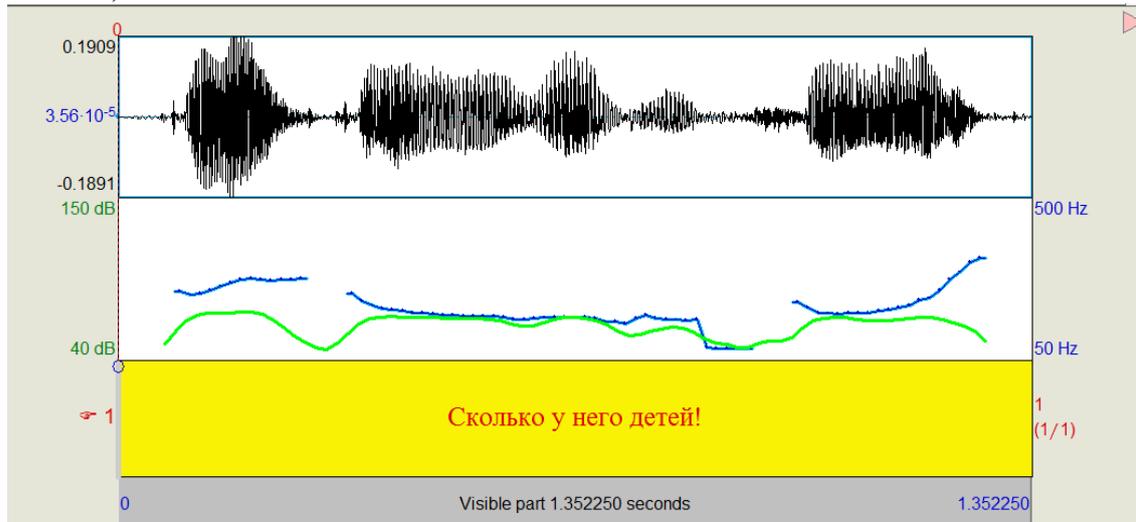
Сколько у него детей!

— — — /

Высота тона визуально изображается в виде синей линии. Его частотный диапазон специально сконфигурирован в пределах от 50 до 500 Гц. Интенсивность волны, напротив, показана зелёной линией. Диапазон интенсивности установлен в пределах от 40 до 150 дБ.

Примеры реализации ИК-6 контрольной и экспериментальной группами представлены на Рис. 1. Приложения а, б.

Приложение а)

Приложение б)

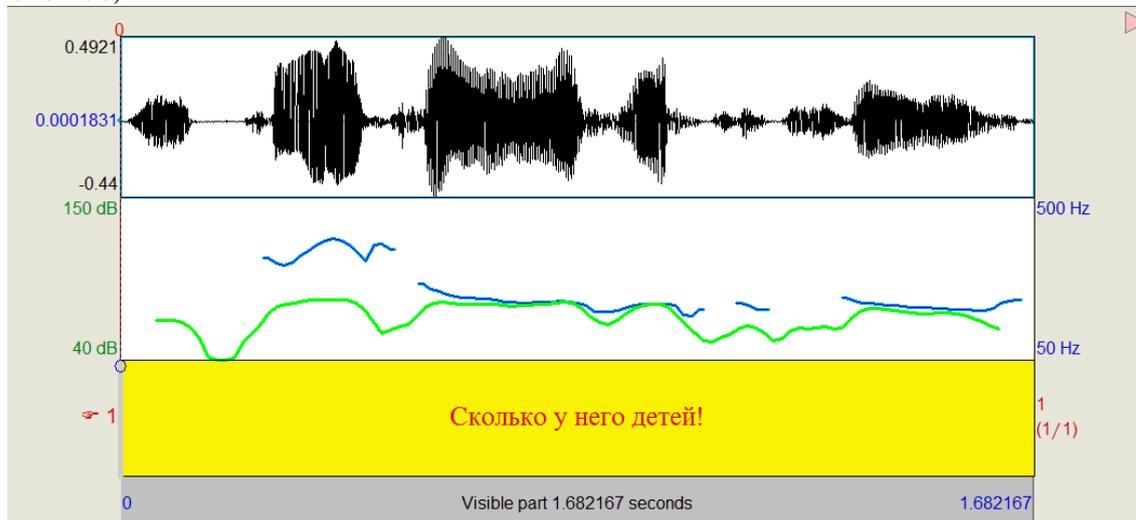

Рис. 1. Мелодические схемы ИК-6 у носителя русского языка (Приложение а) и иранского студента (Приложение б): Сколько у него детей!

3. Результаты исследования

Прежде чем рассматривать данные, необходимо отметить, что конструкция ИК-6 обычно используется в восклицательных выражениях для передачи оценки. В этой конструкции центральный гласный повышается, а ровный тон, следующий за ударением, остаётся неизменным до конца высказывания. Как правило, гласный в последнем слове этой конструкции «удлиняется» (см. Рис. 1. Приложение а).

Стоит отметить, что Е.А. Брызгунова не считает длительность одной из значимых просодических характеристик и не уточняет её использование в данной конкретной конструкции [19, с. 116–118].

Данные показывают, что иранские студенты начинали предложение на среднем тоне. Центр находился в степени выраженности «сколько» в начале предложения, поэтому мелодический уровень конца был выражен менее, чем в начале (см. Рис. 1. Приложение б). Анализ показал, что ИК-6, требующая выраженного акцента для передачи интонационного значения, не была использована иранскими студентами должным образом. Студенты использовали структуру ИК-2

для произнесения ИК-6, поэтому был реализован тон специального вопроса, то есть восходяще-нисходящий (см. Рис. 2.). А если сравнивать схему ИК-6 с другими конструкциями, то она почти эквивалентна схеме ИК-4.

Проблема студентов связана с тем, что они не знакомы с такой структурой и правильным напряжением слогов в этой структуре. В тех случаях, когда слог (-тей) был ударным, тон студентов был больше похож на персидские восклицания и произносился с понижением тона. В плане сравнения ИК-6 можно сравнить с повествовательными предложениями в персидском языке, передающими удивление. В этих предложениях используется восходяще-нисходящий тон [32, с. 159].

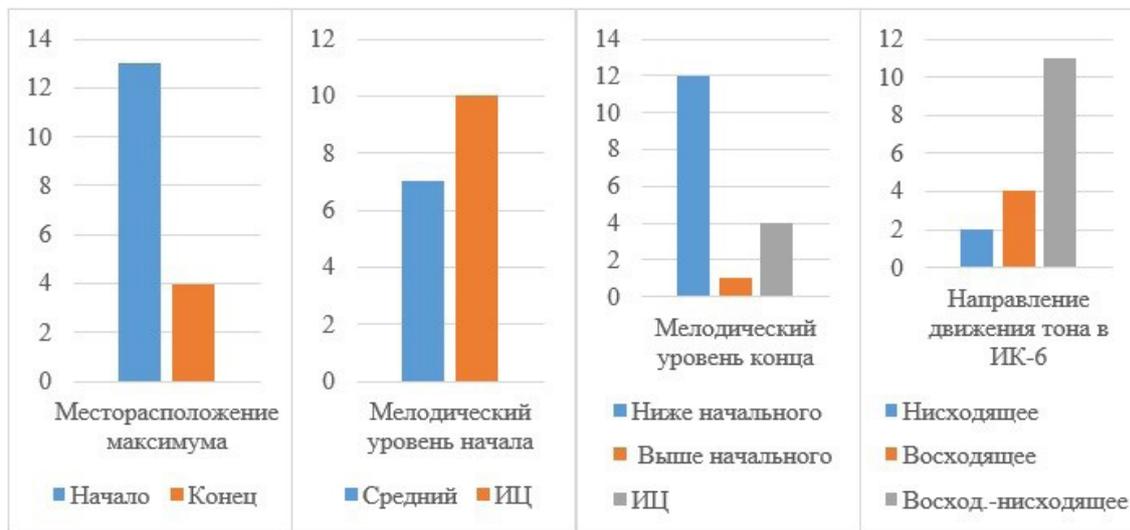

Рис. 2. Распределение данных каждого интонационного признака в ИК-6 у иранских студентов

4. Выводы

Предлагаемый в данной работе способ представляет собой сочетание различных методов анализа, как практических, так и теоретических. В теоретическом методе обсуждалось, что суперсегментные единицы русского языка делятся на ударение и интонацию. Интонация обычно состоит из параметров, включая частоту основного тона (ЧОТ), интенсивность, длительность и паузы, и других акустических средств, но эта конфигурация может меняться по причине таких факторов, как информационная структура. С другой стороны, единицы персидской просодии включают паузу в дополнение к ударению и интонации. Параметры суперсегмента реализуются не на сегменте, а на их комбинации в виде единицы. Следовательно, широкое определение интонации отслеживает изменения высоты тона в речи, и путём анализа данных в рамках исследовательской теории было установлено, что фонетическую роль играют два уровня высоты тона в виде восходящего и/или (Н%) и нисходящего и/или (L%) в интонационной системе русского и персидского языков.

При практическом анализе было установлено, что суперсегментные параметры в русском и персидском языках отличаются в использовании восходящих и нисходящих тонов. В ходе проведённого исследования выявлено отсутствие в персидском языке интонационных структур, характерных для русской языковой системы. Эти структуры могут быть объяснены иранским студентам только через изучение теоретической структуры, характерной для русского языка. Ниже приводится общий результат акустического анализа.

1. Тональные изменения происходят на уровне фразы и отдельных слов. Тональные изменения – это важный элемент, который можно использовать для создания уникального и неповторимого звучания. Диапазон, применяемый в мелодике, выступает одним из

методов достижения этих вариаций. В персидском языке восходящие и нисходящие интонации различаются посредством тональных модификаций, как по высоте, так и по интервальному диапазону [9, с. 80].

2. ИК-6 характеризуется повышенным уровнем тонального контура в центральной части с большой длительностью гласного и постцентральной части. Распространённым примером ограниченного тонального диапазона может служить то, как большинство неконечных повествовательных фраз обрамляются ИК-6, в то время как конечные фразы выражаются ИК-1, сопровождаясь небольшим снижением высоты тона. Такую речь (завершённость и незавершённость) иранским студентам было трудно понять.
3. При произнесении русских предложений студенты опирались на свой персидский акцент и на специфическую интонационную схему предложения в персидском языке, включающую фразовое и/или логическое ударение.
4. Студенты увеличивали длительность тона в начале своего высказывания. А. Валипур утверждает, что эти нарушения обычно отмечаются на участках, где происходят резкие вариации формантных сдвигов между звуками, и в определённой степени они зеркально отражают структуру речевого сегмента, представляющего собой персидский интонационный паттерн [9, с. 78].
5. Нарушение течения русской речи иранскими студентами можно объяснить тем, что они не уделяли должного внимания ударению. Вместо того чтобы ориентироваться на ударные слоги, они полагались на персидское словесное ударение для определения границ слов. По аналогии с родным языком иранские студенты, естественно, ставят ударение на последний слог при произнесении слов, что приводит к появлению персидского акцента и вызывает семантическую интерференцию.

На протяжении записи диалога для акустического анализа предложений в данном исследовании, иранские студенты, изучающие русский язык, выражали свою озабоченность по поводу недостаточного внимания, уделяемого исправлению их ошибок в произношении во время занятий. Проблема в том, что изучающие русский язык очень мало знают о суперсегментных единицах русского языка, таких как различные типы ударения и интонационные конструкции в предложениях. Представляется, что существует несколько факторов, обуславливающих возникновение этой проблемы. В связи с этим образовательные программы факультета иностранных языков и литературы тегеранского университета в профилях «Русская литература и Обучение русскому языку» показывают, что общий объём учебного плана по фонетике русского языка на уровне магистратуры и аспирантуры составляет 2 зачётных единицы. В программе бакалавриата изучаются дисциплины, связанные с устной речью: разговорная практика, публичные выступления, восприятие на слух. Однако ни один курс не посвящён исключительно фонетике или интонации русского языка. Стоит отметить, что зачётная единица, посвящённая фонетике, в системе высшего образования в основном изучается с точки зрения фонологии, а фонетика преподаётся на уровне теории.

С развитием различных образовательных технологий самообучение стало приемлемым вариантом для учащихся. Когда речь идёт о тренировке произношения, использование этих возможностей может быть очень полезным. Поскольку фонетика является сложной и тонкой областью, учащиеся могут воспользоваться цифровыми ресурсами, такими как интерактивные инструменты или программные приложения, чтобы оттачивать свои навыки в устной речи. Этот метод позволяет гибко подходить к расписанию и темпу занятий, обеспечивая студентам индивидуальный подход к обучению. В итоге следует отметить, что самостоятельное изучение фонетики с помощью цифровых ресурсов открывает новые возможности для изучающих русский язык, стремящихся улучшить своё произношение.

Очевидно, что формирование подготовительного курса фонетики послужит основой для изучения русского языка. Это охватывает теоретические знания и терминологию, необходимые для дальнейшего овладения языком, а студенты приобретают практические навыки на всех уровнях

языковой деятельности. Обучение будет направлено на исправление ошибок произношения и систематизацию знаний и навыков по фонетике для более глубокого понимания. Параллельно ему, сравнительный анализ, правильное преподавание и эффективные методы обучения будут играть важную роль в решении многих проблем общения и использования языка, с которыми сталкиваются иранские студенты, а также в повышении уверенности изучающих при общении с носителями русского языка.

Т.Г. Кчац полагает, что важным направлением современного образования РКИ в Иране является разработка фонетико-интонационных и речевых коррекционных программ для русского языка, которые были бы полезны без соответствующей языковой среды [24, с. 5].

Совершенствование интонационных конструкций в русском языке требует практики и глубокого понимания фонетики. Вот некоторые приёмы, которые могут помочь в этом:

- Слушайте носителей языка и старайтесь подражать их интонации.
- Записывайте свою речь и анализируйте свои интонации.
- Практикуйтесь говорить перед зеркалом, наблюдая за языком тела и мимикой.
- Работайте с языковым партнёром или репетитором, чтобы получить обратную связь по поводу своих интонаций.

В итоге, посредством решения поставленной проблемы в этой работе предполагается достижение практических результатов для составления книг или учебных материалов (на примере речевой деятельности), которые могут служить основой для изучения языковой интонационной системы. Исследование будет полезно студентам иностранных языков высших учебных заведений, изучающих русский язык, особенно курсы по фонетике, аспирантам, преподавателям русского языка в области речи, относящейся к предмету фонетики. Также это исследование имеет большое значение для разработчиков речевых технологий, стремящихся улучшить понимание сложностей русской речи в сравнении с персидским языком, особенно в отношении интонационных моделей.

© Р. Азади, А. Валипур, 2025

Список литературы

1. Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Шукин. М.: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Балыхина Т.М. Лингводидактическая теория ошибки и пути преодоления ошибок в речи иностранных учащихся: учебное пособие / Т.М. Балыхина, О.П. Игнатъева. М.: изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2006. 195 с.
3. Бахарлу Х. Анализ ошибок иранских студентов при выражении русских вопросительных предложений с ИК-2 / Х. Бахарлу, С. Дастамуз, А. Ширази // Мир науки, культуры, образования. 2020. Вып. 4. № 83. С. 19–23.
4. Белошапкина В.А. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / В.А. Белошапкина, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская, И.Г. Милославский, Л.А. Новиков, М.В. Панов / Под ред. В.А. Белошапкиной. М.: Высш. шк., 1989. 800 с.
5. Брызгунова Е.А. Вводный фонетико-разговорный курс русского языка: Для нефилологов. Учебное пособие / Е.А. Брызгунова. М.: Русский язык, 1986. 157 с.
6. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи / Е.А. Брызгунова. М.: русский язык, 1977. 279 с.
7. Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русского языка. Пособие для преподавателей, занимающихся со студентами / Е.А. Брызгунова. М.: Издательство Московского университета, 1963. 308 с.
8. Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи / Е.А. Брызгунова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 4 с.
9. Валипур А. Акустическая и артикуляционная характеристика звуков речи русского языка / А. Валипур // Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji. 2007. № 35. С. 75–89.
10. Дурягин П.В. Фонетическая реализация русских тональных акцентов в контекстах сопоставительного вопроса и перечисления / П.В. Дурягин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19, № 1. С. 81–102.
11. Земская Е.А. Русский язык как иностранный. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения / Е.А. Земская. М.: ФЛИНТА, 2021. 240 с.
12. Касаткин Л.Л. Русская интонация: тональные контуры / Л.Л. Касаткин // Проблемы фонетики. 2007. Том 5. С. 250–266.
13. Князев С.В. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учебное пособие для вузов / С.В. Князев, С.К. Пожарицкая. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. 430 с.

14. Мадаени Аввал А. К вопросу об интерференции персидского языка в русской речи учащихся-персов (Первый опыт преодоления интерференции) / А. Мадаени Аввал, М.М. Наджафи // *Pazhuhesh-e Adabiyat-e Moaser-e Jahan*. 2004. № 19. С. 107–125.
15. Малышева, Е. Г. Современный русский язык. Фонетика. Орфоэпия : учебное пособие / Е. Г. Малышева, О. С. Рогалева. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. 172 с.
16. Матусевич М.И. Интонация – Современный русский язык, Фонетика, Учеб, пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература» / М.И. Матусевич. М.: «Просвещение», 1976. [электронный ресурс] – URL: <https://sci.house/grafika-orfografiya-fonetika-scibook/intonatsiya-85278.html> (дата обращения: 10.11.2024)
17. Одинцова И.В. Звуки. Ритмика. Интонация. (+аудиоприложение) / И.В. Одинцова. М.: ФЛИНТА, 2020. 368 с.
18. Пиотровская Л.А. Монотонная vs выразительная устная речь / Л.А. Пиотровская // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2015. Вып. 1. № 4. С. 64-75.
19. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. д. филол. н. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 783 с.
20. Садыкова И.А. Русская интонация: учебное пособие по фонетике для иностранных студентов и стажёров филологических специальностей / И.А. Садыкова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 64 с.
21. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. / Н.Д. Светозарова. Ленинград: ЛГУ, 1982. 176 с.
22. Соколова А. Фонетика и фонология русского языка / А. Соколова. Брно: Ун-т Масарика, 2021. 84 с.
23. Ткач Т.Г. Постановочно-корректировочный курс практической фонетики русского языка для говорящих на персидском языке / Т.Г. Ткач. СПб.: Златоуст, 2013. 107 с.
24. Ткач, Т.Г. Лингводидактические основы обучения русской фонетике будущих филологов-русистов в высшей школе Ирана: диссертация ... кандидата педагогических наук: Рос. ун-т дружбы народов / Т.Г. Ткач. Москва. 2010. 202 с.
25. Sadat-Tehrani N. The Intonational Grammar of Persian: Thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies of the University of Manitoba / N. Sadat-Tehrani. Winnipeg. 2007. 298 p.
26. اسلامی، محرم. واج شناسی: تحلیل نظام آهنگ زبان فارسی. تهران: سمت، ۱۳۹۸. ۱۰۸ ص.
27. حق شناس، علی محمد. آواشناسی (فونتیکی). تهران: انتشارات آگه، ۱۳۹۹. ۱۹۲ ص.
28. دست آموز، سعیده؛ رسولی، مهسا. نقد برنامه آموزش آواشناسی در مقطع کارشناسی رشته زبان روسی در ایران ضرورت ها، مشکلات و راهکارها. // پژوهش نامه انتقادی متون و برنامه های علوم انسانی، پژوهشگاه علوم انسانی و مطالعات فرهنگی. ۱۳۹۷. سال ۱۸، شماره ۸. - صفحه ۹۶-۷۵.
29. ماهوتیان، شهرزاد. دستور زبان فارسی از دیدگاه رده شناسی، مترجم: مهدی سمائی، تهران: نشر مرکز، ۱۳۹۳. ۳۶۶ ص.
30. محمدی، محمد رضا؛ داد، معصومه. تکیه در واژه های روسی و فارسی و تداخل آنها از منظر زبان آموزان فارسی زبان. جستارهای زبانی. ۱۳۸۹. سال ۱، شماره ۳. ص ۱۵۳-۱۶۹
31. نصرتی، اردلان؛ نباتی، شهرام؛ استیری، مجید. نقش تداخل در پیدایش خطاهای آوایی دانشجویان فارسی زبان روسی آموز. // جستارهای زبانی. ۱۴۰۰. جلد ۱۲. شماره ۲. صفحه ۶۲۸-۶۰۳.
32. وحیدیان کامیار، نقی. نوای گفتار (تکیه، آهنگ، مکث) در فارسی. مشهد: دانشگاه فردوسی مشهد. ۱۳۷۹. ۲۲۴ ص.
33. ولی پور، علیرضا. آواشناسی زبان روسی. تهران: سمت، ۱۳۹۳. ۱۸۳ ص.

References

1. Azimov, E.G., Shchukin, A.N. *Novyi slovar' metodicheskikh terminov i poniatii (teoriia i praktika obucheniiia iazykam)* [New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)]. / E.G. Azimov, A.N. Shchukin. M. IKAR, 2009. 448 p.
2. Balykhina, T.M., Ignat'eva O.P. *Lingvodidakticheskaia teoriia oshibki i puti preodoleniia oshibok v rechi inostrannykh uchashchikhsia: uchebnoe posobie*. [Lingvodidactical theory of error and ways to overcome errors in the speech of foreign students: textbook]. / T.M. Balykhina, O.P. Ignat'eva. M. izd-vo Rossiiskogo un-ta druzhby narodov, 2006. 195 p.
3. Bakharlu Kh., Dastamuz S., Shirazi A. *Analiz oshibok iranskikh studentov pri vyrazhenii russkikh voprositel'nykh predlozhenii s IK-2*. [Analysis of Iranian students' errors when expressing Russian interrogative sentences with IC-2] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia [The world of science, culture and education]*. 2020 Vyp. 4. № 83, P. 19–23.
4. Beloshapkova V.A., Bryzgunova E.A., et al. *Sovremennyi russkii iazyk: Ucheb. dlia filol. spets. un-tov* [Modern Russian language: Textbook] / V.A. Beloshapkova, E.A. Bryzgunova, E.A. Zemskaja, et al. / Pod red. V.A. Beloshapkovoi. M. Vyssh. Shk, 1989. 800 p.
5. Bryzgunova, E.A. *Vvodnyi fonetiko-razgovornyi kurs russkogo iazyka: Dlia nefilologov. Uchebnoe posobie*. [Introductory phonetic-conversational course of the Russian language: For non-philologists. Tutorial] / E.A. Bryzgunova. M. Russkii iazyk, 1986. 157 p.
6. Bryzgunova, E.A. *Zvuki i intonatsiia russkoi rechi*. [Sounds and intonation of Russian speech] / E.A. Bryzgunova. M. russkii iazyk, 1977. 279 p.
7. Bryzgunova, E.A. *Prakticheskaia fonetika i intonatsiia russkogo iazyka. Posobie dlia prepodavatelei, zanimaiushchihsia so studentami* [Practical Phonetics and Intonation of the Russian Language. A Manual for Teachers Working with Students] / E.A. Bryzgunova. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1963. 308 p.
8. Bryzgunova, E.A. *Emotsional'no-stilisticheskie razlichiiia russkoi zvuchashchei rechi*. [Emotional and stylistic differences in Russian sounding speech] / E.A. Bryzgunova. M. Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. 4 p.
9. Valipur, A. *Akusticheskaia i artikuliatsionnaia kharakteristika zvukov rechi russkogo iazyka*. [Acoustic and articulatory characteristics of speech sounds in the Russian language] // *Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji [Research in Contemporary World Literature]*. 2007. № 35, P. 75–89.

10. Durjagin, P.V. Foneticheskaia realizatsiia russkikh tonal'nykh aktsentov v kontekstakh sopostavitel'nogo voprosa i perechisleniia [The phonetic realization of Russian pitch accents in contrastive questions and enumeration contexts] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literature [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature]*. 2022, Vol. 19 № 1. P. 81–102.
11. Zemskaja, E.A. *Russkiy iazyk kak inostranny. Russkaia razgovornaia rech'. Lingvisticheskii analiz i problemy obucheniia* [Russian as a foreign language. Russian colloquial speech: linguistic analysis and study issued] / E.A. Zemskaja. M.: FLINTA, 2021. P. 240.
12. Kasatkin, L.L. Russkaia intonatsiia: tonal'nye kontury. [Russian intonation: tonal contours] // *Problemy fonetiki [Issues in Phonetics]*. 2007. Vol. 5. P. 250–266.
13. Knjazev, S.V., Pozharickaja. S.K. *Sovremenny russkiy literaturny iazyk: Fonetika, orfoepiia, grafika i orfografiia: Uchebnoe posobie dlia vuzov* [Modern Russian Literary Language: Phonetics, Orthoepy, Graphics and Orthography: A Textbook for Universities] / S.V. Knjazev, S.K. Pozharickaja. M.: Akademicheskii Proekt; Gaudeamus, 2011. 430 p.
14. Madaeni Avval A., Nadzhafi M.M. K voprosu ob interferentsii persidskogo iazyka v russkoi rechi uchashhikhsia-persov (Pervy opyt preodoleniia interferentsii) [On the issue of interference of the Persian language in the Russian speech of Persian students (First experience of overcoming interference)] // *Pazhuhesh-e Adabiyat-e Moaser-e Jahan. [Research in Contemporary World Literature]* 2004. № 19. P. 107–125.
15. Malysheva, E.G., Rogaleva O.S. *Sovremenny russkiy iazyk. Fonetika. Orfoepiia: uchebnoe posobie* [Modern Russian language. Phonetics. Orthoepy: a textbook] / E.G. Malysheva, O.S. Rogaleva. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2012. 172 p.
16. Matushevich, M.I. *Intonatsiia – Sovremenny russkiy iazyk, Fonetika, Ucheb, posobie dlia studentov ped, inst. po spetsial'nosti «Rus. jaz. i literatura»* [Intonation – Modern Russian Language, Phonetics, Textbook, manual for students of pedagogical institutes in the specialty “Russian language and literature”] / M.I. Matushevich. M.: «Prosveshhenie», 1976, <https://sci.house/grafika-orfografiya-fonetika-scibook/intonatsiya-85278.html> (accessed 10.11.2024)
17. Odintsova, I.V. *Zvuki. Ritmika. Intonatsiia. (+audioprilozhenie)*. [Sounds. Rhythm. Intonation. (+audio application)] / I.V. Odintsova. M. FLINTA, 2020. P. 368.
18. Piotrovskaja, L.A. Monotonnaia vs vyrazitel'naia ustnaia rech'. [Monotonous vs expressive oral speech]. // *Teoreticheskaia i prikladnaia lingvistika. [Theoretical and Applied Linguistics]*. 2015. Vol. 1. № 4, P. 64–75.
19. *Russkaia grammatika. T. 1: Fonetika. Fonologiiia. Udarenie. Intonatsiia. Slovoobrazovanie. Morfologiia.* [Russian grammar. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word formation. Morphology] / Gl. red. d. filol. n. N. Iu. Shvedova. M. Nauka. 1980. P. 783.
20. Sadykova, I.A. *Russkaia intonatsiia: uchebnoe posobie po fonetike dlia inostrannykh studentov i stazherov filologicheskikh spetsial'nostey* [Russian intonation: a textbook on phonetics for foreign students and trainees of philological specialties] / I.A. Sadykova. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2015. 64 p.
21. Svetozarova, N.D. 1982. *Intonatsionnaia sistema russkogo iazyka.* [Intonation system of the Russian language] / N.D. Svetozarova Leningrad. LGU, 1982. P. 176.
22. Sokolova, A. *Fonetika i fonologiiia russkogo iazyka* [Phonetics and Phonology of the Russian language] / A. Sokolova. Brno: Un-t Masarika, 2021. P. 84.
23. Tkach, T.G. *Postanovochno-korrektirovochny kurs prakticheskoi fonetiki russkogo iazyka dlia govoriashchikh na persidskom iazyke.* [Staged and corrective course of practical phonetics of the Russian language for Persian speakers]. / T.G. Tkach. SPb. Zlatoust, 2013. P. 107.
24. Tkach, T.G. *Lingvodidakticheskie osnovy obuchenija russkoj fonetike budushchikh filologov-rusistov v vysshey shkole Irana: dissertatsiia ... kandidata pedagogicheskikh nauk* [Lingvodidactic foundations of teaching Russian phonetics to future Philologists-Russianists in higher education in Iran: dissertation ... candidate of pedagogical sciences]. Moscow. 2010. 202 p.
25. Sadat-Tehrani, N. *The Intonational Grammar of Persian: Thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies of the University of Manitoba* / N. Sadat-Tehrani. Winnipeg. 2007. 298 p.
26. Islami, M. *Phonology: Analysis of the tone system of the Persian language.* / M. Islami. Tehran, Samt, 2018. P. 108.
27. Haqshenas, A. *Phonetics* / A. Haqshenas. Tehran. Agah, 2019. P. 192.
28. Dastamouz, S., Rasouli, M. Criticism of the phonetics training program at the undergraduate level of the Russian language in Iran. Necessities, problems and solutions // *Pizhuhish nāmāh-i intiqādi-i mutūn va barnāmāh hā-yi ulūm-i insāni [Critical Studies in Texts and Programs of Human Sciences]*, Institute for Humanities and Cultural Studies, 2018. Vol. 18. № 8, P. 75–96.
29. Mahoutian, Sh. *Persian grammar from the point of view of taxonomy*, translator: Mehdi Samai / Sh. Mahoutian. Tehran. Central Publishing, 2013. 366 p.
30. Mohammadi, M.R., Dad, M. Stress on Russian and Persian words and their interference from the perspective of Persian language learners // *jastarehaye zabani [Language Related Research]*. 2009. Vol. 1. № 3, P. 153–169.
31. Nosrati, A., Nabati, S., Estiri, M. Exploring the effect of interference on the phonetic errors committed by the Persian-speaking learners of Russian // *jastarehaye zabani [Language Related Research]*. 2021, Vol. 12. № 2, P. 599–628.
32. Vahidian, Kamiyar T. *Prosody: stress, intonation, pause in Farsi.* / T. Vahidian Kamiyar. Mashhad. Ferdowsi University of Mashhad, 2000. P. 224.
33. Valipour, A. *Phonetics of the Russian language.* / A. Valipour. Tehran. Samt, 2014. P. 183.

Сведения об авторе:

Азади Ройа*, аспирант филологии кафедры русского языка факультета иностранных языков и литературы Тегеранского университета. Сфера научных интересов: лингвистика, лингвокультурология, фонетика, билингвизм, методика обучения русскому языку как иностранному.

E-mail: Royaazadi1988@gmail.com

ORCID: 0009-0007-8798-766X

Валипур Алиреза, кандидат филологических наук, профессор Тегеранского университета. Сфера научных интересов: машинный перевод, сравнительно-историческое языкознание, фонетика и фонология, теория перевода, обработки текста при переводе, составления словаря и исследования религиозного языка и религиозного текста.

E-mail: alreva@ut.ac.ir

ORCID: 0000-0002-1533-1529

About the authors:

Roya Azadi is PhD student of Philology, Department of Russian Language, Faculty of Foreign Languages and Literature, at the University of Tehran. Research interests: linguistics, linguoculturology, phonetics, bilingualism, methods of teaching Russian as a foreign language.

E-mail: Royaazadi1988@gmail.com

ORCID: 0009-0007-8798-766X

Valipour Alireza, Candidate of Philology, is Professor at University of Tehran. Research interests: machine translation, comparative historical linguistics, phonetics and phonology, theory of translation, text processing during translation, compilation of a dictionary and study of religious language and religious text.

E-mail: alreva@ut.ac.ir

ORCID: 0000-0002-1533-1529

* * *

Semantization of Chinese Vocabulary in Russian-Language Media Texts of Belarus

Shengmin Zhu

Yanka Kupala State University of Grodno,
22, Ozheshko street, Grodno, 230025, Belarus

Abstract. The article attempts to characterize the ways Chinese words denoting realia are incorporated in Russian-language media texts and the methods used to describe the meanings of these words. The relevance of the research is determined, firstly, by the development of intercultural dialogue as a result of the intensification of international contacts in the global world, secondly, by the increasing importance of international journalism in the implementation of intercultural dialogue between partner countries, and thirdly, by the intensified penetration of Chineseisms into Russian speech mediated by media discourse. The purpose of this article is to identify and describe the main methods of Chinese vocabulary semantization, which are used by Belarusian media journalists when creating Russian-language media texts with different genre, thematic, and stylistic characteristics. The study draws on popular Belarusian websites texts published in the period from 2007 to 2024. The originality of the study lies in the fact that the vocabulary of Chinese origin presented in Russian-language texts of the Belarusian media is seen as a phenomenon of national Chinese culture; at the same time, the peculiarities of its use, including the character of semantization in the texts, are interpreted as professional creativity of Belarusian journalists who have a high level of knowledge of Russian as one of the state languages in Belarus. The author classifies widely used translation and non-translation methods of Chineseisms' semantization into direct translation, back-translation, translation-interpretation, defining the meaning of a word, using contextual synonyms, using a word or word combination that represents a generic concept, etc. The combination of linguocultural and discourse analysis of specific contexts allows us to see the specifics of different ways of Chineseisms' semantization in journalistic texts. It is shown that the discursive factors determining the journalist's choice of a Chinese word semantization are the subject, genre and authorship of the text, also, the word's belonging to a certain thematic group, and the word's belonging to a certain part of the text that has its own functional load. An attempt is made to comprehend the method of a Chinese word semantization in the context of professional and creative tasks solved by journalists.

Keywords: the Russian language, chineseism, vocabulary of Chinese origin, intercultural communication, ethno-cultural information, semantization of vocabulary, semantic acquisition of vocabulary, vocabulary semantization methods

For citation: : Zhu, Shengmin. (2025). Semantization of Chinese Vocabulary in the Russian-Language Media Texts of Belarus. *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(1), pp. 146–160. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-42-146-160>

Семантизация лексики китайского происхождения в русскоязычных текстах белорусских СМИ

Чжу Шэнминь

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
230025, Беларусь, Гродно, ул. Ожешко, 22

Аннотация. В статье предпринимается попытка охарактеризовать особенности передачи китайских слов-реалий в русскоязычных медиатекстах и выбираемые журналистами способы описания значений этих слов. Актуальность исследования обусловлена, во-первых, развитием межкультурного диалога как результата интенсификации международных контактов в современном глобальном мире, во-вторых, усилением значимости международной журналистики как инструмента реализации межкультурного диалога стран-партнёров, в-третьих, фиксируемой лингвистами тенденцией активизации опосредованного медиадискурсом проникновения китаизмов в русскую речь. Цель данной статьи заключается в выделении и описании основных способов семантизации лексики китайского происхождения, которые используются журналистами белорусских СМИ при создании русскоязычных медиатекстов с разными жанровыми, тематическими, стилистическими характеристиками. Материалом данного исследования послужили тексты на сайтах популярных белорусских сетевых изданий, опубликованные в период с 2007 по 2024 гг. Оригинальность исследования заключается в том, что лексика китайского происхождения, представленная в русскоязычных текстах белорусских СМИ, рассматривается как явление национальной китайской культуры, в то же время особенности её использования, в том числе характер семантизации в текстах, интерпретируются как свойства профессиональной творческой культуры белорусских журналистов, на высоком уровне владеющих русским языком как одним из государственных языков в Беларуси. Автором работы классифицируются активно используемые журналистами переводные и беспереvodные способы семантизации китаизмов: прямой перевод, обратный перевод, перевод-толкование, определение значения слова, употребление контекстуальных синонимов, использование слова или словосочетания, представляющего собой родовое понятие и т.д. Сочетание лингвокультурного и дискурсивного подходов к анализу конкретных контекстов позволяет увидеть специфику разных способов семантизации китаизмов в журналистских текстах. Показано, что в качестве основных лексико-семантических и дискурсивных факторов, обуславливающих выбор журналистом того или иного способа семантизации слов китайского происхождения, выступают тематика, жанр и авторство текста, принадлежность слова к определённой тематической группе, отнесённость слова к определённой композиционной части медиатекста, имеющей свою функциональную нагрузку. Предпринята попытка осмыслить выбор того или иного способа семантизации слова китайского происхождения в контексте решаемых журналистами профессионально-творческих задач.

Ключевые слова: русский язык, китаизм, лексика китайского происхождения, межкультурная коммуникация, этнокультурная информация, семантизация лексики, семантическое освоение лексики, способы семантизации лексики

Для цитирования: Чжу, Шэнминь. (2025). Семантизация лексики китайского происхождения в русскоязычных текстах белорусских СМИ. *Филологические науки в МГИМО*. 11(1), С. 146–160. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-41-146-160>

1. Введение

Средства массовой информации в современную глобальную эпоху выступают важными субъектами межкультурного диалога, благодаря деятельности которых читатели и зрители учатся узнавать, понимать и принимать реалии и ценности других национальных культур. Происходящее в последние 10 лет интенсивное расширение сотрудничества Российской Федерации и Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой обуславливает активную работу российских и белорусских журналистов-международников с «китайским» контентом. По итогам общения с китайскими политиками, бизнесменами, деятелями культуры, в результате командировок в КНР и т.д. журналисты совершенствуют свои знания о национальной культуре Китая, формируют своё ценностное отношение к далёкой восточной стране и её жителям, а затем передают свои когнитивные представления и эмоциональные впечатления читательской аудитории. Как следствие, одним из результатов «когнитивно-дискурсивной деятельности публицистов становится текст, воплощающий в себе закодированные русскими языковыми средствами фрагменты китайской национальной картины мира» [26, с. 25]; влияние публицистической мысли на формирование «образов восприятия этносами друг друга» сложно переоценить [11, с. 212]. Лексика китайского происхождения в русскоязычном медиадискурсе представляет собой особое лингвокультурное явление, приобретающее всё большую значимость в текстах разной тематики и разных жанров [14]. Отмечаемый на протяжении последних 30 лет рост в белорусских СМИ публикаций о Китае и обо всём, что так или иначе связано с Китаем, приводит к расширению в русском языке белорусских СМИ слов китайского происхождения. Учёные предполагают, что развитие глобального медиaprостранства с одновременным расширением сотрудничества русскоязычных стран с Китаем приведёт к «непрогнозируемому, но неизбежному расширению массива» китайских слов и выражений в русском языке [25, с. 104], [5, с. 225]. В то же время исследования о характере и глубине проникновения китайской лексики в тексты русскоязычных СМИ только начинаются. Так, С. В. Ильясова и А. Ю. Болотова отмечают тенденцию активного медиаопосредованного проникновения китаизмов в русскую речь [12], Ян Си характеризует китаизмы в русском языке СМИ как маркеры наиболее значимых контактов между Россией и Китаем в определённые исторические периоды [28]. Ж. К. Дарбаева указывает, что «регулярное использование в газетном узусе новых, неусвоенных китаизмов ставит проблему их семантизации, так как семантизация является единственным средством скорейшей адаптации иноязычных слов в системе русского языка» [9, с. 61]. Ин Суй и В. М. Шаклеин проводят сопоставление разных способов передачи китайских слов-реалий в русскоязычных публицистических текстах и обсуждают преимущества и недостатки этих способов [13].

Белорусская и китайская культуры сильно различаются, что требует от журналистов особого мастерства в презентации реалий страны-партнёра. Как известно, при включении в текст мало-знакомых, непонятных или новых для читательской аудитории, недавно заимствованных слов журналисты, чтобы обеспечить доступность излагаемой информации, прибегают к различным способам семантизации лексики, стараясь при этом добиваться «логической, фактической и языково-стилистической правильности и точности» [19, с. 57]. Задача перед журналистом, рассказывающим о реалиях другой национальной культуры и использующим слово иноязычного происхождения, стоит непростая, а результат её решения свидетельствует о коммуникативной компетентности автора медиатекста. По замечанию Г. В. Бабиной, «действия семантизации являются важными компонентами метаязыковой способности говорящего»; и эти действия в значительной мере определяют успешность диалога между автором и его читателем, поскольку «при употреблении языковых единиц в речи говорящий передаёт собеседнику не столько общие знания концептов, сколько конкретные смыслы» [3, с. 169]. Проводимая автором текста семантизация слова способствует активизации у адресата «определённого концепта (как когнитивного контекста)», и это становится основой для формирования актуализируемого в ситуации и контексте смысла слова [там же, с. 170]. Таким образом, наблюдения за приёмами включения в медиатекст

лексики китайского происхождения и за способами её семантизации позволяют обнаружить особенности профессионального метаязыкового сознания журналистов, необходимого для успешной реализации профессионально-творческой деятельности «знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их формальной и смысловой соотносительности», о их функциональном потенциале в разных жанрах и дискурсах [23, с. 47].

Под семантизацией понимается раскрытие значения слова, «наделение смыслом», «извлечение смысла» лексической единицы [7, с. 60], «процесс и результат сообщения необходимых сведений о значении слова» [21, с. 47], реализуемые с помощью разных стратегий – например, стратегий словарных толкований: «дефиниционной, описательной, ассоциативной, контекстной, мотивационной, отсылочной» [8]. Каждая из указанных стратегий семантизации представляет собой «закономерный способ мыслительного действия, в результате которого происходит осмысление и толкование значения слова» [22, с. 120]. Проблема семантизации лексики основательно изучена в работах по лексикографической проблематике – с точки зрения разработки оптимальных дефиниций и толкований слов (Ю.Д. Апресян, О.С. Ахманова, В.Д. Девкин, В.Г. Гак, О.В. Загоровская, М.Н. Никитин, А.М. Плотникова, И.А. Стернин, Д.Н. Шмелев и др.), в методике преподавания языков – в аспекте усвоения обучающимися иноязычной лексики (Н.Г. Пирогова, А.М. Лесохина, Б.В. Беляев, К. Г. Чикнаверова и др.), в психолингвистике – с повышенным вниманием к смыслу слова как элементу индивидуальной, обыденной, «стихийно-народной» картины мира (Н.Б. Глотова, Ю.Н. Караулов, Л.Х. Сарамотина, Т.Ю. Сатучина и др.), а также в работах, посвящённых идиостилиям авторов художественных произведений (Т.Н. Волынец, В.Д. Стариченок, Т.А. Трипольская, И.В. Якушевич и др.), однако мало исследована в теории профессиональной речевой деятельности журналиста и в медиалингвистике. Вследствие всего вышесказанного заявленная в статье научная проблема представляется **актуальной**.

Целью данного исследования является выявление и описание основных способов семантизации лексики китайского происхождения, которые используются журналистами белорусских СМИ при создании русскоязычных текстов. **Теоретическая значимость** статьи заключается в том, что проведённый анализ речевого материала расширяет представления о роли и специфике иноязычной лексики в медиадискурсе. **Практическая значимость** исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в практике изучения речеведческих дисциплин студентами специальности «Журналистика» и в редакторской практике работников СМИ.

2. Материал и методы исследования

В качестве материала исследования использованы русскоязычные тексты белорусских сетевых изданий (то есть интернет-ресурсов, официально зарегистрированных в качестве СМИ) belnovosti.by, mlyn.by, sb.by, tochka.by, опубликованные в период с 2007 по 2024 гг. Выбор указанных сетевых изданий обусловлен тем, что они популярны среди массовой аудитории, при этом отличаются друг от друга своими типологическими характеристиками, и, соответственно, обладают высокой степенью репрезентативности относительно всей национальной медиасистемы Республики Беларусь.

Исследование выполнено в рамках антропоцентрической парадигмы, следует **лингвокультурному и дискурсивному подходам**: лексика китайского происхождения, представленная в русскоязычных текстах белорусских СМИ, рассматривается как явление национальной китайской культуры, в то же время особенности её использования, в том числе характер семантизации в текстах, интерпретируются как свойства профессиональной творческой культуры белорусских журналистов, на высоком уровне владеющих русским языком как одним из государственных языков в Беларуси. Китайская национальная культура, являющаяся одной из уникальных и давно сложившихся культур мира, в последние годы привлекает всё большее внимание зарубежных СМИ. Одновременно с ростом международного влияния Китая увеличивается и распространение китайской культуры. Лексика китайского происхождения в русскоязычном дискурсе белорусских СМИ представляет собой особое лингвокультурное явление, приобретающее всё

большую значимость в текстах разной тематики и разных жанров. Известно, что употребление одного и того же слова в разных дискурсах отличается, поэтому в данной работе учитывается специфика медиадискурса и медиаречи.

На первом этапе исследования с помощью поисковых систем на сайтах рассматриваемых сетевых изданий осуществлялся **сбор речевого материала**. Используемая в русской речи лексика китайского происхождения обладает разной степенью освоенности в языке-реципиенте. Есть целый ряд слов, которые давно заимствованы русским языком и его носителям хорошо понятны (*чай, женшень, жемчуг* и т.д.). Вэн Цзятун называет такие слова «скрытыми китаизмами, которые носители языка используют при описании реалий русской и зарубежной жизни, но не связывают с Китаем» [24, с. 23]. В связи с этим для проведения анализа были выбраны слова, которые, с одной стороны, не зафиксированы в словарях русского языка или вошли только в словари иностранных слов, а с другой стороны, обладают эффектом новизны и/или экзотичности для аудитории белорусских СМИ, а значит, требуют особых условий для их включения в русскоязычные медиатексты: *баоцзы* (кит. 包子) ‘небольшой пирожок на пару’; *кан* (кит. 炕) ‘традиционная китайская кровать’; *кунфу* (кит. 功夫) ‘древнее китайское боевое искусство’; *лонган* (кит. 龙眼, также 桂圆) ‘вечнозелёное дерево и его плод, известен как «глаз дракона», отличается сладкими и небольшими плодами’; *сяокан* (кит. 小康) ‘малое благоденствие; идеальное общество’; *тайцзи* (кит. 太极) ‘вид боевого искусства’; *танграм* (кит. 七巧板) ‘головоломка, состоящая из семи плоских фигур квадрата’; *тофу* (кит. 豆腐) ‘продукт из сои, насыщенный высококачественным белком’; *ушу* (кит. 武术) ‘общее название для китайских боевых искусств’; *фэншуй* (кит. 风水) ‘даосская практика символической организации пространства’; *хого* (кит. 火锅) ‘традиционное китайское блюдо; китайская посуда с двумя доньями и встроенной печью для разогрева блюда’; *хутун* (кит. 胡同) ‘тип средневековой китайской городской застройки’; *чжунюн* (кит. 中庸) ‘гармония срединного, взаимодополняющего пути’; *юэбин* (кит. 月饼) ‘пряник со сладкой начинкой’ и др. Как видно из представленного перечня, отбирались слова из разных тематических групп, при этом при сборе речевого материала учитывалось присутствие в медиатекстах разных написаний одного и того же слова (например, *тайцзи, тай-цзи, тайчи, тай-чи, тайдзи; фэншуй, феншуй, фэншуй, фэн-шуй; кунфу, кун-фу, кунг-фу, гунфу; тайцзи, тайцзицюань, тайцзи-цюань*). Как известно, все китайские заимствования в русском языке фонетической и грамматической (значительно реже – семантической) ассимиляции, при этом использование разных способов заимствования (транскрипции и транслитерации) может приводить к существованию графических вариантов китаизмов: *кунфу* – транскрипция из кантонской группы диалектов, *гунфу* – транскрипция из официального языка Китая, *кунг-фу* – транслитерация через английский язык. Известным российским учёным А.Н. Алексахиним разработаны стандарты записи средствами русского алфавита заимствуемых китайских слов [1], чему способствовала разработанная учёным звукофонемная теория фонологической системы китайского языка путунхуа и китайских региональных языков. По словам А. Н. Алексахина, «полувековое существование звукобуквенного стандарта слов китайского языка путунхуа на основе латинских букв помогает преодолевать “китайскую стену”, образуемую “глухонемой” иероглифической письменностью» [2, с. 135]. При этом в речевых практиках журналистов (и даже в постепенно складываемом узусе относительно заимствования из восточных языков) обнаруживается несоблюдение разработанных и апробированных учёными стандартов. Во всех представленных ниже примерах из текстов белорусских СМИ сохраняется их исходное орфографическое и пунктуационное оформление¹.

¹ Хотим выразить признательность рецензенту, указавшему на важность анализа неодинаковых буквенных форм орфограмм заимствованных китаизмов, в том числе с учётом того, что в китаеведной литературе предложены соответствующие рекомендации для преодоления указанного разнобоя. Объём и задачи данной статьи не позволили нам остановиться на рассмотрении актуального для современной речевой практики вопроса, мы полностью согласны с рецензентом, что такой анализ необходим, и планируем его провести в рамках дальнейшего исследования.

Объём выборки, признанный достаточным для цели данного исследования, был ограничен 14 словами и 250 словоупотреблениями. Для каждого выбранного контекста фиксировались такие параметры, как тема и подтема текста (например: политика – отношения двух стран), жанр текста (например: репортаж, комментарий), авторская принадлежность конкретного предложения с искомой лексической единицей (например: журналист, эксперт, герой публикации), а также отнесённость этих предложений к определённой композиционной части текста (например: лид, отступление, концовка). Предполагалось, что данные параметры могут выступать в качестве дискурсивных факторов, обуславливающих выбор журналистом (или другим автором) способа семантизации слова китайского происхождения.

На втором этапе проводился контекстуальный анализ китаизмов и семантизирующих высказываний журналистов, отражающих особенности репрезентации значения слова в конкретном контексте. В качестве исходной теоретической установки при этом использовалось положение о различии между значением слова как его абстрактным языковым содержанием и смыслом этого же слова как конкретно-ситуативным (речевым, актуальным, прагматическим) содержанием в речи [15]. Далее семантизация, представленная в анализируемых контекстах, соотносилась со значениями слов, зафиксированными в толковых словарях китайского языка и в словарях иностранных слов русского языка. Следует подчеркнуть, что количественный и качественный состав лексики китайского происхождения, а также способы её толкования в словарях различаются. Кроме того, в современных медиатекстах есть слова, которые пока не включены в словари, хоть и активно употребляются носителями русского языка, и слова, которые, возможно, так и останутся в речевой практике в качестве иноязычных вкраплений. Так, в «Словаре иностранных слов» Н.Г. Комлева (2000) зафиксированы 17 слов китайского происхождения (*гаолян, гоминьдан, даосизм, дацзыбао, джонка, женьшень, каолин, локва, тайпины, тайфун, теин, тунг, хунвэйбины, цзаофани, чай, чау-чау, чесуча*)²; в «Словаре иностранных слов современного русского языка» Т.В. Егоровой (2014) – 11 (*гаолян, дацзыбао, джонка, женьшень, кунг-фу / кун-фу, тайпин, тайфун, теин, хунвэйбин, чай, чесуча*)³; в «Новом словаре иностранных слов» Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комаровой, И.В. Нечаевой (2008) – 41 (*байховый, гаолян, гохуа, дао, даосизм, дацзыбао, джонка, женьшень, жэнь, инь и ян, каолин, кинкан, локва, лоу, лян, тайпины, тайфун, теин, тунг, кэсы, лагман, ушу, фанза, фу, фэншуй, ханшин, хуа-няо, хуацяо, хунвейбины, цзаофани, ци, цигун, цинь, цы, чау-чау, чесуча, шань-шуй, шарпей, шиацу, юань*)⁴. Словари показывают, что большая часть слов, пришедших в русский язык из китайского, представляет собой экзотическую, безэквивалентную лексику.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Заимствование, как известно, является естественным процессом для всех языков, носители которых вступают друг с другом во взаимодействие, однако характер этого процесса в медиадискурсе имеет особый характер. В русскоязычных текстах СМИ, наряду с продолжающимся интенсивным проникновением англицизмов, наблюдается рост китайской лексики (китаизмов) [12]. Условиями для контактирования русского и китайского языков в медиaprостранстве Беларуси выступают усиление мировой позиции КНР, новый уровень всестороннего стратегического партнёрства Беларуси и Китая, рост интереса жителей Беларуси к культуре Китая, близость политических, социальных и экономических процессов, происходящих в двух странах, мода на изучение китайского языка, системная политика КНР по продвижению китайского языка в мире,

² Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.

³ Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т.В. Егорова. М.: «Аделант», 2014. 800 с.

⁴ Захаренко Е.Н. Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний / Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комарова, И.В. Нечаева. 3-е изд., испр. и доп. М.: ООО ИФ «Азбуквник», 2008. 1040 с.

активное развитие международной журналистики. Под лексикой китайского происхождения понимается широкий класс слов разной степени освоенности: заимствования, которые вошли в регулярную речевую практику носителей русского языка и не воспринимаются как элементы чужой лингвокультуры, экзотизмы, которые обозначают специфические китайские реалии и придают текстам национально-исторический колорит, отдельные вкрапления.

Наблюдения показывают, что русскоязычные тексты белорусских СМИ о Китае и китайской культуре, о сотрудничестве двух стран и дружбе двух народов насыщены лексикой высокого пафоса, ценностно нагруженными метафорами и эпитетами, что, безусловно, маркирует уровень «железного братства» в отношениях двух государств, как, например, в следующих перифразатопонимах: *Что больше всего поразило гостей из Поднебесной в Синеокой?* (sb.by. 11.01.2024). Культурные реалии Китая активно проникают в повседневные и праздничные практики белорусов, о чём красноречиво свидетельствуют тексты СМИ: *Национальные танцы, ушу, китайская каллиграфия, чайная церемония и многое другое. Взгляните, как минчане отпраздновали День культуры Китая* (belnovosti.by. 05.10.2019); *Не стоит недооценивать пользу и вкус незнакомых продуктов: тофу является одним из самых интересных вариантов для оливье* (belnovosti.by. 17.03.2024).

Семантизация слов китайского происхождения в медиатекстах может преследовать разные цели. Так, А.В. Батулина предлагает рассматривать две функциональные разновидности метаязыковых контекстов при заимствованных (иноязычных) словах: «коммуникативные рефлексивы, призванные обеспечить интеллектуальный комфорт массовому читателю, и концептуальные рефлексивы, являющиеся средством выражения мировоззренческих установок автора» [4, с. 137]. Представляется, что семантизация с точки зрения коммуникативных приоритетов речевой ситуации, отражённых в тексте, действительно может иметь адресантно- или адресатоцентричный характер, а также проявляться синкретично. При описании значения китаизмов журналист руководствуется интенциональной, тематической, жанрово-стилистической спецификой текста и ориентируется на (обыденные) знания своего целевого читателя, находя компромисс между научным и наивным, полным и контекстуально-актуализированным, объективным и субъективным толкованием слова. Так, если в словаре Т. В. Егоровой⁵ слово *кунфу* (в указанном источнике предложены автором два варианта написания – *кунг-фу* и *кун-фу*) толкуется как «китайская система самозащиты без оружия (спорт.); спортивная борьба; система оздоровительной гимнастики» – здесь мы видим логическую структуру значения и «прототипический профиль слова» [19, с. 48], то в журналистском тексте пояснения значения слова актуализированные, контекстуально мотивированные и рассчитанные, прежде всего, на качество читательского восприятия – быстроту узнаваемость, доступность, ассоциативность, а также связь с основными проблемно-тематической и идейно-концептуальной линиями текста: *Кунг-фу для меня – это не желание стать самым сильным. Это стремление научиться справляться с волнением, держать всё под контролем даже в самых сложных ситуациях* (sb.by. 17.10.2019); *Кунг-фу – это целый мир, который помогает человеку идти по своему жизненному пути* (tochka.by. 12.05.2022). Вперёд выдвигаются потенциальные семы, в фокусе внимания оказываются те компоненты значения, которые отражают не столько реальные свойства объекта, сколько ассоциативные признаки, приписываемые ему в данном лингвокультурном сообществе [27, с. 25], [17, с. 161] или данным субъектом коммуникации [4], [11]. Разнообразие семантизации возникает в медиадискурсе в том числе благодаря широкому авторству соответствующих высказываний: например, в выше представленных примерах субъектами семантизации выступают не журналисты, а герои публикаций с разным социальным статусом и разным жизненным опытом, разной осведомлённостью о китайских реалиях.

При этом следует отметить, что есть группа китаизмов, которые чаще всего журналисты в анализируемых текстах использовали без какого-либо пояснения (семантизации) для своих читателей. Это китайские наименования продуктов питания и блюд, отражающие относительно новые,

⁵ Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т.В. Егорова. М.: «Аделант», 2014. С. 363.

но популярные и модные (особенно среди молодёжи) явления в жизни белорусского общества, например: *Здесь можно не только попробовать бабл ти, но и угоститься полноценными блюдами азиатской кухни. В меню есть лапша, баоцзы и традиционные десерты* (tochka.by. 15.06.2023); *Блюда с каких-то вывесок вовсе было уместно искать если не в толковом словаре, то в экзотической кулинарной книге: фейжоада, ролл берберский, баоцзы, самосы, греческий гирос, карривурст из свинины* (sb.by. 19.05.2018); *В эти дни жители Лучжоу (китайская провинция Сычуань) заняты сбором свежих плодов лонгана* (sb.by. 31.08.2023); *Такие фрукты как лимон, банан, инжир, драконий фрукт, фейхоа, лонган и многие другие мы привыкли получать из-за границы. Целые фуры везут к нам экзотические лакомства. Но можно ли себе представить, что в теплице Марьиногорской гимназии Пуховичского района все эти растения растут и благоприятно развиваются, как и на родине в южных странах* (mlyn.by. 19.04.2023). Из этого можем сделать заключение, что многие исконно китайские продукты питания и блюда, а также их названия уже знакомы белорусам. Кроме того, гастрономический (кулинарный) дискурс оказывается по-настоящему глобализированным [20], ведь в представленных выше контекстах используются и названия из других языков, которые ещё не вошли в русский язык. Приблизительное понимание (догадка о значении) китаизма обеспечивается для всех читателей текста благодаря тому, что китайское слово включается в перечислительный ряд слов из общей тематической группы.

Проведённый нами анализ 250 словоупотреблений показал, что журналисты использовали переводные и непереводные способы семантизации: прямой перевод и перевод-толкование, дефиниционную и описательную семантизацию, логические толкования, указывающие на ближайшее родовое понятие, и эквивалентные, отсылающие к синонимам, а также ассоциативно-отсылочные пояснения в расчёте на фоновые знания аудитории. Рассмотрим далее каждый из способов с учётом речевого контекста и дискурсивных условий.

Прямой перевод китаизма на русский язык (соотносимый с дефиниционной стратегией семантизации) применялся, как правило, при использовании общественно-политической лексики в текстах аналитической группы жанров, например: *Речь о двух столетних юбилеях: КПК в 2020 году и КНР в 2049-м. Ориентируясь на эти даты, одну из которых уже преодолели, в Поднебесной осуществляют построение сяокан, что обычно переводится как умеренно процветающее общество* (sb.by. 18.10.2022); *Ближайшая цель общественного развития теперь не коммунизм, а «сяокан» (общество средней зажиточности), вместо революции – «чжунюнь» («срединный путь»), вместо классовой борьбы – формула о человеке как высшей ценности* (sb.by. 13.10.2017). Это экономный способ семантизации иноязычных слов, не требующих больших усилий; цель автора текста – «установление соответствия содержания языковой единицы отображаемой реальности (что есть что)» [16, с. 95], при этом понятийное содержание слова полностью не раскрывается, а актуализируется только ключевой дифференциальный признак понятия. Журналисту для корректного перевода слова сяокан требуется чёткое знание историко-культурного контекста того события, о котором он пишет, так как в разные периоды социальной истории Китая оно имело разный понятийный объём: «Ещё древнекитайские мыслители утверждали, что именно “сяокан” – это модель идеального общества <...> В настоящее время страна строит общество “среднего достатка” <...> В трактовке Конфуция это понятие означало “общество малого благоденствия”. Дэн Сяопин применительно к современному Китаю назвал это “общество средней зажиточности”» [6, с. 36].

Журналисты также применяют приём так называемого **обратного (реверсивного) перевода**, когда журналист сначала предлагает читателю перевод мало знакомого читателю китайского слова на русский язык, а затем фиксирует само китайского слово, выступающее своего рода национально-маркированным уточнением к русскому слову или словосочетанию, например: *В стране, как заявил Генеральный секретарь ЦК КПК товарищ Си Цзиньпин, построено среднезажиточное общество, сяокан* (sb.by. 13.11.2023); *Полная луна символизирует воссоединение семьи, поэтому люди в день праздника проводят время с близкими, любят лунным луном и едят лунные пряники (юэбин)* (sb.by. 25.09.2024).

Перевод-толкование, когда автором используются сразу несколько усиливающих друг друга способов семантизации, встречался в журналистских текстах реже, при этом журналисты могут дополнительно включать в семантизирующий комментарий необходимые, по его мнению, лингвистические: этимологические, лексико-грамматические, функциональные, ортологические – сведения о словах, например: Термин «*средняя зажиточность*», или «*сяокан*» по-китайски, *происходит из древнекитайской «Книги песен» («Шицзин»)*. *Обеспеченная жизнь – это простой идеал, к которому китайский народ стремился на протяжении тысячелетий* (sb.by. 06.11.2021); *По сути, ушу и кунг-фу применительно к боевым искусствам являются синонимами. Ушу состоит из двух иероглифов: «у» – военный, боевой и «шу» – техника, соответственно, переводится как «боевые искусства», а кунг-фу (правильнее даже гунфу) означает «мастерство» и вообще может употребляться не только к боевому искусству, но и, например, к талантливому музыканту или повару* (sb.by. 06.11.2021). В данных примерах мы обнаруживаем и понятийное толкование слов, и элементы их лингвистического описания.

Определение значения слова как способ семантизации (так называемая описательная стратегия) применяется в репортажных, нарративных текстах с намеренной актуализацией национально-культурного компонента, при этом журналисты могли выбирать разную степень детализации характерных признаков описываемого объекта, например: *Си Цзиньпин навестил бедные семьи в сельской провинции Хэбэй и посетил дом Гу Чэнху, где, сидя на кане (отапливаемая кровать из кирпичей и глины), побеседовал с ним* (sb.by. 20.03.2023); *Однажды Си Цзиньпин побывал в гостях в одном из пекинских хутунов (тип традиционной средневековой городской застройки в китайской столице), где вместе с членами одной из семей он, засучив рукава, лепил пельмени* (sb.by. 20.03.2023); *Тофу – это особый вид сыра, который изготавливается на основе сои. Первыми его начали употреблять азиаты, где он и является одним из самых популярных видов пищи и по сей день* (belnovosti.by. 29.06.2020); *Посетитель одного из ресторанов известной китайской сети Haidilao уронил свою зажигалку в суп, когда передавал её другу. Официантка попробовала вынуть её черпаком из супа хого – бульона в котелке, который закипает прямо на столе, куда можно положить лапшу, мясо, тофу и овощи. Но из-за большой температуры зажигалка взорвалась* (sb.by. 24.05.2024). Описание значения «объективирует авторское представление об агнонимичности иноязычного слова» [4, с. 142] и осуществляется через перечисление ряда отличительных признаков описываемого объекта, которые позволяют создать в тексте его портрет (образ). В основе такого типа толкования, используемого в отношении конкретной лексики, лежат наглядно-образные представления о явлениях действительности. Создание в русскоязычном медиатексте образа объекта, называемого китайским словом, может реализовываться на основе привлечения зрительных, слуховых, тактильных и обонятельных представлений читателей текста. Как правило, журналисты апеллируют к зрительным представлениям, то есть используют приём вербальной визуализации, например: *Танграм состоит из пяти треугольников разных размеров, неправильного четырёхугольника и квадрата. Их можно сложить в различные фигуры растений, животных, машин. А можно сложить в большой прямоугольник, но это не так-то просто* (sb.by. 17.07.2021). При этом внимание сосредоточено на максимально доступном для зрительного воображения читателей отражении денотата языкового знака.

По данным проанализированного речевого материала, одним из самых популярных у журналистов способов семантизации лексики китайского происхождения является **использование контекстуальных синонимов** – то есть замена китайского слова соответствующим, близким по значению в условиях конкретного контекста словом русского языка, например: *Если раньше дети ели тофу – это такой соевый творог, растительный белок, то сейчас они налегают на курицу* (mlyn.by. 15.09.2024); *Богатое наследие создало отличительные особенности культуры Чэнду: это и острое горячее «хого» (китайский самовар), и стремительно развивающиеся технологии, и изумительные большие панды* (sb.by. 28.08.2024); *Прямо сейчас сижу в своём общежитии, ем баоцзы (это такие большие пельмени) с тыквой и невыносимо скучаю по маминым котлетам, картошке и супчикам* (sb.by. 26.10.2017); *Кан, между прочим, – китайский аналог нашей печки, большая кирпичная лежанка, подогреваемая дымом от кухонных котлов* (sb.by. 25.10.2007). Такой способ

ассоциативно-отсылочной семантизации в медиадискурсе – в том числе с опорой на национально- и культурно-маркированную русскую лексику – особенно интересен, так как по сути демонстрирует собой реализацию межкультурной коммуникации, когда журналист пытается увидеть общее в столь разных культурах и показать это сходство своим читателям. При этом автор текста проявляет особенности своего профессионального метаязыкового сознания и демонстрирует свою лингвистическую компетентность – понимание того, что читатель, сталкиваясь в тексте с малознакомыми или незнакомыми иноязычными словами, в попытке интерпретировать их содержание «опирается на эталоны сознания, сформированные в его родной лингвокультуре, коррелятами которых являются номинативные единицы (слова)» [18, с. 100]. Автор текста фактически продуцирует практики обыденной семантизации китайской лексики, наиболее доступной массовой читательской аудитории. Как известно, сложнее всего семантизировать безэквивалентную лексику [10]. Техника ассоциативных связей, как известно, широко применяется в риторике, так как позволяет апеллировать к фоновым знаниям аудитории: для человеческой памяти характерно быстрее и прочнее запоминать то, что находится во взаимосвязи с уже известным и близким.

Журналисты белорусских СМИ обращаются и к так называемой логической семантизации, в частности, к **использованию слова или словосочетания, представляющего собой более общее, родовое понятие** по отношению к китаизму, например: *Тренера по йоге Амоли, работающего в рамках программы по культурному обмену между Китаем и Индией, интересует древнее китайское боевое искусство тайцзи, и он часто стремится получить информацию о нём у своих китайских студентов и друзей* (sb.by. 15.05.2024); *Мастер-классы прошли в фойе актовом зала МГЛУ. Они помогли гостям мероприятия глубже погрузиться в китайскую культуру, узнать больше про её особенности и лично попробовать себя в каких-то сферах искусства. Например, были представлены каллиграфия, живопись, тайцзицюань (боевые искусства), танграм (китайская головоломка)* (sb.by. 25.09.2024); *Есть и лонган. Если кто не знал, это вечнозелёное дерево семейства Сапиндовых, особенно распространено в Таиланде* (tochka.by. 19.04.2023). Журналист подводит семантизируемое понятие под более широкое, опираясь на логические отношения «род – вид».

Семантизации китаизмов в журналистских текстах способствует речевая актуализация их парадигматических и синтагматических связей и отдельных смысловых элементов в семантической структуре конкретного слова (денотативных, сигнификативных, фоновых, ситуационных), например: *Маша постигает здесь премудрости кун-фу уже шесть лет* (sb.by. 24.03.2020); *О прикладной науке эргономике всё чаще говорят как о «западном фэн-шуй». Ведь гармоничное устройство рабочей зоны сохраняет главное – человеческий капитал компании, предприятия, фирмы* (sb.by. 09.04.2014).

Как известно, есть сильные позиции журналистского текста, которые по сути формируют его заголовочно-финальный комплекс: рубрика, заголовок, подзаголовок, лид (первый абзац), врезка (отдельно свёрстанная часть текста) и т. д. Вынесение слова китайского происхождения на сильные позиции текста придаёт ему концептуальный характер, а дополнение слова элементами его семантизации эту концептуальность только усиливает, например: заголовок *Дачный «фэншуй»* (sb.by. 02.04.2019); внутренний заголовок в тексте *А розы вырастут по фэншуй!* (sb.by. 18.12.2018); заголовок и подзаголовок *Фэншуй по всем правилам. Когда дизайн оборачивается штрафом?* (sb.by. 06.05.2016); заголовок и подзаголовок *Заселение по фэн-шуй. На строительство отеля «Пекин» потрачено более 100 миллионов долларов* (sb.by. 29.09.2014).

Следует признать, что при использовании слов китайского происхождения, в первую очередь тех, которые принадлежат к так называемой безэквивалентной лексике, журналисты не могут обеспечить с помощью семантизации всю глубину понимания их значений. Такие слова в своей семантике содержат большое число культурных компонентов, о которых имеет представление только носитель китайской лингвокультуры. Одна из основных трудностей, связанных с семантизацией слова китайского происхождения, – это его многозначность. Задача журналиста в таком случае – выделить только один-два смысловых компонента в значении слова, которые

соответствуют интенциям текстовой коммуникации. Для автора медиатекста важнее, чтобы читатель понял содержание всего текста, и слово-китаизм – это только один из элементов в его смысловой структуре.

Журналист благодаря выбору того или иного способа семантизации может решать следующие профессионально-творческие задачи:

1) актуализировать или расширять фоновые знания аудитории, не являющиеся необходимыми для идентификации обозначаемого объекта, но позволяющие составить его целостный и при этом культурно-маркированный образ [15, с. 163]: *Итак, Пекин, 5 декабря. В 15.30 – начало экскурсии по «хутуну». <...> Сразу же поясню читателям, что такое «хутун». Это очень узенькие переулки старинных городских кварталов. <...> Вот тут и важный смысл практичности китайцев. «Хутун» – это своеобразная экзотика, и из неё, при рациональном подходе, можно извлечь немалую выгоду. Китайцы так и делают* (sb.by. 23.04.2008);

2) вводить дополнительные коннотации, важные для идейно-концептуального и проблемно-тематического содержания конкретного текста, например: *Можно часами говорить о том, что в век пистолетов и автоматов боевые искусства стали неактуальны, но не стоит забывать, что техники ближнего боя – это не только трюки и приёмы, но и сверхчеловеческая выносливость, молниеносная реакция, мощная физическая подготовка. Так что определённо в этом всё имеет смысл. Важно помнить главное: философия кунг-фу выступает за поддержание мира и созидания, а не агрессии и насилия* (mln.by. 05.03.2023) – см. также заголовок цитируемого текста: *Боевые искусства в Китае превращают людей в элиту;*

3) акцентировать национально-культурный компонент в значении слова для создания в тексте национально-культурного колорита и исторического контекста: *Начинался он в конце 1190-х с окошка в хутуне напротив российского посольства. Хутуны – это старый Пекин, серые одноэтажные здания без горячей воды и туалетов. Когда-то почти вся столица так жила, но перед Олимпиадой-2008 большинство хутунов снесли. Так вот, окошко в том хутуне принадлежало одной весьма немолодой, но предприимчивой китаянке* (sb.by. 12.06.2014);

4) осуществлять дополнительное аксиологическое маркирование слова и стоящего за ним понятия, выражая собственную оценку и вызывая необходимое эмоционально-оценочное отношение читательской аудитории: *Тайцзицюань – один из видов китайского традиционного боевого искусства ушу, в котором используются древние китайские теории «Инь Ян» и «Тайцзи». Сегодня во всём мире возрождают и исследуют это уникальное искусство целостного совершенствования человека и раскрытия его удивительного потенциала* (sb.by. 30.04.2024); *Тофу. Этот продукт приобрёл мировую известность благодаря азиатской кухне. Эффективный соевый сыр входит в постоянное меню японцев* (belnovosti.by. 14.04.2024); *Буду угощать своих учеников юэбинами – знаменитыми китайскими лунными пряниками* (sb.by. 05.09.2024).

Следует отметить, что повышение степени освоенности слов китайского происхождения в русском языке и в разных дискурсивных практиках носителей русского языка приводит к тому, что китаизмы используются в переносных значениях – для описания различных ситуаций в других странах (часто такое активное освоение идёт через массовую поп-культуру). Рассмотрим контексты, в которых прослеживается семантическая динамика слова *кунфу* (в проанализированных текстах преимущественно используется написание *кунг-фу*): (а) использование слова с семантическим сдвигом в его значении и одновременно актуализацией иронического подтекста – ‘уличная драка с размахиванием руками и ногами, имитирующая стиль восточного единоборства’: *Кунг-фу минских жэсовцев попало на видео. Пользователь YouTube опубликовал видео, на котором двое мужчин в форме сотрудников ЖЭСа демонстрируют свои способности «кунг-фу» в одном из минских дворов. Инцидент произошёл 23 февраля. Мужчина случайно заснял драку минских работников и поделился в Сети* (belnovosti.by. 24.02.2019); (б) употребление слова с сужением значения – ‘искусство борьбы с особой боевой техникой с сочетанием плавных движений и прямых, взрывных ударов’: *Богомол – хищник. Причём хищник пассивно-агрессивный... Этого «кузнечика» особенно ценят те, кто увлекается боевыми искусствами – и не только кунг-фу и «стилем богомола». Его выдержке можно позавидовать. Когда богомол охотится, он до последнего момента*

изображает из себя «веточку»... А потом он наносит удар. Единственный и решающий. И, в большинстве случаев, успешный (belnovosti.by. 26.03.2016). Ср. также: У этих парней всё **по криминальному фэншюю**. Во-первых, балаклава с крестиком на лбу, перцовый баллончик, фломастер, ножик, цепочка, маска (sb.by. 13.10.2020).

4. Выводы

Таким образом, включаемая в русскоязычные тексты белорусских СМИ китайская лексика чаще всего поясняется, семантизируется, тем или иным способом характеризуется авторами. При выполнении задачи объяснить то или иное слово китайского происхождения, включённое в русскоязычный медиатекст, журналисты выбирают наиболее подходящие способы семантизации лексических единиц: дефиниционный, описательный, ассоциативно-отсылочный, при этом руководствуются важными для медиадискурса принципами доступности, простоты, целесообразности, образности, идеологичности. В силу существенных различий между китайской и белорусской культурой, а также в связи с полисемантичностью слов в китайском языке, конкретные значения которых раскрываются только в контексте, журналисты применяют разные способы семантизации китаизмов, так как это способствует контекстуально и ситуативно обусловленному раскрытию содержания используемого слова для читателей.

Выбор способа семантизации обусловлен как лексико-функциональными свойствами слова (абстрактность / конкретность; общеупотребительность / специализированность, эквивалентность / безэквивалентность), так и характеристиками дискурса (тема, автор, жанр). При контекстуальном раскрытии значения китаизмов журналисты повышенное внимание уделяют национально-культурной специфике мировоззрения и образа жизни китайского народа. Наблюдения за практиками семантизации слов китайского происхождения позволяют увидеть медиаречевой и медиадискурсивный потенциал лексики китайского происхождения в современной ситуации развития белорусского медиапространства.

Вне рамок настоящего исследования остались некоторые вопросы, связанные с семантической адаптацией китаизмов в медиаречи, процессами их деэкзотизации, развития новых смыслов. Безусловный интерес представляет сравнение данных о функционировании лексики китайского происхождения, представленных в сформированном автором этой статьи корпусе текстов из белорусских русскоязычных СМИ и зафиксированных Национальным корпусом русского языка. Предполагается, что данная проблематика будет рассмотрена в рамках нашего дальнейшего исследования того, как функционирует лексика китайского происхождения в русскоязычном медиадискурсе.

© Чжу Шэнминь, 2025

Список литературы

1. Алексахин А.Н. Алфавит китайского языка путунхуа. Буква – фонема – звук речи – слог – слово: учебное пособие / А.Н. Алексахин. М.: Восточная книга, 2010. 184 с.
2. Алексахин А.Н. Взаимодействие иероглифического и звукобуквенного стандартов слова китайского языка путунхуа / А.Н. Алексахин // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1 (10). С. 128–135. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-1-10-128-135.
3. Бабина Г.В. Семантизация лексических единиц как результат текстовой деятельности школьников с недоразвитием речи / Г.В. Бабина // Наука и школа. 2013. № 5. С. 169–172.
4. Батулина А.В. Заимствованные слова и иноязычные вкрапления как объект метаязыковой рефлексии в массовой литературе / А.В. Батулина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2017. № 1 (33). С. 136–148.
5. Верисова А.Д. Лексика китайского происхождения в русском языке / А.Д. Верисова, Ю.С. Холманских // Eurasia Science. М.: «Актуальность.РФ», 2024. С. 225–226.

6. Войцехович А.А. Сяокан-социализм с китайским лицом / А.А. Войцехович // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 1. С. 36–40. DOI: 10.23670/IRJ.2018.67.029.
7. Голев Н.Д. Русская лексика в пространстве обыденного метаязыкового сознания: новые формы народных словарей, лингвистических олимпиад и конкурсов / Н.Д. Голев // Русистика и современность: сб. науч. ст. XIX Междунар. науч. конф. В 2-х т. Т. 2. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2016. С. 59–63.
8. Голев Н.Д. Словарь обыденных толкований русских слов: концепция, проект, опыты реализации / Н.Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. В 3-х ч. Ч. 3. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2010. С. 205–264.
9. Дарбаева Ж.К. Семантизация китайских заимствований в русском языке (на материале русскоязычной прессы Северного Казахстана) / Ж.К. Дарбаева // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. Чита: Забайкальский государственный университет, 2020. С. 56–61.
10. Дубкова О.В. Китаизмы в русскоязычных переводах: теория и практика постредактирования / О.В. Дубкова // Язык. Культура. Коммуникация. 2023. № 24. С. 106–115.
11. Забияко А.А. Образ восприятия Китая и китайцев в русской дореволюционной литературе и публицистике XX века / А.А. Забияко, Е.В. Сенина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. № 4. С. 212–219. DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-4-212-219.
12. Ильясова С.В. Роль китаизмов-неологизмов в современной русском языке (на материале медиатекстов) / С.В. Ильясова, А.Ю. Болотова // Научная мысль Кавказа. 2022. № 4 (112). С. 153–159. DOI: 10.18522/2072-0181-2022-112-153-159.
13. Ин С. Китайское слово-реалия в русскоязычных публицистических текстах / С. Ин, В.М. Шаглеин // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 1 (68). С. 435–437.
14. Китайский язык: актуальные вопросы языкознания, переводоведения и лингводидактики: сб. ст. науч. конф. Вып. 1 / А.Н. Алексахин, Г. Терол, Г.Б. Дудченко [и др.]; под редакцией Е.В. Сениной. М.: МГИМО-Университет, 2019.
15. Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл / И.М. Кобозева // Язык о языке / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 304–359.
16. Кузнецова Т.Ю. Метаязыковая деятельность рядового носителя языка: типы стратегий толкования узкоспециальных и общепотребительных слов / Т.Ю. Кузнецова // Научный диалог. 2013. № 5(17): Филология. С. 94–105.
17. Логинова Е.В. К вопросу о разграничении типов семантической информации / Е.В. Логинова // Сибирский филологический журнал. 2012. № 3. С. 159–166.
18. Мамонтов А.С. Устойчивые национальные словесные образы в аспекте национально ориентированной лингвострановедческой учебной лексикографии / А.С. Мамонтов, В.В. Богуславская, А.Г. Ратникова // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 100–107. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_100.
19. Молибоженко Р.А. Определения и объяснения в современном публицистическом тексте: редакторский аспект / Р.А. Молибоженко // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2011. № 2. С. 54–60.
20. Ни Ц. Гастрономические китаизмы в современном русском языке / Ц. Ни // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 1-1. С. 170–174. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.1.30.
21. Плотникова А.М. Семантизация слова в современных толковых словарях и словарях концептов: новые тенденции / А.М. Плотникова // Филологический класс. 2013. № 3 (33). С. 47–50.
22. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири) / А.Н. Ростова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 194 с.
23. Ростова А.Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения / А.Н. Ростова // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сб. науч. ст. / отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 45–53.
24. Цзятун В. История и современное состояние китайских заимствований в русском языке: лексика, фразеология, ономастика / В. Цзятун. Волгоград, 2023. 278 с.
25. Черемисина Т.И. Китайские заимствования в современном английском языке как элемент культурно-языковых контактов / Т. И. Черемисина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 6 (822). С. 91–107.
26. Чжу Шэнминь. Русскоязычная публицистика Беларуси о Китае и белорусско-китайских отношениях в контексте диалога культур / Чжу Шэнминь // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. 2024. Т. 14. № 2. С. 22–29.
27. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка / Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1973. 280 с.
28. Ян Си. Китаизмы в современных российских СМИ: семантика, грамматика, прагматика / Ян Си // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2017. № 1. С. 222–231.

References

1. Aleksakhin, A.N. *Alfavit kitajskogo iazyka putunkhua. Bukva – fonema – zvuk rechi – slog – slovo* [Mandarin Chinese alphabet. Letter – phoneme – speech sound – syllable – word]. Moscow: Eastern Book Publishing house, 2010. 184 p.
2. Aleksakhin, A.N. *Vzaimodejstvie ieroglificheskogo i zvukbukvennogo standartov slova kitajskogo iazyka putunkhua* [Interaction of hieroglyphic and sound-letter standards of a word in Mandarin Chinese] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University]. 2010. No 1 (10). P. 128–135. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-1-10-128-135.

3. Babina, G.V. Semantizatsiia leksicheskikh edinitov kak rezul'tat tekstovoy deiatel'nosti shkol'nikov s nedorazvitiem rechi [Semantisation of lexical units as a result of textual activity of schoolchildren with speech underdevelopment] // *Nauka i shkola* [Science and School]. 2013. No 5. P. 169–172.
4. Batulina, A.V. Zaimstvovannye slova i inoazychnyye vkrapleniya kak ob'ekt metaazykovoi refleksii v massovoi literatury [Borrowed words and foreign language inclusions as an object of metalinguistic reflection in mass literature] / A.V. Batulina // *Nauchny vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennyye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniia* [Scientific bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Modern linguistic and methodological-didactic research]. 2017. No 1 (33). P. 136–148.
5. Verisova, A.D., Holmanskiikh, Y.U.S. Leksika kitaiskogo proiskhozhdeniia v russkom iazyke [Vocabulary of Chinese origin in Russian] // *Eurasia Science*. Moskva: «Aktual'nost'.RF», 2024. P. 225–226.
6. Voytsekhovich, A.A. Syaokan-socializm s kitaiskim litsom [Xiaokan-socialism with a Chinese face] // *Mezhdunarodny nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal]. 2018. No 1. P. 36–40. DOI: 10.23670/IRJ.2018.67.029.
7. Golev, N.D. Russkaia leksika v prostranstve obydennoy metaazykovogo soznaniia: novyye formy narodnykh slovarei, lingvisticheskikh olimpiad i konkursov [Russian lexicon in the space of everyday meta-linguistic consciousness: new forms of folk dictionaries, linguistic Olympiads and competitions] // *Rusistika i sovremennost'* [Rusistics and Modernity]: a collection of scientific articles of the XIX International Scientific Conference. In 2 vol., vol. 2, Astana: ENU named after L.N. Gumilev, 2016. P. 59–63.
8. Golev, N.D. Slovar' obydennykh tolkovaniy russkikh slov: kontseptsii, proekt, opyty realizatsii [Dictionary of everyday interpretations of Russian words: concept, project, experiments of realization] // *Obydennoe metaazykovoe soznanie: ontologicheskii i gnoseologicheskii aspekty* [Customary meta-linguistic consciousness: ontological and gnoseological aspects]. In 3 vol., vol. 3. Kemerovo; Barnaul: Publishing house Alt. state university, 2010. P. 205–264.
9. Darbaeva, Zh.K. Semantizatsiia kitaiskikh zaimstvovaniy v russkom iazyke (na materiale russkoazychnoi pressy Severnogo Kazakhstana) [Semantisation of Chinese loanwords in the Russian language (on the material of the Russian-language press of Northern Kazakhstan)] // *Aktual'nye problemy razvitiya KNR v processe ee regionalizatsii i globalizatsii* [Actual problems of the PRC development in the process of its regionalisation and globalization]: materials of the XII International scientific-practical conference, Chita: Transbaikalskaya gosudarstvennaya universiteta, 2020. P. 56–61.
10. Dubkova, O.V. Kitaizmy v russkoazychnykh perevodakh: teoriia i praktika postredaktirovaniia [Sinicisms in Russian translations: theory and practice of post-editing] // *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiia* [Language. Culture. Communication]. 2023. No 24. P. 106–115.
11. Zabyako, A. A., Senina, E.V. Obraz vospriiatiya Kitaya i kitaitsev v russkoi dorevolutsionnoi literature i publitsistike XX veka [Image of perception of China and the Chinese in Russian pre-revolutionary literature and journalism of the twentieth century] // *Sotsial'nye i gumanitarnyye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and Humanities in the Far East]. 2018. No 4. P. 212–219. DOI: 10.31079/1992-2868-2018-15-4-212-219.
12. Ilyasova, S.V., Bolotova, A.Y. Rol' kitaizmov-neologizmov v sovremennom russkom iazyke (na materiale mediatekstov) [The role of Chineseisms-neologisms in the modern Russian language (on the material of media texts)] // *Nauchnaia mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus]. 2022. No 4 (112). P. 153–159. DOI: 10.18522/2072-0181-2022-112-153-159.
13. Ying, S., Shaklein, V.M. Kitaiskoe slovo-realiiya v russkoazychnykh publitsisticheskikh tekstakh [Chinese word-reality in Russian-language publicistic texts] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia* [World of Science, Culture, Education]. 2018. No 1 (68). P. 435–437.
14. Aleksakhin, A.N., Terol, G., Dudchenko, G.B., et al. // Senina, E. V. (ed.) *Kitaiskiy iazyk: aktual'nye voprosy iazykoznanii, perevodovedeniia i lingvodidaktiki* [Chinese language: topical issues of linguistics, translation studies and linguodidactics]: collection of articles of the scientific conference. Moscow: MGIMO-University, 2019.
15. Kobozeva, I.M. Dve ipostasi soderzhaniia rechi: znachenie i smysl [Two aspects of speech content: meaning and meaning] // *Arutiunova, N. D. [ed.]. Yazyk o iazyke* [Language about language]. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury, 2000. P. 304–359.
16. Kuznetsova, T.YU. Metaazykovaia deiatel'nost' riadovogo nositelia iazyka: tipy strategii tolkovaniia uzkospetsial'nykh i obshchepotrebitel'nykh slov [Metalinguistic activity of an ordinary native speaker: types of strategies for interpreting highly specialized and commonly used words] // *Nauchny dialog* [Scientific dialogue]. 2013. No 5(17). P. 94–105.
17. Loginova, E.V. K voprosu o razgranichenii tipov semanticheskoi informatsii [To the question of differentiation of types of semantic information] // *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2012. No 3. P. 159–166.
18. Mamontov, A.S., Boguslavskaya, V.V., Ratnikova, A.G. Ustoichivyye natsional'nye slovesnye obrazy v aspekte natsional'no orientirovannoi lingvostranovedcheskoi uchebnoi leksikografii [Sustainable national word images in the aspect of nationally oriented linguo-country study lexicography] // *Vekhrnevzhskiy filologicheskii vestnik* [Verkhnevzhskiy philological bulletin]. 2023. No 3 (34). P. 100–107. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_100.
19. Molibozhenko, R.A. Opredeleniia i ob'iasneniia v sovremennom publitsisticheskom tekste: redaktorskiy aspekt [Definitions and explanations in the modern journalistic text: editorial aspect] // *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Vestnik of Moscow University]. Series 10: Journalism, 2011. No 2. P. 54–60.
20. Ni, C. Gastronomicheskie kitaizmy v sovremennom russkom iazyke [Gastronomic Chineseisms in modern Russian language] // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Modern science: current problems of theory and practice]. Series: Humanities. 2023. No 1-1. P. 170–174. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.1.30.
21. Plotnikova, A.M. Semantizatsiia slova v sovremennykh tolkovykh slovariakh i slovariakh kontseptov: novyye tendentsii [Semantization of words in modern explanatory dictionaries and dictionaries of concepts: new trends] // *Filologicheskij klass* [Philological class]. 2013. No 3 (33). P. 47–50.
22. Rostova, A.N. Metatekst kak forma eksplikatsii metaazykovogo soznaniia (na materiale russkikh govorov Sibiri) [Metatext as a form of explication of metalinguistic consciousness (based on the material of Russian dialects of Siberia)]. Tomsk: Publishing house Tom. University. 2000. 194 p.

23. Rostova, A.N. Obydennoe metaiazykovoe soznanie: status i aspekty izucheniia [Ordinary semantisation of words] // *Golev, N. D. (ed.). Obydennoe metayazykovoe soznanie i naivnaya lingvistika* [Ordinary meta-linguistic consciousness: ontological and gnoseological aspects]. In 3 parts. P. 1. Kemerovo- Barnaul: Publishing house Alt. University, 2009. P. 45–53.
24. Czyatun, V. *Istoriia i sovremennoe sostoianie kitaiskikh zaïmstvovaniy v russkom iazyke: leksika, frazeologiya, onomastika* [History and current state of Chinese borrowings in the Russian language: vocabulary, phraseology, onomastics]. Volgograd, 2023. 278 p.
25. Cheremisina, T.I. Kitaiskie zaïmstvovaniia v sovremennom angliiskom iazyke kak element kul'turno-iazykovykh kontaktov [Chinese borrowings in modern English as an element of cultural and linguistic contacts] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities]. 2019. Vol. 6 (822). P. 91–107.
26. Zhu, Shengmin. Russkoiazychnaia publitsistika Belarusi o Kitae i belorusko-kitajskikh otnosheniakh v kontekste dialoga kul'tur [Russian-language journalism in Belarus about China and Belarusian-Chinese relations in the context of the dialogue of cultures] // *Vesnik Grodzenskaga dzyarzhaj'naga Źniversiteta imya YAnki Kupaly* [Vesnik Grodzenskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni Yanki Kupala]. Ser. 3, Philology. Pedagogy. Psychology. 2024. Vol. 14. No 2. P. 22–29.
27. Shmelev, D.N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki: na materiale russkogo iazyka* [Problems of semantic analysis of vocabulary: based on the material of the Russian language]. Moscow: Nauka, 1973. 280 p.
28. Yang, C. *Kitazmy v sovremennykh rossijskikh SMI: semantika, grammatika, pragmatika* [Chineseisms in modern Russian media: semantics, grammar, pragmatics] // *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* [Practices and interpretations: Journal of philological, educational and cultural studies]. 2017. No 1. P. 222–231.

Сведения об авторе:

Чжу Шэнминь – магистр филологических наук, аспирант кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, Гродно). Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология, теория межкультурной коммуникации, лингвокультурология, медиалингвистика, теория заимствования.

E-mail: Zhusheng981840@gmail.com

ORCID ID: 0009-0009-7591-3916

About the author:

Shengmin Zhu – Master of Philological Sciences, Postgraduate Student of the Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus). Spheres of research and professional interest: lexicology, theory of intercultural communication, linguoculturology, media linguistics, theory of borrowing.

E-mail: Zhusheng981840@gmail.com.

ORCID ID: 0009-0009-7591-3916

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of interest

No conflict of interests is declared.

* * *

Polydiscursive Speech Behavior of Athletes (Based On German Martial Arts Sports Discourse)

Viktoriiia S. Tabakova

MGIMO UNIVERSITY,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. This article examines the polydiscursivity of the speech behavior of the subject of martial arts sports discourse. Polydiscursivity is seen as the interaction of discourses. A modern person must combine various social roles within one communicative situation, which requires of him to be able to operate speech tools of different discourses: pedagogical, political, military, theatrical, stage, ideological, etc. The study is aimed at describing features of the speech behavior of the subject of martial arts sports discourse based on the conceptual structure. The speech behavior of a wrestler is polydiscursive. The change of linguistic means is regulated by the speech situation and a role in the communication process. Flexibility of a switch of linguistic means allows one to increase the efficiency of achieving goals and implementing strategies and tactics. In the study, the methods of discursive, contextual and componential analysis are used. The material for this article is taken from German social networks, as well as German electronic publications. In the article, sports discourse is considered as a complex of speech genres united by one social sphere of functioning – sports activity in all its aspects. The discourse of combat sports is a type of sports discourse, where the sports activity of subjects is associated with the types of martial arts. The analysis of interviews and the selection of remarks of athletes-wrestlers were conducted. The speech behavior of athletes-wrestlers was analyzed from the point of view of the affiliation of the utterance to a certain type of discourse. The analysis of the selected material made it possible to trace the change and choice of linguistic means of the addressee depending on the communicative sphere. The study revealed that the communication of athletes-wrestlers is polydiscursive. The polydiscursivity of sports discourse is confirmed by the peculiarities of the athlete's speech behavior. The nature of the athlete's speech behavior changes under the influence of the nature of the communicative situation. The athlete's speech mainly records elements of pedagogical, theatrical and marketing discourses. Due to the polydiscursivity of sports communication, a greater number of extralinguistic parameters are involved to implement the communicative intentions of athletes and a change of roles is carried out depending on the communicative situation. These results will allow us to trace the strategies and tactics used by the subject of sports discourse to achieve goals.

Keywords: polydiscursivity, speech behavior, sports discourse, martial arts, German language, athlete

For citation: Tabakova V.S. (2025). Polydiscursive Speech Behavior of Athletes (Based on the German Martial Arts Sports Discourse). *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(1), pp. 161–173. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-42-161-173>

Полидискурсивное речевое поведение спортсменов (на материале немецкого спортивного дискурса единоборств)

В.С. Табакова

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

Аннотация. В настоящей статье рассматривается полидискурсивность речевого поведения субъекта спортивного дискурса единоборств. Полидискурсивность рассматривается как взаимодействие дискурсов. Внутри одной коммуникативной ситуации современный человек должен сочетать различные социальные роли, что требует от него умения оперировать речевыми средствами разных дискурсов: педагогический, политический, военный, театральносценический, мировоззренческий и др. Целью исследования является описание особенностей речевого поведения субъекта спортивного дискурса единоборств с опорой на концептуальную структуру. Речевое поведение спортсмена-борца носит полидискурсивный характер. Смена языковых средств осуществляется в зависимости от речевой ситуации и роли в процессе общения. Гибкость смены речевых средств позволяет повысить эффективность достижения поставленных целей и осуществления стратегий и тактик. В ходе исследования применялись методы дискурсивного, контекстуального и компонентного анализов. Материалом для данной статьи послужили немецкие социальные сети, а также немецкие электронные издания. В статье спортивный дискурс рассматривается как комплекс речевых жанров, объединённых одной социальной сферой функционирования – спортивной деятельностью во всех её аспектах. Дискурс спортивных единоборств – разновидность спортивного дискурса, где спортивная деятельность субъектов связана с видами боевых искусств. Проведён анализ интервью и отбор реплик спортсменов-борцов. Проанализировано речевое поведение спортсменов-борцов с точки зрения принадлежности высказывания к определённому виду дискурса. Анализ отобранного материала позволил проследить смену и выбор языковых средств у адресата в зависимости от коммуникативной сферы. В ходе исследования было выявлено, что коммуникация спортсменов-борцов носит полидискурсивный характер. Полидискурсивность спортивного дискурса подтверждается особенностями речевого поведения спортсмена. Характер речевого поведения спортсмена определяется коммуникативной ситуацией. В речи спортсмена зафиксированы преимущественно элементы педагогического, театрального и маркетингового дискурсов. Благодаря полидискурсивности спортивной коммуникации происходит вовлечение большего количества внеязыковых параметров для реализации коммуникативных намерений спортсменов и осуществляется смена ролей в зависимости от коммуникативной ситуации. Данные результаты позволят проследить стратегии и тактики, применяемые субъектом спортивного дискурса для достижения целей.

Ключевые слова: полидискурсивность, речевое поведение, спортивный дискурс, единоборства, немецкий язык, спортсмен

Для цитирования: Табакова В.С. (2025). Полидискурсивное речевое поведение спортсменов (на материале немецкого спортивного дискурса единоборств). *Филологические науки в МГИМО*. 11(1), С. 161–173. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-41-161-173>

1. Введение (Introduction)

Работы по исследованию спортивного дискурса посвящены анализу лингвосомиотических характеристик спортивного дискурса [24], рассмотрению семантических и функционально-стилистических параметров спортивного дискурса [12], исследованию коммуникативно-прагматических характеристик телевизионного спортивного дискурса [25], выделению эмотивности и оценочности в немецком газетном спортивном дискурсе [28], вопросам формирования социальной оценки в дискурсе спортивных СМИ [30], изучению лексико-фразеологической экспликации концепта *футбол* в спортивном дискурсе [15], рассмотрению реализации спортивного дискурса в интернет-коммуникации: когнитивно-прагматический аспект [29] и др.

Немецкий спортивный дискурс рассматривается как опыт прагмасемантического и лингвокогнитивного исследования [2]; русский спортивный дискурс исследуется с точки зрения теории и методологии лингвокогнитивного исследования [19]; базовые метафоры спортивного дискурса рассматриваются в качестве текстопорождающих моделей [18].

В рамках дискурса единоборств разрабатывались следующие проблемы: коммуникативная толерантность в социальных сетях о смешанных единоборствах [22], влияние досуга на формирование стратегии жизни российских спортсменов [1], роль тематико-терминологического словаря в формировании коммуникативной личности спортсмена (на материале терминов спортивных единоборств) [8].

Недостаточно изученным остаётся вопрос о полидискурсивности спортивного дискурса. Учёные и исследователи рассматривают полидискурсивность как результат взаимодействия дискурсов, которые выделяют в пределах одной классификации. Взаимодействие происходит благодаря наложению дискурсов, их пересечению, дополнению друг друга или включению одного дискурса в другой. Полидискурсивность рассматривается в качестве переплетения различных дискурсов в единый социокультурно-обусловленный полидискурс, который воспроизводится в открытом множестве текстов, объединённых специфичной идеологией и общей сферой применения.

Внутри одной коммуникативной ситуации коммуникант вынужден сочетать разные социальные роли, что требует от него умения оперировать речевыми средствами разных дискурсов: научный, бытовой, профессиональный, медицинский, юридический и др. [см. например: [3], [4], [31]].

Целью исследования является представление концептуальной структуры спортивного дискурса единоборств и описание особенностей речевого поведения его субъектов.

Новизна исследования заключается в том, что впервые описывается смена характера речевого поведения субъектов дискурса спортивных единоборств в зависимости от характера коммуникативной ситуации.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных: Р.В. Белютина, А.Г. Горбунова, Б.А. Зильберта, А.Б. Зильберта, А.А. Исаевой, О.В. Коротеевой, Е.Г. Малышевой, О.А. Панкратовой, К.В. Сняtkова, Ст. Хабшайда.

2. Материал и методы исследования (Materials and Methodology)

Материалом для данной статьи послужили видеопослушки с личного канала *dr-daniel-gaertner.de*, с сайта клуба *www.kampfkunst-showteam.de*, печатные интервью из электронных изданий «Kölner Stadt-Anzeiger», «Spektrum.de».

Всего было проанализировано 15 интервью и отобрано 83 реплики, связанные с речевым поведением спортсменов-борцов. В исследовании применялись методы дискурсивного, контекстуального и компонентного анализа. Было проанализировано речевое поведение спортсменов. Все отобранные реплики интервью были распределены по принадлежности к субъекту спортивного дискурса единоборств. Каждая реплика анализировалась с точки зрения её соответствия определённому дискурсу.

3. Результаты и обсуждения (Results and Discussion)

В статье дискурс рассматривается в качестве языковой среды, где происходит формирование и актуализация языковых конструкций и языковых средств, а также как особый способ общения и понимания окружающего мира [17, с. 343].

В рамках исследования, представленного в данной статье, релевантными представляются следующие свойства дискурса: «нелинейность структуры» [14, с. 127], «неизолированность» [20, с. 52], «личностность», «информативность», «ситуативность», «целостность», «процессуальность» [27], [23], [6], [5], «адресность» [7, с. 102]; «открытость» [10, с. 47].

Б.А. Зильберт полагает, что сложно выделить спортивный дискурс в чистом виде. В качестве решения данной задачи и для исследования целостной картины спортивного дискурса предлагается рассматривать связи и точки пересечения спортивного дискурса с другими видами дискурса в синхронном плане [11, с. 107].

Выделяются различные типы дискурсов в зависимости от рассматриваемых коммуникативных сфер, таких как «экономический дискурс», «политический дискурс», «спортивный дискурс» и др. [32, с. 58].

Спортивный дискурс – комплексный феномен, представляющий собой «класс речевых жанров, объединённых одной социальной сферой функционирования – спортивной деятельностью во всех её аспектах» [13, с. 189].

К.В. Снятков рассматривает спортивный дискурс как речь, которая транслирует смыслы, определяющие спортивную деятельность, то есть дискурс рассматривается как процесс, а также как «совокупность произведённых текстов, в которых репрезентированы эти смыслы», рассматривая дискурс как результат [26, с. 15].

Целесообразно определять дискурс спортивных единоборств как разновидность спортивного дискурса, где спортивная деятельность субъектов связана с видами боевых искусств. Особенностью спортивного дискурса единоборств является специфическая коммуникативная роль субъектов спортивного дискурса единоборств [21, с. 40].

Анализ работ, посвящённых описанию сферы спортивной коммуникации и спортивному дискурсу, подтверждает, что важно учитывать специфические черты жанров спортивного дискурса, специфику отношений субъектов спортивного дискурса, а также специфику самого субъекта.

Общению в спорте свойственны следующие особенности: прагматичность, познавательность и регулятивность. Для спортсмена важно установить контакт с разными участниками спортивного процесса: тренером, судьёй, коллегами по команде, соперником и болельщиками.

Для спортсмена важными свойствами являются умение слушать и высказывать свою точку зрения для поиска компромиссов и установления контакта с другими участниками дискурса, так как для спортсмена важны сотрудничество, взаимопомощь и доверие.

В коммуникативной ситуации спортсменов может проявить свои лидерские качества. А для реализации интенций и во благо имиджа спортсменов задумывается над выбором языковых средств. Грамотность спортсмена влияет на имидж и репутацию. Достоверность излагаемой информации подкрепляется грамотностью.

Знание особенностей социально-коммуникативных ролей помогают спортсмену в конструктивном решении задач, как в соревновательной, так и в тренировочной деятельности.

Речевое поведение спортсменов-борцов удачно вписывается в представленные выше критерии коммуникативных ситуаций в рамках спортивного дискурса, поэтому на их примере в следующем разделе статьи будут проанализированы стратегические аспекты коммуникативного взаимодействия спортсменов в условиях различных видов дискурса. Далее рассмотрим речевое поведение спортсменов-борцов в зависимости от меняющихся коммуникативных ситуаций и дискурсивного окружения.

3.1. Речевое поведение спортсмена (Speech behavior of an athlete)

Действия и высказывания спортсмена являются результатом воздействия на него других участников спортивного дискурса единоборств, реализующих свойственные им коммуникативные стратегии, характерные для участников педагогического дискурса: 1) объяснение и информирование ученика, передача знания о мире; 2) оценка и передача информации на правах учителя и наставника; 3) контроль объективности информации, получаемой учеником; 4) формирование умений и навыков ученика; 5) формирование системы ценностей у ученика; 6) совместная деятельность ученика и учителя [16, с. 18].

Под педагогическим взаимодействием понимается «процесс совместной деятельности участников образовательного процесса, имеющий педагогическую цель, опирающийся на установленные нормы и ценности, имеющий следствием изменения в ценностях, установках, деятельности, личностном миропонимании, поведении, развитии соответствующих знаний, умений и навыков» [9, с. 42]. Целью педагогического дискурса является формирование структур знаний (концептов) в сознании обучающихся, а также социализация подрастающих членов общества, то есть передача социальных ценностей и норм поведения [25, с. 305], что сближает его со спортивным дискурсом.

Взаимосвязь между школой и единоборствами прослеживается в том, что учитель начальных классов обращает внимание на то, что ученику её класса свойственна гиперактивность, о чём свидетельствуют лексемы *Grundschullehrerin* (учительница начальных классов) и *hyperaktiv sein* (быть гиперактивным). Рекомендация учителя приступить к занятиям спортом выражена через модальный глагол долженствования в вежливой форме *sollte* (следовало бы, следует). Спортсмен опирается на собственный опыт и подтверждает тот факт, что уже на начальном этапе, то есть с первых классов, ему помогали определиться в жизни *in der ersten Klasse* (в первом классе). Следует подчеркнуть роль притяжательного местоимения в словосочетании *meine Grundschullehrerin* (моя учительница начальных классов), так как наличие в речи спортсмена притяжательного местоимения указывает на ценность данных событий в жизни спортсмена и его вовлечённость в эти события, сопричастность с ними.

Личный опыт спортсмена, связанный с его достижениями или неудачами, позволяет наставнику сосредоточиться на истинных потребностях ученика, а в данном случае является подтверждением мудрости и компетентности наставника, так как учёт особенностей спортсмена как личности позволяет сформировать доверительные отношения, уверенность ученика в себе и создать фундамент для его дальнейшего развития. Помощь от наставника проявляется в тактичном словесном общении, в управлении учеником в процессе его взаимодействия с другими посредством наблюдения и последующих рекомендаций, что способствует его становлению как спортсмена и за что он испытывает и выражает благодарность своему наставнику. Доверие возникает, когда учитываются индивидуальные особенности ученика, подчёркивается его уникальность, что помогает будущему спортсмену повысить свою самооценку и легче пройти процесс социализации, о чём свидетельствует следующее высказывание (1):

(1) *Ich bin zum Judo gekommen, indem meine Grundschullehrerin in der ersten Klasse gesagt hat, dass ich hyperaktiv bin und mir Sport raussuchen sollte.* – Я начал заниматься дзюдо, когда в первом классе мой учитель начальной школы сказал, что я гиперактивен и мне следует заняться каким-либо видом спорта.

В рамках педагогического дискурса можно проследить процесс формирования ценностей, который вербализуется в лексемах *Verbundenheit* (тесная связь), *Liebe* (любовь), *Judowerte* (ценности дзюдо), *Grundschulung* (основная подготовка), *Leben* (жизнь). На этапе взросления формирование ценностей у ребёнка происходит благодаря воспитательным процессам в школе и дома, а также благодаря занятиям спортом, а именно единоборствами. Лексема *Judowerte* (ценности дзюдо) содержит в себе названия вида единоборств, а в словосочетании *zu diesem Sport* (к этому виду спорта) идёт косвенная отсылка к виду спорта через использование указательного местоимения

dieser (этот). Основные ценности данного вида спорта – единоборства дзюдо – могут послужить развитию человеческих качеств и ценностей, которые важны в жизни и закладываются благодаря спорту, в частности единоборствам, на первых этапах жизни человека, что подтверждается примерами (2) и (3). Задача педагога, а в спорте тренера, состоит в том, чтобы передать определённый набор качеств ученику и привить ему ценности. Задача тренера заключается не только в развитии физических качеств спортсмена, но и в формировании личности спортсмена, чувства ответственности и командного духа, этических основ (как спортивной, так и базовой), объединяющих педагогический и спортивный дискурсы.

(2) *im Laufe der Zeit eine Verbundenheit und Liebe zu diesem Sport entwickeln.* – Со временем развивать связь и любовь к этому виду спорта;

(3) *Judowerte als Grundschulung für das ganze Leben haben.* – Иметь ценности дзюдо как базовую подготовку для дальнейшей жизни.

Важной составляющей педагогического дискурса в преломлении к спортивной сфере является воспитание определённых качеств соревнующейся личности, что подтверждается учётом следующих лексем в примерах (4) и (5) в речи спортсменов: *Cleverness* (сообразительность), *Schnelligkeit* (скорость), *Kraft* (сила), *Ausdauer* (выдержка), *Technik* (техника).

(4) *Im Kampf geht es um Taktik, Cleverness, Schnelligkeit, Kraft, Ausdauer, Technik.* – В бою важны тактика, ловкость, скорость, сила, выносливость и техника.

(5) *Es ist unbeschreibliches Gefühl im Ring zu stehen.* – Это неописуемое чувство находится на ринге.

Работа над качествами спортсмена важна для того, чтобы иметь возможность направлять его на достижение успеха и привить ему чувство гордости как за себя, так и за команду, за свой вид спорта, что подтверждается примером (5) через использование лексем *unbeschreiblich* (неописуемо, в высшей степени, невыразимо), *Gefühl* (ощущение), *im Ring stehen* (находиться на ринге). Речевое поведение спортсмена в примерах (4) и (5) указывает на основополагающие понятия и качества личности в спорте, что создаёт фундамент для дальнейшего его развития как спортсмена, так и личности. Решающим фактором для использования физических возможностей и достижения результата является формирование волевых качеств, таких как дисциплинированность, ответственность и целеустремлённость.

В рамках педагогического дискурса формируются также нравственные идеалы, целью которых является социализация нового члена общества и развитие его духовной сферы. Схожими чертами обладает и спортивный дискурс единоборств, о чём свидетельствует следующий пример (6):

(6) *Ich würde auf jeden Fall Judo weiterempfehlen, gerade hinsichtlich der Werte und der sportlichen Ziele, die man erreichen kann.* – Я бы определённо рекомендовал дзюдо, особенно с точки зрения ценностей и спортивных целей, которых можно достичь.

Получив знания и опыт от своего наставника – тренера, спортсмен дальше транслирует ценности, подчёркивая их важность через свой опыт. Своё мнение он выражает ненавязчиво через некатегоричное словосочетание *würde weiterempfehlen* (следовало бы порекомендовать). Название вида единоборств используются в сочетании с выражением *gerade hinsichtlich* (особенно с точки зрения) и далее подкрепляется понятиями *Werte* (ценности) и *Ziele* (цели). Все эти понятия подкрепляются результативными глаголами *erreichen* (достигать) и модальным глаголом *können* (мочь). Речевое поведение спортсмена в примере (6) носит рекомендательный характер, даёт ощущение уверенности, поддержки, формирует настрой на целеполагание и связывает, таким образом, педагогический и спортивный дискурс единоборств.

Рекомендательный характер высказываний спортсмена свидетельствует об усвоении норм, которые ему были переданы ранее. С опорой на собственный опыт и, возможно, с учётом собственных ошибок или недочётов, упущенного шанса или возможности, спортсмен понимает, что заботливое и доверительное отношение наставника к нему способствует формированию условий для преодоления трудностей, даёт ощущение поддержки и повышает мотивацию. В примере (7)

следует подчеркнуть словосочетания *sollte anfangen* (следует начать) в сочетании с прилагательным *früh* (рано), и *die Jugend fördern* (поощрять молодёжь) в сочетании с наречием *ein bisschen* (немного, слегка).

(7) *Also ich sage mal so, man sollte schon früh anfangen, die Jugend ein bisschen zu fördern.* – Что ж, я бы сказал, что вам следует начать как можно раньше, чтобы немного поощрять молодых людей.

Преимственность поколений, как в педагогике, так и в спорте, заключается в передаче знаний и опыта от старшего поколения к младшему, а также в глубокой связи на основе общих интересов и ценностей. Данный постулат вербализуется в примере (8) в словосочетаниях *den Lehrgang Trainer-C-Schein machen* (пройти курс получения сертификата Trainer C), *auch Kinder trainieren* (и детей тренировать), *das Wissen an die Jugend weitergeben* (передавать знания молодёжи):

(8) *Nächsten Monat mache ich den Lehrgang Trainer-C-Schein. Ich werde auf jeden Fall versuchen, eine Möglichkeit zu bekommen, dass man auch Kinder trainieren kann. Dass man auch mal das Wissen so weitergeben kann an die Jugend und dass der Sport auch mal ein bisschen gefördert wird.* – В следующем месяце я пройду курс с целью получения сертификата тренера категории “С”. Я обязательно постараюсь найти возможность тренировать и детей, передавать знания молодёжи и поощрять их занятия спортом.

Формирование характера и правильное преодоление трудностей является важным аспектом и в спорте, и в педагогике. Задача тренера и педагога заключается в своевременном оказании помощи, учитывая свой собственный опыт. В примерах (9) и (10) прилагательные *ideal* (идеальный) и *richtig* (правильный) в сочетании с лексемами *Judo* (дзюдо), *Sportart* (вид спорта), *Weg* (путь) подчёркивают важное значение спортивных единоборств в формировании характера борца. Спортсмен утверждает, что дзюдо является идеальным видом спорта для указания “правильного пути”. Определяя подрастающее поколение в качестве целевой аудитории, спортсмен использует в своей речи прилагательное *jung* (молодой) в сочетании с существительным *Menschen* (люди), подчёркивая тем самым важность занятиями спортом, а именно единоборством дзюдо с юного возраста, когда формируются ценности. Выбор в пользу глагола *weisen* (указать) вместо *zeigen* (показать) в данном случае может быть обусловлен стремлением снизить категоричность высказывания и желанием завоевать доверие юного поколения. Кроме того, в одном контексте спортсмен употребляет понятия *Mut* (мужество), *Herausforderungen* (трудности), *Charakter* (характер), рассуждая о ценностях спорта, и делает переход к социальной жизни, используя словосочетание *außerhalb des Trainings* (вне тренировок). Это свидетельствует о том, что существует взаимосвязь между формированием борца и развитием его качеств в спорте и в социальной жизни. Занимаясь с товарищами по команде, соревнуясь с соперниками, спортсмен обогащает свой опыт общения, учится принимать решения, отвечать за свои поступки: пример (10).

(9) *Judo ist die ideale Sportart, um jungen Menschen den richtigen Weg zu weisen.* – Дзюдо – идеальный вид спорта, который показывает молодым людям правильный путь.

(10) *Im Judo ist außerdem Mut sehr wichtig. Judo bringt Dir bei, Herausforderungen anzugehen und formt den Charakter. Diese Werte sind auch außerhalb des Trainings wichtig.* – Мужество также очень важно в дзюдо. Дзюдо учит преодолевать трудности и формирует характер. Эти ценности важны и вне тренировок.

Традиционно принято рассматривать спорт как соревновательную деятельность, направленную на достижение результатов. Однако спорт тесно связан с образованием, экономикой, культурой и другими сферами общества. Спорт обладает зрелищной функцией, что свидетельствует о взаимосвязи спортивного и *театрального* дискурсов. Под театральным дискурсом принято понимать знаково-символическую деятельность, осуществляемую в публичном коммуникативном пространстве [32, с. 10].

В основе зрелищности спорта лежат эмоциональность, напряжённость, мужественность, бескомпромиссность борьбы. Исход поединка в единоборствах обладает драматизмом в силу непредсказуемости ситуации. Соревнования рассматриваются как эстетически яркие события, с захватывающим сюжетом и непредсказуемостью финала.

Рассмотрение речевого поведения спортсмена через призму театрального дискурса позволяет выделить признак «зрелищность соревнования», что отражают лексемы *spannend* (увлекательный, напряжённый, интригующий), *Dramatik* (драматургия), *Geschichte* (история), *Besonderheiten* (особенности), которые можно отнести к семантическому полю «ТЕАТР». Наличие драматургии свойственно и театральной постановке, и спортивному выступлению. Зрелищность в спорте передаётся через описание упорной борьбы за призовые места.

Элементы *театрального* дискурса «игра» и «шоу» в спорте проявляются в игровом характере спортивного события, в драматизме и непредсказуемости события и вербализуются через лексемы *Dramatik* (драматизм), *spannend* (захватывающий), *Besonderheiten* (особенности) в следующих примерах (11) и (12):

(11) *Aber am spannendsten und an Dramatik kaum zu überbieten war sicher das BL-Finale.* – Но финал Бундеслиги, безусловно, был самым захватывающим и сложным с точки зрения драматизма.

(12) *Jede einzelne Saison schreibt ihre eigene Geschichte und hat ihre eigenen Besonderheiten.* – Каждый сезон пишет свою историю и имеет свои особенности.

Элемент *театрального* дискурса «зритель» обозначает реципиента происходящих событий и через лексемы *Zuseher* (зрители), *Fans* (болельщики) в примере (13). Они являются поддержкой и опорой для спортсмена, показывая свою заинтересованность в победе своих кумиров. Каждый отдельный зритель по своему выражает эмоции и суждения относительно происходящих событий как на сцене, в театре, так и на ковче в борьбе. Рукоплескание, выражение благосклонности, осуждение, выражение критических замечаний, одобрительный смех и аплодисменты или же слёзы от нахлынувших переживаний свойственны и зрителям в театре, и зрителям-болельщикам или зрителям-фанатам на спортивном зрелище. Зрители выполняют две функции: они являются судьями и опорой спортсмена и команды:

(13) *Zuseher und Fans stehen hinter ihren Teams.* – Зрители и болельщики поддерживают свои команды.

Для представления концепта *зрелищность* используются лексемы *cool* (крутой), *Event* (мероприятие), *Sieger* (победитель), *unglaublich* (невероятный), *unbeschreiblich* (не описать словами), *Medienspektakel* (медийное зрелище), как в примерах (14), (15), (16), (17), (18). Представленные лексемы выражают сильное впечатление от происходящих событий, показывая глубину эмпатического переживания от событий, в которых спортсмен участвует в качестве победителя, заставляя читателя и зрителя ощущать сопричастность к его переживаниям, связанным с победой и достижением высоких результатов:

(14) *ein richtig cooler Event* – действительно крутое мероприятие;

(15) *am Ende als Siegerin dastehen* – стать победителем в конце концов;

(16) *einfach nur unglaublich sein* – быть просто невероятным;

(17) *Dass ich Gold sicher habe, war unbeschreiblich.* – Тот факт, что у меня было золото в безопасности, не описать словами.

(18) *sich zu einem regelrechten Medienspektakel entwickeln* – превратиться в настоящее медийное зрелище.

В ходе анализа речевого поведения спортсмена зафиксированы элементы *маркетингового* дискурса: освоение рынка, реклама и продвижение продукта. В примерах (19), (20) лексемы *entsprechend* (соответствующий), *Öffentlichkeitsarbeit* (работа по связям с общественностью), *angemessen* (надлежащим образом), *präsentieren* (представить), *Medien* (средства массовой информации) помогают представить деятельность спортсмена, успешность которой зависит от спортивного имиджа.

(19) *entsprechende BL-Öffentlichkeitsarbeit* – соответствующая работа Бундеслиги по связям с общественностью;

(20) *das Produkt Judo-Bundesliga in den Medien auch angemessen präsentieren* – надлежащим образом представить Бундеслигу по дзюдо в средствах массовой информации.

Элементами спортивного маркетинга являются: поддержка и спонсорство, маркетинг мероприятий, социальные сети, связи с общественностью, из которых важно подчеркнуть аспект поддержки и спонсорства. Финансовым аспектом в занятиях профессиональным спортом является получение призовых средств, заключение спонсорских и рекламных контрактов. Спонсорская деятельность играет ключевую роль в финансировании, являясь материальной поддержкой в сфере профессионального спорта, предоставляя средства для организации и проведения спортивных мероприятий. Рекламные контракты заключаются с определённым спортсменом и они учитывают его талант и опыт, так как именно его образ и репутация способствуют продвижению товаров и услуг. Маркетинговая деятельность спортсмена вербализуется через лексемы *bezahlen* (оплачивать), *Vertrag* (договор), *Manager* (менеджер), *davon leben* (жить на это), *Sponsoren* (спонсоры) в примерах (21) и (22):

(21) *Da habe ich sogar am Anfang noch bezahlt dafür, dass ich da trainieren durfte. Und ja, dann kam es einfach zum Vertrag. Also mein Manager jetzt, derzeitiger Manager, Ivan und Tommi Diakovic, die haben dann gesagt, der Junge hat wahrscheinlich ein bisschen Talent und den nehmen wir unter Vertrag.* – Вначале я даже платил за возможность тренироваться там. И да, затем заключили контракт. Итак, мой нынешний менеджер, Иван и Томми Дьяковичи, они сказали, что у мальчика, вероятно, есть немного таланта, и мы подпишем его.

(22) *Mittlerweile kann ich davon leben. Ich habe gute Sponsoren, einen guten Background. Das ist das Wichtigste in der Sportart.* – Теперь я могу зарабатывать этим на жизнь. У меня хорошие спонсоры, хороший бэкграунд. Это самое главное в спорте.

Многие виды спорта становятся коммерческими. Зрелищность состязаний позволяет спортивным организациям, телевидению и Интернету получить коммерческую выгоду. Ранее спорт был связан с физической подготовкой и здоровым образом жизни, однако со временем спортивные мероприятия стали развлечением и медийным событием. Каждый бой в смешанных единоборствах имеет свою стоимость, а репутация и имидж бойца способствуют зрелищности боя и притоку зрителей, что отражено в примере (23):

(23) *Früher waren die sehr tief, jetzt kannst du so deine fünf bis 15.000 pro Kampf auf jeden Fall verdienen. Kommt drauf an, wie populär du bist, wie gut du dich verkaufst.* – Раньше они (гонорары) были очень низкими, но теперь вы точно сможете заработать от пяти до 15 000 за бой. Зависит от того, насколько вы популярны, насколько хорошо ты продаёшься.

Траты, прибыль, рекламные контракты объединяют спортивный и маркетинговый дискурсы. Маркетинговая деятельность стала неотъемлемой частью физкультурно-спортивных организаций. Основная задача маркетинга заключается в привлечении зрителей, болельщиков, в предоставлении им возможности наблюдать драматическое зрелище, вызывая интерес к развитию событий. Привлечение спонсоров позволяет создать ассоциативную связь между брендом клуба и брендом производителя для получения обоюдной выгоды. Спортсменам сложно обеспечивать свою жизнь лишь занятиями спортом. Продвижение спорта требует личных финансовых вложений для выхода на следующий уровень и установление контактов. Заявление о себе в тех или иных кругах позволяет привлечь заинтересованных лиц, выражающих желание осуществить финансовые вложения в спорт, например:

(24) *Vom Boxen allein kann man nicht leben.* – Одним боксом на жизнь не заработаешь.

(25) *Ganz im Gegenteil, derzeit investiere ich mehr. Überall fallen Kosten an. Die Profi-Lizenz, Arztuntersuchungen, Fahrten zu Trainings-Lehrgängen & Sparrings-Meetings, Finanzierung der Kämpfe, Sport-Ausrüstung, Mitgliedsbeiträge und vieles mehr.* – Напротив, сейчас я инвестирую больше. Везде есть затраты. Профессиональная лицензия, медицинские осмотры, поездки на курсы подготовки и спарринги, финансирование боёв, спортивное оборудование, членские взносы и многое другое.

Публичность, известность, участие в телевизионных передачах, встреча с прессой являются неотъемлемой частью карьеры спортсмена, что необходимо для формирования его медийного имиджа, который строится на работе с прессой и коммуникации с целевой аудиторией, то есть подразумевает работу над формированием типа публичного образа для привлечения впоследствии спонсоров. Имиджевая составляющая вербализуется в речи спортсмена через лексемы

Europameister (чемпион Европы), *Szene* (сцена), *Olympiasieger* (олимпийский чемпион), *anderes Level* (другой уровень), *Fernsehauftritte* (выступления на телевидении), *Olympiasieg* (победа на олимпиаде), *Pressetermine meistern* (легко общаться с прессой), *Dinner und Abendtermine* (встречи и вечерние мероприятия), *Einladungen* (приглашения), что показано в следующем примере:

(26) *Ich war zuvor schon Europameister, daher wurde ich in der Szene bereits gekannt. Als Olympiasieger ist das aber ein völlig anderes Level. Es geht los mit zwei, drei Fernsehauftritten noch am Tag des Olympiasiegs. Und je nachdem, wie gut man diese ersten Pressetermine meistert, geht es zurück in Deutschland weiter. Es gibt unzählige Einladungen zu Dinners, Abendterminen. Das ist eine Eintrittskarte, um Kontakte zu knüpfen. Ich habe unfassbar viele Menschen kennen gelernt.* – Раньше я уже был чемпионом Европы, поэтому в данных кругах меня уже знали. Но быть олимпийским чемпионом – это совсем другой уровень. Всё начинается с двух-трёх выступлений на телевидении в день олимпийской победы. И в зависимости от того, насколько хорошо вы справитесь с этими первыми встречами с прессой. По возвращении в Германию это продолжится. Есть бесчисленное множество приглашений, встречи и вечерние мероприятия. Это входной билет в клуб установления контактов. Я встретил невероятное количество людей.

4. Заключение (Conclusion)

Смена характера речевого поведения спортсмена меняется в зависимости от характера коммуникативной ситуации и включает в себя элементы педагогического, театрального и маркетингового дискурсов. В речи спортсмена зафиксированы элементы, свойственные педагогическому дискурсу: передача знаний, формирование личности, воспитательный аспект формирования характера, привитие ценностей общества, наставничество, получение опыта и его передача подрастающему поколению, взаимодействие с наставником, формирование качеств личности, соблюдение дисциплины.

К аспектам театрального дискурса в речевом поведении спортсмена относятся: оценка и поддержание внимания зрителей, собственные эмоции и их выражение, драматизм, напряжённость протекания события, непредсказуемость, накал борьбы.

Аспектами маркетингового дискурса в речевом поведении спортсмена являются: формирование имиджа, работа с целевой аудиторией, привлечение спонсоров, обеспечение повседневных расходов.

Вышеизложенные факты подтверждают полидискурсивность спортивного дискурса единоборств.

В качестве перспективы для дальнейшего исследования мы видим анализ стратегий и тактик, к которым прибегают субъекты спортивного дискурса для достижения своих полидискурсивных целей.

© В.С. Табакова , 2025

Список литературы

1. Асобина Т.В. Влияние досуга на формирование стратегии жизни российской молодежи: Автореф. канд. ... философск. наук / Т.В. Асобина. - Ростов-на-Дону. 2015. 38 с.
2. Белютин Р.В. Немецкий спортивный дискурс: опыт прагмасемантического и лингвокогнитивного исследования: Диссертация док... филол. наук / Р.В. Белютин. Смоленск. 2019. 485 с.
3. Глушак В.М. Реализация речевой стратегии поддержания имеющегося характера отношений коммуникантов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 1(69). С.60–66.
4. Глушак В.М. Вербализация имидженарушающих интенций в немецком политическом дискурсе/ В.М.Глушак, О.В.Принципалова. Москва.2020. С.92–99.
5. Горбунов А. Г. Дискурс как новая лингвистическая парадигма // Актуальные задачи педагогики: материалы III междунар. науч. конф., фев. 2013 г. Чита: Изд. Молодой учёный, 2013. с.155–158.
6. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспект: монография. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2007. 288 с.

7. Данилова Л.Ю. Современные тенденции развития библиотечно-информационных технологий: материал шестой научно-практической конф., 12-15 октября 2015 г. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2015. С. 100–106.
8. Двойнина А.В. Роль тематико-терминологического словаря в формировании коммуникативной личности спортсмена : на материале терминов спортивных единоборств : Диссертация канд... филол. наук : / А.В. Двойнина. Уфа, 2013. 260 с.
9. Ежова Т.В. К проблеме изучения педагогического дискурса // Вестник ОГУ. Том 1. Гуманитарные науки. 2006. №2. С. 54.
10. Зильберт Б.А., Зильберт А.Б. 2001. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи. В кн.: Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей. Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., МАКС Пресс, вып.17: 45–55.
11. Зильберт, А.Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) / А.Б. Зильберт // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып.19. С. 103–112.
12. Зиянгиров Э.К. Семантические и функционально-стилистические параметры спортивного дискурса: Диссертация канд... филол.наук / Э.К. Зиянгиров. Уфа. 2017. 193 с.
13. Исаева, Л.А. Спортивный дискурс: дискретизация континуума / Л.А. Исаева, Н.Б. Казарина // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2012. С. 188–191.
14. Канашина С.В. Интернет-мем как современный медиадискурс / С.В. Канашина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. №8 (131). С. 125–129.
15. Киселева В.А. Лексико-фразеологическая экспликация концепта футбол в спортивном дискурсе: Автореф. канд. ... филол. наук / В.А. Киселева. Санкт-Петербург. 2009. 25 с.
16. Коротеева О.В. Дефиниция в педагогическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 24 с.
17. Кубрякова Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. М.: Языки славянской культуры, 2004. 555с.
18. Кудрин С.А. Базовые метафоры спортивного дискурса как текстопорождающие модели: Автореф. канд. ... филол. наук / С.А. Кудрин. Москва. 2011. 20 с.
19. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс [Текст] : лингвокогнитивное исследование : монография / Е. Г. Малышева; М-во образования и науки Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2011. 323 с.
20. Марцинкевич И.П. Функциональные характеристики спортивного дискурса / И. П. Марцинкевич. – Мат. Междунар. науч.-практ.конф.«Кросс-культурная коммуникация и современные технологии в исследовании и преподавании языков», гуманитарный факультет БГУ, Минск / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т; редкол. : О. И. Уланович (отв. ред.). Минск: Изд. центр БГУ, 2012. С. 50–53.
21. Миягашев Ф.Ф. Коммуникативное поведение субъектов дискурса спортивных единоборств в США и России // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2018 №1. С. 38-42.
22. Нарчук В.С. Коммуникативная толерантность в социальных сетях на страницах о смешанных единоборствах: когнитивно-прагматический аспект: Диссертация канд... филол. наук / В.С. Нарчук. Красноярск. 2022. 165 с.
23. Олешков М. Ю. Системное обоснование дискурсивной модели: лингвопрагматический подход // Вопросы филологии, № 1 (22), 2006. с. 39–43.
24. Панкратова О.А. Лингвосомиотические характеристики спортивного дискурса: Автореферат канд. ... филол. наук / О.А.Панкратова. Волгоград. 2005. 23 с.
25. Пospelова Ю.Ю. Педагогический дискурс и его характеристики // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 1. С. 307–308.
26. Снятков К.В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса: Автореф. канд. ... филол.наук / К.В. Снятков . Вологда. 2008. 18 с.
27. Темнова Е. В. Современные подходы к изучению дискурса // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 26. М.: МАКС Пресс, 2004. с. 24–32.
28. Трубоченинова А.А. Эмотивность и оценочность в немецком газетном спортивном дискурсе: Автореф. канд. ... филол. наук / А.А. Трубоченинова. Москва. 2006. 24 с.
29. Филимонова Е.П. Реализация спортивного дискурса в интернет-коммуникации: когнитивно-прагматический аспект: Автореф. канд. ... филол. наук / Е.П. Филимонова. Майкоп. 2019. 20 с.
30. Шарафутдинова С.В. Формирование социальной оценки в дискурсе СМИ: на материале спортивного дискурса: Автореф. канд. ... филол. наук / С.В. Шарафутдинова. Ижевск, 2010. 26 с.
31. Шевченко А. С. Театральный дискурс: структура, жанры, особенности лингвистической репрезентации: на примере русского, английского, бурятского языков: Автореф. канд. ... филол. наук / А.С.Шевченко. Санкт-Петербург. 2012. 20 с.
32. Habscheid, St. Text und Diskurs / St. Habscheid. 1. Auflage. Stuttgart: UTB GmbH, 2010. 122 S.

References

1. Asobina, T.V. *Vlianie dosuga na formirovanie strategii zhizni rossiiskoi molodezhi* [The influence of leisure on the formation of the life strategy of Russian youth] . Avtoreferat diss. kand.filosofsk. nauk. / T.V. Asobina. Rostov-na-Donu. 2015. 38 s.
2. Belutin, R.V. *Nemetskii sportivnyi diskurs: opyt pragmasemanticheskogo i lingvokognitivnogo issledovaniia* [German sports discourse: an attempt at pragmasemantic and linguacognitive research]. Diss. d-ra filol. nauk. Smolensk. 2019. 485 s.

3. Glushak, V.M. Realizatsiia rechevoi strategii podderzhaniia imeiushchegosia karaktera otnoshenii kommunikantov [Implementation of a speech strategy to maintain the existing nature of the relationship between communicants] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. № 1(69). 2009. S.60–66.
4. Glushak, V.M., Printsipalova, O.V. Verbalizatsiia imidzhenarushaiushchich intentsii v nemetskom politicheskom diskurse [Verbalization of image-violating intentions in German political discourse]. // *Issues of cognitive linguistics*, 2020. №4. P.92–99.
5. Gorbunov, A.G. Diskurs kak novaia lingvisticheskaia paradigma [Discourse as a new linguistic paradigm]. / A.G. Gorbunov. // *Actual tasks of pedagogy: materials of the III international scientific conference*, Chita, February, 2013/ Publishing House Young scientist, 2013. P.155–158.
6. Grigor`eva, V.S. *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskii i kognitivnyi aspekt; monografiia* [Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspect] / V.S. Grigor`eva. Tambov; Izd-vo TGTU, 2007. 288 p.
7. Danilova, L.Iu. Sovremennye tendentsii razvitiia bibliotechno-informatsionnykh tekhnologii [Modern trends in the development of library and information technologies]. / L.Iu.Danilova. // *Materials of the sixth scientific and practical conference*, Khabarovsk, October 12-15, 2015 / Publishing house of Pacific National University, 2015. P. 100–106.
8. Dvoynina, A.V. *Rol` tematiko-terminologicheskogo slovaria v formirovanii kommunikativnoi lichnosti sportsmena : na materiale terminov sportivnykh edinoborstv* [The role of thematic and terminological dictionary in the formation of the communicative personality of an athlete: based on the terms of combat sports]. Diss...kand. filol. nauk / A.V. Dvoynina. Ufa, 2013. 260 s.
9. Ezhova, T.V. K probleme izucheniia pedagogicheskogo diskursa [On the problem of studying pedagogical discourse] // *Vestnik OGU. Gumanitarnye nauki*. 2006. №2. 2006. S. 54.
10. Zil`bert, B.A., Zil`bert A.B. Sportivny diskurs: bazovye poniatia i kategorii; issledovatel`skie zadachi [Sports discourse: basic concepts and categories; research tasks] // *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia : Sbornik statei* [Language, consciousness, communication: Collection of Articles]. 2001. No17. P. 45–55.
11. Zil`bert, A.B. Sportivnyi diskurs: tochki peresecheniia s drugimi diskursami (problemy intertekstual`nosti) [Sports discourse: points of intersection with other discourses (problems of intertextuality)] // *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia: Sbornik statei* [Language, consciousness, communication: Collection of Articles]. 2001. No19. P.103–112.
12. Ziiangirov, E.K. Semanticheskie i funktsional`no-stilisticheskie parametry sportivnogo diskursa [Semantic and functional-stylistic parameters of sports discourse]. Diss... kand. filol.nauk. / E.K. Ziiangirov. Ufa, 2017. 193 s.
13. Isaeva, L.A. Sportivnyi diskurs: diskretizatsiia kontinuum [Sports Discourse: Discretization of the Continuum] // *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie*. 2012. Ser. 2. 2012. S. 188–191.
14. Kanashina, S.V. Internet-mem kak sovremennyi mediadiskurs [Internet meme as a modern media discourse] // *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2018. №8 (131). 2018. S. 125–129.
15. Kiseleva, V.A. *Leksiko-frazeologicheskaiia eksplikatsiia kontsepta futbol v sportivnom diskurse* [Lexical and Phraseological Explication of the Concept Football in Sports Discourse]. Avtoreferat diss.... kand. filol. nauk. / V.A. Kiseleva. Sankt-Peterburg, 2009. 25 s.
16. Koroteeva, O.V. *Definitsiia v pedagogicheskome diskurse* [Definition in pedagogical discourse]. Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk. / O.V.Koroteeva. Volgograd. 1999. 24 s.
17. Kubryakova, E. S. *Iazyk i znanie* [Language and knowledge]/ E. S. Kubryakova. M.: Yazyki slavianskoi kul`tury, 2004. 555p.
18. Kudrin, S.A. *Bazovye metafory sportivnogo diskursa kak tekstoporozhdaiushchie modeli* [Basic Metaphors of Sports Discourse as Text-Generating Models]. Avtoreferat diss.... kand. filol. nauk. / S.A. Kudrin. Moskva. 2011. 20 s.
19. Malysheva, E.G. *Russkii sportivnyi diskurs: lingvokognitivnoe issledovanie; monografiia* [Russian sports discourse: a linguacognitive study] / E. G. Malysheva. Omsk; Izd-vo Omskogo gos. un-ta, 2011. 323 p.
20. Martsinkevich, I.P. Funktsional`nye karakteristiki sportivnogo diskursa [Functional characteristics of sports discourse]. / I. P. Martsinkevich. // *Proceedings of the International scientific and practical conference "Cross-cultural communication and modern technologies in research and teaching of languages"*, Minsk, 2012/ Editorial board: O. I. Ulanovich (editor-in-chief). Minsk: Publishing Center of the Belarusian State University, 2012. P. 50–53.
21. Miiagashev, F.F., Burmakina N.G. Kommunikativnoe povedenie sub`ektov diskursa sportivnykh edinoborstv v SSHA i Rossii [Communicative behavior of subjects of combat sports discourse in the USA and Russia] // *Vestnik YuUrGU. Lingvistika*. 2018. №1. 2018. S. 38–42.
22. Narchuk, V.S. *Kommunikativnaia tolerantnost` v sotsial`nykh setiakh na stranitsach o smeshanykh edinoborstvach: kognitivno-pragmaticheskii aspekt* [Communicative Tolerance in Social Networks on Mixed Martial Arts Pages: Cognitive-Pragmatic Aspect]. Diss... kand. filol. nauk. / V.S. Narchuk. Krasnoiarsk, 2022. 165 s.
23. Oleshkov, M.Iu. Sistemnoe obosnovanie diskursivnoi modeli: lingvopragmaticheskii podchod [Systematic justification of the discursive model: linguopragmatic approach]. // *Voprosy Filologii*, 2006. № 1 (22). P. 39–43.
24. Pankratova, O.A. *Lingvosemioticheskie kharakteristiki sportivnogo diskursa* [Semio-linguistic characteristics of sports discourse]. Avtoreferat diss....kand. filol. nauk. / O.A.Pankratova. Volgograd. 2005. 23 s.
25. Pospelova, Iu.Iu. Pedagogicheskii diskurs i ego kharakteristiki [Pedagogical discourse and its characteristics] // *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 2009. № 1. 2009. S.307–308.
26. Sniatkov, K.V. *Kommunikativno-pragmaticheskie kharakteristiki televizionnogo sportivnogo diskursa* [Communicative and pragmatic characteristics of television sports discourse]. Avtoreferat diss.... kand. filol.nauk. / K.V. Sniatkov. Vologda. 2008. 18 s.
27. Temnova, E.V. Sovremennye podkhody k izucheniuu diskursa [Modern approaches to the study of discourse] // *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia: Sbornik statei* [Language, consciousness, communication: Collection of Articles.]. 2004. No26. P. 24–32.
28. Trubcheninova, A.A. *Emotivnost` i otsenochnost` v nemetskom gazetnom sportivnom diskurse* [Emotionality and evaluativeness in German newspaper sports discourse]. Avtoreferat diss.... kand. filol. nauk. / A.A. Trubcheninova. Moskva. 2006. 24 s.

29. Filimonova, E.P. *Realizatsiia sportivnogo diskursa v internet-kommunikatsii: kognitivno-pragmaticheskii aspekt* [Implementation of sports discourse in Internet communication: cognitive-pragmatic aspect]. Avtoreferat diss.... kand. filol. nauk. / E.P. Filimonova. Maikop. 2019. 20 s.
30. Sharafutdinova, S.V. *Formirovanie sotsial'noi otsenki v diskurse SMI: na materiale sportivnogo diskursa* [Formation of social assessment in media discourse: based on sports discourse]. Avtoreferat diss.... kand. filol. nauk. / S.V. Sharafutdinova. Izhevsk. 2010. 26 s.
31. Shevchenko, A.S. *Teatral'ny diskurs: struktura, zhanry, osobennosti lingvisticheskoi reprezentatsii: na primere russkogo, angliiskogo, buriatskogo iazykov* [Theatrical discourse: structure, genres, features of linguistic representation: on the example of Russian, English, Buryat languages]. Avtoreferat diss.... kand. filol. nauk. / A.S. Shevchenko. Sankt-Peterburg. 2012. 20 s.
32. Habscheid, St. *Text und Diskurs* / St. Habscheid. 1. Auflage. Stuttgart: UTB GmbH, 2010. 122 S.

Сведения об авторе:

Табакова Виктория Сергеевна – преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: спортивный дискурс, речевое поведение, единоборства.
E-mail: vika-tabakova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-8568-5154

About the author:

Viktoriiia Tabakova is Teacher of the Department of the German Language, MGIMO. Spheres of research and professional interests: sports discourse, speech behavior, martial arts.
E-mail: vika-tabakova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-8568-5154

* * *